

КОНФЕРЕНЦИЯ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»,
организованной при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-01-14001)
и Президиума РАН
и научно-методическом содействии
Отделения историко-филологических наук РАН

И. С. Агафонов (Москва)

К ВОПРОСУ О НОВГОРОДСКОЙ ЗНАМЕНСКОЙ ЛЕГЕНДЕ¹

События, связанные с осадой Новгорода в 1170 г. войсками, посланными Андреем Боголюбским, и легенда о чуде от иконы Богоматери Знамение неоднократно привлекали внимание исследователей, но многое до сих пор остается дискуссионным. В данной работе хотелось бы коснуться одного из таких спорных вопросов — выбора конкретного образа новгородцами, водрузившими его на острог для защиты от неприятельских войск.

Исследователи либо говорят о случайности этого выбора, либо выражают сомнение в том, что речь шла именно о той иконе, которая ныне почитается как чудотворная, спасшая Новгород (В. Л. Янин). В свое время П. Л. Гусев, а сегодня Э. А. Гордиенко и А. А. Гиппиус считают, что эта икона была хорошо известна и даже прославлена ранее. В частности, А. А. Гиппиус в ходе анализа новгородских серебряных кратиров пришел к мысли, что икона могла быть дарована боярином Петром Михалковичем новгородской церкви в честь свадьбы его дочери и князя Мстислава Юрьевича в 1156 г.

Известно, что имя «Знамение» икона получила на Руси, но, конечно, данная иконография была известна в Византии не позднее XI в. Почитание подобных икон фиксируется в Венеции и на Балканах, среди них могли быть и чудотворные, которые копировались.

Новгородская икона Богоматери Знамение имеет отверстия на обороте, в которые, видимо, были вложены замастикованные ковчеги с мощами. Как показано И. А. Стерлиговой, это могли быть частицы пояса и омофора Богородицы — святыни, непосредственно связанные с чудом во Влахернах в 860 г. Во всяком случае, сам факт того, что икона являлась мощеносной, не оставляет сомнений. И. А. Шалина указывает на зависимость иконографии Знамения от иконографии Богородицы Эпискепсис (греч. Επίσκεψις — поручение, свидетельство), выражавшей идею защиты и заступничества, где Богородица выступает «поручительницей» за христиан перед Богом.

Об изначальном местоположении иконы с определенностью говорить трудно. Известия о нахождении иконы в церкви Спаса на Ильиной улице появляются только в нелетописных памятниках XV в. Незадолго до рассказа о рассматриваемом событии — в статье 6675 г. — в НПЛ говорится, что новгородцы «уловавъше святую Богородицю», отказываясь от князя Святослава Ростиславича, после чего послали в Киев к Мстиславу «по сынъ»². Очевидно, что целование должно было происходить в кафедральном соборе, а икона, весьма вероятно, и была Знамением. Таким образом, икона, скорее всего, пребывала в Софийском соборе.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00010.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 32.

Что же касается влахернской традиции, то определенные корреляции наблюдаются и в текстах. В Софийской I летописи сюжет чудесной помощи ризы Богоматери в 626 г. имеет подробность, которая перекликается со Знаменской легендой: как и при осаде Новгорода, враги города «ослепоша». Источником этого сюжета считается Еллинский летописец, откуда текст попал в Новгородско-Софийский свод (О. В. Творогов). Мотив ослепления врагов отсутствует в рассказе о Влахернском чуде в проповеди Феодора Синкелла, описывающей нашествие аваров на Константинополь в 626 г. Победа там приписывается заступлению Богородицы, которая «потопила их моноксили вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах»³. Однако здесь обнаруживается другое сходство: Феофан Исповедник говорит, что город был спасен «благодаря Божией помощи, могуществу и заступничеству Непорочной Девы Богоматери»⁴. В рассказе НПЛ также утверждается, что новгородцы победили сузальцев «силою крестьяною и святою Богородицею»⁵.

Сходные выражения присутствуют и в византийских повествованиях о чудесном спасении Константинополя в 860 г. Так, патриарх Фотий во Второй гомилии говорит, что «пресвятое облачение» Богоматери «обошло стены» и враги ушли от города⁶. «Предстательством Всеславнейшей Богородицы» спасен город согласно Малым хроникам⁷. Кроме того, в XII в. в Новгороде уже было известно Житие Андрея Юрьевского, согласно которому блаженный Андрей перед нашествием русов в 860 г. видел Богородицу, плачущую и молящуюся. Она вошла в алтарь и оттуда распростерла над молящимися людьми своей омофор, чем оградила Константинополь.

Таким образом, перечисленные, пусть и косвенные, данные позволяют предполагать, что новгородская икона Знамение была почитаема и до 1170 г., а усматриваемая связь с Влахернской традицией делает перспективным это направление изучения истории Знаменского культа. В частности, появляется объяснение, почему новгородцы именно эту икону вынесли на острог, надеясь на ее заступление во время осады города неприятелем.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 87.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / Сост. М. В. Бибиков. М., 2010. С. 115.

⁵ НПЛ. С. 33.

⁶ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. М., 2003. С. 60.

⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 184.

С. Н. Азбелев (Санкт-Петербург)

ГЕОГРАФИЯ СРАЖЕНИЯ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Согласно русским письменным источникам XIV–XVI в. знаменитая битва 1380 г. происходила за Доном, в чистом поле, «на усть Непрядвы реки»¹. При впадении же Непрядвы в Дон, как теперь выяснено, в то время на левом ее берегу рос лес, а на правом была лесостепь, имевшая лишь небольшие открытые участки. Ни на одной из таких полян не могло бы уместиться значительное количество участников сражения. Но летописи сообщают о двух сотнях тысяч в одном только русском войске, которое было развернуто на протяжении десяти верст. Немецкая хроника того времени писала о победе русских над татарами в побоище, где участвовало с обеих сторон четыреста тысяч. Немецкий историк XV в. Альберт Кранц, описывая Куликовскую битву, сообщал, что в ней погибло двести тысяч.

Нынешние историки отважились утверждать, что русские и иноземные письменные источники многократно преувеличили и масштаб сражения, и количество войск. Тульским археологам, десять лет производившим свою работу около впадения Непрядвы в Дон, такое утверждение позволяет объяснять крайнюю малозначительность найденных ими фрагментов оружия и полное отсутствие следов массовых захоронений. Руководители раскопок в интервью для московской прессы стали говорить, что речь должна идти не о крупном сражении, а о стычке относительно небольших конных отрядов — «от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны» [Нескучный сад, с. 96].

В Туле музей-заповедник «Куликово поле» издал посвященную этому полю энциклопедию, где говорится, что «по последним научным данным русские войска выстроились... занимая фронт не более полутора километров» [Куликово поле, с. 316–317].

¹ ГСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 134.

Вне поля зрения как нынешних, так и прежних историков Куликовской битвы оставался немаловажный факт: словом «устье» обозначали исток реки из озера. Такое словоупотребление документировано в Новгородской первой летописи старшего извода по рукописи XIV в.: «поставиша город на усть Невы, на Ореховом острове»² (имеется в виду Орешек, ныне Шлиссельбург). Об этом писал еще сто лет назад академик И. И. Срезневский в своем словаре древнерусского языка, который был переиздан в Москве в 1958 г. Средневековые источники зафиксировали употребление термина «устье» в этом значении и применительно к истокам других рек: Шексны из Белого озера, Сухоны из Кубенского озера.

Река Непрядва некогда вытекала из существующего еще и ныне Волова озера до его обмеления — оставив около него сохранившееся русло прежнего своего верховья. Соответственно, сражение 1380 г. произошло вблизи тогдашнего истока («устья») Непрядвы, который находился в центральной части обширного Куликова поля — на расстоянии около 50 километров от впадения этой реки в Дон. Форсирование же Дона русскими войсками произошло не ниже впадения в него Непрядвы, как это ныне считается исходя только из традиционного представления о месте битвы, а ближе к центру Куликова поля, где Старая Данковская дорога подходила к Дону.

Неосновательно было бы предполагать, что лес некогда покрывал все левобережье Непрядвы вплоть до ее истока и на многие километры в глубь Куликова поля. Сплошное изучение его почв для определения возможных в прошлом лесных участков проводилось только на небольшом пространстве в низовьях этой реки, так как все поиски места битвы были основаны лишь на теперешнем понимании слов «устье Непрядвы».

Историкам Куликовской битвы следует быть более внимательными к летописным свидетельствам об этом событии, учитывая историю русского языка. Тульским археологам стоило бы направить главные усилия не на обследование периферии, а на центральную часть Куликова поля, то есть туда, где на самом деле произошло великое сражение 1380 г.

² ГСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 97.

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)

СИНОДИКИ МОСКОВСКИХ ЧУДОВА И БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЕЙ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

Синодики являются ценными и информативными источниками по социальному-экономической, политической и культурной истории Средневековой России. Развитие поминальной практики в России к XVII в. достигло своего апогея. Помянники и вкладные книги крупных монастырей приобрели вид книг большого размера, насчитывающих сотни страниц, на которых содержались записи о многих тысячах поминаемых.

Выдающимися памятниками являются синодики-помянники московских Чудова и Богоявленского монастырей. Кремлевский Чудов монастырь находился на расстоянии нескольких сот метров от Богоявленского монастыря «за ветошим рядом». Это обстоятельство, казалось бы, должно было обуславливать сравнительную однородность социальной среды вкладчиков и монашеской братии. Наблюдения над содержанием обоих помянников вносят серьезные коррективы в эти представления. Синодик Чудова монастыря (РНБ. Ф. IV. 194) насчитывает 342 листа. Синодик Богоявленского монастыря (Ф. IV. 196) — 290 листов. Оба синодика содержат поминания сотен родов правящей верхушки московского государства, деятелей приказного аппарата, духовенства, дворян, купцов и ремесленников, вовлеченных в орбиту притяжения столицы. Сравнительный анализ обоих синодиков позволяет проследить особенности формирования среды вкладчиков, различия в их фамильном составе. В обоих синодиках сохранились одни из самых полных и информативных списков Синодика опальных. Выявленные различия между списками позволяют поставить вопрос о специфике усвоения двумя московскими обителями делопроизводственных материалов, подготовленных в канцелярии царя Ивана IV, о подвергшихся избиению в период опричнины. Различия обнаруживаются и между списками «Синодика убиенных под Конотопом», хотя в них и фигурируют имена представителей одной и той же Костромской дворянской корпорации.

Представляется, что подготовка синодиков-помянников к публикации не только станет важным вкладом в исследование поминальной практики столичных монастырей, но и будет способствовать изучению служилого общества Московского государства на протяжении двух столетий.

С. В. Алпатов (Москва)

«СРЕБРУ ПОКАРЯЮТСЯ ВСЯЧЕСКАЯ»: ЛИХОИМСТВО В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XVII–XVIII в.

Известные слова апостола Павла: «ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы... Царствия Божия не наследят» (1 Кор 6: 10) — стали не только лейтмотивом средневековых обличений сребролюбия¹, но и сюжетом ряда художественных произведений древнерусской литературы и фольклора, прежде всего — повести XV в. «О новгородском посаднике Щиле» [Еремин, Гуревич].

В XVII столетии тема посмертного воздаяния за грех ростовщичества получает дальнейшую разработку в сказании «О некоем купце лихоимце» [Демкова, с. 176–182], несомненно испытавшем влияние народных легендарных сказок СУС 677** «Скрипач в аду», 761А «Богач в аду» и 756В «Кумова кровать»², а также в многочисленных списках, лубочных тиражах и устных пересказах глав 59–62 «Великого Зерцала» («О лакомстве и лихоимстве», «О смерти некоего богатого», «Повесть о некоем немилостивом человеке, любителе века сего», «Страшное сказание») [Державина, с. 123–126, 223–224].

Подобно европейской культуре XVII–XVIII столетий, выработавшей новую «этику» предпринимательства [Вебер, с. 44–271], русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени сталкивается с необходимостью переосмысливания традиционного взгляда на кредитно-финансовые операции как на заведомый грех не только в рамках светского социокультурного дискурса, но и в структуре религиозного мировидения старообрядцев [Расков].

В данном контексте особенно интересно рассмотреть Слово Андрея Денисова «О сребролюбии»³, tolkующего ветхозаветную цитату «Сребру покаряются всяческая» (Еккл 10: 19). Признавая очевидную власть («кому богатии служат... кому вельможи работают... кому судии повинуются») и даже пользу («и бедство кое случится, сребро скоро избавит... яко же народная глаголет паремия: собирай пенязи, и егда беда приидет, пенязи в беду верзи, сам же мимо иди») денег в делах мира сего, проповедник утверждает в итоге приоритет ценностей духовных: «сребро вещественное с верою в пещь напастей ввержем да пречудное наше злато, Христос, с нами вечно пребудет»⁴.

Указанные отечественные и переводные западноевропейские воплощения сюжетов о загробной участи лихоимцев XVII — середины XVIII в., несомненно, послужили концептуальным и текстовым фоном для разработки той же темы в авторской литературе и анонимной рукописной сатире второй половины XVIII — начала XIX в.: эпиграмма А. Сумарокова «По смерти откупщик...», басня А. Нахимова «Откупщик и Харон», июльский номер «Адской почты» Ф. Эмина и наследующая им «Газета из ада» [Алпатов].

Литература

- Алпатов С. В. «Газета из ада»: фольклорные механизмы рукописной сатиры XVIII–XX вв. // Тверское поле — 2010: доклады и публикации / Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь, 2011. С. 138–141.
- Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле // ТОДРЛ. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 59–151.
- Гуревич А. Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. 1990. Личность и общество. М., 1990. С. 97–131.
- Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб., 1997.
- Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
- Вебер М. Избранные произведения / Сост. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.
- Расков Д. Е. «О процентной добыче и лихоимании»: отношение к проценту в хозяйственной этике староверов // Старообрядчество в России XVII века / Сост. Е. М. Юхименко. М., 2010. Вып. 4. С. 635–673.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002.

¹ Беседа Василия Великого «еже от Луки святаго евангелия: разорю житница моя и болша созижду и о лихоимстве»; слова Иоанна Златоустого «о лихоимстве» («Златоструй», глава 65) и «о емлющих резы на сиротах» (Пролог, 27 мая); «о лихоимании» (Пандекты инока Антиоха); «о творящих милостыни от неправды» (Пандекты Никона Черногорца) и др.

² Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

³ Указано в составе Поморского Торжественника III редакции [Юхименко, с. 450].

⁴ Цит. по рукоп. РГБ. Ф. 17 (Собрание Барсова). № 259. Пчела. XIX в. Л. 231–239.

B. P. Аникин (Москва)

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ФОЛЬКЛОРА

Историко-хронологическое приурочение фольклора остается нерешенной проблемой. После критики неудачных академических решений вопроса в науке XIX — начала XX в. эта проблематика редко занимала специалистов. Преимущественно имели место оценка и разбор «стадиальных» хронологических решений, предложенных в свое время сторонниками мифологической языковедческой концепции, теории заимствования и концепции всемирного культурного универсализма. Имел место и несомненный скептицизм, получивший распространение в науке о фольклоре, а равно и у историков культуры: прошлое человечества грозило навсегда оставаться загадкой. Доступным толкованию стало только недавнее и только эмпирическое. Сомнения вызвало даже намерение восстановить в правах хронологические ориентиры, основанные на привлечении прежде всего имен персонажей и бытовых примет. При всем том анализ конкретностей, по сути дела, оставался едва ли не единственным путем, идя по которому можно было решать проблемы хронологии фольклора. Что же касается широких типологических характеристик и установлений «стадий» в истории развития фольклора, то они, что естественно, не заменили собой решений вопросов конкретного историзма, в чем так нуждалась наука о фольклоре. Замечу лишь, что не следует недооценивать и значения общих стадиальных построений для уяснения истории фольклора. Время показало, как это важно в современной науке.

Для подтверждения высказанных соображений не окажется лишним даже анализ того, что считают «за-умью» в фольклоре. Порой ее разбор открывает пути для хронологического приурочения фольклора. В этом отношении показателен анализ фольклорной образности загадок. Только на поверхностный взгляд он лежит за пределами возможности хронологических приурочений фольклора. Древняя традиция загадок восходит к «подставным» словам тайной речи, которая заменяла обычную в особых жизненных условиях: у мужчин в лесу, на охоте, на промыслах, в семейном и бытовом обиходе женщин — вообще, когда человеку надо было скрыть свои намерения и действия и он прибегал к иносказаниям. И область таких обозначений в «тайном» языке очень широка. Нет ничего удивительного в том, что условная речь распространилась на многие предметы и явления быта, труда, на явления природы, небесные явления и проч. Несомненно, именно с «подставными» словами, заменявшими обычные, связана народная загадка с ее нередкой странной образностью. Все положения излагаемой «теории» происхождения загадок высказаны автором давно, еще в 1957 г., и развивались им в последующее время. Соображения этого рода и гипотезы вызвали поддержку у многих специалистов, вошли в научный и учебный обиход. Отмечу, что такое объяснение исключает толкование загадок как досужего произвола и простого проявления ничем не сдерживаемой словесной игры. В вымысле загадок нет произвола. Загадка, как вообще весь фольклор, отмечена печатью древнейших традиций. С этим связана возможность хронологических датировок. Примером может служить загадка о домашнем коте. Ее разбор может убедить в том, что при всем своем странном характере она поддается историко-временному приурочению. Такова загадка: «Тур-потутур, //Потуторившись сидит, //Ждет гостей из Нова-города»¹. Малопонятное «Тур-потутур» в варианте, записанном там же, в Самарском крае, заменено на «Тут-тут» и указан только один «гость». Перемена слов говорит о том, что в бытовании загадки имело место обыкновенное забвение прежнего смысла. Это естественно. Время делает свое дело. Но остается понятным, что именование кота «туром» соответствует смыслу загадки: тур-кот, гроза мышей, притаился и ждет добычи. Всё в иносказании загадки исторично: тур-кот сторожит, ждет мышей, а мыши называны новгородскими гостями («из Нова-города»). Простейшая историческая справка делает понятным это образное сравнение. «Туром» в древней Руси именовали воина, отважного и решительного: так был назван «буй тур Всеволод» в «Слове о полку Игореве». Исторически реальна и ситуация: тур-кот, потутутившийся (притаившийся), ожидает новгородских гостей. Картина аналогична нередкому реальному нападению князей на новгородских гостей-купцов. Невыдуманные гости-купцы из Новгорода ездили в Поволжье и другие южные края, чтобы менять новгородские товары (изделия ремесленников) на хлеб. Скупая новгородская земля кормила плохо. Своего хлеба не хватало. Алчные князья пользовались этим обстоятельством и не гнушались разбоем. В загадке представлены реальные отношения южных князей и новгородских гостей-купцов. У нас есть все основания отнести

¹ Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Составил Д. Н. Садовников. М., 1995. № 920.

загадку, ставшую нам известной в поздней записи, к временам враждебных отношений между южной и новгородской Русью.

Подобные трактовки фольклора еще далеко не исчерпаны. Разыскания в области объяснения «темных» мест в устном творчестве могут иметь продолжение и, несомненно, приведут к открытиям аналогичного рода и тем умножат наше знание о древней культуре Руси и значении в ней фольклора. Чтобы эта работа шла успешнее, необходимы разнообразные исторические исследования, анализ с многосторонним учетом разных факторов. Нельзя считать прошлое устной поэтической культуры Руси областью, которую навсегда заволокла тьма минувших времен. В этой области фольклористики прежде всего недостает конкретных разысканий. Со временем, когда будет накоплено достаточное количество конкретных данных, станет возможным широкое общее построение истории старинной русской культуры.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург)

ЕВХОЛОГИЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ В СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ НАЧАЛА XV в.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Евхологий Великой церкви — богослужебная книга, использовавшаяся в храме св. Софии Константинопольской. Богослужение в нем имело специфические особенности в силу того, что это был императорский храм и там совершались патриаршие обряды: коронование императора и патриаршее рукоположение. В св. Софии по-другому происходили службы суточного круга: часов, вечерни, полунощницы, утрени — так называемое Песненное последование. В греческой письменности известны две рукописи Евхология Великой церкви: Paris, Coislin.gr. 213 XI в. и Grottaferrata, Г.β.I XIII в. [Parenti, Velkovska, с. 174–196].

Существует славянский перевод Евхология Великой церкви. Он сохранился в двух пергаменных списках начала XV в. ГИМ. Син. 675 и Син. 900. Эти две рукописи были подробно описаны А. В. Горским и К. И. Невоструевым [Горский, Невоструев, с. 128–153], но в дальнейшем почти не привлекали внимания исследователей. В работах М. Н. Скабаллановича и М. Лисицына фигурирует рукопись Син. 675 при описании особенностей богослужения Песенного последования [Скабалланович, с. 377–388; Лисицын, с. X]. Только в работах Мигеля Арранца эти рукописи отождествляются с Евхологием Великой церкви, но рассматриваются как факультативное приложение к Служебнику внутри Требника [Арранц 1979, с. 22]. Им же публикуются молитвы, относящиеся к суточному кругу богослужения, по Син. 675, который ошибочно связывается им с требником митрополита Киприана [Арранц 2003, с. 591–674]. Традиционно требником митрополита Киприана считаются рукописи Син. 326 и Син. 268 [Мансветов, с. 45–66].

У А. В. Горского и К. И. Невоструева указано, что рукопись Син. 675 содержит сербские черты в орфографии, что дало основание считать перевод памятника сербским [Желтов, с. 469, примеч. 11]. Просмотр рукописей показал, что так называемые черты сербского протографа — не что иное, как «второе южнославянское влияние». Южнославянские черты в орфографии кодекса не свидетельствуют о том, что у него был южнославянский протограф, потому что орфография характеризует только список текста, но не сам текст. Локализация перевода осуществляется на уровне лексики и синтаксиса при сличении с греческим оригиналом. Как показало изучение некоторых текстов, входящих в данный Евхологий, перевод его не является древним. По технике перевода памятника можно судить, что он опирается на нормы киприановских редакций богослужебных книг. Это проявляется в регулярном употреблении конструкции во еже + инфинитив для придаточных целей, переводах греческих артиклей через еже, употреблении послелога ради как предлога. Греческое слово βασιλεύς в значении «земной правитель» переводится как князь, что говорит об ориентации служб на русские исторические реалии.

Ни одна из служб и молитв из этого Евхология не встречается в южнославянских служебниках и требниках. Данный факт является очень показательным, потому что русская литургическая традиция XI–XIV в. формируется на основе южнославянской и вторична по отношению к ней. Как известно, весь корпус богослужебных текстов, переведенный на Афоне и в Тырновской книжной школе в XIV в., оказался на Руси в полном объеме и переписывался в течение XV–XVI в. в южнославянской и молдовлахийской письменности. Поскольку следов этого перевода Евхология нет у южных славян, можно предположить,

что он был переведен на Руси после турецкого завоевания Балкан. Действительно, в южнославянской письменности с рубежа XIV—XV в. литургическая традиция сильно консервируется, и служебники XV и XVI в. воспроизводят одни и те же тексты — афонские редакции служб, созданные в XIV в., и никаких нововведений в них не наблюдается.

До сих пор неизвестно, когда, где и для каких целей был создан этот памятник. Нам представляется, что Евхологий Великой церкви мог быть переведен на Руси после Киприана, при митрополите-греке Фотии (1408–1431 г.). Митрополичество Фотия пришлось на время правления великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425 г.), выдавшего свою старшую dochь Анну (1393–1417) за Иоанна — старшего сына византийского императора Мануила. Этот брак был очень выгоден Мануилу и чрезвычайно льстил великому князю. Митрополит Фотий венчал этот брак в 1411 г. (по другим данным, в 1414 г.). Сближение с императорским двором и амбиции великого князя, по-видимому, были одной из причин перевода Евхология Великой церкви и попытки внедрить константинопольское кафедральное богослужение в Успенском соборе Московского Кремля. Однако Анна была царевной недолго и через три года умерла во время мора в Константинополе [Голубинский, с. 366–368].

Перевод Евхология, возможно, осуществляли спрашивчики, работавшие при митрополите Киприане, и Фотий продолжал использовать уже сложившийся коллектив для новых литургических переводов. Славянская версия Евхология Великой церкви не во всем совпадает с греческой в двух указанных выше списках, и не все тексты вошли в нее. В ней значительную часть занимают тексты, которые ранее не были известны в русском богослужении: особые заамвонные молитвы [Слуцкий, с. 184–211], чины принятия еретиков, особые чины Страстной седмицы, однако не были переведены, например, чины хиротоний.

Как показывает дальнейшая русская рукописная традиция служебников и требников, большинство текстов из этой богослужебной книги на Руси не прижились и вышли из обращения: они не переписываются и известны только в данных двух рукописях. Таким образом, Евхологий Великой церкви существовал на Руси весьма недолгое время: после захвата Константинополя турками в 1453 г. литургическая практика Великой церкви уже не имела прежнего авторитета и необходимость в копировании этого памятника отпала.

Таким образом, Син. № 675 и Син. 900 являются списками, современными переводу Евхология Великой церкви — важнейшего памятника для исследования русских богослужебных традиций и церковнославянского языка эпохи Средневековья.

Литература

- Аррану М. Как молились Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского Евхология. Л., 1979.
- Аррану М. Избранные сочинения по литургике. Т. III. Евхологий Константинополя в начале века и Песненное последование по требнику митрополита Киприана. М., 2003.
- Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1900. Т. II. Ч. 1.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869. С. 128–153.
- Желтов М. С. Чины вечерни и утрени в древнерусских служебниках Студийской эпохи // Богословские труды. 2012. Вып. 43–44. С. 443–470.
- Лисицын М. Первоначальный Славяно-русский Типикон. СПб., 1911.
- Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882.
- Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Киев, 1910.
- Слуцкий А. С. Заамвонные молитвы в рукописных славянских служебниках // Byzantinorossica. 2005. Вып. 3. С. 184–211.
- Parenti S., Velkovska E. A Thirteenth Century Manuscript of the Constantinopolitan Euchology: Crottaferrata Г.В.И, Alias of Cardinal Bessarion // Bollettino della badia greca di Grottaferrata. 2007. Ser. III. Vol. 4. P. 175–196.

Г. С. Баранкова (Москва)

СБОРНИКИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, ОБРАЩЕННЫЕ К ИЕРЕЯМ И МИРЯНАМ

Среди многочисленных дидактических древнерусских памятников выделяется большая группа учительных сборников XIV–XVI в., содержащих статьи, обращенные к духовенству и мирянам. Таковы сборники РНБ. Соф. 1262, кон. XIV – нач. XV в. (Трифоновский сборник); ГИМ. Увар. 589, XIV в.; РГБ. Троиц. 11, кон. XIV – нач. XV в. (Златая цепь); РНБ. Крыл. 45, XV в.; РГБ. Юд. 1, XV в.; РНБ. Солов. 858/968, 1493 г.; РГБ. Волок. 523, 560, 519, XVI в.; ГИМ. Епарх. 384, XVI в.; РГБ. Троиц. 192, XVI в.; РГБ. Лукаш. 1, XVI в.; РГБ. Егор. 245, XVI в.; РНБ. СПбДА. 129, XVI в. (Дубенский сборник); РНБ. Ф. I. 251, XVI в.; ГИМ. Увар. 482, XVII в.; РГБ. Овчинн. 156, XVII в.

Рассматриваемые сборники объединены общей темой — наставления мирянам с требованием соблюдения этических норм и предписания священнослужителям, касающиеся исполнения ими пастырских обязанностей. Текстологическое исследование сборников привело к выделению в их составе устойчивого блока текстов. Во все сборники, за исключением Овчинн. 156, включено раннее древнерусское каноническое сочинение «Пред словие покаянию», представленное в разных его редакциях (краткой, пространной и сокращенной). В этом произведении, относящемся к глубокой древности и основанном на Номоканоне Иоанна Постника, предписываются отношения, в которых должны находиться кающийся мирянин и его духовный отец, порицаются основные пороки мирян — пьянство и неправедное обогащение, в том числе лихомство, даются советы священнослужителям, как надо принимать кающегося, и разъясняется, какими качествами должен обладать исповедник. Пред словие можно рассматривать как программное произведение в составе учительных сборников, иногда оно даже открывает их.

Одним из наиболее ранних древнерусских произведений на тему христианской морали является «Поучение ко всем крестьянам» (возможное время его написания XII в., первая половина XIII или XIV в.), представленное в Троиц. 11, Увар. 589, Овчинн. 156, Юд. 1. Это произведение регламентировало жизнь христианина, так как содержало наставления, как вести себя в церкви и в миру, и затрагивало вопросы веры, милосердия, дружбы, монастырской жизни, вассальной верности своему князю. В нем содержится своеобразный кодекс воинской чести, даются многочисленные житейские советы, как воспитывать прислугу, хранить тайну. В ранних списках текст разделен на главки — Слова. Не исключен компилиативный характер памятника, хотя в целом его древнерусское происхождение не вызывает сомнения. Последняя глава Поучения — «Слово о молитве» — явно присоединена к нему, так как под заглавием «О хананыни» оно находится в Изборнике Святослава 1073 г. и в Изборнике 1076 г., где приписывается Иоанну Златоусту. Слово о молитве изменено по сравнению с представленным в Изборниках, однако в целом оно гораздо ближе тексту Изборника 1076 г., чем Изборника 1073 г. (в Увар. 589 это Слово отсутствует). Существует краткая редакция Поучения, представленная в Юд. 1 (половина глав в ней отсутствует, однако имеются дополнения в «Слове о монастырех»).

Выявлены сборники, имеющие устойчивый комплекс статей, обращенных к иерейям (Соф. 1262, Увар. 589, Крыл. 45, Увар. 482, Волок. 523, Волок. 560, Лукаш. 1, Егор. 245, Епарх. 384, Солов. 858/968, СПбДА. 129). В его составе следующие статьи, принадлежащие или приписанные отцам Церкви: 1) Поучение Григория Богослова к попам («О попове, Бога вышняго слуги...»); 2) Слово Григория Богослова к попам («Слышите, что Господь глаголеть...»); 3) Слово Иоанна Златоустого («Иже человек имыи ремесство...»); 4) Поучение св. Афанасия («О паstryri, что створим, иже всегда мъэды въсприемлем...»); 5) Слово Иоанна Златоустого («Аще купец на дни расчитаеть...»); 6) Слово Иоанна Златоустого («О прозвитере, помысли, которыи сан приял...»); 7) Поучение Иоанна Златоустого («Помыслим добре, братие...»); 8) Слово Иоанна Златоустого («О прозвитере, которыи сань приял еси...»); 9) Поучение св. Василия («Поп должен есть боле всего не имети ни гнева ни гордости...»); 10) Иоанна Златоустого («Паки прозвитере Христова стада пастушше...»)¹. Этот блок статей мог составить своеобразное ядро учительных сборников, впоследствии прираставших другими статьями: в одних сборниках к ним прибавлялись канонические статьи, «Заповеди святых отец», в других — статьи дидактического характера («Поучение ко всем крестьянам», «Слово Иоанна Златоустого о лживых учителях»). Интересно, что блок этих статей предваряет Кормчую 1493 г. (Солов. 858/968), следует за текстом Кормчей в Лукаш. 1, Егор. 245, хотя, как правило, этот блок в состав самих Кормчих

¹ Н. В. Савельева отмечает тот же блок статей в сборнике РНБ. Погод. 1615, 1632 г. [Савельева, с. 187]. О включенных в этот блок статьях и их авторах см. также: [Творогов, с. 380, 383, 399, 401].

не включался. Текст статей в блоке имеет ряд разночтений. Наибольшей переделке подвергалось Поучение св. Василия, в Волок. 560 оно было коренным образом переработано: текст с порицанием священников за пьянство был полностью удален, а вместо него вставлено резкое осуждение тех, кто «дерзнуша продати священнический сань и причитати я к церкви и взимати от них некия уроки».

Из статей, включаемых в сборники, и в Кормчии русской редакции, следует называть известное Поучение к собору духовенства (в разных списках оно имеет название «Поучение к попом Кирилла», «Поучение к попом и игуменом»), в тексте Варсонофьевской Кормчей (ГИМ. Чуд. 4) оно ошибочно приписано Василию Великому. Его текст представлен в сборниках: Крыл. 45, Юд. 1 и Волок. 560.

Лингвистический анализ этих произведений показал, что некоторые из них имеют явное древнерусское происхождение, а два (3 и 9) имеют определенное лексическое сходство с группой древнерусских толковых переводов XII в., на что указывает введение библейских цитат глаголом *веща*, наличие лексем *ремесло*, *сирота*, *нелепыи*, а также характерные древнерусские особенности в синтаксисе. Стилистически все произведения объединяет доходчивая образная форма, простота и безыскусность изложения.

Литература

Савельева Н. В. Древнерусский сборник Жемчужная матица. Текстология. Типология. Описание списков // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 183–258.

Творогов О. В. Древнерусская книжность XI–XIV веков. Каталог памятников // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 368–430.

К. В. Баранов, Л. В. Мошкова (Москва)

ПОЛЮБОВНАЯ ДОКЛАДНАЯ МЕЖЕВАЯ ПАМЯТЬ 1482 г.: ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ¹

Среди выявленных неподлинных актов² из собрания грамот Коллегии экономии³ самым «ранним» документом является Полюбовная докладная межевая память крестьянам Арбуйской и Лохощкой волостей на межи их деревни Колкача Татаринова и села Лохты с землями Кирилло-Белозерского монастыря, выданная, как указано в тексте, 18 мая 1482 г.⁴ Грамота хорошо известна исследователям, поскольку публиковалась не раз, в том числе с подробными комментариями в фундаментальном издании конца 1950-х годов — АСЭИ⁵. Авторы публикации совершенно правильно считали ее списком, поскольку она написана на бумаге с водяным знаком «голова шута»⁶. Однако в датировке филиграни допустили ошибку⁷, отнеся список грамоты к началу XVII в. На самом деле, на краю листа видна верхняя часть головы шута в воротнике с 7 зубцами, и наиболее близкий ей тип датируется 1666 г. [Дианова, № 375]. Помимо этого, почерк, которым написана память, невозможно отнести к началу XVII в. Из этого следует, что текст грамоты, содержащийся в копийной книге Кирилло-Белозерского монастыря 30-х годов XVII в.⁸, по времени написания предшествует грамоте № 707, и предположение публикаторов, что указанная в документе дата неверна и повторяет неправильную дату отвода, которая сохранилась на приклеенных листах отводной книги⁹, получило дополнительное подтверждение. Публикаторы также справедливо отмечали, что «полюбовная память несомненно связана хронологически и персонально — по участникам — с актом, датируемым нами 1492 г., о разводе земель Арбуйской же волости на другом участке границ с Кирилловскими землями»¹⁰.

Другие акты отвода Михаила Дмитриевича Глебова и Ивана Головы Семенова (именно эти лица упоминаются в грамоте № 707) представляют единый комплекс и опубликованы в АСЭИ с датировкой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-01-00063.

² Термин «неподлинный» применяется для обозначения грамот, филигранологическая и/или палеографическая датировка которых противоречит дате, указанной в документе или следующей из его содержания.

³ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).

⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 3. № 707.

⁵ АСЭИ. М., 1958. Т. II. С. 172–174 (№ 260).

⁶ См.: Там же. С. 274.

⁷ Вполне понятную, поскольку альбом, посвященный данному знаку, вышел позднее, а привлеченный справочник для датировки русских документов не являлся корректным.

⁸ См.: АСЭИ. Т. II. С. 7.

⁹ См.: Там же. С. 174.

¹⁰ Там же.

«около 1492 г.» на основании даты, содержащейся в отводной книге за скрепой М. Д. Глебова¹¹. Однако указанная дата относится только ко времени проведения кадастровых работ, а оформление грамот могло быть отделено от них определенным временем промежутком¹². Возможно поэтому грамоты, выданные монастырским властям после этого отвода, не содержат даты¹³.

Необходимо отметить, что составители АСЭИ привели крайне убедительные доказательства того, что сохранившаяся отводная книга не являлась официальным документом, а была составлена в монастыре в 20-е годы XVI в.¹⁴ Более того, раздел о Колчакских деревнях, помещенный в самом конце книги, обрывается на полуфразе, и сохранившиеся документы в нем отражены не полностью¹⁵. Исходя из этого можно с определенной осторожностью предположить, что список полюбовной межевой памяти в копийной книге 30-х годов XVII в. является продуктом «монастырского творчества»¹⁶ и, возможно, содержит текст, подвергшийся некоторой редакторской переработке. В этом случае изготовление грамоты, хранящейся в фонде 281 под номером 707, следует рассматривать как попытку подкрепить свидетельство копийных книг «подлинным» документом. И основным аргументом этого являются «рукоприкладства» на обороте¹⁷. Издатели грамоты справедливо отмечали, что они «писаны не без желания придать им вид подлинных, для чего... имитировали почерки подлинника»¹⁸. Но с последним утверждением никак нельзя согласиться. Во-первых, «подлинника» с рукоприкладствами на обороте, скорее всего, уже не существовало. Во-вторых, в конце XV в. рукоприкладство, написанное скорописью, — вещь немыслимая. В-третьих, графика отражает не столько палеографические особенности начерков конца XV в., сколько представления человека, жившего более чем на 150 лет позже, о том, кто и как должен писать: «поп» полууставом и староста скорописью, причем рукоприкладство располагается по склейке. И, наконец, имитировать почерк подлинника следовало с текста, написанного на лицевой стороне листа.

Литература

Дианова Т. В. Филигрины XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог. М., 1997.

¹¹ См.: Там же. С. 192–248 (№ 285–290). Хотя в подлинности скрепы издатели достаточно обоснованно сомневаются (см.: Там же. С. 247–248).

¹² Самая близкая аналогия — описание земель Деревской пятини в 1495–1496 г. и оформление на их основе писцовой книги в 1499–1500 г.

¹³ См.: АСЭИ. Т. II. С. 192–210 (№ 285–289).

¹⁴ См.: Там же. С. 246–247.

¹⁵ См.: Там же. С. 247.

¹⁶ Здесь правомерно задать следующий вопрос: с какого времени известны межевые памятки, выдаваемые «по себе ровно»?

¹⁷ Сделаны они на основе слов, завершающих копию 30-х годов XVII в.: «Позади подлинные памятки написано... [далее приведен текст рукоприкладств]» (РНБ. Собр. СПбДА. А. I. 16. Л. 630). В рассматриваемой памятки рукоприкладства выполнены, скорее всего, человеком, писавшим основной текст.

¹⁸ АСЭИ. Т. II. С. 174.

B. B. Баранов, M. M. Наумова (Москва)

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИНИАТЮР ЕВАНГЕЛИЯ ХИТРОВО И СООБЩЕНИЕ ТРОИЦКОЙ ЛЕТОПИСИ 1395 г.

Миниатюры Евангелия Хитрово, выдающиеся произведения искусства конца XIV или начала XV в., впервые исследовались на предмет их технико-технологических особенностей в 80-х г. XX в. группой специалистов во главе с Г. Э. Быковой во время реставрации кодекса. Химический анализ материалов красочного слоя был выполнен зав. сектором лабораторного анализа ГосНИИР М. М. Наумовой. Однако эти предварительные исследования не были опубликованы должным образом и, несмотря на их большое значение, требовали дополнительного изучения миниатюр рукописи для восполнения некоторых пробелов, не позволяющих уточнить атрибуцию этого комплекса. До настоящего времени не были исследованы в должной мере техника личного письма, приемы изображения одеяний и стаффажа, а также особенности написания золотых фонов иллюстраций.

Детальное искусствоведческое изучение художественного оформления Евангелия Хитрово позволило выдвинуть несколько версий о его датировке и авторстве его иллюстраций. Дата создания

кодекса варьируется историками искусства от 90-х годов XIV столетия до середины XV в. Проблема разграничения рук мастеров, создавших миниатюры, их конкретной идентификации оказывается не менее сложной. Среди вероятных авторов иллюстраций кодекса были названы имена Феофана Грека, Андрея Рублева и даже Даниила, о произведениях которого совсем мало что известно.

Задача определения количества мастеров, создавших миниатюры Евангелия Хитрово, как мы убеждены, осложняется важным обстоятельством, на которое практически никто не обращал внимания. Дело в том, что средневековые художники, как известно, мастера универсальные, все же несколько меняли манеру работы при исполнении произведений, принадлежащих различным видам живописи. Это обстоятельство необходимо всегда учитывать при сравнительном анализе различных художественных памятников. Следует особо отметить, что иллюстрирование церковных служебных книг — это особый жанр, к их оформлению подходили с особой тщательностью, учитывая важное сакральное значение самих Евангелий.

Другая проблема заключается в том, что среди дошедших до нас книжных миниатюр рублевского времени нет ни одной с установленным, общепризнанным авторством, подтвержденным историческими документами.

Третьей, более фундаментальной проблемой в современных научных изысканиях остается заметная рублевоцентричность оценок при анализе памятников древнерусской живописи конца XIV — первой трети XV в. даже у наиболее объективных исследователей. Данная традиция, на наш взгляд, серьезно усложняет процесс более точного определения реалий художественной жизни Москвы и близлежащих княжеств того времени.

В отличие от проблемы авторства тех или иных миниатюр рукописных книг вопрос разграничения рук художников, принимавших участие в создании ряда произведений одного комплекса, в настоящее время менее сложен с учетом возможностей новейших технико-технологических методов исследования. К настоящему моменту искусствоведческое изучение миниатюр Евангелия Хитрово замкнулось на ряде версий, имеющих разную степень обоснованности и объективности, которые опираются, главным образом, на показатели стиля, иконографии, палеографии и на определение историко-культурного контекста периода создания памятника. Критерии более высокой степени точности в проблеме разграничения рук художников гуманитарные науки не выработали. Как показывает динамично развивающаяся практика технико-технологических исследований, в этом отношении более объективные и точные методы приборного анализа позволяют на более «тонком» — материальном — уровне выявлять приемы различных мастеров, что блестяще было продемонстрировано, в частности, работами ряда специалистов ГосНИИР (О. В. Лелековой, М. М. Наумовой и др.). Авторы настоящего сообщения неоднократно обращали внимание исследователей на то, что весь комплекс приемов создания произведения, включая тончайшие, скрытые при обычном визуальном осмотре (даже с лупой) нюансы техники письма и технологии, можно установить только в процессе углубленного приборного изучения специалистами-технологами, то есть химиками (физиками) и аналитиками-реставраторами.

Повторное приборно-технологическое исследование Евангелия Хитрово проводилось авторами данного сообщения в 2012 г. Основной целью этой работы было выявление всего комплекса приемов исполнения миниатюр кодекса с уточнением пигментного состава красочного слоя и установлением индивидуальных особенностей работы мастеров. Особый акцент был сделан на изучение техники личного письма, которая является одним из важнейших источников определения личных манер работы художников кистью. Конечной задачей является установление количества мастеров, создавших образы и символы евангелистов, а также основанные на этом уточнения атрибуции художественного оформления Евангелия Хитрово.

В ходе нашей работы были исследованы посредством микроскопа приемы письма каждой миниатюры с изображением евангелистов и ангела, проведена необходимая микросъемка, были получены дополнительные сведения о материалах красочного слоя. На данном этапе работы мы не ставили задачу исследования заставок и инициалов рукописи, а также других символов евангелистов, сведения о которых остались на уровне первоначального приборно-технологического изучения, проведенного в 80-х годах.

Новые данные о художественных особенностях миниатюр Евангелия Хитрово позволили сделать аргументированный вывод о предполагаемом составе артели мастеров, создавших эти великолепные произведения. Наши выводы неожиданным образом совпали с одним из летописных сообщений конца XIV столетия о художниках, работавших в то время в Москве.

Н. Н. Бедина (Архангельск)

АССОЦИАТИВНОСТЬ КАК МЕТОД МЫШЛЕНИЯ И МОЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ГИМНОГРАФИИ СВ. КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Внутреннюю логику гимнографических сочинений св. Кирилла Туровского определяет сочетание, созвучие и толкование различных источников, причем св. Кирилл использует топосы, предельно устойчивые в христианской гимнографии. Однако сам принцип отбора, организации и последовательности этих топосов у него особый — ассоциативный. Определим в качестве примера некоторые из источников воскресной молитвы «по часех» из покаянного цикла на каждый день, имеющей итоговый характер внутри цикла.

Богопознание и славословие вводной части молитвы («Б(ож)е всемогъи безначалныи, Г(оспод) и высокыи, славныи Ц(есар)ствио, владѣяи всею тварью видимою и невидимою. Съдяи на хѣрувимъхъ съ [...] поемъ от серафимъ. Молимъ от ангель и от всѣхъ н(а)б(о)еснъ (так!) силь покланяемъ. Тобѣ служать тысящами горни чинове. И нижняя тварь съ страхомъ трепещеть»¹) отсылает нас одновременно к ветхозаветной пророческой традиции и к апостольским посланиям. Указания на дни творения видимого и невидимого мира ассоциативно связывают Символ веры, первые главы Книги Бытия, послания ап. Павла к евреям («Верою разумеваем совершившися веком Глаголом Божиим, во еже от неявляемых видимым быти» (Евр 11: 3)) и 18-й псалом («Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь» (Пс 18: 2)).

Образ «нижней твари, со страхом трепещущей» обращает вновь к ветхозаветным пророкам и праотцу Аврааму, к которому Господь говорит: «Боишься ты Бога», а также к Посланию ап. Павла к филиппийцам: «...со страхом и трепетом свое спасение совершайте» (Флп 2: 12) и к 33-му и 2-му псалмам Давида: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс 2: 11).

Псалом 2-й содержит пророчество об Иисусе Христе, в подтексте оно служит переходом к следующей части молитвы, где в результате контаминации Евангельской истории (явление воскресшего Иисуса Христа апостолам) со стихом 29-го псалма: «Обратил еси плач мой в радость мне» (Пс 29: 12) характеристики духовно-эмоционального состояния человека вырастают до основообразующих христианских категорий скорби смерти и радости воскресения: «Не презри мене молящаго Ти ся въ годину шестую сего дне, в нюже явися ап(осто)ломъ своимъ, по воскр(ъ)сении печальномъ сущемъ, и премѣни скорбь ихъ на радость показаниемъ пречистою Ти руку и ребръ. Премѣни мою скорбь д(у)шевную, объдергашю мя нынѣ, и избави печали грѣховныя» (ЯМЗ-15481. Л. 89 об.).

29-й псалом вновь содержит ассоциативный переход к следующему евангельскому образу дома Закхеева, имея подзаголовок: «песни обновления дома». Контаминация текста Евангелия от Луки: «Днес спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамъ есть: прииде бо Сын человечъ взыскати и спаси погибшаго» (Лк 19: 1–10) с контекстом 33-го и 29-го псалмов: «Господи Боже мой, возввах Тебе, и исцелил мя еси. Господи, возвел еси от ада душу мою» (Пс 29: 3, 4), позволяет автору, в традиции богословского толкования, применить образ дома к теме духовного очищения и спасения: «Ты же и ныне... даи жь спасение душевному ми дому, зане оскверних и всякими нечистотами... и несмъ достоин прияти Пречистаго Твоего Тела» (ЯМЗ-15481. Л. 90). Мотив вхождения в дом позволяет св. Кириллу Туровскому обратиться к традиции молитв из Последования к святому Причащению.

Вторая часть молитвы вновь повторяет круг тех же мотивов и источников: Евангельская история (общение Иисуса Христа с грешниками — теперь уже Самарянкой); Ветхозаветная история (жертва Авраама, страх Божий Авраама, радость воскресения Исаака); 18-й псалом; толкования ап. Павла в тех же посланиях к евреям и к филиппийцам о жертве и спасении; экзегетическая традиция толкования третьего часа / третьего дня. Тема очищения и спасения вновь позволяет св. Кириллу Туровскому обратиться к Богослужебному Последованию к Святому Причащению. Сознательность автора в отборе не только вторичных источников (образцовых гимнографических текстов), но и первичных (конкретные псалмы, ветхозаветные образы и толкования на Евангелия), возможно, доказывается их повторяемостью в пределах текста молитвы. Из византийского гимнографического наследия, на наш взгляд, св. Кирилл Туровский как гимнограф ближе всего покаянным молитвам св. Иоанна Златоуста, но все же, если у св. Иоанна Златоуста структура молитвы, на наш взгляд, линейная, то у св. Кирилла Туровского — ассоциативная. Исток такого ассоциативного строения, возможно, лежит не только в индивидуальном характере поэтического мышления св. Кирилла, но и в средневековой монастырской традиции «медитативного моления», соединяющего чтение, понимание и молитву, концепция которой описана в известной работе Х. Бирнбаума и Р. Романчука [Бирнбаум, Романчук].

¹ Часослов XIII в. из Спасо-Ярославского монастыря (ЯМЗ-15481). Л. 89 об.

В целом, ассоциативный метод выбора и организации источников составляет единство молитвы и позволяет книжнику, оставаясь в пределах традиции, достичь удивительной внутренней свободы. В конечном итоге он создает у молящегося ощущение, что все, что создано, все, что написано, — все это «и обо мне тоже!» Человек, творящий покаянную молитву вслед за св. Кириллом, ощущает себя частью целостного, осмыслиенного мироздания, в котором оправдана «животворящая надежда» на Божественное милосердие.

Литература

Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник? // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 576–602.

A. B. Беляков (*Рязань*)

МИР ВЕЦЕЙ ЧИНГИСИДОВ В РОССИИ XVI–XVII в.: В ПОИСКАХ ИНСИГНИЙ ТАТАРСКИХ ЦАРЕЙ И ЦАРЕВИЧЕЙ

В последнее время усилился интерес к предметам, которые могли играть роль регалий у казанских и касимовских царей, а также иных Чингисидов в России. В первую очередь это, конечно же, касается так называемой казанской шапки. Мы попытаемся собрать воедино все известные упоминания предметов, принадлежавших Чингисидам, проживавшим в России в XVI–XVII в., которые могли рассматриваться русским и татарским населением как регалии, подчеркивавшие особое положение их владельца. При этом нам следует ответить на вопрос: существовали ли в России данного периода особые знаки власти Чингисидов, признаваемые как русским, так и татарским населением страны?

Известно, что в Крымском ханстве к ханским регалиям относили пышные одежды, возможно, специально пожалованные турецким султаном новонареченному хану, знамя, барабан, литавры, также полученные от султана. Помимо этого упоминаются доспехи, шлем, сабля, лук, стрелы (полный комплект или даже комплекты парадного вооружения). В данном списке имелись также корона, «закон» (судя по всему, сборник законов) и родовая тамга. Еще В. Д. Смирнов отмечал явную анекдотичность или курьезность главного источника наших знаний об этих предметах. Они изображены на одном из листов дела о подтверждении прав на дворянство титулярного советника Игната Татаринова и содержат явную смесь властных атрибутов, присущих как восточной, так и западной традиции [Смирнов, с. 227, 239, 253–254, 259–260]. Это не мешает, однако, отдельным исследователям всецело принимать данную информацию на веру [Исхаков]. Мы однозначно отвергаем только корону. Что касается иных предметов, то попытаемся проследить, в каких случаях они напрямую или же косвенно упоминаются в русских документах. По отношению к более раннему периоду (XIII в. и несколько позднее) как ханские инсигнии отмечены знамя, зонт из красной или желтой ткани, кресло с головами драконов, седло и конское снаряжение, воинский барабан, наборный пояс, шапка-орбегле, жезл и, возможно, парадная золотая и серебряная посуда [Крамаровский 2001, с. 30–71; Крамаровский 2002, с. 212–213; Юрченко, с. 417].

Рассмотрев широкий список предметов и понятий, которые в той или иной степени можно отнести под определение статусных для Чингисидов в России (парадные одежды — шуба, шлем, доспех, знамя, лук и стрелы, сабля, литавры (тулунбас), тамга, закон, сулея (матара), седло, лошадь, трон, хутба (пятничная молитва с провозглашением имени хана), монетная регалия, капторга, каменные дворец, мечеть, мавзолей), при этом в ряде случаев специально приблизив его к апокрифичному перечню предметов на рисунке из дела о дворянстве, мы можем сделать определенные выводы. Представители «золотого рода» в России продолжали обладать некоторыми статусными предметами, которые можно рассматривать как властные регалии. Вопрос в том, насколько широка была та группа людей, что разделяла их мнение по этому поводу. Скорее всего, в каждом конкретном случае ситуация была различной. Это могло быть как все население России, так и только татары или еще уже — только члены двора конкретного татарского царя или царевича. Найти здесь решение тяжело уже потому, что целый ряд упоминаемых предметов (лошадь, одежда, оружие) имели определенную смысловую нагрузку далеко не только по отношению к Чингисидам или же татарам, а были фактически универсальными показателями особого статуса практически у всех народов. Значение иных символов (лук, стрелы), если они имелись, скрыто от нас. Отдельные предметы (сулея), скорее всего, несколько искусственно попали в этот перечень. Пока остается без ответа и другой важный вопрос: как к использованию того или иного статусного объекта относились русские люди, и в первую очередь царь? Рассматривалось ли это явление как составляющая часть общегосударственной политики по поднятию престижа православного монарха и, как следствие, подвергалось всесторонней

регламентации или же считалось «домашним делом» конкретного чингисида?³ На этот вопрос в настоящее время мы не можем дать однозначный ответ. Вполне возможно, что для представителей «золотого рода» было важно обладать определенными предметами, которые ранее принадлежали их отцу или брату, как неким косвенным подтверждением своих прав. Лучше всего на подобную роль подходят доспехи и оружие. Ведь именно они служили главным опознавательным знаком на поле боя. В связи с чем обладающий ими сам отчасти превращался (отождествлялся) в их прежнего владельца.

Подобный расширенный список рассматриваемых предметов позволяет нам надеяться, что со временем в столичных и провинциальных музеях обнаружатся новые вещи, в свое время принадлежавшие отдельным представителям «золотого рода» в России или их ближайшему окружению. Это, в свою очередь, позволит нам лучше понять жизнь татарских царей и царевичей в России XVI–XVII в.

Однако, рассмотрев все имеющиеся в нашем распоряжении данные, мы должны констатировать, что в России изучаемого периода у представителей «золотого рода» предметы, которые можно было бы назвать атрибутами власти, безусловно признаваемыми всеми категориями населения государства, отсутствовали.

Литература

- Исхаков Д. М. Быть верными с друзьями и притворно равнодушными с врагами // Эхо веков. 2007. № 1. С. 39–46.
- Крамаровский М. Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник: 2001. М., 2002. С. 212–213.
- Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. С. 30–71.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М., 2005. Т. I.
- Юрченко А. Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник: 2007–2008. М., 2009. С. 417.

Ю. С. Белянкин (Москва)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В АНТИСТАРОБРЯДЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Несмотря на особую актуальность вопросов эсхатологии в контексте церковного раскола, полноценный ответ защитников патриаршей Церкви своим оппонентам по этой проблеме был сформулирован лишь в одном из последних полемических изданий Печатного двора («Знамения пришествия Антихристова» Стефана Яворского¹, 1703 г.), направленном против именующих «царствующий град Москву Вавилоном» и жителей его — слугами антихристовыми².

В писаниях патриарха Никона проблемы эсхатологии почти не освещены. В одном из писем он отвергал обвинения в свой адрес о сопричастности врагу Христову: «А я несть антихрист, аще и грешен есмь... а антихрист егда во свое время будет, аще что и сотворит — все по привидению и ложным действом»³. Теме «последних времен» посвящено и одно из его «возражений» Паисию Лигариду, упрекнувшему Никона в особой гордыне: он именовал свой монастырь не «новая обитель», а «новый Иерусалим». Приводя выписки о месте и времени пришествия антихриста, Никон делает вывод о домыслах Лигарida: «Како ты сводишь таковыми безумными приклады, яко антихристу изыти из Воскресенского монастыря Нового Иерусалима»⁴.

Митрополит Стефан предлагает в «Знамениях» «сугубое» толкование об антихристе, понимая под ним как любого противника Христова («предтечу») в обыденной жизни, так и «начальнейшего» антихриста. В основе своей учение старообрядцев не противоречило толкованиям Стефана Яворского. Так, поп Лазарь писал об антихристовых слугах, которыми враг Христов «место себе самодержавное царское готовит»⁵. Но если митрополит Стефан делал акцент на самой фигуре антихриста и будущем

¹ Далее ссылки по изд.: Стефан Яворский. Сказание об Антихристе. Догмат о святых иконах / Подг., сост. П. Паламарчук. М., 1999.

² Стефан Яворский. Сказание об Антихристе. С. 35.

³ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. М., 2007. С. 525–527.

⁴ Патриарх Никон. Труды. М., 2004. С. 230.

⁵ Лазарь, иерей. Челобитная царю Алексею Михайловичу // Пустозерские узники — свидетели истины. Ростов-на-Дону, 2009. С. 260.

его пришествии, то раскольники в целом говорили об очевидной активности его предтечей (то есть никониан) уже в текущее время.

Стефан Яворский подчеркивает невозможность для любой твари «разрешать» книгу Судного дня⁶. На этом же основывался коломенский священник Иоанн в споре с «капитоном»: Господь не позволил апостолам знать «превосходящая ум человеческий» (РГБ. Ф. 310. № 1366. Л. 117). Но Геронтий Соловецкий делал замечание, разрешавшее для него эту проблему: «простейшие человеческие тогда слышаще и видяще, разумети могут: яко же во Апокалипсисе толковом во главе 13 пишет “Тогда бо время открыте и искусе целомудрствующим”»⁷. Инок Авраамий также считал возможным для «малых» познать антихристову «прелесть».

Если митрополит Стефан опирался на слова апостола Павла об истинном антихристе, превозносящемся «паче всякаго глаголемаго Бога», то «раскольники» прямо указывали, что врагу Христову по своей гордости «зело подобится Никон пагубник яко построил Иеросалим в северной стране»⁸. Юрий Крижанич, полемизируя в своих трудах с «Книгой о вере»⁹, защищал Папу Римского от протестантов и отвергал схожие обвинения в адрес патриарха Никона со стороны старообрядцев, называвших его предтечей антихриста. Слова митрополита Стефана о будущем явлении антихриста среди иудеев не противоречили, в частности, писаниям инока Авраамия: никониане, исправив Символ веры, подобно евреям не верили больше в нынешнее совершенное царство Христово.

Показывая несостоятельность эсхатологических ожиданий за всю их историю, Стефан Яворский подчеркивает, что враг Христов постепенно захватывает мир уже с тех пор, как произошли евангельские события. В отличие от старообрядцев, видевших «мерзость запустения» в современной церковной жизни, митрополит Стефан подразумевал под ней только разрушение Храма в Иерусалиме. «Седмины Даниловы», от которых «мнится быти ныне кончина мира» и на которые нередко ссылались раскольники, Стефан Яворский толкует с тех же позиций: «Тайну седмин даниловых учители церковни исповедают быти о пришествии первом Христовом»¹⁰.

Рассматривая отсутствующие (не считая самых общих) знамения «последних времен», митрополит Стефан оценивает Великую схизму как один из рядовых моментов покорения земного мира дьяволом (в отличие от «раскольников», усмотревших в этом знаменательный признак его исхода из «бездны»). Под падением Римского царства и Вавилона Стефан Яворский разумел только «ветхий» Рим. Но для дьякона Федора и иных его единомышленников Римское царство перемещалось на Русь, где старообрядцы и искали знамения «разорения». Такого же мнения придерживался инок Авраамий: «Кирил же во многих местах во своей книзе во знамениях вспоминает, яко в Риме царствовать будет. И сие согласно, еже где быти ему, в стране северной»¹¹. В «Слове на Никиту Пустосвята» опровергались распространявшиеся раскольниками среди «незнающих людей» идеи о знамениях и постепенно охватывающих все русское государство «великих бедах»: неурожаях, «смущении» и «скудости»¹².

В ходе полемики во второй половине XVII в. ее участники развивали порой совершенно противоположные интерпретации фактически одних и тех же источников. Очевидной была необходимость развернутого ответа со стороны церковных властей на эсхатологические построения старообрядцев, достаточно полно оформленные к концу XVII в. Противники церковных «исправлений» изначально придавали эсхатологии ведущее значение, а в патриаршей Церкви в то время она занимала второстепенное место и не связывалась с текущей реальностью. В антистарообрядческой полемике обостренные ощущения «последних времен», которыми были проникнуты писания старообрядцев и их устная проповедь, максимально нивелировались. Этую цель во многом преследовало и издание книги Стефана Яворского, выпущенной для борьбы с одной из важнейших сторон «идеологии» раннего старообрядчества.

⁶ Стефан Яворский. Сказание об Антихристе. С. 34.

⁷ Геронтий Соловецкий. Ответ вкратце Соловецкого монастыря к востязующим нас, чесо ради не оставляем истинныя своея благочестивыя веры // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 2006. С. 276.

⁸ Послание отца Авраамия и страдальца за веру Христову к некоему боголюбцу // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 7. С. 421.

⁹ В «Обличении на Соловецкую чебобитную» и в «Беседе о суеверии».

¹⁰ Стефан Яворский. Сказание об Антихристе. С. 45, 49–50.

¹¹ Послание отца Авраамия и страдальца за веру Христову к некоему боголюбцу. С. 419.

¹² Московский Печатный двор. VII. 1682. Л. 14–14 об.

М. М. Бенцианов (Екатеринбург)

ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА «НОВГОРОДСКОЙ ЧАСТИ» ТЫСЯЧНОЙ КНИГИ 1550 г.

К концу XV в. относится оформление новгородской служилой корпорации. Поместья на территории Новгородской земли были пожалованы значительному числу (по моим подсчетам, не менее 1200 человек) служилых людей, набранных из различных частей страны. Неоднократно отмечалось, что в последующие десятилетия, несмотря на высокую численность, новгородские помещики были исключены из служебно-политической системы Русского государства, включавшей в себя представительство в Государевом дворе. Привлечение представителей новгородской корпорации к широкому кругу поручений общегосударственного масштаба началось в 50-е годы XVI в., после проведения так называемой тысячной реформы. В течение полувека до этого десятилетия данная корпорация жила и развивалась в отрыве от основной массы служилых людей Русского государства.

Обособленный статус способствовал сохранению здесь ряда реликтовых черт, обобщение которых в сопоставлении с данными Тысячной книги 1550 г. (далее – ТК) и Дворовой тетради (далее – ДТ) способно расширить имеющиеся представления об организации службы в конце XV – первой половине XVI в.

ТК в конце общего списка перечисляет значительное число помещиков Великого Новгорода, Пскова, Торопца, Великих Лук и Пустой Ржевы, среди которых присутствует разделение на дворовых и городовых детей боярских. Особенностью рассматриваемого списка является перечисление имен по территориальному принципу. Имена тысячников были расписаны по определенным погостам (уездам и засадам в случае с Псковской землей). Это деление охватывало как дворовых, так и городовых детей боярских, группы которых не пересекались между собой.

Очевидно, что список новгородских (в широком смысле) помещиков составлялся на материале других источников, чем основная часть ТК. Существуют основания предполагать, что он начал составляться за несколько лет до 1550 г. – даты, читающейся в преамбуле ТК. В частности, в нем фигурирует князь Ю. И. Кропоткин. Писцовая книга Деревской пятини 1550/1551 г. упоминает земли этого помещика в Городенском погосте с однозначной пометой: «было за князем Юрием княж Ивановым сыном Кропоткина, и князя Юрья не стало 7057 (1549)».

Существенные расхождения наблюдаются между указаниями ТК на погосты и фактическим землевладением названных здесь лиц. Сопоставление с данными писцового описания 1538/1539 г. показывает, что в ряде случаев сведения ТК соответствовали картине, существовавшей в новгородских пятинах в 30-е годы XVI в. Вероятно, некоторые погосты, присутствовавшие в исходном источнике, не отразились в конечном варианте ТК. Этот вывод подтверждается путаницей с названиями некоторых погостов. Очевидно, новгородский список ТК был составлен на основе источника, созданного до 1538/1539 г. и включавшего в себя значительно большее количество погостов.

Рассматриваемый источник имеет целый ряд общих черт с ранними десятями. Выписки из несохранившейся новгородской десятни 1556 г. также показывают наличие в ней деления на погосты.

Обращает на себя внимание тот факт, что порядок перечисления погостов внутри каждой отдельной пятини отличался для дворовых и городовых детей боярских. Скорее всего, эта часть ТК составлялась путем вычленения имен из какого-то предшествовавшего источника (нескольких источников), близкого к последующим десятям. Погосты, где не было значимых лиц, были проигнорированы. От некоторых других остались только заголовки. Сам же принцип вычленения дает возможность проследить контуры исходной структуры.

Анализ последовательности перечисления погостов позволяет сделать вывод о параллельном ведении списков дворовых и городовых детей боярских и, как следствие, говорит в пользу давней традиции их существования в Новгородской земле.

С уверенностью можно говорить о наследственном характере статуса дворовых детей боярских. Как правило, новгородские дворовые принадлежали к фамилиям, фигурировавшим в ДТ. Известны были и примеры проникновения в их число городовых детей боярских. Выписка из псковской десятни 1556 г. прямо свидетельствует об одном из таких фактов. Среди городовых помещиков «в выборе» фигурировал, в частности, Бухара Я. Хвостов, возле имени которого позднейший переписчик зафиксировал помету «под именем его написано в двор». Очевидно, существовала и обратная тенденция – переход дворовых детей боярских в результате государевых опал или служебного «захудания» в число городовых детей боярских.

Учитывая единичность подобных примеров, на новгородском материале можно с успехом отследить фамилии, входившие в конце XV в. в состав Государева двора. В том числе и те, что на других территориях Русского государства утратили впоследствии свои позиции.

Попаданию в число дворовых придавалось большое статусное значение. На практике же положение дворовых и городовых детей боярских, по сути, ничем не отличалось. В условиях острого земельного дефицита в многодетных семьях, даже из числа наиболее знатных, нести службу зачастую приходилось с небольших наделов, довольствуясь скучными приезжими.

Сближение между двумя этими группами служилых людей во многом было обусловлено локальным характером их службы и, как следствие, исключением новгородских дворовых из системы Государева двора.

Создание сводного источника, фиксировавшего лучших новгородских детей боярских (в том числе из числа городовых), находит логическое подтверждение в других мерах, предпринимаемых в конце 30-х г. XVI в. московским правительством.

Вполне вероятно, что тысячная реформа (в более широком смысле — реформа Государева двора) задумывалась и частично была реализована еще в конце 30-х г. Значительное место в ней отводилось преодолению обособленности новгородских служилых людей. Известно, например, что в 1538—1540 г. вразрез с предшествующей традицией целая группа новгородских помещиков оказалась задействована в разрядных назначениях. Можно отметить как генеалогическую, так и функциональную близость этих «голов» с позднейшими новгородскими тысячниками. Заметно возросло в 40-е г. количество кормленников из числа новгородцев.

В условиях бурных перипетий «вдовствующего царства» это начинание не было реализовано в полной мере и было продолжено уже в последующие десятилетия.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть важность ретроспективного изучения списков служилых людей (десятни, ТК, ДТ) для понимания процесса развития системы служебных отношений в Русском государстве. Изучение новгородской части ТК позволяет, в частности, проследить преемственность статуса различных категорий служилых людей. Не меньшее значение имеет возможность соотнесения пофамильного состава дворовых (и городовых) детей боярских середины XVI в. с их предшественниками конца XV в., расширяющего представления об эволюции Государева двора.

Р. П. Биланчук (Вологда)

ЭПОХА «БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ» 30—40-Х ГОДОВ XVI В. В ОЦЕНКЕ АВТОРА РАННЕЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ ТОТЕМСКОГО

Житие преп. Феодосия (ок. 1510 — 1568), основателя Тотемского Спасо-Преображенского Суморина монастыря, является памятником, принадлежащим к поздней севернорусской агиографической традиции (вторая половина XVII — начало XIX в.). Современные исследователи, анализируя данное Житие и комплекс литературно-документальных текстов, сложившийся вокруг него, выделяют 2 редакции памятника: раннюю (пространную), датированную 1654 (либо 1662) г., и более позднюю (сокращенную), известную в списках XVIII—XIX в. [Романова, Белоброва, с. 411—414; Биланчук, с. 5—16].

В литературно-художественных и историко-культурных планах наибольший интерес представляет первая редакция памятника, сохранившаяся в единственном списке (изводе), — РГБ. Собр. Большакова. № 28. Л. 111—149 об. Автором ранней редакции, скорее всего, был один из старцев Спасо-Прилуцкого монастыря, по «соляным» и иным делам часто посещавший монастырские варницы и села, располагавшиеся в Тотемской округе, а заказчиками Жития — настоятели и братия обоих «родственных» обителей, заинтересованные в сохранении и трансляции памяти о святом.

Композиционным центром ранней редакции Жития (отсутствующим в поздней редакции памятника) является рассказ о явлении преп. Димитрия Прилуцкого иноку Феодосию (Л. 118 об. — 119 об.). Юный монах, постриженник Спасо-Прилуцкого монастыря, имея обычай приходить на молитву к гробу св. Димитрия, однажды удостоился воспринять из уст основателя обители пророчество о грядущих бедах «во царьстве Московском». Закономерным итогом «великой межусобой брани меж велможами и державцами по преставлении великого князя Василия Васильевича» неизбежно должно было стать «нахождение великое от казанских татаръ». Преодоление внутренней смуты и отмщение «Казанского царства» наступит только при возмужании великого князя Ивана Васильевича. Реплика преп. Димитрия «да и азъ буду к великому князю на помоцъ под Казанское царство на побеждение супостат своих казанских татар и сия вся ты самъ вѣси не токмо слышати, но и видети» дает четкое

указание на то, что автор первой редакции Жития был хорошо знаком с устными преданиями о св. Димитрии Прилуцком, частично вошедшими в цикл чудес его Жития, и обстоятельствами установления местного праздника Сретения иконы преп. Димитрия, бывшей в победоносном Казанском походе 1552 г. [Голейзовский, с. 63–71].

Рассказ о явлении логично переходит в самостоятельную «Повесть... о прихождении казанских татаръ на русскую землю на великого князя Иоанна Васильевича всея России» (Л. 120–125). Введя в текст повествования традиционный мотив-топос «казней Божьих» («глады и мразы велицы и морове, а иногда нахождением поганых языкъ»), автор Жития развивает его описанием полного разгрома и опустошения северных городов «от Мурома до Вятки, града Галечь и Кострому, и град Вологду, и вниз по Сухонѣ рецѣ Тотму и Великий Устюгъ». В соответствии с пророчеством св. Димитрия спасителем «земли руской» выступает пришедший «в полный возраст» государь Иван IV, укрощающий русских «супостат и измѣников», берущий Казань и утверждающий в завоеванных пределах «русскую вѣру». «И отселе, — резюмирует автор Жития, — дань бысть ему скипетръ в руцѣ его всего роси(ї)скаго великаго ц(а)рства». «Биографические» сведения об иноке Феодосии, встроенные в текст «Повести» (Феодосий «едва избегоша от безбожных рук злых татар и великия скорби прият и тѣсноту и тѣрпения многа»), подготавливают читателя к осмыслианию обстоятельств ухода преподобного из Спасо-Прилуцкого монастыря (игумен и братия пожелали «послати на службу во град Тотму, на приказъ варения ради солянаго»), промыслительно подвигнувших инока Феодосия к трудам по основанию и организации новой обители.

Следует отметить, что известия о набегах казанских татар и «черемис» на северорусские земли в 30–40-е годы XVI в. нашли отражение в сообщениях некоторых общерусских летописей¹ и вошли в состав чудес ряда Житий, созданных на Русском Севере в конце XVI – первой половине XVII в. (Жития Макария Желтоводского, Павла Обнорского, Корнилия и Арсения Комельских, Прокопия Устюжского). Однако вопрос о конкретном памятнике, послужившем для автора Жития источником для описания и «идеино-политической» оценки местных событий столетней давности, остается открытым.

Подчеркнем, что автор, включая в контекст «монастырского видения» и «Повести» события 30–40-х годов XVI в., интерпретирует их «в русле» вполне утвердившихся представлений и оценок, близких к официальному летописанию 50–70-х годов и публицистике начала XVII в. [Кром, с. 7–13]. Очевидно и то, что столь пристальное внимание к сугубо политической проблематике и военным реалиям объясняется влиянием относительно недавних событий Смутного времени, серьезно затронувших города и уезды европейского севера.

Литература

- Биланчук Р. П. Житие Феодосия Тотемского // Жития Феодосия Тотемского, Вассиана Тиксненского и Андрея Тотемского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2012.
Голейзовский Н. К. О датировке местной иконы «Димитрий Прилуцкий с деянием» из Вологодского Спасского Прилуцкого монастыря // ДРВМ. 2003. № 3 (13). С. 63–71.
Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
Романова А. А., Белоброва О. А. Житие Феодосия Тотемского // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т.–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 411–414.

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 114, 115, 129; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 318.

С. В. Богданов (Тверь)

КОНФЛИКТ ВАСИЛИЯ I С КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ ДМИТРИЕВИЧЕМ

Официальные летописи сообщают о том, что великий князь Василий I «въсхотѣ подписати под сына своего Василья», а «Князь же Константинъ не всхотѣ сотворити воли его»¹. В Новгородской IV летописи отъезд Константина из Москвы объясняется не так завуалированно: «...а про то былъ въ Великомъ Новѣгороди, зане же братъ его князь великии Василеи хотѣль его привести в крестное целование подъ своего сына князя Василіа, и онъ не хотя быти под своимъ братаничемъ»². Константин покинул Москву и был лишен Василием I «отчины»³.

¹ См., например: ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 244.

² ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 427.

³ ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 165; М., 2000. Т. 3. С. 412; М., 2000. Т. 4. С. 428.

В чем была суть конфликта? Содержание завещания или иные причины?

Исследователи полагали, что конфликт между Василием I и Константином Дмитриевичем возник из-за наследования великого стола⁴, при этом высказывалось мнение о том, что именно завещание Василия I подчиняло братьев Василия I его сыну [Экземплярский, с. 135, примеч. 338; Черепнин, с. 89–90; Зимин, с. 292–293]. А. Е. Пресняков осторожно писал о том, что протест князя Константина не мог быть связан с его претензиями на великое княжение. По мнению историка, дело сводилось «к вопросу о семейном положении, вопросу почета»: Константин Дмитриевич не хотел ставить подпись под именем племянника и тем самым признать старшего великокняжеского сына старшим себе братом [Пресняков, с. 383, прим. 3.] Но что значит «ставить подпись»? И под чем она должна была быть поставлена?

Полагаем, что речь может идти не о завещании Василия I, а о другом документе. Известно, что между Василием I и его братьями действовали определенные отношения, которые устанавливались в договорах и определяли права и обязанности сторон. О том, какие это были обязательства, можно судить из докончания Василия I с братьями — можайскими князьями Андреем и Петром. Они обязывались блюсти «под» Василием I и его детьми все то, чем Василия I благословил Дмитрий Иванович, в том числе и «все великое княжение», и как «молодшие братья» целовали на этом крест к «старшим братьям» — Василию I и его сыну⁵. Князья принимали, таким образом, присягу старшему сыну Василия I, наследственным владением которого фактически объявлялась территория великого княжения (не случайно Андрей и Петр Дмитриевичи указаны поручителями в первом духовном завещании Василия I).

Нормы этого докончания должны были регулировать будущие отношения дядей и племянника, которые выражались в терминах «брать старший» и «брать младший». Эти наблюдения позволяют в целом согласиться с осторожным мнением А. Е. Преснякова, но при этом конкретизировать его. Два свидетельства летописей — о крестном целовании, под которое Василий I собирался подвести брата, и о том, что Василий I «въсхотѣ подписать под сына своего Василья», — указывают на то, что Василий I призывал Константина Дмитриевича к оформлению докончания⁶, но тот отказался его оформлять («и онъ не хотя быти под своимъ братаничемъ»), то есть не согласился «блюсти» великое княжение, и тем самым он не признавал за собой в будущем статус «молодшего брата» по отношению к Василию Васильевичу.

Однако вскоре Константин Дмитриевич вынужден был смириться и вернулся в Москву, но уже на условиях Василия I — он, по всей видимости, согласился на оформление докончания. Прямых сведений об этом документе не сохранилось, однако обратим внимание на то, что происходило после смерти Василия I. В ночь смерти великого князя по инициативе митрополита Фотия в Москву был вызван князь Юрий Дмитриевич, но в Москву он не поехал, а стал готовиться к тому, чтобы отнять великий стол у своего племянника. Собрав силы, малолетний великий князь Василий II с дядьками выступил к Костроме, Юрий Дмитриевич вынужден был убежать в Нижний Новгород⁷. Решающую роль в этой ситуации, как показано в великокняжеском летописании, сыграл как раз князь Константин Дмитриевич.

Он, а также Андрей и Петр Дмитриевичи, принимавшие участие в политической борьбе в первые дни после кончины Василия I, указаны поручителями во «второй» духовной грамоте Василия I. Именно они должны были гарантировать исполнение воли умершего великого князя, Константин Дмитриевич был при этом активно действующим поручителем. Подобного не должно было быть по условиям «третьей» духовной грамоты Василия I (имени Константина Дмитриевича в ней нет), но соответствует «второй» грамоте, составленной, как показывают новейшие исследования, в 1424 или во второй половине 1423 г. [Греков, с. 143–145; Иванов, с. 88; Горский, с. 162–164; Клосс, с. 117–119].

Литература

Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Сузdalского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 140–170.

⁴ Н. М. Карамзин писал именно об этом: «Следуя новому уставу в правах наследственных, Великий Князь требовал от братьев, чтобы они клятвенно уступили старейшинство пятилетнему сыну его, именем Василию. Константин не хотел сделать того и лишился удела» [Карамзин, с. 214].

⁵ ДДГ. № 18. С. 52.

⁶ Докончания, оформлявшие еще при жизни отца отношения великокняжеского сына и других князей, к этому времени уже были известны. Так, по докончанию великого князя Дмитрия Ивановича и князя серпуховского Владимира Андреевича, последний обязывался «держать великое княжение» «под» Василием Дмитриевичем и другими детьми Донского и целовал на этом крест, при том не только великому князю, но и Василию Дмитриевичу (ДДГ. № 11. С. 31, 32).

⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 246.

- Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 141–143.
- Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 300–327.
- Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 79–115.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5.
- Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского.
- Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Петроград, 1918.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889. Т. 2.

B. B. Бочкарев (Москва)

К ИЗУЧЕНИЮ «ЗАПИСИ ЧТО ТЯНЕТ ДУШЕГУБСТВОМ К МОСКВЕ»

Высказывается еще иногда мнение, что наличие у древнерусского источника всего лишь одного списка — «непреодолимое препятствие для изучения истории его возникновения и бытования». Одной из жертв подобного взгляда является известная «Запись что тянет душегубством к Москве» (РНБ. Q. XVII. 58. Л. 62 об., 66–67 об., конец третьей четверти XV в.). Несмотря на двухвековое изучение «Записи», дискуссионными остаются вопросы ее характера, датировки и многие аспекты содержания.

Одной из ключевых причин споров и проблем в использовании данных памятника является недостаточное внимание к базовым вопросам его палеографии и текстологии. Между тем анализ списка «Записи» дает немало указаний на историю его появления и бытования в окружении потомков Калиты, а также позволяет пересмотреть многие устойчивые представления о характере содержащихся в источнике сведений о московских судах и судьях.

Историками уже было предпринято несколько попыток проанализировать возможность поэтапного возникновения «Записи что тянет душегубством к Москве», опираясь на хаотичность структуры, а также на наличие явных вставок (П. Н. Мрочек-Дроздовский, Л. В. Черепнин, А. Л. Хорошкевич, Г. В. Семенченко). К сожалению, эти опыты не опирались на разбор особенностей сохранившейся копии памятника.

Так, А. Л. Хорошкевич отметила только инородность упоминаний великокняжеского тиуна в Статье 4 «Записи», посвященной распределению судебных доходов между московскими наместниками. Однако особенности списка позволяют сделать вывод о том, что весь этот раздел («пошлины устав») отсутствовал в архете источника. Важно также, что Статья 4 является результатом постепенного и не всегда удачного включения в текст «Записи» разновременных интерполяций и глосс, принадлежавших нескольким людям.

Ключ к расшифровке истории Статьи 4 — анализ принципов расстановки инициалов и отступлений от них в списке «Записи» (не в полной мере учтенных в публикациях памятника). Дело в том, что переписчик дошедшей до нас копии совершил не менее 7 достаточно грубых ошибок, часть которых он сумел исправить, а часть — нет. Так, он пропустил начало Статьи 4, но затем на этапе простановки инициалов поправился: она начинается обведенной киноварью коричневой строчной буквой. Однако копист не заметил и конец «пошлини устава». Следующая Статья 5, посвященная порядку суда над иногородними подданными московских князей, в источнике начинается с коричневой строчной буквы. Для переписчика ее вводная фраза была продолжением предыдущего «параграфа» про пересуд: «А пересуд идет с рубля по десяти денег, а менши рубля пересуда нет; а кто учнет безчестия искать, то со всякого пересуд и что городов великого князя и волостей и сел, и великих кнеини. И удельных князей городов и волостей и сел, кого поимают за поличным на Москве, судит его наместник...». Сходные ошибки — сбои в разграничении «наместничьих» и «тиунских» клауз. Копист старался начинать каждую из них с киноварного инициала. Пропустив один раз начало «клаузулы» о получении великокняжеским тиуном трети «вяжущего», идущей после указания о размере «поголовицы», причитающейся наместникам, переписчик обвел строчную букву киноварью. Но дважды «параграфы», посвященные наместникам и тиуну великого князя, так и остались ничем не отделенными друг от друга. Особенно важно, что в одном из этих случаев в единой для кописта «клаузуле» оказались слиты идущие первыми тиунские доходы от вязчего и наместниччи — от пересуда. Менее явная ошибка — невыделение переписчиком клаузы о доходе

великокняжеского тиуна при пересуде, расположенной между начинаящимися киноварью клаузами о его прибытке при «поле» и «душегубстве».

Понять причину этих многочисленных сбоев помогает другая исправленная копиистом ошибка. Он пропустил имеющуюся в «матице» фразу о доходе великокняжеского тиуна при расследовании дел об убийстве, заметил свой «ляп» и подставил ее затем на полях еще до этапа простановки киноварных инициалов. При этом в конце вставки он поместил четвероточие и отделил линией текст на полях от столбца и от свободного пространства сверху, снизу и слева. Такое «сугубое» стремление обозначить пределы интерполяции не встречается нигде больше в рукописи, содержащей обильную правку «статьй» сборника с княжескими уставами и грамотами. Мотивом к этому могло быть только то, что переписчик имел дело с протографом «Записи», листы которого содержали большое количество трудно разбираемых межстрочных глас и маргиналий, частично пересекающихся друг с другом и текстом.

Текстологический анализ Статей 3–5 «Записи» подтверждает палеографические наблюдения о том, что «пошлины устав» разорвал следующие в архетеце памятника одна за другой третью и пятую статьи. При этом важно, что сведенные вместе в хаотичном порядке гласы о распределении доходов от московского суда вносились в промежуточные протографы «Записи», как минимум, тремя людьми. Для одного из них было важно обязательное разделение «прибытков» между всеми тремя столичными наместниками. Для другого это не имело никакого значения. Для третьего автора Статьи 4 интерес представляли исключительно доходы великокняжеского тиуна, но не материальное обеспечение наместников и удельных тиунов.

Палеографический и текстологический анализ «пошлини устава» «Записи» что тянет душегубством к Москве» свидетельствует против признания памятника княжеским законодательным актом. Как следствие, забытое и несколько анахроничное высказывание П. Н. Мрочека-Дроздовского о том, что «Запись» была «приказным руководством московским судьям», требует более внимательного рассмотрения. Одновременно необходимо самым серьезным образом учитывать сложный характер и дефектность Статьи 4 при использовании данных «Записи».

И. Г. Бурцев (Тула)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК БОЛОТО 3 – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОГОСТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

В 2009 г. в Алексинском районе Тульской области в среднем течении р. Крушка (правый приток р. Ока) к юго-западу от д. Болото было выявлено селище Болото 3. Его особенность в том, что среди подъемного материала было всего 4 фрагмента малоинформационной керамики и много предметов личного обихода. Учитывая близкое расположение старого кладбища и руин здания (вероятно, церкви), можно было предположить о связи находок со стариным сельским кладбищем.

В книге П. И. Малицкого [Малицкий, с. 58] действительно упомянуто в этой местности село Рождество-Слуки, которому по преданию около 500 лет. На карте России 1871 г. отмечено село Рождественской — название для села не вполне обычное. И действительно, карты XVIII и первой половины XIX в. свидетельствуют о том, что на этом месте находился погост: в 1851 г. — погост Рождественский, ранее — «погост что на Луках». В «Экономических примечаниях» к Генеральному плану уезда (конец XVIII в.) говорится: «53. Погост и писцовая церковная земля что на слухах церкви Рождества Христова владения того погосту»¹.

В алексинских межевых книгах 1685 г. упоминается имя «Рождественского попа» (Данила), ориентир: «дорощка, что ездят из Алексина к Рождеству Христову на Луки», «до дороги Алексинской, а Рождественской тож», «Рождественская дорощка»². П. И. Малицкий указывал, что современный ему храм был третьим по счету и построен в 1775 г. Предыдущий храм был возведен, согласно надписи на храмозданном кресте, в 1648 г. Соответственно, первый храм был построен раньше, вероятно, еще в XVI в.

В связи с тем, что на памятнике не проводилось раскопок, нельзя стратифицировать археологические находки. Тем не менее попробуем определить хронологические рамки бытования выявленных здесь предметов.

¹ Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив». Ф. 291. Оп. 14/58. Д. 2. Л. 42.

² Писцовые книги Тульского края. Ч. 1. Алексинский уезд // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. I. С. 439, 442, 455, 456, 621.

Серебряная копейка сильно деформирована, от надписи осталось несколько букв. Учитывая сохранившуюся литеру «Ф», можно отнести копейку к периоду между 1584 и 1682 г. Обращает на себя внимание нехарактерное расположение букв и редко встречающаяся литера «Э» (вместо «С») в слове «князь». Изучение монеты предстоит продолжить.

Серия пуговиц, найденных на памятнике, относится, скорее всего, к XVII—XVIII в., но некоторые, по мнению ряда исследователей, могли производиться и раньше. Перстни, судя по технике и мотивам, относятся к XVI—XVIII в., хотя для некоторых перстней находятся более ранние аналогии.

Нательные кресты и их фрагменты можно датировать XVII — началом XIX в., они имеют аналогии или близки разным вариантам типов I и VI, типу V крестов XVII в. [Винокурова, с. 333—334, 336, 340—344]. Полная аналогия одного креста происходит из Днепропетровска и относится к XVII в. [Векленко, с. 42—43]. Наиболее интересны фрагменты двух крестов: один является частью перекладины энколпиона XIII—XV в. или подражания ему; второй, нижняя часть с изображением трех святых, является частью креста XV—XVI в. Фрагмент медной складной иконки с изображением Богородицы имеет аналогии в собраниях Ханенко (автор издания относит ее к XIII в.), Уварова, Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (XVI в., по иконографии XIV в.). Однако на обороте центральной части этих икон помещены изображения змей в круге и поражающий змей святой, в нашем случае изображений нет.

Выявленный нами погост располагался в Конинском стане Алексинского уезда. Город Алексин в начале XIV в. был тарусским, затем был продан митрополиту Петру, а в 1390—1392 г. обменен великим князем московским Василием Дмитриевичем у митрополита Киприана на ростовскую волость Карап. Территория Конинского стана в это время относилась к владениям Одоевско-Новосильского дома и только в конце XV в. вошла в состав Московского княжества. В 1480 г. Конин упомянут среди московских земель, а в 1503 г. великий князь московский Иван Васильевич завещал Алексин и Конин среди прочих старшему сыну Андрею.

Исследование Н. В. Ивановым 52 погостов соседних Тульского, Каширского и Дедиловского уездов XVI в. [Иванов, с. 56—65] показывает, что погосты располагались на «царя и великого князя земле», состояли из одной-двух церквей, домов причта и келий для нищих. У каждого погоста были свои пашни и угодья. На основе анализа археологических данных Н. В. Иванов констатировал отсутствие преемственности погостов с более ранними памятниками.

Таким образом, выявленное селище Болото 3 являлось местом расположения погоста Рождественского «что на Луках». Начало функционирования погоста должно быть связано с созданием в XVI в. Алексинского уезда — об этом говорят археологические находки. Погост должен был располагаться на «государевой земле», служить делу укрепления великокняжеской власти на вновь присоединенной территории.

Литература

- Векленко В. А. Нательные кресты Самари — Богородицкой крепости. Днепропетровск, 2010.
Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999.
Иванов Н. В. Погосты XVI в. на территории Тульского, Дедиловского и Каширского уездов // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 2.
Малицкий П. И. Приходы и Церкви Тульской епархии. Тула, 1895.

С. В. Васильев (Санкт-Петербург)

ЛИЧНОЕ НАЧАЛО В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ И I ЛИТОВСКОГО СТАТУТА

В правоотношениях Псковской Судной грамоты (далее — ПСГ) и I Литовского Статута (далее — ЛС) обнаруживается ряд общих черт, которые можно охарактеризовать как «личное начало».

Древнейшим видом кары за преступления были месть, саморасправа. Остатком древнего обычая самосуда в ПСГ является право истца самому доставлять своего ответчика в суд, но запрещение при этом истязать ответчика, то есть сводить с ним счеты бессудно. Примечательно, что ПСГ использует специальную терминологию для обозначения таких истца и ответчика. Истец, доставляющий своего ответчика в суд, называется «ограмочим», а ответчик — «ограмочным» [Устрялов, с. 97]. Истец по ПСГ сам участвует в обысках, сам отвечает за неисправность отпущеных ему князем приставов. Сходные отношения рисует и ЛС: «Тэж уставуем: если кто имеет трести чый дом, будучи сведом або тэж через соков доведавшия лица...»¹.

¹ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. Ст. 26, р. XIII. С. 130.

Как ПСГ, так и ЛС разрешают мириться противным сторонам (обиженному и обидчику). Ст. 80 ПСГ говорит: «А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а tolко приставом не позовутся а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет»². Мирящиеся стороны ПСГ лишают, таким образом, князя полагавшейся ему «продажи». Личное начало в праве возвышается здесь над государственной, общественной властью. Примириение тяжущихся сторон, по ПСГ, могло произойти и на любой стадии судебного поединка — «поля». В этом случае не только князь лишался «продажи», но и приставы теряли половину своего вознаграждения. Норма о примирении во время «поля» известна и Судебнику 1497 г.: «А досудятся до поля да помирятся и ему имати по грамоте»³. Истец, по ПСГ, мог простить своему ответчику как в уголовном, так и в гражданском деле.

ПСГ вообще широко практиковала мировые сделки. Если преступник мирился с человеком, от него пострадавшим, до начала дела судебным порядком, то судебная власть не вмешивалась в их отношения и преступление оставалось ненаказанным. Мировая сделка, заключенная с преступником, избавляла его от наказания [Устрялов, с. 60]. Мировые сделки широко практиковались и в Новгородской земле, где сформировался особый институт «рядцов». По мнению С. В. Юшкова, «рядцы в какой-то мере совмещали функции послухов и третейских судей»⁴. Несколько иного мнения о данном институте придерживается О. В. Мартышин: «Рядцы играли роль не третейских судей, а примирителей, посредников, помогающих сторонам при заключении мировой сделки...» [Мартышин, с. 331–333].

В Великом княжестве Литовском (далее — ВКЛ) мировые сделки облагались своего рода налогом в пользу великокняжеской власти. Так, по Новогрудскому привилею 1440 г.: «А побьется товарыш с товарышом, а за децким простятся, ино с мирцины коуница шерстью»⁵. Аналогичная норма содержится и в Витебском привилее 1510 г.: «Теж которые витьбляне побьют ся межы собой а за децьким поеднают ся, ино нам куница шерстью з мирцины»⁶. Следует отметить, что сходные правоотношения просматриваются и в ст. 53 Судебника 1497 г.: «А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд идти не восхотят, и они доложа судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженого»⁷. В ЛС примирение носит название «еднане». Весьма интересна в этом отношении ст. 36, р. VI (Слуцкого списка), говорящая о порядке совершения «еднаня». Статья запрещает самовольные сделки, совершенные вне суда: «А тые, которые бы при таком еднани нерадном (то есть безсудном. — С. В.) были а печати свои к еднаным листом клали, повинни будуть платить нам, господару, три рубли грошей»⁸. «Еднаня», таким образом, фиксируются в особых судебных документах — «еднаных листах» — свидетельство того, что институт мировых сделок получил в правовой системе ВКЛ достаточно развит. Ст. 21, р. VII ЛС, карающая за разбойное нападение на дороге, допускает возможность для жертвы этого преступления «перееднати» «разбойника»⁹. Многие нормы уголовного права ЛС носят выраженный личный характер.

Остатки древнего самосуда еще ярче выступают в достатутовый период. Даже убийство было частным делом убийцы и родственников убитого, хотя бы суд и рассмотрел это дело. Исполнение приговоров находилось в руках частных лиц. В ВКЛ примирение преступника с потерпевшим было явлением весьма распространенным. Прошение преступника о помиловании называлось «покорою», «покутою»; заключалось оно в том, что виновный просил о помиловании непосредственно потерпевшего¹⁰.

Интересно отметить, что термин «покора» в хорватском Полицком Статуте обозначает «наказание» [Греков, с. 314], а термин «покута» у чехов имел значение «пеня», «штраф», «возмещение убытков» [Палацкий, с. 14]. У чехов «покорой» назывался особый обряд примирения в кровной мести [Косвен, с. 80–83; Ермолович]¹¹. Бытование терминов «покора», «покута» и у восточных, и у западных, и у южных славян указывает, как следует полагать, на большую древность не только кровной мести, но и института примирения враждующих сторон.

² Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. I. С. 339.

³ Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. II. Ст. 38. С. 59.

⁴ Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1953. Вып. II. С. 200.

⁵ Рукописные памятники. СПб., 1997. Вып. 4. С. 223.

⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8. Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995. № 387. С. 290.

⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. II. С. 61.

⁸ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 82.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Об институте примирения в кровной мести у албанцев см.: Памятники обычного права албанцев османского времени / Сост. Ю. В. Иванова. М., 1994. С. 29–30.

Литература

- Греков Б. Д. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XIV—XVII вв. М., 1951.
- Ермолович В. И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы // Право и демократия. Минск, 2008. С. 89—92.
- Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925.
- Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
- Палацкий Ф. Сравнение законов царя Стефана Душана с древнейшими земскими постановлениями чехов. М., 1846.
- Устрилов Ф. М. Исследование Псковской судной грамоты 1467 года. СПб., 1855.

A. M. Введенский (Санкт-Петербург)

ЧАСТОТНОСТЬ ПРЕДЛОГА «НА» В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ

Как показал в своем докладе Ф. Н. Двинягин на XLII филологической конференции СПбГУ, почти во всех произведениях русской литературы XI—XX в. количество употреблений предлога *в* в тексте выше, чем предлога *на*. Выбиваются из этого стройного ряда, по мнению Ф. Н. Двинягина, лишь два произведения древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Как показывают наши изыскания, список произведений, приведенный Ф. Н. Двинягиным, можно дополнить. Нам удалось выявить еще восемь древнерусских произведений, в которых предлог *на* превышает по частотности употребления предлог *в*. Приведем эти и выявленные Ф. Н. Двинягиным произведения в порядке возрастания предлога *на* в процентном соотношении относительно предлога *в*:

1. Сказание о нашествии Едигея (*на* — 39, *в* — 37 = 51,3 % предлога *на* от общей суммы предлогов *в* и *на*).
2. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (*на* — 116, *в* — 101 = 53,5 %).
3. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского (*на* — 44, *в* — 37 = 54,3 %).
4. История иудейской войны Иосифа Флавия (*на* — 1490, *в* — 1021 = 59,3 %).
5. Слово о полку Игореве (*на* — 69, *в* — 48 = 59,5 %).
6. Летописная повесть о Куликовской битве (*на* — 95, *в* — 62 = 60,5 %).
7. Сказание о Мамаевом побоище (*на* — 208, *в* — 135 = 60,6 %).
8. Повесть о стоянии на Угре (*на* — 24, *в* — 13 = 64,9 %).
9. Задонщина (*на* — 83, *в* — 43 = 65,8 %).
10. Сказание о князе Дракуле (*на* — 61, *в* — 26 = 70 %).

При первом взгляде на этот список бросается в глаза, что восемь из десяти произведений можно с некоторыми оговорками отнести к жанру воинской повести. Может сложиться впечатление, что увеличение частотности предлога *на* по отношению к предлогу *в* следует объяснять особенностями построения нарратива в жанре воинской повести, для которой, к примеру, характерна высокая частотность интересующего нас предлога.

Но представляется, что целесообразно подойти несколько по-другому к вопросу о соотношении предлогов *в* и *на* в литературных произведениях. Следует обратить внимание не на соотношение предлогов между собой в тексте, а на процент данных предлогов по отношению к количеству словоформ того или иного произведения. Как показывают расчеты по Национальному корпусу русского языка (www.ruscorpa.ru), процент употребления предлога *на* для русских текстов составляет 1,513 от всех словоформ. Для корпуса древнерусских текстов этот процент чуть выше и составляет 1,714 от всех словоупотреблений. Для корпуса среднерусских текстов — 1,816%.

Если вернуться к нашим текстам, то четыре из них будут близки к среднестатистическому показателю предлога *на* в древне- и среднерусских текстах: Повесть об убийстве Андрея Боголюбского (1,684%), История иудейской войны Иосифа Флавия (1,76%), Сказание о нашествии Едигея (1,796%), Сказание о Мамаевом побоище (1,905%). Остальные тексты имеют частотность употребления предлога *на* более 2% от всех словоформ: Повесть о стоянии на Угре (2,046%), Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (2,146%), Летописная повесть о Куликовской битве (2,47%), Слово о полку Игореве (2,48%), Сказание о графе Дракуле (2,539%), Задонщина (2,954%).

Разберем причины высокой частотности *на* для четырех произведений с наибольшим из всех памятников процентом его употребления — это два произведения из Куликовского цикла с примыкающим к ним Словом о полку Игореве и Сказание о Дракуле, написанное, скорее всего, Федором Курицыным в конце XV в.

Высокая частота предлога *на* (61 употребление на 2403 словоформы) в последнем памятнике связана с любимым способом графа Дракулы избавляться от неугодных ему людей — он это делал путем «сказания на кол» (13 предлогов употребления *на* при слове *колъ* и производных, что составляет 21% от всех *на* в тексте произведения).

Как кажется, причина высокой частотности *на* в произведениях Куликовского цикла и Слове о полку Игореве состоит в повторах предлога *на* в согласованных именных группах, в сочиненных именных группах, и также с предлогом *на* оформляются параллельные синтаксические конструкции, что можно оценить как поэтический прием.

В летописной повести о Куликовской битве насчитывается 13 повторов *на* в сочиненных именных группах, 1 — в согласованных и дважды предлог дублируется при параллельных синтаксических конструкциях. В Слове о полку Игореве насчитывается 12 повторов и двойных повторов предлога (4 — 2 — 6), а в Задонщине 19 (12 — 3 — 4). Если бы повторов предлогов не было, то во всех трех произведениях частотность предлога *на* была бы лишь несколько завышена по сравнению со средним значением.

Как можно видеть, для произведений с наибольшей частотностью предлога *на* не существует какого-нибудь единственного объяснения причины высокого употребления данного предлога. К примеру, в Повести о стоянии на Угре высокая частотность этого предлога объясняется употреблением *на* с основным топонимом (*Кременецъ*) и гидронимом (*Угра*) произведения.

E. M. Верещагин (Москва)

К ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ ДАТЫ НАЧАЛА АЗБУКОТВОРЧЕСКОЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВВ. КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Дата начала трудов славянских первоучителей указана в «Сказании о письменах» черноризца Храбра (X в.): «Святыи Константий философъ, нарицаемый Кириль, тъи намъ писмена створи и книги прѣложи... въ лѣта 旣 създания въсего мира 旣 6363 г.». Буквоцифры дают «от создания мира» 6363 г., однако при определении даты «от Рождества Христова» возникают затруднения. Если держаться летосчисления Александрийской эры, то устанавливается 863 г., но если применить Византийский счет, то начало славянской письменности относится к 855 г. Обе системы счета конкурировали и употреблялись в Византии в IX в.

Часть исследователей предпочла прочитать сообщение Храбра в согласии с Византийской эрой. Так была сформулирована византийская гипотеза. Она аргументируется логическими выкладками: если, согласно Пространному житию Константина-Кирилла (ПЖК), первоучитель получил задание создать азбуку и выполнить переводы в самом конце 862 г., а весной 863 г. отправился в Великую Моравию, уже имея на руках азбуку и переведенные книги, то невероятно, чтобы столь грандиозная работа была выполнена за «невозможно» короткий срок.

Вторая гипотеза, отодвигающая создание славянской азбуки вообще в глубь веков, может быть названа типологической. Ее пропоненты включают славянский алфавит в число миссионерских азбук VI—VII в.

Третья гипотеза — корсунская. Она поконится на сообщении ПЖК, согласно которому Кирилл отыскал в Корсуне Евангелие и Псалтырь «русьскими письмены писано».

Четвертая гипотеза — малоазийская. В согласии с ней, Кирилл и Мефодий, когда в период 856—860 г. пребывали в малоазийском монастыре (предположительно Полихроне), не могли заниматься ничем иным, кроме как изобретением славянской азбуки. Гипотеза имеет две разновидности: априорную и источниковоедческую. Эта последняя и будет подвергнута в докладе филологическому анализу, результатом которого является удержание традиционной даты.

Т. Л. Вилкул (Киев)

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА В ЛЕТОПИСНЫХ СТАТЬЯХ X–XI в. (Повесть временных лет и Новгородская первая летопись младшего извода)

В статьях за X–XI в. в Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшей редакции использованы фрагменты произведения «родственного» летописанию жанра всемирной хроники — Хроники Георгия Амартола. Согласно А. А. Шахматову, привлекавшему достаточно обширный список заимствований из Амартола [Шахматов, с. 41–61], один из ранних летописцев, составитель Начального свода 1090-х годов, использовал Хронограф по великому изложению, состоявший преимущественно из извлечений из Амартола, и эта версия отразилась в НПЛ мл, а 20 годами позже составитель ПВЛ опирался уже на полный перевод Хроники. Сопоставляя тексты, А. А. Шахматов учитывал обширные заимствованные фрагменты (как, например, перечень стран, распределенных между сыновьями Ноя), а также микрозаимствования (выражение «Скуфию рекше Козары» и др.). Методика работы с микрозаимствованиями усовершенствована в исследованиях более поздних летописных сводов XII–XIII в. Книжники XII–XIII в. по разным причинам предпочитали небольшие и часто переделанные включения из своих источников (на материале Толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского и Галицко-Волынской летописи [Толочко, с. 201–209], хронографических источников и Киевского свода [Вилкул 2010, с. 382–397]). С учетом этих разработок можно пополнить перечень чтений из Амартола в статьях ПВЛ и НПЛ мл за X–XI в.

Обратимся к записи под 980 г. Здесь князь Владимир Святославич сравнивается с Соломоном: «бѣ бо женолюбецъ . якоже и Соломанъ . бѣ бо рече оу Соломана жень 700 а наложница 300» (80.12–13Л, НПЛ, с. 128–129). Текст заимствован из Ам.147–148: «цръ Соломонъ бѣ женолюбецъ и бяхоу емоу владоуще . и наложніцъ .т.» (по: [Истрин]). Пассаж восходит к 3 Цар 11: 3, но в 3 Цар нет о «женолюбии» Соломона, и вместо «наложніцъ» видим «хотии»: «И бы^с емоу жень веденицъ .з. со^т . а хотіи .т.» (цитируется по Виленскому (Л. 358) и Троицкому (Л. 131б) хронографам). Под 971 г. говорится о голоде в стане Святослава: «бѣ гладъ великъ . яко по полугривнѣ глава коняча» (73.31–74.1Л, НПЛ, с. 124). Ср. Ам.180 «бы^с гладъ велии яко продатися главѣ ослина .л. сребрьникъ» и Ам.363 «толикъ гладъ одержаше и яко и кониноу и мыщиноу ясти имъ».

Под 945 г. диалог Ольги и древлян начинается таким образом: «добрѣ придоша гостье» (55.29Л, НПЛ, с. 111; редкий случай, когда исходный текст, по-видимому, сохранился в НПЛ мл, в ПВЛ же «добрѣ гостье придоша»). Ср. Ам.442 «добрѣ придоша дроузи Х^сви», ср. также Ам.332 «добрѣ да приде ч^тныи Селивистре». Отыскиваются новые параллели в XI в. Под 1074 г. описываются обычай св. Феодосия: «вшедъ в печеру . и затворяще двери печерь и засыпаще перстью... оконцемъ малы^м бесѣдоваше. в суботу ли в недѣлю . а во ины дни пребывающе в постѣ и млтва^х...» (185.19–25Л, НПЛ, с. 199–200). Близкий аналог находим в Ам.390 о монахе Иоанне при царе Феодосии: «блг^свяще бо точю дверциами и цѣлованье даяше к нему приходящимъ . и тыя не повсегда нѣ дважды не^лею . въ соу^бтоу и в не^лю а прочая дѣни невидимъ бѣаше никакомъ же члвкмъ».

Под 1068 г. в летописях встречается крайне редкий оборот «говорити на» в смысле «роптать». Он фиксируется только для Ам. и ПВЛ, а также НПЛ мл. Ср.: «и начаша людие говорити на воеводу на Коснѧчка» (171.2–3Л, НПЛ, с. 189; так во всех списках, кроме Лаврентьевского, где поздняя правка: «/люди/его корити»); Ам.429 «начаша вси говорити на нь» и Ам.469 «начя^т... говорити на цря».

В этих и иных примерах (частично рассматривались [Вилкул 2007, р. 75–76; 2012, р. 1–15]) в общем тексте ПВЛ и НПЛ мл использованы, в основном, фрагменты полного перевода Хроники Амартола, не вошедшие в памятники семьи Хронографа по великому изложению. См. описание состава хронографических палей, Троицкого хронографа и Елинского летописца 2-й редакции [Творогов, с. 237–304].

Литература

- Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. XV. № 2. Cambr., Mass., 2007. Р. 56–116.
Вилкул Т. Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–397.
Вилкул Т. Л. О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. Т. XX. № 1. 2012. Р. 1–15.
Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1.
Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1970.
Толочко А. П. Галицкие «приточники» // *Ruthenica*. К., 2008. Т. VII. С. 201–209.
Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. IV. С. 9–150.

B. Г. Вовина (Санкт-Петербург)

С. В. БАХРУШИН И М. Н. ТИХОМИРОВ: К ВОПРОСУ О ШКОЛАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

М. Н. Тихомиров в исследовании древнерусских сюжетов в значительной степени, особенно в последний период жизни, опирался на летописи. Его учитель С. В. Бахрушин опубликовал при жизни только работы о сибирском летописании, которое было, однако, одной из его основных тем. Широко известны проведенный им сравнительный анализ Есиповской и Строгановской летописей и его вывод о том, что они восходят к общей основе — не дошедшему до нас казачьему «Написанию». К этому же гипотетическому тексту исследователи сибирского летописания после С. В. Бахрушина, как правило, возводят и другие летописные памятники о взятии Сибири. Нельзя не увидеть тут некоторой параллели с представлениями о возникновении киевского и новгородского летописания в древности — восхождение к несохранившемуся общему ядру сразу нескольких летописных текстов.

Отношение С. В. Бахрушина к творчеству А. А. Шахматова видно из его замечаний на защите кандидатской и докторской диссертаций А. Н. Насонова. С. В. Бахрушин видел в летописи, прежде всего, источник информации об исторических явлениях. Реальный летописный текст мог быть таким источником. Но реконструкция не вызывала такого же доверия. Недостатки работы А. Н. Насонова по С. В. Бахрушину — это пороки шахматовского метода. М. Н. Тихомиров на той же докторской защите А. Н. Насонова развил мысль С. В. Бахрушина, говоря о необычайной гипотетичности, об отходе от наличного летописного материала. По представлению М. Н. Тихомирова, любая гипотеза должна быть в конце концов подтверждена или опровергнута. И он не был уверен в возможности подтвердить когда-либо гипотезы А. А. Шахматова. Таким образом, М. Н. Тихомиров был готов взять у А. А. Шахматова сравнительный метод, но не брать всего остального, что составляло суть шахматовского мировоззрения и шахматовской схемы.

Имеется посмертно опубликованная статья С. В. Бахрушина о начале древнерусского летописания (издана А. М. Дубровским). Ранее не обращалось внимания на то, что основные мысли именно этой статьи были развиты затем М. Н. Тихомировым: о том, что «Повести временных лет» предшествовали более ранние краткие записи, лишенные дат; что их можно назвать «Повестью о первых русских князьях» и она была составлена в первой половине XI в. в Киеве. Сравнение данной статьи С. В. Бахрушина и неопубликованной и незаконченной последней монографии М. Н. Тихомирова о начале древнерусского летописания позволяет проследить, каким образом и под влиянием каких обстоятельств мысли учителя трансформировались М. Н. Тихомировым в собственную концепцию возникновения русского летописания.

A. В. Волков (Санкт-Петербург)

КЕЛЕЙНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО И «СЛОВАРЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН» КОНРАДА ГЕСНЕРА

Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского (1651–1709) — единственная в истории русской словесности попытка создать труд, объединяющий в себе толкование Священного Писания и изложение событий всемирной истории. При его написании святитель ориентировался на западноевропейские образцы, прежде всего на толкования Священного Писания, принадлежащие перу католических богословов, что позволяет рассматривать это сочинение «как компиляцию памятников иезуитской экзегетики» [Янковская, с. 337].

Однако содержание Келейного летописца не исчерпывается изложением и толкованием Священной истории: определенная часть памятника представляет собой изложение истории государств Древнего Востока и античной мифологии — так называемой внешней истории. В этой части Димитрий Ростовский должен был руководствоваться источниками иного рода: историографическими сочинениями и трудами энциклопедического характера.

Обращение к ссылкам на источники, содержащимся в маргинациях в авторизованных списках Келейного летописца, позволяет установить, что из трудов энциклопедического характера Димитрий Ростовский чаще всего обращался к латиноязычному сочинению швейцарского ученого-энциклопедиста

Конрада Геснера (1516–1565) «Словарь личных имен» (*Onomasticon propriorum nominum*). Геснер известен главным образом благодаря своим трудам по ботанике и зоологии, однако вклад его в гуманитарные науки также значителен. «Словарь личных имен», впервые изданный в Базеле в 1549 г., многократно переиздававшийся до 1605 г., представляет собой объяснение имен мифологических и исторических персонажей, а также географических названий, встречающихся в сочинениях античных авторов, ссылками на которые снабжена почти каждая его статья.

В «Росписи книг келейных», составленной после смерти Димитрия Ростовского иеромонахом Филаретом, данное сочинение фигурирует под названием «Ономастикон». Каким изданием пользовался Димитрий Ростовский, нам неизвестно. Неизвестно также, сохранился ли принадлежавший святителю экземпляр. Мы пользуемся для исследования последним базельским изданием 1605 г.

В наиболее изобилующем маргиналиями авторизованном списке Келейного летописца (ГИМ. Синодальное собр. № 53) имеются 15 непосредственных отсылок к «Словарю личных имен»: 11 — к статьям о персонажах античной мифологии, 4 — к статьям по истории государств Древнего Востока.

Материалы «Словаря личных имен» Димитрий Ростовский использует главным образом в дополнение к сведениям, заимствованным из историографических трудов, прежде всего «Обозрения истории» Георгия Кедрина и «Всемирной хроники» Иоанна Навклира. Например, излагая историю рождения бога Марса по «Всемирной хронике», святитель попутно ссылается на статью о Марсе из «Словаря...»; у Геснера он заимствует и сведения о воспитании Зевса на Крите, которые дополняют изложение истории Сатурна и Зевса, основанное на комментариях Валериана Отвиновского к «Метаморфозам» Овидия.

Однако в ряде случаев труд швейцарского энциклопедиста служил для Димитрия Ростовского главным источником сведений. Так, краткое известие о Бактрианском царстве представляет собой пересказ соответствующей статьи из «Словаря личных имен». Заключительная часть главы о «богах поганских», не имеющая хронологической привязки, а призванная обличить «нечестие» «басен елинских», при ближайшем рассмотрении оказывается компиляцией из «Словаря...»: как нам удалось установить, статьи из него соответствуют абзацам, посвященным таким персонажам, как Коронида, Хирон, Ганимед, Геба, несмотря на отсутствие в маргиналиях прямых упоминаний труда Геснера; впрочем, вынесенные на поля имена мифологических героев можно воспринимать как отсылки к соответствующим статьям «Словаря...».

Труд Геснера оказал определенное влияние на стиль Келейного летописца: фрагменты, основанные на статьях из «Словаря...», характеризует сжатость, отличающая их от пространного изложения Священной истории.

«Словарь личных имен» позволил Димитрию Ростовскому сослаться на некоторые сочинения, к которым он не мог обратиться непосредственно в силу отсутствия таковых в его келейной библиотеке. Так, рассказ о гробнице Семирамиды в списке Синодального собрания сопровождается двойной ссылкой на Геснера и Плутарха. В «Словаре личных имен» в статье о Семирамиде помещен перевод фрагмента из приписываемых Плутарху «Изречений царей и полководцев». Этого сочинения в библиотеке святителя не было, и первоисточником для него в данном случае послужил словарь Геснера. Рассказывая о циклопах, Димитрий Ростовский в тексте Келейного летописца упоминает «стихотворца елинского Вергилия». Сочинений Вергилия в келейной библиотеке святителя не имелось, зато отсылка на восьмую книгу «Энеиды» присутствует в «Словаре личных имен» в статье о циклопах. Хотя в данном фрагменте Келейного летописца ссылок на Геснера не обнаружено, закономерно предположить, что упоминание Вергилия могло быть заимствовано именно из его словаря.

В целом, «Словарь личных имен» Конрада Геснера следует признать как важнейшим источником сведений по «истории внешней» для Келейного летописца, так и посредником между Димитрием Ростовским и античными авторами.

Литература

Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1994.

M. A. Гиршевич (Москва)

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЯТНИЦКОЙ ЦЕРКВИ И ГРАНИЦАХ ПЯТНИЦКОГО КОНЦА СМОЛЕНСКА

В 2012 г. в Смоленске, на территории между домами № 1 и 3 по Большой Краснофлотской улице, в процессе археологических работ сотрудниками ООО «Столичное археологическое бюро» Е. В. Львовой и М. А. Гиршевичем были найдены остатки храма XII—XIII в. Это сооружение не указано в работе Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» [Воронин, Раппопорт, с. 339], где картографированы все памятники смоленского зодчества, которые когда-либо были найдены или о которых упоминалось в источниках.

Территория, на которой были найдены остатки храма, в Средневековье носила название Пятницкого конца. Среди исследователей истории и топографии Смоленска до сих пор нет единого мнения о его границах.

Первое письменное упоминание о Пятницком конце встречается в «Жалованной грамоте литовского великого князя Александра Смоленскому епископу Иосифу на церковный обруб с дозволением селить на нем пришлых Русских, но не Литовских людей и освобождением их от наместниччьего суда и пошлин» от 17 марта 1497 г.: «...а тыхъ людей, которыхъ передъ тымъ церковъ Божья и владыки Смоленскіе мѣли, предки его, въ Пятницкомъ концы, и въ Крылошовскомъ концы, и на Васильевской горѣ, и за Днѣпромъ, намъ къ мѣсту нашему оступился»¹. Такое деление города мы видим на момент XV в., когда город находился в составе Великого княжества Литовского. Вероятнее всего, город и в более раннее время имел такие названия концов.

И. И. Орловский, повествуя об осаде Смоленска поляками в 1609 г., приводит выдержку из письма смоленского старосты, в которой можно проследить территориальное деление этого участка города: «Сентября 26-го дня ночью за 4 часа до разсвѣта подошель къ стѣнамъ Литовскій король съ людьми ратными; овладѣль въ Пятницкомъ концу острогомъ и сожегъ Пятницкій конецъ съ посадомъ, такъ что во всемъ посадѣ уцѣлѣло только 7 церквей» [Орловский, с. 54].

Название этих церквей можно найти в «Отписках Смоленских жителей дворянам и детям боярским...»: «А храмов только осталося на посаде: Покровъ, да Илья Пророкъ, да Печерская, да Григорей Богословъ, да Левонтей, да въ ямской слободе теплой храмъ, да Троица, да Екатерина на Крупашеве, да Михайлово Чюдо, да Никола летелой, а то все погорели»². Среди церквей, находящихся на территории посада и перечисленных в списке, есть церковь Николы Летелого. Об этом храме упоминает С. П. Писарев: «...как только перейдем мостик через Пятницкий ручей, то сейчас же на самой улице, по левую ея сторону, у дома г. Панова, встретим следы существования храма из древних кирпичных плиток. Это храм Николы Полутѣлого (тип Зарайского)» [Писарев, с. 150]. Скорее всего, остатки этого храма упоминает И. Д. Белогорцев, который в сентябре 1951 г. зафиксировал руины этого сооружения и назвал их «зданием неизвестного назначения». Южная часть этого сооружения была уничтожена в процессе строительства дома № 3 по Большой Краснофлотской улице, северная половина не исследовалась «и сохраняется под тротуаром выстроенного дома» [Белогорцев 1963, с. 136].

Границы Пятницкого конца были обозначены С. П. Писаревым в путеводителе по Смоленску [Писарев, с. 150]. На севере эта граница будет соответствовать береговой линии Днепра. В восточной части — от впадения в Днепр Смолитова ручья до крепостного вала. Пятницкая Водяная башня, расположенная рядом, в данном случае может служить маркером восточной границы этой территории. Южная граница Пятницкого конца, повторяя изгиб земляного крепостного вала, пролегала на юго-запад в сторону Пятницкой башни и доходила до Пятницкого ручья. На западе граница Пятницкого конца проходила по Пятницкому ручью, впадающему в Днепр.

Резонно предполагать, что Пятницкий конец получил свое название от храма св. Параскевы, находящегося на его территории, которая на Руси носила еще одно имя — Пятница. Св. Параскева (Пятница) являлась одним из двух патронов рыночной торговли, и церкви Пятницы стояли на базарных площадях многих русских городов — Новгорода, Чернигова, Полоцка, Дмитрова и др. Отметим, что и Новгородская Пятницкая церковь была возведена под непосредственным руководством смоленского зодчего.

¹ Акты относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. С. 166–168; Metrika Lietuvos. Кнуга Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. С. 155.

² Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. С. 318.

Еще более неясная ситуация с определением местонахождения Пятницкой церкви. С. П. Писарев, а вслед за ним и И. И. Орловский предполагали, что церковь находилась в районе Пятницкой Водяной башни [Орловский, с. 52]. Н. В. Трофимовский считал, что искомый храм находится в 50 саженях (около 107 м) от церкви Иоанна Богослова, на территории западнее Пятницкого ручья [Трофимовский, с. 222]. В июне 1951 г. И. Д. Белогорцев провел раскопки остатков церкви на месте современного дома № 5 по Большой Краснофлотской улице и сделал предположение о том, что это и есть Пятницкая церковь на Малом Торгу. Еще одни руины храма И. Д. Белогорцев локализовал как Большую Пятницкую церковь «вблизи угла улиц Войкова и Студенческой» [Белогорцев 1952, с. 113]. Вероятнее всего, это были остатки «теплой церкви» Пятницкого девичьего монастыря, находящегося внутри Смоленской крепостной стены и упоминавшегося в документах, связанных с осадой польскими войсками города в 1609 г., которые были изданы Ю. В. Готье³.

Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт в своей работе указывали на возможную ошибку И. Д. Белогорцева, определившего раскопанную церковь как «Пятницкую», предложив считать это название условным [Воронин, Раппопорт, с. 279]. Вероятно, знание и опыт не позволили нашим выдающимся исследователям древнерусской архитектуры делать скоропалительные выводы. Не будем делать этого и мы. Отметим лишь то, что храм, обнаруженный в 2012 г., является пока единственным, найденным в границах Пятницкого конца.

Литература

- Белогорцев И. Д. Новые исследования древнесмоленского зодчества // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1952. Вып. 1. С. 88–92.
- Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки XII века в Смоленске. Материалы к археологической карте (схеме) // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. 5. С. 129–145.
- Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.
- Орловский И. И. Смоленская стена 1602–1902. Смоленск, 1902.
- Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очерк, указатель и путеводитель. Смоленск, 1898.
- Трофимовский Н. В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864.

³ Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.) / Под ред. Ю. В. Готье // Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. М., 1912. Вып. 6. С. 55, 122.

O. V. Gladkova (Moscow)

КАЛУЖСКАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

Сборник Кл. 7055 (7184) XVII в., находящийся в настоящее время в Калужском областном краеведческом музее, давно введен в научный оборот: еще в XIX в. его описал архимандрит Леонид¹. Многие вошедшие в сборник памятники, к числу которых относится и Повесть о Петре и Февронии, хорошо известны². «Калужский» текст Повести (нач.: *Се ўбо в рѹсисте* (так!) *земли грѣ нарицае/мы мѹромъ*) обладает рядом индивидуальных содержательных отличий, что позволяет классифицировать его как новую литературную редакцию произведения.

В фундаментальном труде Р. П. Дмитриевой, посвященном Повести о Петре и Февронии [Повесть о Петре и Февронии], «калужский» текст памятника никак не рассматривался, не привлекал он внимания, насколько мы можем судить, и других исследователей, так что наш доклад должен восполнить этот пробел.

Данный текст мы предлагаем назвать Калужской редакцией (далее — *K*) — по месту нахождения сборника. В нашем докладе мы остановимся, во-первых, на содержательных, литературных отличиях *K*,

¹ [Леонид, архим.] Обзорение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии / Сост. архим. Леонид // ЧОИДР. М., 1865. Т. 55. Кн. 4, ч. 5. С. 28–33.

² Согласно архим. Леониду, в сборнике содержится 62 произведения, среди которых «Страдание, и страсть, и похвала Святых Великомученик Бориса и Глеба», жития Феодора Ярославского, Михаила Черниговского, Сергия Радонежского, Антония Римлянина, Дмитрия Прилуцкого, Исидора Ростовского, Прокопия Устюжского, Авраамия Городецкого; Козьмы и Дамиана, Евстафия Плакиды и др.

во-вторых, на истории ее сложения и месте в системе списков Повести и, в-третьих, на вопросе о времени возникновения редакции.

С точки зрения содержания *K* прежде всего отличается тем, что в начальном «прообразовательном» сюжете о победе над змеем³ ее редактор по-своему попытался уравновесить роли двух братьев — змееборца Петра и властителя Павла; иначе, по сравнению с другими текстами Повести, изложены в *K* обстоятельства поиска и обретения «Агрикова меча».

Список Повести из калужского сборника представляет собой новую самостоятельную редакцию памятника, которая занимает особое место в ветви одного из известных вариантов Повести Первой редакции (так называемого варианта *MDA*) и свидетельствует о нелинейном развитии традиции, о сложном взаимодействии не дошедших до нас списков Повести. Скорее всего, *K* является региональным текстом, то есть представляет собой обособленно формировавшуюся провинциальную ветвь, как, например, входящая в тот же сборник Калужско-ковровская редакция Жития Евстафия Плакиды [Гладкова 2010, с. 643–644].

Время создания *K* на настоящий момент можно определить лишь крайне приблизительно: после 50–60-х годов XVI в., то есть времени создания «варианта *MDA*», и до 1676 г., даты, указанной во вкладной записи рукописи.

Изучение *K*, сопоставление ее со всеми другими известными вариантами и редакциями Повести помогают дополнить и расширить сложившееся в науке представление об истории текста Повести и об особенностях ее восприятия древнерусскими книжниками.

Литература

Гладкова О. В. О славяно-русской агиографии. Очерки. М., 2008.

Гладкова О. В. Ранние славянские и русские списки Жития Евстафия Плакиды в собраниях российских и зарубежных библиотек // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2010. Вып. 15. С. 628–676.

Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

³ О сюжете Повести и ее символическом подтексте см.: [Гладкова 2008, с. 83–121].

Д. Е. Гневашев (Москва)

ОБ ОДНОМ «ПРИМЫСЛЕ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО НА БЕЛОЗЕРСКО-ВОЛОГОДСКОМ РУБЕЖЕ

«И что вытягал боарин мои Федоръ Аньдрѣевич на общем рѣтѣ Товъ и Медынъ оу смолнян, а то с(ы)ну же моему, князю Аньдрѣю». Так звучит одно из распоряжений в завещании великого князя Дмитрия Донского 1389 г. относительно территориального состава удела его сына князя Андрея¹. Наиболее полный комментарий этого места духовной дал А. А. Горский, где аргументированно изложил возможные обстоятельства «вытягания» Московской Медыни и Това [Горский, с. 143–145]. Нас интересует история попадания в руки великого князя местности Тов, успешно локализованной А. А. Горским вдоль левого притока Шексны р. Уломы, на порубежье позднейших Белозерского и Вологодского уездов.

По мнению А. А. Горского, вписанные составителем завещания в одну грамматическую конструкцию Медынь и Тов никак не могли быть «вытяганы» у смольян в результате одного «рета» (спор), одномоментно, поскольку эти местности были значительно удалены друг от друга и, главное, принадлежали разным юрисдикциям. Автор поясняет, что «вологодский Тов Смоленскому княжеству принадлежать не мог», в отличие от Медыни, которой скорее всего владели вяземские князья. Дешифруя текст духовной, А. А. Горский предлагает понимать его таким образом, что земли были приобретены Москвой в два приема у различных владельцев: Медынь была «вытягана» у смольян, а Тов — на «общем рете» у неназванной стороны, которой могли быть или Новгород, или белозерские князья. На наш взгляд, такой вариант прочтения можно было бы принять, если бы в тексте вместо союза «и» («Товъ и Медынъ») стоял союз «да» («Товъ, да Медынъ»), призванный грамматически соединить в одной фразе неоднородные по способу приобретения и прежнему владельцу территории. Однако этого нет. Более того, косвенное дополнение «оу смолнан», безусловно, относится, с одной стороны, к обеим территориям (смольяне — прежние хозяева Това и Медыни), с другой — к «общему рету» (смольяне — противоборствовавшая и проигравшая боярину Федору Андреевичу (Свиблу?) сторона в земельном споре).

¹ ДДГ. № 12. С. 34.

Будучи прочитанным буквально, исследуемый текст утверждает, что Тов (как, впрочем, и Медынь) до 1389 г. отспорил для великого князя его боярин Федор Андреевич у неких смольян. Под этим собирательным термином («смольняне») могли подразумеваться как владетельные князья смоленского дома, так и выходцы из Смоленской земли, а возможно, и те, и другие.

Называть Тов «вологодским», равно как и предполагать его владельческую принадлежность Новгороду [Горский, с. 144–145], на наш взгляд, неправомочно. Товские земли (в том составе и в тех границах, в каких они перечислены в актах и писцовых книгах XV–XVII в.) в описываемое время были отрезаны от новгородской волости Вологды обширным земельным массивом волости Тошны. Последняя в 80-х годах XIV в. уже находилась в руках Москвы и, по всей видимости, никогда не была владением Новгорода. Нет достаточных оснований предполагать принадлежность Това и белозерским князьям, хотя эта местность впоследствии «тянула» к Белоозеру. Однако до 1389 г. принадлежность Това Белозерскому княжеству неочевидна.

XIV в. стал временем активного проникновения в Белозерско-Вологодский регион крупного боярского землевладения. Здесь находим вотчины новгородских бояр, служилых людей великих и удельных князей, в том числе москвичей, дмитровцев, смольян. В числе последних небезызвестный Александр Монастырь, приобретший огромную вотчину на Белоозере в первой трети XIV в. Кстати, его вотчина отстояла от Това всего на 20–30 км. Полагаем, что Тов был отчужден Федором Андреевичем у имевших смоленские корни вотчинника или вотчинников, приобретших в свое время неясным путем земли на будущем вологодско-белозерском рубеже. Юридическая чистота приобретения могла быть сомнительной, почему великонижегородский боярин и смог «вытягивать» эти земли. Надо думать, Федор Андреевич действовал как личный агент великого князя, имевшего какие-то права на Тов. Это, в свою очередь, может указывать на статус произошедшего состязания о земле. «Общий рет» был не мероприятием межгосударственного (московско-смоленского, московско-белозерского) уровня, а хозяйственным спором двух привилегированных вотчинников, одним из которых был великий князь, выступавший в лице своего боярина в ипостаси частного, хотя и очень высокопоставленного, землевладельца.

В 1450/1451 г. 11 «товских пустошей» были даны князем Михаилом Андреевичем в Кириллов монастырь. Синхронно или чуть ранее великая княгиня Софья дала туда же пустоши сиземские, лежавшие смежно с товской землей в волости Маслене формирующегося Вологодского уезда-княжества². Обе сделки монастыря с династиями московского дома, а по сути, одна двухходовая сделка, привели к тому, что в руках монахов оказалась вотчина, располагавшаяся в одной меже, но в двух княжествах. Соединение товской и сиземской половин в рамках крупной монастырской вотчины, возможно, указывает на прежнюю владельцескую историю этого микрорегиона, уходящую к началу — середине XIV в.

Литература

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 114–190.

² АСЭИ. Т. II. № 98, 153.

О. В. Головкина (Москва)

БИБЛЕЙСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ «ПЕЦЬ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Устойчивые выражения, восходящие к Библии, занимают важное место в системе русской фразеологии, а изучение их происхождения и путей проникновения в русский язык является задачей, заслуживающей особого внимания и требующей обращения к обширному материалу.

Слово *печь* (древнерус. *пєчъ*, церковнослав. *пєцъ*) неоднократно встречается на страницах Священного Писания как символическое обозначение Божьей ярости и возмездия за человеческие грехи (Книга пророка Иезекииля (22: 20), Книга пророка Исаии (48: 10), Книга пророка Малахии (4: 1–2)). Обратим внимание на самый значимый библейский фрагмент, в котором упоминается печь. В третьей

главе Книги пророка Даниила повествуется о трех еврейских отроках, отказавшихся поклоняться кумиру по повелению царя Навуходоносора и брошенных по его приказу в плавильную печь (έις τὴν καμίνον τοῦ πυρὸς τὴν κακομένην – **пещь огнёмъ палац'**), но благодаря вмешательству Бога оставшихся невредимыми, в то время как стоящих рядом с печью прислужников царя объял огонь. Эта история имеет глубокий символический подтекст. Огонь и печь выступают как явления карающие, наказывающие, но в то же время очищающие и исцеляющие души. Пламя не опалило юношей и не принесло им страданий. Это ниспосланное испытание, которое они достойно преодолели, благодаря крепости своей веры.

В богослужебной и эзекиетической византийской и древнерусской литературе история трех отроков довольно часто выступает как символ нравственной проверки на прочность веры и стойкости духа. Подобную интерпретацию данного ветхозаветного эпизода мы находим в трудах Иоанна Златоуста, в Изборнике Святослава 1076 г., в Минеях XI в.

Итак, мы видим, что в ветхозаветных книгах первоначально формируется представление об огне, в том числе и оgne печи, очищающем праведников и уничтожающем грешников. Однако в поздних книгах Ветхого Завета развиваются идеи, согласно которым ад — это место мучений грешников. Данное представление будет развито в Новом Завете. Так, в Евангелии от Матфея (13: 41–42) читаем: **Последует синь члкъи агглы своя, и съвергутъ ѿ цртвїа его всѧ съблазны, и творѧща безаконїе, и ввергутъ ихъ в пещь огнену тѣ будетъ плачь, и скрежетъ звѣром** (По Острожской Библии). Итак, печь огненная более не выступает явлением двусторонним, сочетающим исцеляющие и карающие свойства, это сугубо отрицательный образ, метафорическое название преисподней. Именно в таком значении данное выражение употребляется в византийских и древнерусских текстах (например, в Посланиях Иосифа Волоцкого) и фиксируется в Словаре русского языка XI–XVII в.: **пещь геоньская, огньная** ‘геена, ад’¹, что позволяет говорить о том, что оборот являлся фактом не только церковнославянского, но и древнерусского языка.

Источник оборота **печь огненная** — Ветхий Завет. Выражение впервые использовано в Псалтири (20: 10): **десница твоя обращетъ всѧ ненавидяща тѣбѣ |тако| положиши ихъ |тако| пещь огненну**. Данный оборот здесь употребляется еще в первоначальном ветхозаветном смысле — это символ божественного возмездия за людское невежество и непризнание власти Бога. За неповинование людей сожжет наказующий огонь, они будут пылать как печь огненная. Также в библейском греческом тексте использованы различные лексемы: в Псалтири — κλιβανός ‘духовая (отопительная) печь’, а в Евангелии от Матфея — κεμίνον ‘печь для обжига и плавки’. Кроме того, у Матфея выражение **пещь огненная** употребляется с глаголом βάλλω ‘бросать, ввергать’ в новом значении ‘место мучений грешников’.

Данное выражение достаточно часто встречается в византийских и древнерусских текстах, при этом как в ветхозаветном значении (Минея сентябрьская 1095–1096 г.), так и в новозаветном (Пандекты Антиоха XI в.). В некоторых случаях, например, в Минее октябрьской 1096 г. представлена своеобразная контаминация ветхозаветного и новозаветного значений, по всей вероятности, обусловленная использованием византийскими авторами прообразовательного принципа истолкования Библии.

Также в нашем исследовании анализируются такие ветхозаветные выражения с компонентом **пещь**, как **пещь железная**, ставшее устойчивым именно на славянской почве, и **авилонская пещь**, переносное значение которого формируется в русском языке только в XVIII в.

Итак, образ печи в тексте Священного Писания является ключевым для понимания и толкования эпизодов, в которых он встречается. Его ветхозаветное значение сопряжено с амбивалентными функциями стихии огня в Ветхом Завете — с одной стороны, разрушением и уничтожением, с другой — очищением и идеей божественной справедливости. Однако в поздних ветхозаветных книгах формируется представление о печи как о месте мук грешников, что в дальнейшем будет развито и в Новом Завете. В византийской и славянской богослужебной литературе выражение **ввергать в пещь огненную** в некоторых случаях сохраняет ветхозаветную символику образа печи как испытаний для праведных, а иногда несет новозаветный смысл ‘попадать в ад, получать воздаяние за земные грехи’.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 43.

Э. А. Гордиенко (Санкт-Петербург)

ИЗБРАННЫЕ СВЯТЫЕ В НОВГОРОДСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ В СИСТЕМЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ XI – НАЧАЛА XIII в.

В начале XI в. на Руси вместе с христианством был принят византийский месяцеслов. На его основе возникает кульп избранных святых, наиболее активный период становления которого приходится на конец XI – начало XIII в. В прямой зависимости с евангельскими чтениями и служебными песнопениями выстраивался изобразительный ряд храмовой росписи, где в расположении единоличных изображений и композиций были допустимо проявление воли предстоятелей и ктиторов, обусловленные социальной ситуацией, политикой и другими обстоятельствами места и времени.

Основу этого взаимодействия в новгородской культуре XI–XII в. составляют Апракос Мстислава Великого и комплекты служебных Миней из новгородского Лазарева монастыря и Софийского собора.

Взаимосвязь духовного и личностного начал со всей полнотой отразилась в росписи церкви Спаса Преображения на Нередице, созданной в 1199 г. по заказу князя Ярослава Владимировича. Ярким примером достигнутого в ней равновесия слова и образа служит роспись диаконника, в которой особенно наглядно проявилась смысловая связь художественного образа с евангельским и песенным последованием.

Иллюстративный ряд здесь тематически объединен с композицией Крещения, расположенной на примыкающей южной стене храмового пространства, откуда завязывается и развивается вся система нередицкой росписи. Своим восточным крылом «Крещение» обращено к росписи в диаконнике, где не только Иоанн Предтеча выступает главным лицом действия, но и, согласно положенным чтениям, святые жены предстают собирательным образом христианского просвещения народов, избавленных от тьмы язычества и неверия. В этом контексте прослеживается и тема ожидания Сына Человеческого, когда Невесты Христовы призваны бодрствовать, ибо, как сказано им, «...не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий».

Закономерность смыслового слияния образов святых жен с праздником Крещения определена словами из стихиры и канона, исполняемых 3 и 5 января в предпразднество Богоявления: «Снедимся верные разумно к струям иорданским, чудо велие яко да увидим явление зиждителя, ибо всем явился виден бысть и креститься пришел есть»; «Да каплют веселием облаци, веселье вечное, Иисус грядет водами иерданьскими рекы, греховъ вся потопити хотя, просвещение дарова» (Минея январская XI/XII в. из Лазарева монастыря. РГАДА. Син. Тип. 381. № 99. Л. 3 об., 12 об.).

Расположение избранных святых жен в диаконнике рядом с Крещением, открывавшим первый круг зимне-весенних праздников от Великого поста к Пасхе и до Вознесения, соединено со вторым кругом богослужения, по синаксарию 1 сентября, и может быть объяснено тем, что суббота 17-й, осенней, недели по Пасхе близка дате церковного новолетия и либо выступает его прологом в последних августовских неделях, либо завершает сентябрьские дни. В этот день на утрени читается притча о десяти разумных девах из Евангелия от Матфея (25: 1–13). В диаконнике нередицкого храма Невесты Христовы выступают воплощенным образом разумных дев, взявших светильники свои и масло в сосудах своих, чтобы идти к Жениху на брачный пир.

Очевидно, в этой зависимости находится и единственное, располагающееся на южной стене диаконника изображение неизвестного столпника, имя которого в данном случае может быть определено как Симеон Столпник.

Обособленное и вместе с тем главенствующее место в южном алтаре занимает изображенная в аркосолии всхвальная, «добропобедная» мученица Евфимия. Приняв от отцов Халкидонского собора вверенный ей свиток веры, она представила его своему Жениху, увенчав в божественном чертоге святое собрание и утишив сопротивление противоборствующих.

Среди Невест Христовых присутствует мученица Христина. Ее царственное облачение, большой по сравнению с другими медальон подчеркивают ее исключительную роль в персональном составе диаконника. Это имя может быть связано с именем дочери шведского короля Инге Стенкильсона, супруги князя Мстислава Владимировича и бабушки создателя нередицкого храма Ярослава Владимировича.

Изображение Христины не противоречит содержанию росписи в диаконнике, но, обусловленное инициативой ктитора храма, оно оказывается вторым ключом к раскрытию смысла нередицкой росписи, представляющей собой уникальный поминальный синодик избранных святых.

С. В. Городилин (Москва)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РОСТОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ПОСЛЕ 1363 г.

Статус Ростовского княжества в последней трети XIV в. до сих пор остается предметом дискуссии. Согласно одной точке зрения, весь Ростов находится под великокняжеской властью еще с 30-х годов, а его князья в это время — служебные, подручники и наместники великого князя. Согласно другой — княжество разделено на половины, одна из которых входит в состав великого княжения, а вторая сохраняет формальный суверенитет до 1474 г. (обзоры см.: [Горский, с. 72; Стрельников, с. 7—9]). Обе позиции, однако, основаны на источниках XV—XVI в. и плохо соотносятся с летописными известиями 1340—1360-х годов, не подтверждающими идей об отсутствии или ограниченности суверенитета Ростова.

Недавно А. А. Горским была предложена новая версия, призванная примирить имеющиеся противоречия. По ней Ростовское княжество утратило независимость, войдя в состав великого княжения, между 1361 г., когда Константин Васильевич Ростовский получает в Орде ярлык, и 1392 г. Ситуация к 1392 г., по мнению автора гипотезы, может быть восстановлена на основе духовной грамоты Ивана III, перечисляющей города, куда могут прийти из Орды послы. Ростов там не назван, следовательно, он тогда уже не обладал суверенитетом. Кроме того, об участвовавших в походе на Тверь ростовских князьях не говорится уже в московско-тverском договоре 1375 г., где упомянуты лишь «князи велиции крестьянстии и ярославстии». Наиболее вероятной датой присоединения Ростова назван 1363 г., когда, по мнению исследователя, Абдулла дал Дмитрию Ивановичу ярлык не только на великое княжение, но и на Ростов. А ростовский князь Андрей Федорович для получения княжения в обход дяди поступился суверенитетом в пользу великого князя.

Предположение о том, что список городов в духовной Ивана III 1503 г., упоминающей послов татарских, «которые придут къ Москве, и ко Твери, и к Новугороду к Нижнему, и къ Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани къ Старои, и къ Перевитску ко княж Федоровскому жеребью Рязанского», является исчерпывающим перечнем независимых княжеств Северо-Восточной Руси на момент до 1392 г., требует, однако, серьезных обоснований. Сложно разделить уверенность в том, что этот перечень где-то сохранялся неизменным в течение столетия. Так как в нем еще присутствуют полученные по ярлыку в 1392 г. Нижний Новгород и Таруса, а Ростов не упомянут, предполагается, что Ростовское княжество к 1392 г. уже не имело права сношений с Ордой. Однако Тохтамыш в 1392 г. дает Василию Дмитриевичу «Новгородское княжение Нижняго Новагорода, Моуромъ, Мещеру, Торусу». Муром назван в числе переданных городов, а значит, до этого года права на него тоже регулировались отдельными ярлыками. Но при этом его также нет в перечне 1503 г., что заставляет усомниться в возможностях перечня при решении вопросов о статусе княжеств конца XIV в.

Отсутствие упоминания ростовских князей в договоре 1375 г. объяснимо и без предположения об утрате суверенитета: указанная статья действительно защищает безопасность независимых союзников Москвы. Но А. А. Горский не прав, считая, что опущенные там ростовские князья, так же как и особо упомянутые ярославские, были непосредственными соседями Тверского княжества. Между рубежами Ростова и Тверью находилось Кашинское княжество, в 1375 г. бывшее на стороне Москвы, — и его неприкословенность оговорена в другой статье того же договора. Ярославская же Молога в 1371—1375 г. подвергалась нападениям тверичей, и сам строй фразы предполагает специальное включение ярославских князей в формулу статьи, особо выделяющее их из «нашей братии» князей. В то же время не названы и такие явно независимые тогда князья — участники похода, как тарусский, стародубский и белозерский. А под «великими христианскими князьями», как предположил В. А. Кучкин, подразумеваются обладавшие великокняжеским титулом смоленские, пронские (возможно, и новосильские) князья, соседствующие с близкой Твери Литвой. Уже в договоре 1372 г. великие князья — союзники Москвы у литовских границ подчеркнуто названы «православными». Видимо, и тут эту фразу нужно рассматривать в комплексе с пунктом договора 1375 г., прямо касающимся отношений с Литвой: «а пойдут на нас Литва, или на смоленского на князя на великого, или на кого на нашю братию на князей, нам ся их боронити». Предположение о заключенном ранее под эгидой великого князя Дмитрия на съезде в Переяславле общерусском договоре дает возможность ожидать, что его наличие позволяло не указывать затем поименно всех его участников, скрытых под определением «наша братия, князья».

Кроме того, о суверенитете Ростова и после 1363 г. есть еще одно значимое свидетельство. В Симеоновской летописи под 6879 г. после рассказа о получении Михаилом Тверским великокняжеского ярлыка и о попытке пройти с ордынским послом во Владимир сказано: «Того же лѣта князь великий Дмитрий Иванович поиде въ орду мѣсяца Іюня въ 15, на память святого пророка Амоса, въ недѣлю

превезеся черезъ рѣку Оку, а съ нимъ князь Андрѣи Ростовъскіи, а пресвященныи Алексѣи митрополитъ проводилъ князя великаго до Оки, и благословивъ его и молитву сътворивъ, отпусти его съ миромъ, и его бояръ, и его воя, и всѣхъ благословивъ и самъ възвратися вспять, и пріѣха въ градъ Москву» (ПСРЛ. Т. 18. С. 110). Хотя Рогожский летописецъ содержит тот же текст без упоминания о князе Андрее, но в краткой редакции статьи в других памятниках московского летописания о нем также говорится.

Как отмечалось, сношения с Ордой невозможны для служебных князей: в летописях нет упоминаний о таких прецедентах. Контекст поездки 1371 г. ясен: Дмитрий Иванович вынужден ехать за ярлыком к Мухаммед-Булаку, за ярлыком для себя едет с ним и его союзник Андрей Федорович. Он «ведает Орду» как суверенный князь, более того, его значимый статус среди тогдашних князей Северо-Восточной Руси подтверждается его почетным местом в летописных перечнях участников похода 1375 г.

Литература

Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М., СПб., 2009.

A. A. Горский (Москва)

«КЛАДЫ ВИКИНГОВ» НА ФРАНКСКОЙ ЗЕМЛЕ И НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РУСИ

На рубеже ХХ–XXI в. в Нидерландах, на территории бывшего острова Виринген, в раннее Средневековье входившего во франкскую провинцию Фрисландия, были обнаружены два клада, являющиеся свидетельствами пребывания здесь в IX столетии норманнов (данов), чьи предводители владели частью Фрисландии как вассалы франкских правителей. Это первые находки «кладов викингов» на франкской территории [Besteman 2002; 2004a; 2004b].

Один из кладов (Westerklief I) датируется временем около 850 г., другой (Westerklief II) оказался в земле в начале 880-х годов, незадолго до окончания периода власти норманнских предводителей во Фрисландии. Если в первом присутствуют предметы, маркирующие социальный статус, и каролингские монеты, то для второго характерно преобладание арабских монет. Причем их количество – 95 – является фактом беспрецедентным и выбивающимся из сложившихся представлений о распространении восточного серебра по Европейскому континенту.

Найдки куфических монет старше 890-х годов (когда их приток заметно увеличивается в связи с началом масштабной чеканки в государстве Саманидов) относительно многочисленны в Восточной Европе (по торговым речным путям которой восточное серебро перемещалось на Север), на южном побережье Балтийского моря и в Восточной Скандинавии. По направлению к западу от Балтики их число резко падает. Если в Швеции дирхемы этого времени исчисляются тысячами, а на острове Готланд десятками тысяч, то в Дании и Норвегии ситуация иная: в Дании, включая Сконе, в кладах и в виде отдельных находок, преимущественно на крупных поселениях, – около 400 монет (в том числе в западной части датской территории, на полуострове Ютландия, откуда происходили предводители норманнов, обосновавшиеся во Фрисландии, – менее 100), в Норвегии – немногим более сотни. Что касается Западной Европы, где появление куфических монет переднеазиатского происхождения (в отличие от чеканенных в Северной Африке и Испании), несомненно, связано с экспансиею норманнов, то здесь находок IX в. еще меньше: в Англии несколько десятков экземпляров, на франкской территории (без учета Фрисландии) и вовсе единицы. Таким образом, по направлению от Восточной Скандинавии на запад наблюдается тенденция к сокращению находок восточных монет по линии Готланд – материковая Швеция – Дания – Норвегия – Англия – Франция (см.: [Kilger 2008; Naismith 2005; Coupland 2001]).

Но территория Фрисландии не вписывается в эту картину. Помимо почти сотни монет из клада Westerklief II, в Нидерландах обнаружено более 30 восточных монет IX в., все близ побережья, в зоне действий норманнов (в том числе 7 – на том же острове Виринген); младшая из них датируется 865/866 г. В сумме количество куфических монет этого времени во Фрисландии (более 120) оказывается заметно большим, чем в Англии, при том что территория норманнской экспансии в Британии второй половины IX в. (Денло) превышает по площади соответствующую территорию во Фрисландии примерно втрое. Более того, число «фрисландских дирхемов» оказывается сопоставимо с тем, что обнаружено в Дании. Если выделить на датской территории четыре области, каждая из которых примерно равна по площади зоне норманнского присутствия во Фрисландии – Северную и Южную Ютландию, острова

Датского архипелага, лежащие в Балтийском море, и Сконе, соотношение будет следующим: в Северной Ютландии дирхемов старше 890-х годов зафиксировано в несколько раз меньше, чем во Фрисландии, в Южной Ютландии — почти в два раза меньше, и только на островах и в Сконе — несколько больше. Если учесть, что даны во Фрисландии составляли, в отличие от Дании, незначительную часть населения и пребывали не все IX столетие, а только менее чем полувековой период (с конца 30-х годов, а постоянно — с 850 по середину 80-х), а также тот факт, что большая часть дирхемов старше 90-х годов, обнаруженных в Дании, — это не имеющие во Фрисландии аналогов находки из раскопок крупных скандинавских торгово-ремесленных поселений, неизбежна констатация, что на территории норманнского присутствия в Нидерландах восточные монеты IX в. встречаются относительно чаще, чем в Дании, хотя исходя из географического положения следовало ожидать прямо противоположной ситуации.

Клад Westerklief II по концентрации куфических монет не имеет аналогов в регионе Северного моря. Его размеры соответствуют скорее восточноскандинавским «стандартам», они нетипичны уже для Дании и Норвегии: сопоставимое число дирхемов в IX в. здесь встречается только в кладе с острова Фальстер, одного из самых восточных в Датском архипелаге; ни в одном из других ранних датских и норвежских кладов количество куфических монет не достигает полутора десятков. Даже в первой половине X столетия (когда приток восточного серебра на Север Европы значительно возрастает) число дирхемов в кладах Норвегии, Англии и западной (омываемой Северным морем) части Ютландии не достигает показателя Westerklief II.

Обилие куфических монет во Фрисландии середины — второй половины IX столетия не может, таким образом, объясняться только тем, что они доходили туда после использования в Дании, поскольку последняя была в то время относительно беднее арабским серебром. Данный феномен скорее всего говорит о наличии у данов, обосновавшихся во Фрисландии, прямых связей с регионом, куда дирхемы поступали в большом количестве. Такими регионами были Восточная Скандинавия и Восточная Европа. Что касается Восточной Европы, то существует версия о тождестве основателя древнерусской княжеской династии Рюрика, приглашенного на княжение к словенам в Новгород во второй половине IX в., и предводителя данов Рёрика, владевшего Фрисландией в качестве вассала франкских правителей с 850 по 870-е годы. Остров Виринген, где обнаружены клады Westerklief I и II, оценивается нидерландскими исследователями как вероятная главная база Рёрика (см.: [Besteman 2002, р. 447–451]). В случае, если Рёрик и Рюрик — одно и то же лицо, тесные связи между Севером Восточной Европы и Фрисландией были бы естественны — как до, так и после «призыва» его на княжение. Примечательно, что клад Westerklief I, зарытый около 850 г., их еще практически не обнаруживает: в нем присутствуют всего три восточные монеты, и те использованы в качестве украшения для фибул. Очевидно, установление и развитие прямых связей происходили в период с 850 по 880 г., то есть в тот хронологический отрезок, к которому относятся события, изложенные в предании о приглашении Рюрика.

Таким образом, новейшие археологические находки косвенно подкрепляют предположение о приходе родоначальника древнерусской княжеской династии с территории империи франков. Очень похоже, что они являются собой свидетельства «предпосылок» перемещения Рюрика в Восточную Европу: он отправился не в неведомую землю, а в ту, с которой имелись налаженные отношения, в том числе экономические.

Литература

- Besteman 2002 — Besteman J. Danish rule in West Frisia: a failed Normandy in the 9th century // Centre, region, periphery; Medieval Europe Basel 2002. Vol. 1. Hertingen, 2002. P. 446–452.
- Besteman 2004a — Besteman J. The two Viking hoards from the former island of Wieringen (the Netherlands): Viking relations with Frisia in archeological perspective // Land, sea and home: Proceedings of a conference on Viking-period settlement at Cardiff, July 2001. Leeds, 2004. P. 93–108.
- Besteman 2004б — Besteman J. Scandinavisch Gewichtsgeld in Nederland in de Vikingperiode // Van Solidus tot Euro: Geld in Nederland in economisch-historisch en politiek perspectief. Hilversum, 2004. P. 34–35.
- Coupland S. The coinage of Lothar I (840–855) // Numismatic chronicle. L., 2001. Vol. 161. 157–198.
- Kilger Ch. Kaupang from afar: Aspects of the interpretation of dirham finds in Northern and Eastern Europe between the late 8th and early 10th centuries // Means of exchange: Dealing with silver in the Viking Age (Kaupang excavations project publication series. Vol. 2). Aarhus, 2008. P. 199–252.
- Naismith R. Islamic coins from Early Medieval England // Numismatic chronicle. L., 2005. Vol. 165. 193–222.

Ю. А. Грибов (Москва)

СБОРНИК XVII в. С ЛИЦЕВЫМ ХОЖДЕНИЕМ ИГУМЕНА ДАНИИЛА В
СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ – ГИМ. ХЛУД. 249: ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И
АТРИБУЦИИ

Рукопись XVII в. из собрания А. И. Хлудова – ГИМ. Хлуд. 249 – более всего знаменита тем, что содержит уникальный лицевой список Хождения игумена Даниила. Однако в этот кодекс входят и другие, в том числе иллюстрированные, тексты. В большинстве своем они перечислены в описаниях и исследованиях Хлудовского сборника, опубликованных еще во второй половине XIX в. [Попов, с. 498–499; Веневитинов]. Уже на раннем этапе археографических наблюдений отмечались утраты и перебивка листов памятника. Уточнению состава книги помогла ее реставрация, проводившаяся в ГИМ в 1990-х – начале 2000-х годов.

Выяснилось, что в ГИМ. Хлуд. 249 не 8 статей, как считалось прежде, а 10. Даём их краткий обзор.

Л. 1–2 об. Притча о временах года; начало и, возможно, окончание утрачены. Имеет 4 иллюстрации – аллегорические фигуры Весны, Лета, Осени и Зимы в виде четырех царей.

Л. 3–9. Хождение Стефана Новгородца в Царьград; текст с утратами в начале и середине.

Л. 9–62 об. Хождение игумена Даниила в Святую Землю, с 12 иллюстрациями.

Л. 63–63 об. Сказание о Вавилонской башне; окончание утрачено. Перед статьей – 1 миниатюра с изображением «столпотворения». Похожие тексты есть в Христианской Топографии Козьмы Индикоплова, в Летописце Эллинском и Римском; менее близкие – в Палеях и Русском хронографе.

Л. 64–65 об. Прение Живота и Смерти; начало и конец утрачены.

Л. 66–66 об. Сказание о монастырях Св. горы Афонской (сокращенный вариант, по-видимому, русского сочинения, относящегося, судя по дате в заглавии, к 1489 г.); сохранилось только начало статьи. Данное произведение обычно называют Сказанием старца Исаии, или Сказанием Исаии Святогорца – из-за упоминания в тексте имени этого персонажа («сказывал Исаия старец»). Под заглавием – 1 миниатюра с изображением Афонских обителей. По наблюдениям О. А. Белобровой, она, равно как и иллюстрации к Хождению игумена Даниила, скорее всего, восходит к традиции украшения средневековых греческих проскинитариев, популярных и в поствизантийское время [Белоброва].

Л. 67–68 об. Притча о человеке, встретившем в поле льва и верблюда, или Притча о временности человеческого жития; начало утрачено.

Л. 68 об. – 69. О молении старца, «дабы ему показал Бог зверем исход души праведного и грешного»; статья состоит из нескольких киноварных строк и 2 миниатюр. На одной – лев и молящийся старец, а на соседней, листовой, миниатюре – сцены исхода души праведника и грешника. Эти композиции, по существу, не являются иллюстрациями к Притче о временности человеческого жития, хотя в ней лев и выступает как символ смерти.

Л. 69 об. – 71. О построении царем Соломоном Иерусалимского храма – выписка из Библии (3-й Книги Царств), изданной Франциском Скориной (Прага, 1518).

Л. 72–243 об. Александрия Сербская, со 128 иллюстрациями (на л. 240 об. две самостоятельные композиции к разным главам).

До недавних пор в работах исследователей чаще фигурировала широкая датировка Хлудовского сборника – XVII в.¹ Столь неординарному памятнику, конечно, требуется более точная хронологическая характеристика. Филиграви бумаги позволяют датировать его 30-ми годами XVII в.²

Для определения места создания рукописи ГИМ. Хлуд. 249 очень важен сборник ИРЛИ. Величко, 12³. Книжник, выполнивший красивым полууставом Хлудовский кодекс, – один из основных писцов ранней части сборника ИРЛИ (л. 27–717; 20–30-е годы XVII в.), включающего в себя Палею Толковую. На полях данного списка Палеи, рядом с текстом Откровения Авраама (л. 248–263), писец, работавший вместе с мастером Хлудовского сборника, киноварью проставил галочки и сделал помету: «Сие из Чудовские палеи», то есть из рукописи, принадлежавшей Кремлевскому Чудову монастырю⁴.

¹ Хранители Отдела рукописей ГИМ уже давно относили кодекс к первой половине XVII в. (см.: [Щепкина, Протасьева, с. 42]).

² В ГИМ. Хлуд. 249 филиграв «гербовый щит». Вариант см.: Lausevi ius. № 1257, 1634 г. Разновидность этой филиграви, усложненную короной, см.: Heawood. № 593, 1637 г.

³ Благодарю В. П. Бударгину, О. В. Панченко и Е. М. Юхименко за помощь в изучении этого памятника

⁴ Тексты, близкие отмеченным киноварью в сборнике ИРЛИ, есть в Палее XVI в. из Чудовской библиотеки – ГИМ. Чуд. 348.

Это свидетельство или постоянной работы писцов в Чудовском скриптории, или наличия у них доступа к монастырской библиотеке.

Иллюстрации в ГИМ. Хлуд. 249 манерой первого рисунка и колоритом напоминают миниатюры созданного «на Москве» в 1608 г. Синодика Игнатья Ирецкого (РГБ. Ф. 98. № 887).

К деталям, косвенно указывающим на происхождение сборника, относятся изображения в нем зубчатых стен, напоминающих стены Московского Кремля, — с зубцами в форме ласточкина хвоста (Л. 234 об., 235). Та же локализующая примета встречается в иллюстрациях ряда столичных рукописей. Среди них — Апокалипсис Толковый 20-х годов XVII в. (РГБ. МДА. 16), сборник середины XVII в. со Сказанием о Казанской иконе и Житием Гурия и Варсонофия Казанских (РГБ. Ф. 272. № 356)⁵, два сборника, созданных в 1668 г. для царских детей (ГИМ. Муз. 3436, БАН. И. А. 26). Таким образом, совокупность наблюдений дает основание считать сборник ГИМ. Хлуд. 249 московским памятником книгописания и художественной культуры.

Литература

Белоброва О. А. Об иллюстрациях к «Хожению» игумена Даниила // «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. / Изд. подг. О. А. Белоброва, М. Гардзанити, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова. СПб., 2007. С. 399–407.

Веневитинов М. А. Лицевой список Хождения Даниила паломника / ПДГИ. СПб., 1881. Вып. 14.

Попов А. [Н.] Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.

Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958.

Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950.

⁵ Время создания сборника РГБ. Ф. 272. № 356 совпадает со временем, когда властями принимались меры по установлению повсеместного празднования иконы Казанской Богоматери (1649 г.), а в Казанском соборе на Красной площади был построен и в присутствии царя освящен придел Гурия и Варсонофия (1647 г.). Рукопись выполнялась при участии того же круга столичных мастеров, что и лицевой сборник с Казанской историей из библиотеки Петра I (БАН. И. А. 17), а также лицевая Повесть о Варлааме и Иоасафе, принадлежавшая Симеону Полоцкому (ГИМ. Син. 114).

A. И. Грищенко (Москва)

СОЧЕТАЕМОСТЬ АТРИБУТОВ *РУССКИЙ* И *РОССИЙСКИЙ* ПО ДАННЫМ СРЕДНЕРУССКОГО КОРПУСА (XV–XVII в.)¹

От первой фиксации заимствованного из греч. *Ρωσία* имени *Ρωσίλ* (в колофонах южнославянской Лествицы 1387 г. (РГБ. Тр. 152), переписанной в Константинополе митрополитом Киприаном, болгарином или сербом по происхождению) до появления производного от него прилагательного *рос(с)ийский* в собственно русской книжности прошло чуть более ста лет: наиболее ранний из достоверно известных случаев отмечен в списке 1506–1510 г. Сокращенной редакции Жития Пафнутия Боровского [Клосс, с. 56–61], — а в употребительности оно вплоть до XVIII в. сильно уступает своему старшему, и возникшему более естественным путем, синониму *русский* (в разных орфографических вариантах), более того, ранее отмечалась его «некоторость для живого среднего стиля»: «[и]кусственный атрибут *российский*... зарекомендовал себя сначала претензиями на высокое, “царское” словоупотребление (и далее примеры сочетаемости со словами *царство*, *благолепие*, *держава*, *государство*. — А. Г.)» [Трубачев, с. 230–231].

Наблюдение О. Н. Трубачева над особенностями употребления слов *русский* и *российский* теперь можно статистически довольно надежно проверить по запущенному в тестовом режиме Среднерусскому подкорпусу НКРЯ (http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html), включающему тексты преимущественно XV–XVII в. Если атрибутивных словосочетаний со словом *русский* здесь нами найдено 2232 более чем в ста источниках (со 171 лексемой и синтаксически неделимыми компонентами²), то со словом *российский* — всего 370 в 26 источниках (с 46 лексемами и синтаксически неделимыми компонентами), причем на одну только «Скифскую историю» (1692 г.) А. Лызлова приходится 198 употреблений (с 28 не представленными в других источниках лексемами и составными номинациями), которые следует рассмотреть отдельно. Сочетаемость слов *русский* и *российский* в атрибутивных

¹ Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук МК–3307.2013.6, проект: «“Своя” и “чужая” этничность в русской лексике и фразеологии».

² Ряд не вошедших в Среднерусский корпус лексем в сочетании с атрибутом *русский* содержится также в картотеках «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (ИРЯ РАН) и «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СПбГУ).

конструкциях с самыми распространенными лексемами³ (российский — за вычетом данных «Скифской истории» А. Лызлова) распределена следующим образом:

РУССКИЙ (XIV – нач. XVII в.)	РОССИЙСКИЙ (XVI – нач. XVII в.)
земля 36,2 %	царствие 37,2 %
князь 13,4 %	государство 13,4 %
люди 8,2 %	земля 8,1 %
полкъ 2,6 %	держава 5,8 %
царство 1,3 %	князи 1,7 %,
держава 0,9 %	цари и князи 3,5 %
государство 0,2 %	люди 0,6 %
	полкъ 0 %

Из приведенных статистических данных явствует, что оба атрибута находились в отношениях практически полной дополнительной дистрибуции: русский относилось преимущественно к понятийному полю земли (в самом широком смысле, не только государственном), ее властителей (князей) и людей (народа), российский — к понятийному полю царства и державности, которое в дальнейшем породило понятие «Российская империя» (первые употребления в НКРЯ — в «Слове о состоянии между империою Российской и короною Шведскою мире» (1722 г.) Феофана Прокоповича): оно вполне обычно для русского XVIII в. (всего 1245 вхождений в Основном корпусе), а сочетание Русская империя фиксируется в НКРЯ лишь с 20—30-х годов XIX в. (всего 102 вхождения в Основном корпусе). Кроме того, принадлежность слова российский книжной, церковнославянской языковой стихии, в отличие от более нейтрального русский, видно и по выбору для сочетания с ними словообразовательных вариантов слова царство (в наших подсчетах они суммированы): в 41 из 64 случаев находим российское царствие, тогда как в 22 из 28 — русское царство.

В «Скифской истории» А. Лызлова «русское» в соответствии с духом скорее XVIII в. практически полностью вытесняется «российским»: атрибут русский представлен здесь всего дважды, а самые частные лексемы, к которым относится слово российский, — воинство (22,7 %), страна (15,7 %), князь (9,6 %) и царство (6,1 %). Только у одного А. Лызлова в Среднерусском корпусе употребляется столь характерное также для XVIII в. слово россиане (15 вхождений именно в таком написании — с зиянием).

Что же касается субстантивации слова русские и трансформации его в этноним, то самый ранний в корпусе релевантный пример найден нами в «Сказании о Мамаевом побоище» (предположительно XV в.): «Умилено бо видѣти и жалостно зреѣти таковых русских събрація и учреждения ихъ»; еще четыре употребления — в Московском летописном своде конца XV в., «Истории о великом князе Московском» (1564–1583 г.) князя Андрея Курбского, Окончании списка Оболенского (1562–1612 г.) 1-й Псковской летописи и в Пискаревском летописце (1600–1650 г.).

Литература

- Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012.
Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005.

³ Без учета многозначности, что касается прежде всего терминологизованного словосочетания Русская земля, которое, как известно, представлено в летописях по крайней мере в двух значениях — широком и узком. Кроме того, нами не выделены в отдельные составные номинации титулы, содержащие коллокацию великий князь, поскольку это было бы чревато большой путаницей.

А. Л. Грязнов (Вологда)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОТЧИН СЛУЖИЛЫХ КНЯЗЕЙ

Служилые князья — один из важных элементов политической структуры Русского государства XV–XVI в. Изучение этого сословно-статусного института имеет глубокие историографические корни. Наиболее тщательно данная проблематика разработана в серии работ В. Д. Назарова, которые открывают новые возможности для более подробного изучения целого ряда аспектов, связанных с эволюцией этой категории знати.

Термин «князья» в смысле «служилые князья» (далее — СК) известен не только договорным грамотам XV в. Он повсеместно встречается в жалованных грамотах великих и удельных князей в составе

устойчивой клаузулы: «мои князи, бояре и дети боярские». В ней СК представлены как неотъемлемая часть княжеского двора. Это определяет место СК в служебной иерархии выше бояр, воевод и детей боярских. Известны и персоналии князей различных династий Северо-Восточной Руси, служивших и великим московским, и удельным князьям.

Собственно князья московского дома не единственный адрес службы князей в XV в. В жалованных грамотах Гедиминовичей встречаем клаузулу: «с нашею верною радою, со князми и с паны». Здесь, безусловно, под панами имеются в виду бояре, а под князьями — СК. В ряде случаев раскрывается их персональный состав¹.

Следовательно, СК служили не только князьям московского дома, но и великим князьям Литовским. Кроме того, СК известны в Новгороде и Пскове. Очевидно, что СК — явление, бытовавшее во всех русскоязычных регионах.

Связь СК с сюзереном была личной, на основе письменного докончания. При обоюдном согласии следующие поколения СК продолжали служить потомкам первого сюзерена, но возможны были изменения в размерах их прав (как правило, в сторону сужения).

Источники указывают на несколько вариантов происхождения земельных владений СК.

1. СК, переходя на службу, обговаривали неприкосновенность своих земельных владений. Сюзерен обязывался «не вступать» в вотчину². В этом случае СК сохраняли возможность поменять адрес службы без угрозы потерять вотчину.

2. Сюзерен жаловал СК их же родовой вотчиной (в более раннее время княжеством или уделом)³, оставаясь верховным собственником этих земель.

3. СК при коммендации не обладал какими-либо владениями, и сюзерен жаловал его землями из своих владений⁴.

4. СК при поступлении на службу получали новые земли, а их прежние владения отходили великому князю⁵. Отказ от своих владений в пользу сюзерена мог носить декларативный характер, если СК к моменту коммендации уже не контролировали территорию своего княжества⁶.

Объем прав СК внутри этих пожалованных вотчин варьировался от минимальных (сравнимых с рядовым грамотчиком) до самых широких, позволявших выдавать жалованные грамоты, назначать наместников и волостелей.

Именно вотчины такого происхождения (варианты 2–4) имеются в виду в клаузуле договорных грамот о неприеме СК с вотчинами. В этих случаях вотчина СК носила условный характер и была сопряжена с их служебными обязательствами. Этим обусловлены права сюзерена на такие земли в случае изменения СК адреса службы, а также произвольное сокращение так называемых княжеских прав. Этим же объясняется наличие отдельного законодательства, регулирующего княжеское землевладение.

Первыми служилыми князьями могли быть князья, потерявшие княжения и перешедшие на службу в другое княжество (соответственно получавшие пожалования из рук сюзерена)⁷. Затем эта процедура трансформировалась в отказ князей от своей вотчины в пользу великого князя (иногда в ее продажу) с последующим получением ее уже на условиях службы⁸. Таково, вероятно, происхождение так называемых купель Ивана Калиты. Отсюда происходит запрещение принимать СК с вотчинами, поскольку эти владения были не их личной собственностью, а пожалованием великого князя и прием этих князей на службу новому сюзерену наносил ущерб прежнему. Поэтому пожалования СК носили скорее условный характер и были похожи на кормления (из-за чего их в литературе смешивают), но на самом

¹ АСЭИ. Т. I. № 279; Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. VI. № III; Ч. 5. Т. I. № II.

² Рязанский, Пронский и Новосильские (ДДГ. № 25–26, 60).

³ Иван Горбатый (ДДГ. № 52) и, судя по всему, большинство других князей Северо-Восточной Руси.

⁴ В основном это были выходцы из Литвы. «...Приеде к великому князю... Швитригаило Олгердович служити... да с ним же князь Петрекъи Звенигородскы и князь Александръ Звенигородскы ис Путимля, князь Федор Александрович, князь Семен Перемышльски, князь Михаило Хотътовъски, князь Уростай Мень斯基... Князь же велики Василии Дмитреевич принялъ его с честью и дастъ ему градъ Володимеръ со всѣми волостями и с пошлиными и съ селы и съ хлѣбомъ токо же и Переславль, по тому же и Юрьевъ Польски и Волок Ламски и Ржеву и половину Коломны» (ПСРЛ. Т. 25. С. 237).

⁵ Вероятно, так было у Кубенских.

⁶ Под 6912 г. говорится, что Витовт осадил Смоленск, князь Юрий Святославич бежал в Москву, «был челом в службу, а рекучи так: “Князь же велики запиши събѣ Смоленескъ въ отчину, а яз тебѣ служо”» (ПСРЛ. Т. 27. С. 264).

⁷ Одними из первых могли быть Федор Ржевский и Федор Святославич Смоленский.

⁸ Например, Ярославские и Ростовские князья.

деле это типичный фьеф, прообраз поместья, институт которого сформировался вследствие массового притока служилых людей разного ранга на службу московским князьям.

Князья, которых можно характеризовать как служилых, фиксируются уже на рубеже XIII—XIV в. В середине и второй половине XIV в. наиболее документировано присутствие СК в Русско-Литовском государстве.

Институт СК, феодальный по своему происхождению и по своей сути⁹, стал основой складывания единого государства. Причем объединение во многом благодаря этому фактически проходило мирным путем.

⁹ В 1385 г. Андрей Ольгердович отдал Полоцкое княжество магистру Тевтонского ордена, а затем получил его в феод на феодальном праве (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977. Вып. I. № 8—9).

Томас Дайбер (Гиссен)

ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ «ДИАЛОГОВ» ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО

В древнеславянском переводе «Диалогов» Григория Великого переводчик употребляет полные и краткие формы личных местоимений 1-го и 2-го лиц ед. числа, которые различаются не только синтаксической позицией, но и pragматической функцией. Исследование именно pragматической функции кратких местоимений даст возможность провести разграничение особенностей письменного-литературного стиля и возможных влияний на него стиля устной речи.

Приведем пример. Предварительный анализ древнеславянского перевода показывает, что краткая форма личного местоимения дательного падежа 2-го лица ед. числа «ти» довольно часто не имеет соответствия в греческом оригинале, как в следующей фразе: ...тако ти ouбо ѿ члѣка бжїа. порѹганное досажденїе рыба горьская посрани... (Дидди, 11—8)¹. В цитируемом контексте местоимение «ти» используется в дательном этическом, который принадлежит, судя по настоящей pragmatике, прежде всего к средствам устной речи [Машовец, с. 2000].

Обнаруживается также несколько мест, где славянский переводчик неправильно понял греческий текст и добавил «ти» в свой перевод: сице ти убъ быст (Дидди, 15—29). В таких случаях, как отмечает Дидди в своем издании, славянский переводчик, очевидно, читал тои ѿν (?) вместо тоiuvv.

С одной стороны, можно предполагать, что переводчик «Диалогов» использовал в своей устной речи — более часто, чем в канонических письменных церковнославянских текстах (см. [Večerka, с. 263]: «только редко»), — дательный этический и под влиянием устного употребления использовал его в своем переводе, не последовав греческому оригиналу. С другой стороны, необходимо обратить внимание на то, что немалое количество примеров факультативных дательных местоимений в «Диалогах» отмечено в фразеологических сочетаниях, что не позволяет говорить о спонтанном употреблении дательного.

Имея в виду, что древнеславянский перевод «Диалогов» появился на южнославянской почве, наблюдения не только позволяют сделать выводы о южнославянском или церковнославянском употреблении факультативных (и в то время клитических) кратких местоимений как особенности разговорного стиля, но и имеют значение для изучения системных закономерностей славянских языков вообще. В лингвистической литературе уже высказывалось мнение, будто бы большая частота факультативных дательных в истории отдельных славянских языков сопровождалась уменьшением частоты других дательных конструкций, прежде всего конструкции Dativus cum infinitivo. В данной работе предпринимается попытка проверить этот тезис на ограниченном материале древнеславянского перевода «Диалогов».

В работе схематически представлено употребление кратких и полных форм местоимений и определяется типичная их функция, что служит основой для интерпретации отклонений от нормы при использовании других конструкций с дательным.

Литература

Машовец Е. Н. Конструкции с дательным этическим в современном русском языке. АКД. М., 2000.
Večerka R. Altkirchenslavische (altribulgarische) Syntax, II: Die innere Satzstruktur. Freiburg im Breisgau, 1993.

¹ Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подгот. Х. Дидди. М., 2001 (далее — Дидди). Древнеславянский перевод дан в издании с указанием страниц и строк рукописи параллельно с греческим оригиналом, текст сравнивается со списком в составе BMЧ (Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij, Uspenskij spisok / Изд. Е. Weiher, F. Keller и др. Freiburg im Breisgau, 1997).

A. V. Дедук (Москва)

ГРАНИЦЫ КОРНИЦКОГО СТАНА СОЛОВСКОГО (КРАПИВЕНСКОГО) УЕЗДА

Настоящая работа посвящена границам Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда XVI—XVIII в. Будет предпринята попытка определить территорию Корницкого стана.

Проблема локализации Корницкого стана напрямую связана с расположением города «Корникъ». Он упоминается только один раз — в «Списке русских городов дальних и ближних» [Тихомиров, с. 95]. И. П. Сахаров, Д. Г. Гедеонов, М. Н. Тихомиров и Р. В. Клянин соотносили город Корнике с городищем и группой селищ в устье р. Корнички (правый приток р. Шат) [Гедеонов, с. 246; Клянин, с. 141–146; Сахаров, с. 19; Тихомиров, с. 123]. У отдельных исследователей в последнее время появились сомнения в правильности этой локализации [Бурцев, с. 200, карта 2]. В историографии не ставился вопрос о соотношении города Корнике и Корницкого стана, не были определены границы данной административной единицы. Именно в восполнении этого пробела и в доказательстве или в опровержении указанной локализации Корнике автор видит задачи данной работы.

Стоит оговорить важный момент: по документам Генерального межевания неоднократно упоминается «Крапивенского уезда отделенный Корницкий стан». По отношению к другим станам Крапивенского уезда данное выражение не употребляется. Следовательно, Корницкий стан являлся анклавом Соловского уезда и, вероятно, часть границ Соловского уезда совпадать с границами Корницкого стана.

Выяснить территорию и границы Корницкого стана позволяют материалы Генерального межевания и межевых описаний XVII в. Мы действуем по следующему алгоритму: выявление планов Генерального межевания наместничеств, уездов и станов, созданных до или в ходе административной реформы Екатерины II и соотнесение границ по ним с данными межевых книг XVII в.

На топографической карте Крапивенского уезда 1777 г. никаких земель по р. Шат не показано, хотя южная и восточная границы уезда явно не совпадают с более поздними. На топографической карте Дедиловского уезда 1776 г. присутствует граница с Корницким станом Крапивенского уезда. Она совпадает с границей по межевой книге 1674 г. Соловского и Дедиловского уездов.

Проблему с отсутствием земель по р. Шат на карте Крапивенского уезда можно решить благодаря двум топографическим картам Веневского уезда 1776 и 1777 г. На карте 1776 г. по р. Дерницкий Шат (правый приток р. Шат) показана граница с Крапивенским уездом. А на карте 1777 г. часть данной границы уже обозначена как граница с Дедиловским уездом. Таким образом, в 1776–1777 г. часть территории Корницкого стана была передана из Крапивенского уезда в Дедиловский. Данная граница идентична юго-западной границе Веневского уезда XVI–XVII в. по карте С. Б. Веселовского [Веселовский, Перцов].

Предполагаемую границу Тульского уезда и Корницкого стана Крапивенского уезда позволяет установить топографическая карта Тульского уезда 1777 г. На данной карте отмечена граница с Дедиловским уездом, в который вошел Корницкий стан. Благодаря карте Дедиловского уезда можно «выделить» границу с Крапивенским уездом. Межа проходит к юго-востоку от р. Сежи. Однако по плану Генерального межевания Корницкой засеки 1777 г. данное землевладение отмечено как бывшая территория Корницкого стана Крапивенского уезда, переданная в Тульский уезд. Таким образом, план Тульского уезда 1777 г. создавался уже после данного перехода. По карте С. Б. Веселовского ни один населенный пункт Тульского уезда XVI–XVII в. не переходит за Корницкую засеку, что позволяет провести границу между уездами по северной границе засечного леса.

Проблема возникает с восточным участком границы Корницкого стана. По логике, на левобережье р. Шат должна проходить граница с Епифанским уездом. Однако «дореформенная» карта Епифанского уезда нами не была выявлена. На наш взгляд, данную проблему может решить привлечение планов дач Генерального межевания.

На плане дачи Бобриковской волости Люторического стана Епифанского уезда 1770 г. показана межа с землевладениями Крапивенского уезда. Граница Бобриковской волости с Дедиловским и Крапивенским уездами идет по р. Любуховке, исключая ее нижнее течение. Нами были просмотрены планы дач Крапивенского уезда, с которыми граничил Люторический стан, и все они относятся к Корницкому стану.

Таким образом, межевая документация XVII–XVIII в. позволяет установить границы Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда. На востоке он ограничивается р. Дерницкий Шат и

р. Любуховкой, на западе — Корницкой засекой, р. Пузатый Шатец и р. Гать, на юге — реками Касторней, Шат, Дубовкой и Маклец. Отметим, что исходя из карт С. Б. Веселовского некоторые из этих границ (с Тульским и Веневским уездами) могут интерполироваться и на более раннюю эпоху — XVI в.

Таким образом, локализация древнерусского города Корники в устье реки Корнички подтверждается локализацией границ Корницкого стана. Преемственность названия города и стана может говорить о сохранении незначительной группы населения или же о промысловом использовании данной территории. В 1777 г. Корницкий стан был ликвидирован и вошел в состав Дедиловского и Тульского уездов.

Литература

- Бурцев И. Г. Проблема локализации заокского участка пути войск Дмитрия Донского на Куликово поле в 1380 г.: Новые исследования // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 192—204.
Веселовский С. Б., Перцов В. Н. Тульский, Веневский и Дедиловский уезды XVI—XVII вв. по писцовым книгам // Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 321.
Гедеонов Д. Г. О древностях в Веневском и ближайшем к нему уездах // Труды I археологического съезда. М., 1871. С. 243—248.
Клянин Р. В. Корнике — город Рязанского княжества // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. С. 140—146.
Сахаров И. П. Памятники Тульской губ. СПб., 1851.
Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

И. В. Дергачева (Москва)

НОВГОРОДСКИЙ ВЛАДЫКА ЛУКА ЖИДЯТА И ЕГО ПОУЧЕНИЕ¹

Первый русский епископ Лука Жидята написал «Поучение» на заре возникновения оригинальной русской литературы. Став хозяином Русской земли, Ярослав, вопреки преобладавшему влиянию греческого духовенства в русской церкви, избрал Луку на новгородскую кафедру.

Предполагается, что он был учеником святителя Иоакима Корсунянина. По-видимому, Лука продолжил просветительские начинания своего учителя — в годы его епископства были созданы книга «Толковых пророчеств» Ульрема Лихим (1047 г.) и старейшая русская датированная рукопись — Остромиро Евангелие, написанное в 1056—1057 г. в Новгороде диаконом Григорием по заказу новгородского посадника Остромира.

14 сентября 1050 г. епископ Лука освятил воздвигнутый при нем новый каменный кафедральный Софийский собор. Согласно «Сказанию о церкви Св. Софии», сохранившемуся как в летописях, так и в рукописных сборниках, именно он приглашает греческих художников для росписи храма и наблюдает за их работой.

Несмотря на краткость текста «Поучения» Луки Жидяты, по семантической насыщенности оно охватывает широкий круг нравственных и поведенческих норм повседневной жизни мирянина. Вместе с торжественной проповедью митрополита Илариона, поучениями к инокам прп. Феодосия сочинение Луки составляет картину сформировавшейся в XI в. русской проповеди во всех ее основных разновидностях с точки зрения особенностей пафоса и адресата.

Для эпидейктического сочинения Илариона характерны сложные аллегорические конструкции, высокий уровень оригинального теологического мышления. Феодосий создает свои Поучения для подвизающихся в Киево-Печерском монастыре иноков по конкретным вопросам, развивая свои мысли на богатом фоне библейских ассоциаций и одухотворяя их ярким эмоциональным посылом. Епископ же Лука учит не так давно пришедших в христианскую веру новгородцев самым простым, но основным правилам Веры, необходимости посещать церковные службы, молиться перед сном всем сердцем. Любить всех людей, особенно братию. Не рыть другому яму, ибо сам будешь в нее ввергнут. Быть правдивым, помня о загробном воздаянии. Быть терпеливым, а не воздавать злом за зло. Быть смиренным, не осуждать, а помнить собственные грехи. Миловать убогих, голодных, заключенных, сирот. Не моловить срамных слов, не гневаться. Не смеяться над христосованием, в напастях терпеть и уповать на Бога. Не буйствовать, не гордиться. Читать старых людей и родителей. Не клясться Божиим именем, не проклинать, судить суд по правде. Бога бояться, а князя и иерея Божия читать. Не убивать, не красть, не лгать, не быть послухом лжи, не завидовать, не клеветать, не трогать чужих жен, пить в меру. Не гневаться, с печальными печалиться, с радующимися радоваться. Скверного не есть, читать святые дни.

¹ Исследование выполнено в МПГУ в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-04-00151а «Наследие новгородского епископа Луки: тексты, комментарии, исследования»).

Усвоение этого комплекса идеалов и норм, по крайней мере, русской элитой демонстрирует Поучение Владимира Мономаха, которое, предназначаясь для гораздо более узкого адресата, имеет целый ряд совпадающих тезисов. Свое Поучение Владимир Мономах, философски размышляя о смерти — «седя на санех», готовящихся везти его в последний путь, оставляет «детям», как по крови, так и вообще наследникам, потомкам. «Первое, Бога дѣля и душа своея, страх имѣти Божий в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всяко му добрю»².

Основным авторитетным литературным источником, к которому апеллирует князь в своем Поучении, становится Псалтырь. Отбор стихов Псалтыри явно не случаен — Владимира занимает вопрос о прижизненном и посмертном воздаянии за грехи. Он уверен в посмертном воздаянии праведникам: «аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли». Поэтому душа человека не должна лениться, а всегда должна быть готова предстать перед Богом: «внезапу бо человѣкъ погыбает».

Владимир Мономах применяет и к повседневности христианские этические нормы: «Яди и питью бесь плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣшихъ покарятися, с точными и меньшиими любовь имѣти; без луки бесѣдуше, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣяться, срамлятися старѣшихъ, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горе». Перекликается с наставлениями Луки и призыв Мономаха быть непременно на утренней службе, соблюдать вечернюю молитву и «ночным поклоны». Вслед за Лукой завещает он детям «кормить» убогих, сирот и вдовиц, гордости не иметь в своем сердце и уме. Своим потомкам он желает Евангельской мудрости: «Яко отецъ, чадо свое любя, бъя, и пакы привлачить е к собѣ, такоже и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлами добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею.... Да то вы, дѣти мои, не тяжъка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлами 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися». Есть и многие другие сходные мотивы у двух рассматриваемых Поучений.

Таким образом, очевидна близость представления епископа Луки и образованного князя-христианина о пути и способах духовного спасения. Владимиру Мономаху удалось превратить христианскую этику в закон повседневной жизни, в ориентир не только для монаха или прихожанина, но и для человека, облеченнаго властью, для князя.

² Текст цитируется по: БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 456–474.

E. B. Джиджора (Одесса)

СИМВОЛИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ XI–XII в. (теоретические аспекты)

Древнерусская гимнография XI–XIII в. относится к архаичному типу литературного творчества [Демин, с. 9], основанного, по мнению теоретиков, на традиционалистском типе художественного сознания [Аверинцев, Андреев и др., с. 4]. Именно традиционалистским типом художественного сознания обусловлена литературная формация XI–XV в., в которой, как полагает А. Н. Ужанков, наблюдается теоцентричная и назидательная направленность писательской деятельности, посвященной спасению души и потому ориентированной на Св. Писание [Ужанков, с. 92].

Ориентация на Св. Писание проявляется в «припомнании» сюжетов и образов, воссозданных в библейских книгах. Библейский материал позволяет авторам средневековых сочинений соотнести «теперешнее» (то, что происходит «сейчас» и является предметом литературного осмысления) с «первоосновой» (тем, что происходило в священной истории по Промыслу Божьему). Следовательно, божественное Откровение становится способом оценивания того, что происходит в мире, на предмет степени соответствия «прописанному» положению вещей.

В традиционалистской литературе такие образы-«первоосновы» выполняют функцию символа — они называют «теперешнюю» ситуацию или персонажа своим «предустановленным» именем. Эти символы подлежат читательской интерпретации, своеобразному «отгадыванию», как писал С. Аверинцев [Аверинцев, с. 135–156].

В средневековой литературе познание-«отгадывание» воссоздаваемой картины мира, зашифрованной символами, осуществляется путем соотнесения двух элементов — «теперешнего» и «первоосновы». В результате такого соотнесения семантика одного из элементов переносится на другой и наоборот, и между элементами образуется иерархическая субординация, устанавливающая «частичное — неполное!!! — сходство» [Александров, с. 72]. Значит, символизация картины мира — это обнаружение

«сопричастности» [Арабаджи, с. 532] элементов, один из которых представляет собой «идеальное» («образец», как это называл Дионисий Ареопагит), а другой — конкретное воплощение «идеального» в «теперешнем» материале.

Литературное освоение «идеальных образцов» достигается, прежде всего, при помощи цитирования «нормативных» произведений. Цитаты из Библии и сочинений авторитетных Отцов Церкви выступают структурной основой средневекового текста и выполняют в нем функцию «тематического ключа» [Пиккио, с. 431–473], как бы открывающего «двери» понимания заложенной в нем сути. Современные исследователи предлагают такую классификацию цитат в средневековой литературе: I. Ссылка на понятия и реалии (события или лица): 1. Упоминания без какого-либо комментария; 2. Толкование понятий или описание реалий (изложение событий, перечень их участников). II. Цитата: 1. Аллюзия; 2. Парафраз или пересказ; 3. Прямая цитата. III. Инсценировка (пересказ события или понятия в диалоге): 1. Парафраз; 2. Цитата; 3. Композиционное объединение цитат» [Гардзанити, с. 30]. Согласно данной классификации, цитирование «первооснов» предполагает как беглое припомнение чего-то важного, так и полное описание поучительного священно-исторического эпизода; как пересказ, так и точную цитату; использование как «своего», так и «чужого», но авторитетного высказывания, которое может даже перерастать в амплификацию.

Итак, в древнерусской гимнографии символизация литературного изложения осуществляется в трех формах, дополняющих одна другую как согласованные части целого.

Первая форма — установление сопричастности явлению (узнаваемому герою или событию). Тут «теперешний» образ соотносится с «первоосновой» по четырем характерным признакам: возникает на библейской/небиблейской основе; является личностным/неличностным (вещественным); предстает в тексте в развернутом/неразвернутом виде; может соответствовать «идеальному образцу» в недостаточной/равной/превосходящей мере.

Вторая форма — установление сопричастности имени/названию (имянаречение особы или объекта). В средневековом сочинении «теперешний» материал порой предстает настолько сопричастным «первооснове», что автор вместо настоящего имени или названия начинает употреблять соответствующие ему библейские или святоотеческие имена и названия.

Третья форма — установление сопричастности Богу. Воссозданный в средневековой гимнографии герой (чаще всего, святой) символично соединяется с Богом посредством энергий. Божественная благодать и неземной свет в пространстве героя позволяют ему творить чудеса и тем самым делают его сопричастным Богу.

Символизация литературного изложения в трех обозначенных формах рассматривается на примере как переводных, так и оригинальных памятников ранней древнерусской гимнографии XI–XII в.: Великого Покаянного канона Андрея Критского, Службы Воздвижению Животворящего Креста Козьмы Маюнского, Службы Борису и Глебу митрополита Иоанна II (?), анонимной Службы на перенесение мощей Бориса и Глеба, анонимной Службы княгине Ольге, анонимной Службы князю Владимиру, Службы Феодосию Печерскому (предположительно Григория, «творца канонов») и Службы на перенесение мощей свт. Николая (также предположительно Григория, «творца канонов»).

Литература

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1994. С. 3–38.
- Александров А. В. Символическая структура проповеди в Слове о Законе и Благодати // Серебряный век: Диалог культур. Сб. научных статей по мат-лам Межд. научной конф. памяти проф. С. П. Ильева / Отв. ред. Н. М. Раковская. Одесса, 2003. С. 71–79.
- Арабаджи Д. В. Очерки христианского символизма. Одесса, 2008.
- Гардзанити М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 28–40.
- Демин А. С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003.
- Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства / Пер. с англ. О. Беловой // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Запольская, В. Калугин. М., 2003. С. 431–473.
- Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации. М., 2009.

Д. А. Добровольский (Москва)

ЛЕТОСЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ СТАТЬИ 6615 г.

В последнее время много говорится о широте хронологических познаний древнерусских книжников. Фигура летописца-энциклопедиста, использующего параллельно несколько календарей, весьма привлекательна, ибо такой эрудит, несомненно, относился бы к числу образованнейших людей своей эпохи. Представляется, однако, что портрет льстит оригиналу. Одна из ситуаций, в которой хронологические познания летописца, видимо, оказались преувеличены, связана со статьей, помещенной в Повести временных лет под 6615 (1107) г.

Под 6615 г. упомянуты смерть жены Владимира Мономаха (7 мая), набег Боняка на окрестности Переяславля (в том же месяце), второе вторжение половцев, выступление русских князей к Лубну (без дат), разгром степняков на Суле (12 августа), смерть матери Святополка (4 января), мир с «Аепой и другим Аепой» (12 января) и, наконец, землетрясение (5 февраля). Расположение этих известий в тексте соответствует мартовскому году. Однако, сопоставив летописное изложение с описанием того же временного отрезка в Поучении Владимира Мономаха (далее – ПВМ), С. В. Цыб предложил считать летописную хронологию неверной и выдвинул гипотезу о сосуществовании в статье 6615 г. «двух хронологических слоев константинопольской эры – ультрамартовского и сентябрьско-мартовского»; кроме того, под вопрос была поставлена достоверность статьи 6611 г., оказавшейся «результатом применения византийско-болгарской эры в ее мартовском календарном варианте» [Цыб, с. 17–18]. Иными словами, на одной странице летописного текста обнаружилось действие как минимум трех хронологических систем.

Летопись действительно противоречит ПВМ. В хронотопе ПВМ поход к Лубну имел место после замирения с Аепой, а значит, не раньше конца января 1108 г. Более того, между этими двумя событиями уместился поход русских войск в степь, описанный как поход на Уру(со)бу. В свою очередь, в летописи Урусобы назван первым из «князии 20», убитых в сражении на Сутени 4 апреля 6611 (1103) г., иходить на него войной в 1108 г. было незачем. Но едва ли мы имеем дело с конфликтом хронологий.

С одной стороны, еще А. А. Шахматов заметил, что статья 6611 г. скроена по тому же лекалу, что и рассказ о походе на половцев, помещенный под 6619 (1111) г. Вывод исследователя нетривиален (игумен Сильвестр сконструировал рассказ 6611 г. по образцу событий 1111 г., а следующий книжник использовал наработки Сильвестра как шаблон для статьи 6619 г.), однако такое построение хорошо соотносится как с текстологическими особенностями обсуждаемых статей, так и с общим представлением о правках летописи в начале XII в. Иначе говоря, предположение о том, что статья 6611 г. (а значит, и приурочение смерти Урусобы к 1103 г.) представляет собой историографический конструкт, выглядит, по меньшей мере, столь же вероятным, сколь и гипотеза об использовании летописцем некоей специфической эры.

С другой стороны, нет необходимости считать, что какая-то часть статьи 6615 г. (в частности, известие о победе на Суле) была первоначально датирована по ультрамартовскому стилю, повествуя о событиях марта 1106 г. – февраля 1107 г. В ПВМ битва на Суле связана с рядом других событий – погоней Святополка и Мономаха за Боняком, пребыванием автора в Смоленске и смертью жены Владимира («Горгевой матери»). Значит, предлагая новую датировку для битвы на Суле, необходимо параллельно передатировать еще несколько событий и, кроме того, допустить использование ультрамартовского стиля не только в летописной статье 6615 г., но и в самом ПВМ, а это уже очень сильное утверждение, для которого нужно больше оснований.

Правда, остается неясным, почему летописец поместил не на свое место поход к Лубну, записав это событие годом раньше, чем следовало. Вместе с тем статья 6615 г. открывается развернутым хронологическим указанием «в лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а съльнечнаго круга 8 лѣто», за которым не следует никакого известия, а сразу начинается следующая запись («В се же лѣто...»). Допустимо предположить, что указание круга луны и солнца относится к записи о кончине «Святополчей матери»: это, в частности, объяснит сдвиг кругов луны и солнца в большую сторону по сравнению с расчетными. В литературе (А. В. Лаушкин) уже говорилось о складывании своего рода формуларя записи о кончине известного человека, предполагавшего развернутую хронологическую привязку, а супруга Изяслава Ярославича, несомненно, была фигурой известной. Очевидно, значительная часть статьи 6615 г. представляет собой вставку, разорвавшую запись о кончине вдовствующей княгини. Стилистика и содержание предполагаемой интерполяции роднят ее с упоминавшейся выше статьей 6611 г. Но автор этой статьи уже замечен в использовании обстоятельств 1111 г. как образца для описания событий,

имевших место в 1103 г. Аналогичной вольностью может быть и перемещение похода русских князей к Лубну, а значит, для объяснения этой особенности текста также нет необходимости предполагать какие-либо сложные межкалендарные пересчеты.

Рассмотрения единственной летописной статьи, конечно же, недостаточно для того, чтобы требовать полного отказа от гипотезы о множественности древнерусских календарей. Примечательно вместе с тем, что чем дальше продвигается наша работа по интерпретации летописного текста, тем очевиднее становится сложная литературная природа даже самых бесхитростных его фрагментов. Следует сдержанно относиться к реконструкциям нетривиальных летосчислительных систем, если авторы таких гипотез не доказали, что анализируемые датировки точны.

Литература

Цыб С. В. Древнерусское времячисление в «Повести временных лет». СПб., 2011.

И. Г. Добродомов (Москва)

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

Отсутствие историко-этимологического подхода в словообразовательных исследованиях приводит подчас к бесплодным дискуссиям, когда обе спорящие стороны занимают неверную позицию, как это имеет место в словообразовательной дискуссии относительно механизма образования прилагательных типа *курский*, *смоленский* от названий городов на -ск *Курск*, *Смоленск*, где одни видели загадочное «наложение морфем», а другие не менее загадочное их «выпадение». Коротко эти споры освещены с позиций сторонников «усечения» или «выпадения морфем» в разделе «Гапология» книги И. Б. Иткина «Русская морфонология» (М., 2007): «....мы не разделяем широко распространенного¹ мнения о том, что в прилагательных типа *Свердловск* — *свердловский*, *Омск* — *омский* происходит наложение адъективного суффикса -ск- на конечное -ск- основы: с нашей точки зрения, первое -ск- в таких словах просто выпадает. В пользу этого решения говорит следующее простое и, как нам представляется, совершенно неопровергимое соображение, высказанное уже Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, с. 481]: элемент -ск-, входящий в название ряда городов и, к слову, являющийся несомненным и во многих случаях вполне четко выделимым (ср. *Омь* — *Омск*, *Томь* — *Томск*, *Белое озеро* — *Белозерск*, *Мичурин* — *Мичуринск*, *якуты* — *Якутск*) суффиксом, отсутствует перед любыми словообразовательными морфемами, ср., например, *Омск* — *омич*, *омичка*, *Курск* — *курянин*, *курянка*, *Минск* — *минчанин*, *минчанка*, *Смоленск* — *смолянин*, *смолянка* и *смоленец*, *смоленка*. Неясно, почему адъективный суффикс -ск(ий) должен составлять в этом плане исключение» [Иткин, с. 254].

Эта дискуссия стала возможной из-за незнания ее участниками адъективной природы названий городов на -ск, что было хорошо известно уже Ф. И. Буслаеву: «К остаткам имен прилагательных кратких принадлежат названия городов: *Смолен-скъ* (в старину *Смолен-ь-скъ*, *Смолен-е-скъ*), *Архангел-ь-скъ* (в старину говорили “Архангельской городъ”») [Буслаев, с. 141].

В образованиях типа *Курск* — *курский*, *Томск* — *томский* не было ни «наложения морфем», ни не менее загадочных их «усечения» или «выпадения», ни даже предполагаемой И. Б. Иткиным капризной гапологии — явления скорее фонетического, чем словообразовательного плана.

В определительном словосочетании *Курьскъ* *городъ* краткое прилагательное *Курьскъ* с течением времени изменило свою грамматическую природу и стало субстантивированным, оторвавшись от полного прилагательного *Курьскъи*.

Оторвавшись от адъективной парадигмы и субстантивировавшись, топонимы с «градообразующим суффиксом» -ск- типа *Курск* оказались в одном ряду с топонимами типа *Клин*, *Киев*, от которых с помощью суффикса -ск- образуются прилагательные типа *киевский*, *клинский*, деривационная история которых совсем иная, чем в парах *Смоленск* — *смоленский*, *Курск* — *курский*, последние представляют собой раздвоение прилагательных с суффиксом -ск-. Что касается названий жителей типа *куряне*, *омичи*, то и здесь нет никаких «усечений», «выпадений», гаплогий: эти слова образованы от тех же основ, что и прилагательные на -ский. Речь здесь идет о связанных основах, если эти основы самостоятельно не употребляются или широко не известны (речка *Кур*, на которой стоит *Курск*).

В обстоятельной книге И. Б. Иткина «Русская морфонология» особое внимание обращается на случаи гапологии в цветообозначениях «на границе основы и словообразовательного суффикса: *лиловатый* (<лилОВОВатый), также *розоватый*, *коричневатый*», и далее подчеркивается, что в этой

¹ Ср., например: [Земская, с. 151].

группе слов «деривационная история очевидна лишь у прилагательных на *-оват(ый)*», и дополнительно подчеркивается также упрощение «последовательности *-в-ов-* в слове *коричневатый*» [Иткин, с. 252]. Далее автор делает свою точку зрения еще более категоричной: «В прилагательных на *-оват(ый)* гаплогения стопроцентно продуктивна. Об этом свидетельствуют распространенные в разговорной речи окказионализмы типа *оранжеватый*, ср. также литературный пример, приведенный Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, с. 488]: “Но, как должно, чуть-чуть *суроват*” (Е. Евтушенко)» [Иткин, с. 252–253].

На самом же деле деривационная история прилагательных типа *розовый* и *розоватый* такова: они должны рассматриваться как параллельные образования с помощью суффиксов *-ов-* и *-оват-* от существительного *роза* с дальнейшей деэтимологизацией и превращением деэтимологизированных прилагательных в слова со связанным корнем *роз-*, семантически оторвавшимся от названия растения – ботанического термина *роза*.

В данном докладе об историко-этимологических объяснениях языковых фактов в противопоставлении обывательски-синхронным их объяснениям с их иллюзорной очевидностью целесообразно рассмотреть исторические основы появления так называемых случаев «усечения», «выпадения» или «гаплогии» морфем, которые уже были затронуты мною в 1995 г. в специальной статье [Добродомов] и должны получить дополнительное освещение.

Литература

- Буслав Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
Добродомов И. Г. Откуда появилось «усечение морфем» // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 70–73.
Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
Иткин И. Б. Русская морфонология. М., 2007.
Янко-Триницкая Н. А. Наложение морфем в основе русского слова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1970. Т. 29. № 6. С. 478–488.

Д. Домбровский (*Быдгощ*)

КНЯЗЬ В ПУТИ: О МОБИЛЬНОСТИ РЮРИКОВИЧЕЙ В XIII в. (на примере Даниила Романовича)

Факт высокой мобильности средневековых правителей общеизвестен. Не без причины по отношению к этим коронованным osobам используется выражение «*rex (dux) ambulans*» [Gąsiorowski]. В практике Западной Европы исследование итinerариев правителей, живущих в XIII в., как правило, не представляет особого труда. К примеру, путешествия короля Сицилии Манфреда в период с конца 1250 до начала 1266 г. освещены в 530 сообщениях, помещенных в разных источниках [Brantl, с. 228–481].

Несколько сложнее оказывается ситуация при попытках описать путешествия большинства тогдашних правителей Центральной Европы – здесь примером может послужить хотя бы неполный, нуждающийся в уточнении, итinerарий короля Венгрии Белы IV периода 1233–1270 г., составленный еще в конце XIX в. [Wertner, с. 480–482], или же аналогичные, но намного более тщательно подготовленные данные о великопольском князе Болеславе Благочестивом, охватывающие период 1245–1279 г. На последнем примере можно проиллюстрировать объем имеющейся информации. Информация о путешествиях Болеслава приводится в источниках только для 1248 г. В 1249–1251, 1275 и 1276 г. этот правитель упоминался по одному разу, однако в рекордном 1259 г. – уже 15 раз! Во всех случаях указывается местность, в которой князь пребывал в данный момент [Hlebionek, с. 221–230]. Следовательно, можно хотя бы частично восстановить направления и время перемещения этого Пяста.

Напротив, в связи со спецификой материала источников практически невозможно исследовать путевые заметки Рюриковичей, живших в XIII в. Это относится не только к князьям, упоминаемым от случая к случаю (один или несколько раз за всю жизнь), но и к правителям, сравнительно часто появляющимся на страницах источников. Такое положение вещей сложилось, прежде всего, в результате практического отсутствия документов, составляемых самими Рюриковичами, которых не могут заменить летописные материалы.

Одним из немногочисленных представителей исконной древнерусской династии, о перемещении которого можно сказать достаточно много, является Даниил Романович. Причиной этого оказывается тот

факт, что до наших дней сохранилась Галицко-Волынская летопись — источник, возникший в окружении этого правителя, в котором порой с удивительной тщательностью описываются его действия¹. Некоторые дополнительные данные можно найти и в иностранных источниках².

Разумеется, в основном в связи с отсутствием дипломатического материала невозможно составить итinerariй короля хотя бы примерно так подробно, как те, которые были составлены для Белы IV или Болеслава Благочестивого. Мы не в состоянии определить и пропорций между сохранившимися сообщениями о путешествиях Даниила и действительно совершенными им путешествиями. Однако и так, на общем фоне древнерусской практики, можно извлечь довольно большой объем информации о других важных вопросах, связанных с перемещениями этого правителя: установить мотивы основной части путешествий, их продолжительность, скорость перемещения, расстояния, транспортные средства и пр. Что касается первого, сохранившийся материал источников позволяет выделить следующие цели путешествий: военную (наверное, чаще всего встречающуюся в Галицко-Волынской летописи), дипломатическую, связанную с текущим осуществлением власти, и религиозную (паломническую). Что касается второго — можно говорить о непродолжительных (одно- или двухдневных) и более продолжительных путешествиях, самым длительным из которых (как по времени, так и по преодоленному расстоянию) был примерно полугодовой визит у хана Батыя между октябрем 1245 и весной следующего года. Наконец, что касается скорости путешествий, следует упомянуть о примерах экстренного перемещения Даниила, вызванных военными соображениями. Так, весной 1230 г. он преодолел путь от Угринска до Галича длиной около 270 км всего за три дня³.

Представленные материалы позволяют осветить функции путешествий в процедуре осуществления власти русским князем и пролить свет на историю русской культуры интересующего нас периода.

Литература

- Brantl M. Studien zum Urkunden – und Kanzeleiwesen König Manfred's von Sizilien (1250) 1258–1266. [Univ. – Diss. Münich, 1994].
- Gąsiorowski A. Ambulans Rex. // Questiones Medii Aevi. 1977. T. 1. S. 139–162.
- Hlebionek M. Bolesław Pobożny i Wielkopolska jego czasów. Kraków, 2010.
- Wertner M. Die Regierung Bela's des Vierten. 1893. Ч. IV. Ungarische Revue. Г. 13. Вып. VIII–IX. С. 449–505.

¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. II. Стб. 717–862.

² См. например: Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. Вроцлав, 1989. Т. II. № 20; Fontes rerum bohemicarum. Прага, 1874. Т. II. С. 315.

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

A. B. Духанина (Москва)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СПИСКОВ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского (ЖСР) занимает особое место среди многочисленных редакций этого Жития, так как именно она частично сохранила первоначальную, Епифаниескую, редакцию ЖСР. Впервые предположение о том, что епифаниевский текст Жития дошел до нас в составе Пространной редакции, было высказано В. О. Ключевским [Ключевский, с. 84–87]. В. М. Яблонский первым выдвинул идею о принадлежности перу Епифания Премудрого только первой части этой редакции — до главы «О изведении источника» [Яблонский, с. 62]. Впоследствии был обнаружен целый ряд аргументов в пользу этой гипотезы [Кириллин; Клосс; Духанина], так что авторство Епифания Премудрого в отношении первой части Пространной редакции ЖСР можно считать доказанным.

Однако текстологические проблемы, связанные с Пространной редакцией ЖСР, на этом не заканчиваются. Списки, содержащие в своем составе Епифаниевскую редакцию ЖСР, неоднородны по составу и последовательности глав, различаются заглавием и заголовками глав, многие из них неполные. Кроме того, далеко не все такие списки даже выявлены на сегодняшний день¹. Не решен окончательно

¹ Последний перечень в составе 46 списков был предложен Б. М. Клоссом [Клосс, с. 213–222], однако и он включает не все сохранившиеся списки Пространной редакции: нам удалось обнаружить 4 списка, которые Б. М. Клоссом не упоминаются (СПБИИ РАН. Лих. 122; РНБ. Пог. 755, Пог. 756, Пог. 824).

и вопрос о протографе Пространной редакции. Все это обуславливает необходимость текстологического изучения ее списков.

Впервые к истории текста Пространной редакции обратился Б. М. Клосс, который отметил, что список РГБ. МДА. 88 обладает признаками ее протографа, и предложил классификацию списков редакции из 5 видов (Основной (30 списков), Волоколамский (3 списка), Вятский (3 списка), Минейный (4 списка), Вяземский (6 списков)) [Клосс, с. 213–222]. К сожалению, предложенные им критерии для выделения видов редакции довольно размыты. Так, Волоколамский вид отличается от Основного тем, что в нем «добавлена глава об Исакии Молчальнике (из Пятой Пахомиевской редакции), произведена перестановка глав; в некоторых списках глава об основании Киржачского монастыря заменена текстом Пятой Пахомиевской редакции»; Вятский вид при этом характеризуется единственной особенностью — в нем «глава об основании Киржачского монастыря заменена текстом Пятой Пахомиевской редакции»; в списках Минейного вида «текст Пространной редакции сближен с Пятой Пахомиевской редакцией (по списку Великих Миней) и стилистически переработан»; наконец, Вяземский вид представляет собой «соединение Пространной редакции с Синодальным видом Четвертой Пахомиевской редакции, приведшее к дублированию отдельных глав» [Там же]. Б. М. Клоссом не названы даже главы, которые переставлены или дублируются, более того, не ясно, чем различаются Волоколамский и Вятский виды и какой именно стилистической переработке подвергся текст Пространной редакции в Минейном виде.

Очевидно, что данная классификация нуждается в существенной доработке и уточнении.

Анализ списков Основного, Волоколамского и Вятского видов Пространной редакции ЖСР позволил сформулировать четкие критерии для отнесения списков к одному из этих видов.

Особые редакции глав. В списках Основного и Волоколамского видов главы «О начале монастыря иже на Кержаче» и об Исакии молчальнике взяты из 1-й Пахомиевской редакции, глава о возвращении святого с Кержача взята из 4-й Пахомиевской редакции (при этом в некоторых списках Волоколамского вида глава об Исакии молчальнике еще и дублируется: перед главой «О начале монастыря иже на Кержаче» помещен текст из 5-й Пахомиевской редакции с заголовком, что позволяет выделить в составе Волоколамского вида два подвида). В списках Вятского вида главы «О Исакии молчальнике», «О начале монастыря на Кержаче» и «О возвращении святого с Кержача» взяты из 5-й Пахомиевской редакции.

Перестановки глав. В списках Основного вида глава «О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине» помещена за главой «О изобиловании потребных» и перед главой «О изведении источника» (тем самым она относится к Епифаниевской редакции), тогда как в списках Волоколамского и Вятского видов она помещена за главой о видении птиц и перед главой «О составлении общего жития» (т. е. среди глав второй — Пахомиевской — части). В списках Основного вида глава об Исакии молчальнике помещена после главы «О начале монастыря иже на Кержаче» (причем даже не выделена как отдельная глава) и перед главой о возвращении святого с Кержача, между тем в списках Вятского вида эта глава помещена перед главой «О начале монастыря на Кержаче», а в списках Волоколамского вида — после глав «О составлении монастыря иже на Кержаче» и о возвращении святого с Кержача (или одновременно и до и после этих глав — см. выше).

Наборы разночтений. Каждый вид характеризуется своими особыми чтениями, которые также могут быть использованы при классификации.

Изучение списков Основного, Волоколамского и Вятского видов Пространной редакции позволило сделать вывод, что их распределение по видам, предложенное Б. М. Клоссом, не соответствует им же названным критериям. Так, списки РНБ. Сол. 997/1106, СПбИИ РАН. Рукопис. собр. 155, ГИМ. Увар. 405, РНБ. ОЛДП. Ф. 445, отнесенные Б. М. Клоссом к Основному виду, на самом деле являются списками Волоколамского вида, а список РГБ. Волок. 644, который Б. М. Клосс отнес к Волоколамскому виду (по нему вид и назван), — Вятского вида². На основе разночтений можно также определить вид неполных списков, содержащих лишь несколько первых глав епифаниевской части. Все они отнесены Б. М. Клоссом к Основному виду, однако в действительности некоторые из них, в частности списки РНБ. ОЛДП. Ф. 185, РГБ. Унд. 372, Пискар. 121, Тихонр. 412, к этому виду не относятся.

Таким образом, исследование списков Пространной редакции дает возможность существенно уточнить предложенную Б. М. Клоссом классификацию, что, в свою очередь, позволяет снять некоторые вопросы в отношении истории текста этой редакции ЖСР.

Литература

Духанина А. В. К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // ДРВМ. 2006. № 3 (25). С. 5–19.

² Тем не менее названия видов, предложенные Б. М. Клоссом, мы сочли возможным сохранить.

- Кириллин В. М. Епифаний Премудрый как агиограф Сергея Радонежского: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7. Ч. 2. С. 264–275.
- Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 2003.
- Яблонский В. [М.] Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

О. Ф. Жолобов (Казань)

К ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИИ ТРОИЦКОГО СБОРНИКА XII–XIII в.¹

На пространстве *cyclomethodiana* только Древняя Русь в силу ряда обстоятельств сохраняла непрерывную книжную традицию. В древнерусской традиции не просто сохранялись, но и постоянно наращивались книжные богатства, обретенные вслед за крещением. Тиражировались не только отдельные кодексы — осваивались и перерабатывались целые библиотечные собрания. Об этом свидетельствует такой вид книжной продукции, как сборники (а точнее, «изборники» — избранные извлечения из различных рукописных источников). Компиляции в какой-то мере могли заменить целые библиотечные коллекции разной величины, являясь результатом их активного использования. Лингвотекстологический анализ древнерусских сборников дает важную информацию как о составе древних книжных собраний, так и о литературно-книжных предпочтениях читателей и переписчиков. Сама конфигурация компиляций определялась свободным выбором составителей-переписчиков и их композиционным решением, нередко сопровождавшимся редакторским вмешательством в исходные тексты.

В последнее время получил развитие новый технологический инструментарий анализа древнеславянских текстов — электронные базы данных, совмещенные с модулями их разнообразной компьютерной обработки (система поиска словоформ и контекстов, разнообразные онлайн-указатели, автоматический лемматизатор и т. д.). В перспективе речь идет о создании Исторического корпуса русского языка, подобного Национальному корпусу русского языка (www.ruscorpora.ru) и существующим корпусам других языков. Эта задача является очень сложной в техническом отношении, поскольку, в отличие от корпусов современных языков, требует специальной подготовки «машиночитаемых» наборных версий рукописных источников. Довольно далеко в решении данной задачи продвинулись разработчики программного обеспечения и авторы интернет-изданий древнеславянских рукописей на портале «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru>). Работа над базами электронной библиотеки «Манускрипт» позволила прояснить очень важное отличие будущего Исторического корпуса от корпусов современных языков. В основе Исторического корпуса должен лежать лингвотекстологический принцип, поскольку основной фонд древнеславянских источников представлен многочисленными списками определенного круга текстов. Исторический корпус должен складываться из подкорпусов, образуемых списками евангелий, псалтыри, апостола, миней, гомилетических сочинений, житий, летописей и т. д. Таким образом, традиционное текстологическое направление в палеославистике по необходимости должно получить свое новое и несколько неожиданное воплощение в целом наборе параметров электронно-компьютерного инструментария при создании Исторического корпуса русского языка. В наиболее существенной своей части этот корпус будет представлять собой масштабный полиструктуральный и гетерогенный свод данных — Славяно-русский корпус. Сочетание корпусного и лингвотекстологического подходов, на наш взгляд, является наиболее продуктивным методологическим комплексом в диахронических исследованиях, поскольку позволяет установить наиболее объективную картину эволюции языковых единиц, а кроме того, обнаружить сами языковые изменения, которые при других подходах попросту остаются невыявленными, скрытыми.

В скором времени на портале «Манускрипт» будет представлено интернет-издание Троицкого сборника XII–XIII в. (по рукописи РГБ. Тр. 12) вместе с модулями поиска лингвотекстологических параллелей и онлайн-указателями. В докладе мы остановимся на знаменательных для Троицкого сборника XII–XIII в. лингвотекстологических параллелях, связывающих его с двумя ранними источниками — Паренесисом Ефрема Сириня и Пандектами Антиоха, которые уже размещены на портале.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 12-06-00334-а «Комплексное исследование рукописного кодекса раннедревнерусского письма — Троицкого сборника XII–XIII вв. и подготовка интернет-издания».

A. E. Жуков (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ РЕДАКТОРА АРХИВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Сводом 1560 года принято называть летописную компиляцию, завершающуюся текстом Летописца начала царства (далее – ЛНЦ) и его возможного продолжения с 1533 по 1560 г.¹ Особое место среди прочих списков Свода 1560 года занимает *Арх.* Еще столетие назад А. Е. Пресняков отметил тот факт, что в *Арх.* в известия о свадьбах великих князей Ивана Васильевича (1547 г.) и Юрия Васильевича (1548 г.) вставлены разряды этих свадеб, отсутствующие в других списках памятника. Причем в самом конце известия о женитьбе Юрия Васильевича читается текст «да на княж Юсьеве радости Васильевича в чинех были Петръ Иванович Шетнев да Игнатеи Вешняков. Любому человеку Петровым племянником с кем спор, ино слатца на государеву царьскую записку, что Петръ Шетнев на княж Юсьеве радости Васильевича больши был Игнтия Вешнякова»². В других источниках упоминаний о местническом превосходстве Петра Шетнева над Игнатием Вешняковым и о наличии некоей государевой грамоты, это подтверждающей, нет. А. Е. Пресняков считал, что это приписка к основному тексту, которая в *Арх.* читается в строке, а в тексте его протографа должна была читаться на полях [Пресняков, с. 3]. На основании этого текста А. Е. Пресняков предполагал некую связь *Арх.* с родом Шетневых, однако не уточнял, принял ли кто-то из этого рода участие в редактировании *Арх.* и кто это мог быть.

Нет никаких оснований считать, что приписка была сделана в протографе *Арх.* Разряды свадеб великих князей в *Арх.* сокращены по сравнению с официальными разрядами. Состав служб на свадьбах в *Арх.* не полный. Впрочем, известны частные разрядные книги, где состав служб в известиях о венчаниях великих князей Ивана и Юрия совпадает с *Арх.* Одна из них – разрядная книга 1478–1603 г. (был просмотрен ее текст по списку БАН. 17.5.29). Состав служб в свадебном разряде царя Ивана Васильевича в этой редакции разрядных книг полностью совпадает с *Арх.* и завершается службой «у воды». В БАН. 17.5.29 в разряде свадьбы Юрия Васильевича отсутствует текст «а за столом следили боярыни и княж Дмитреева Федоровика Белского князни Марфа да князе Иванова Федоровича Мстисловского князни Орина да Петрова жена Яковлевича Анна Васильева жена Яковлевича Анна Федорова жена Ивановича Сукина»³, читающийся в *Арх.*.

По всей видимости, сокращенные разряды о свадьбах Ивана и Юрия Васильевича также носят частный характер. Возможно, что в руках человека, который редактировал *Арх.*, была частная разрядная книга. Именно в разрядной книге, которая использовалась в местнических спорах, приписка о более высоком положении Петра Шетнева по сравнению с Игнатием Вешняковым «на княж Юсьеве радости» выглядит более органично. Вероятно, из нее и были заимствованы некоторые сведения *Арх.*, которые отсутствуют в других списках ЛНЦ⁴. Запись о местническом превосходстве Петра Шетнева над Игнатием Вешняковым свидетельствует о том, что эти разрядные записи принадлежали семье Шетневых.

Наиболее вероятно, что из всех представителей рода Шетневых подобными материалами мог располагать Петр Иванович Шетнев. Еще А. Е. Пресняков отмечал, что в 1576 г. он был постельничим [Пресняков, с. 2–3]. В боярском же списке 1577 г. он упомянут в должности печатника [Станиславский, с. 192]. Это единственное его упоминание с таким чином. С 1571 г. бессменным печатником был Р. В. Алферьев, который в походах 1576 и 1577 г. был печатником в полку Грозного. А. Л. Станиславский считает боярский список 1577 г. списком «земчины» [Станиславский, с. 46]. Можно предположить, что Петр Шетнев, в отличие от Алферьева, был печатником на земском дворе или же замещал его, пока тот находился в походе. Таким образом, он занимал высокие государственные должности, что, можно думать, позволяло ему обращаться к материалам официального летописания. В 1577 г. он пребывал в Москве. Если предположить, что летописная компиляция, которая была положена в основу *Арх.*, была составлена в официальной среде, то именно в столице было удобнее в течение

¹ Полностью текст Свода отразился в списках РГБ. Рум. 255 и РГАДА. МГАМИД. 11 (далее – *Арх.*). Текст Свода 1560 года отразился в Львовской летописи после 1518 г. и в последней части конволюта РНБ. F.IV.585 с 1552 по 1560 г.

² МГАМИД. 11. Л. 91 об.

³ МГАМИД. 11. Л. 91; БАН. 17.5.29. Л. 148.

⁴ В тексте *Арх.* «А встреча королевских воевод нигде не бывала, Божию помоцию, нападе на нихъ страх и ужас от великого князя воевод. И великого князя воеводы поидаша из земли вон со многимъ полономъ и с казною на Опочку, вси здравы и пришли марта въ 1 день 4 недели поста» (МГАМИД. 11. Л. 13) говорится об ужасе и страхе, который испытали литовские воеводы перед ратью великого князя. Эти сведения в других списках ЛНЦ отсутствуют. Возможно, именно в этом фрагменте стоит видеть обращение к дополнительному источнику.

Л. И. Журова (Новосибирск)

МОТИВ ЛЖЕПРОРОКОВ В СТРУКТУРЕ АВТОРСКИХ СВОДОВ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В искусстве средневековой проповеди критика лжеучений/ лжеучителей/лжепророков стала ведущим и структурообразующим элементом ораторской речи и чаще всего порождала обличительный пафос церковного оратора. Полемический дух, дух сомнений и «нестроений», пронизавший русскую публицистику XVI в., привел к ускорению историко-литературного процесса позднего русского Средневековья, и мотив лжеучений способствовал динамичности его развития.

Под лжепророками в ветхозаветной литературе понимались личности, творившие беззакония и прикрывавшие свои деяния именем Бога (Иез 22: 28; Мих 3: 5). Отправной точкой в суждениях учителей Церкви и средневековых проповедников были евангелические тексты (Мк 13: 5–6, 22; Мф 7: 15; Мф 14: 19; Мф 24: 11, 24) и апостольские послания (2 Петр 2).

Накопленный опыт святоотеческой литературы продуктивно был освоен публицистами. «Слово о лживых учителях», приписанное Иоанну Златоусту, представляет собой памятник русской общественной мысли XIV в. [Клибанов, с. 301–309]. В полемической литературе первой половины XVI в. с именами церковных писателей, истинных последователей Христа: Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, Максима Грека — связаны основные открытия в литературном процессе позднего русского Средневековья, в том числе создание авторских сводов [Журова 2011, с. 46–49].

На критике идеологии новгородских еретиков, лжеучителей, организовано строение «Просветителя» Иосифа Волоцкого, в котором тезис жидовствующих, вынесенный в заголовок Слова¹, выполнил текстопорождающую функцию пространных ответов игумена.

Митрополит Даниил к проблеме лжеучений обратился с целью предупреждения совращений в «жидовство». Свой «Соборник» он открыл «Словом... яко внимати подобаетъ от ложных пророкъ и от ложных учителеи, и яко от сего познавается ложныи учитель и ложныи пророкъ...»². Тема лжепророков поставлена писателем в сильную позицию начала свода. Таким способом Даниил установил преемственность в разработке проблемы и определил ее важность в своем творчестве. Даниил призывал опасаться злых коварств еретиков и потому усилил негативную характеристику лжепророков аллегорическими образами: «внимаем съ опасьством и ложных пророковъ, и ложных учителеи, и псовъ, и свинеи» (Л. 6 об.). Животный ряд «лживых» заимствован писателем из Евангелия: «Не дадите святая псомъ и ниже помѣтайте бисерь вашихъ пред свиниями, да не попѣрутъ ихъ ногами своими и, врашащеся, расторгнутъ вы» (Мф 7: 6). В своей критике лжепророков Даниил опирался на библейский текст: ««Не поверзите бо, рече Господь, бисеры ваша пред свиниами». Аще бо и дерзи бывают и сладко бесѣдуют, еже навыкнути имъ и увѣдѣти что, но ложъ, и лесть суть» (Л. 6 об.). Пафос проповедника направлен против льстивых речей лжеучителей с той целью, чтобы уберечь «живущих в простоте» от соблазнов коварных слов. В тексте Даниила «пес» может означать стражников, преданных еретикам.

Продолжая изобличать лжепророков, Даниил привлекает новый образный ряд: волк, змея и лисица (Л. 8 об.). В христианской культуре эти звери входили в символическое поле, означенное образом дьявола. В семантике представленных аллегорических образов общим элементом была хитрость («лесть»), и в то же время каждый из них олицетворял разные черты портрета лжепророков: зло, искушение, коварство, лукавство, вероломство. Обращение Даниила к бестиарию объясняется традицией средневекового иносказания. Кроме того, для укрепления своих позиций искреннего «наказателя» Даниил собрал «свидетельства», то есть цитаты и выписки из святоотеческих сочинений Иоанна Златоуста, Никона Черногорца, Феофилакта Болгарского, которые поместил во второй, самой обширной, части Слова 1.

В Слове 2 «Соборника» — «О смирении враждующих» (Л. 41–64) — Даниил продолжил тему. Лживым пророкам он противопоставил праведников, истинных учителей и последователей Христа, к которым относил и себя. Московский митрополит четко сформулировал задачу проповедников: «Се бо

¹ «Просветитель», или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1903.

² Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 173/І. Собр. МДА. 197. Слово 1. Л. 5 об. – 41 (далее листы указаны в круглых скобках).

есть истинныхъ паstryrei дѣло: да провъзвѣщаетъ хотящаа быти лютая и прежде смерти и яже по смерти и смотрими, колико погыбе словесныхъ овецъ отъ псовъ, и свинеи, и отъ ложныхъ пророковъ, и ложныхъ учителеи» (Л. 54 об.). В Словах Даниила следует отметить редуцирование полемического звучания, снижение роли исторического содержания и усиление риторики.

Тема лжепророков в «Слове против льстиваго списания Николая Немчина» Максима Грека³ выполнила функцию вступления к пространной обличительной речи ученого монаха. Она открыта библейской цитатой, ставшей топосом в проповеднической литературе [Ранчин, с. 21–32]: «Внемлите от лживых пророковъ, иже приходят къ вамъ въ кожах овчихъ, внутрь же суть вльди хицницы» (Мф 7: 15) (овечью шкуру церковники предлагали толковать как грубую власяницу, которую носили ложные пророки (Зах 13: 4)). Учением Христа Максим Грек в самом начале «Слова» определил лживых пророков, «именуя лживых учителеи, еже есть еретиковъ, глаголющих от чрева своего, а не поeuагельскому законоположению и богословию, иже преухыщренымъ суесловиемъ прельщаются сердца простыхъ». Ссылаясь на послание апостола Павла к коринфянам, ученый монах изобличил лукавство принимающих вид апостолов Христа: «Сицевии же суть лживии апостоли, дѣлатели льстивии, преобразуеми въ апостолъхъ Христовыхъ» (2 Кор 11: 13). К лжепророкам отнесен и Николай Булав, апологет латинской веры: «Такова познаю и льстиваго Николая Нѣмчина». Этими словами начата Святогорец критика учения о соединении Русской православной и Римской католической церквей в трактате, составившем 68-ю главу Хлудовского кодекса [Журова 2008, с. 408–432].

Лицемерие, лесть, прелестъ, лукавство, мудрование — семантическое поле концепта лжи в сочинениях публицистов. Ложь — это чужое мнение, это чужая идеология. Чужая точка зрения ложна, на этом был построен полемический дискурс в русской литературе первой половины XVI в.

Литература

- Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 195–212.
Журова Л. И. Авторские своды в русской публицистике XVI в. (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 46–49.
Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // ДРВМ. 2012. № 3 (49). С. 22–32.

³ Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 241–252.

Н. Зайц (Любляна)

НЕИССЛЕДОВАННЫЕ АСПЕКТЫ СОЧИНЕНИЙ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА

Максим Грек — один из не только хорошо известных, но и достаточно исследованных древнерусских писателей. Закономерно, что уже своими русскими современниками он воспринимался прежде всего как богослов, философ, мыслитель и эрудит, а также как святой. Подтверждением последнему являются фрески галереи Благовещенского собора Московского Кремля, где прп. Максим Грек изображен в кругу наиболее прославленных философов и писателей древности, а также факт создания молебна святому вскоре после его кончины. При этом важно отметить, что кремлевские фрески были написаны спустя 8 лет после смерти афонского монаха, прибывшего из обители Ватопед в 1518 г. (по приглашению Василия III для перевода «святых книг») и дважды представшего в Московской Руси перед церковным судом, осудившим его.

В историографии до сегодняшнего дня на первый план выходили вопросы о его значимости для русской культуры, а также темы, касающиеся роли, которую сыграл ученый грек в процессе формирования автокефалии Русской православной церкви. Филологи занимались лингвистическими штудиями Максима Грека. В связи с этим представляется целесообразным ограничиться рассмотрением личного взгляда самого Максима Грека на тогдашнюю русскую действительность, причем сосредоточиться на тех вопросах, которые считаем как недостаточно, так и вообще не исследованными.

Информация, принятая к рассмотрению, основана полностью на рукописях, при том, разумеется, тех, что считаются прижизненными. Значительная часть последних находится в его прижизненном собрании сочинений — так называемом Румянцевском собрании (РГБ. Рум. 264).

Представляется верным отказаться от жанрового разграничения сочинений Максима Грека — на нравственно-дидактические, эпистолярные, публицистические, полемические, риторические. Нет смысла четко разделять также эпистолярный и чисто риторический жанры. В начале XVI в., когда преподобный жил и писал, не существовало ни таких названий текстов, ни их искусственных разграничений. При этом «жанровый подход» при анализе сочинений Максима Грека не способствует решению таких существенных вопросов, как проблема адресата, специфика авторского голоса и «высказывания» (в Бахтинском смысле). Но, тем не менее, надо учитывать, что Максим Грек был воспитан в традициях византийско-европейской книжности. Точнее, его мировоззрение не только формировалось, но и развивалось в среде выдающихся ученых, богословов и мыслителей, которые, несмотря на то что представляли себя первыми лексикографами европейского сознания, оставались в рамках христианского учения. Думается, как и другие выдающиеся богословы и мыслители, Максим Грек предчувствовал крах христианского сознания в Западной Европе, поэтому у него уже в молодости сложились определенные духовные установления, которым он не изменил до конца своей жизни. Так, например, в письме митрополиту Макарию Максим Грек утверждал, что он уже в свой итальянский период проповедовал православную веру перед европейскими католиками: Свидетель ѿ мене твоемъ прѣститоу имъ єдиниц/ єщевицъ и тайны тмы дѣла и помышленій ѿкрыты/ И обличити хотятъ на страшномъ своемъ второмъ пришествіи, такъ иначтоже людкво ии ѿгною о правогл/иѣнѣи вѣре вящен же ии моен, ии свѣтъ сеес ии писа ѿноу/ ниже гдѣ такъ ииѣцыи ѿ болгаша мене, спротиено же паче все єщеннѣиши вѣко труглюено иици ѿбрашени ми/ ѿблнѣ поблагшася за православиою вѣроу нашу не тѣю/ здѣ ѿ вѣко словеса доволна на болшю єресен гдѣ/ ииудѣехъ и агрѣ ииамѣ єдиниц, и на прелѣчиши мно/гна ѿ православи, лжеисл҃о, соуслѣбдѣ звѣздочтецов,/ ...но єще и пре самѣли вѣломожам/ глемы ла нашу православию вѣроу євѣтлѣ и євѣнѣ/новенна вспроповѣдовѣ благодатию поклона/емаго божеугѣнаго Парлкнта преиженъ бы и ѿкѣплена (Paris, Bibliotheque Nationale: Mss. coll. Slave 123, 78v–79r).

Важно сказать об обнаруженнем своеобразном единстве содержания авторского текста прп. Максима Грека, что дает возможность для более глубокого восприятия его творческого наследия. Так как афонский монах в своем мировоззрении соединил опыт двух духовных культур, обратим внимание на его поэтические тексты, а также тексты богослужебного характера. Под первыми подразумеваются его молитвенно-песенные сочинения: не только молитвы и отдельные песнопения (например, молитвы, приведенные Максимом Греком по окончании «Литургической Псалтири» (ГИМ. Увар. 85)), но также его статейки по толкованию отдельных мест из Священного Писания, прежде всего — отдельных строк псалмов. Под вторыми подразумеваются его небольшие сочинения, посвященные различным аспектам монашеской жизни, а также разъяснения иконографии.

Именно в указанных небольших сочинениях наиболее наглядно видны те авторские принципы¹, которых Максим Грек придерживался на протяжении всей своей книжной деятельности. Выявлены выражения, которыми преподобный пользовался в течение всей своей жизни (например, отдельные фразы, наличествовавшие в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и в «Географии» Страбона — греческих рукописях, которые Максим Грек переписывал по просьбе итальянских гуманистов), делается попытка определить, с какими древнеславянскими формами преподобный был знаком ко времени прибытия в Россию и затем использовал буквально до самой смерти.

Все это свойственно и его сочинениям, до сих пор в науке известным под названием полемических, — направленным против «латинской веры», ересей, широко распространенных в XVI в. в Европе. Иначе говоря, одни и те же принципы создания текста свойственны как его более ранним, так и позднейшим произведениям. Но надо иметь в виду, что Максиму Греку не свойственна позиция, характерная для древнерусской литературы, — так называемого самоуничижения. Хотя нет и подчеркнутого акцентирования своего «я» (так как последнее существенно противоречило бы его монашескому опыту). Авторский голос в его текстах не выступает на первый план и не исчезает, но, напротив, существует в каждом слове его. Такое своеобразное авторское присутствие является следствием формирования вневременной, библейски оправданной, христологической позиции, посредством которой преподобный смог преодолеть проблему адресата (для него в действительности не разрешимую). Этой радикально христологической установкой Максим Грек смог преодолеть противоречия разных культур и двух христианских традиций и, что еще важнее, одновременно создать уникальный язык, не только отрицавший все «чужое» (то есть несвойственное его личному духовному опыту, отражавшемуся прежде всего в его литературной деятельности), но и в дальнейшем оказавшийся неповторимым (то есть не подлежащим подражанию)².

¹ Последние отражают также некоторые установки на следование традициям раннехристианских рукописей, например кодировки иллюминированных маргиналий.

² Даже в речи Ивана Грозного, где цитат из текстов Максима Грека много, можно определить только заимствования, а не подражания сочинениям преподобного.

B. B. Игошев (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЕ КАЦЕИ И ЛАДАНИЦЫ. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ, НАЗНАЧЕНИИ И АТРИБУЦИИ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Кацеи и ладаницы являются древнейшими предметами церковной утвари, предназначеными для возжигания благовоний и каждения во время богослужения. Такие предметы выковывали из меди, серебра, золота, отливали из бронзы, делали из обожженной глины, вырезали из камня или изготавливали из других материалов. Разнообразной формы кацеи и ладаницы сохранились в музейных собраниях, их изображения присутствуют на древнерусских иконах, фресках, миниатюрах рукописных книг, на церковном шитье, деревянной резьбе, предметах литургической утвари, а описания имеются в письменных источниках.

Сожжение ароматических смол или ладана на горящих древесных углях в кадильницах всегда было неотъемлемой и важной частью богослужения. Древнерусское слово «ладан» известно уже в XII в., оно происходит от греческого *ladanon* — смолы кустарника и восходит к арабскому *ladan*. То же значение имеет древнерусское слово «темьян», или «тимиян», возникшее от греческого «фимиам», а также слово «ливан», происходящее от еврейского «белый».

Кацея (от греч. *katzion* — тигель, или от итал. *cazza* — ковш) является разновидностью переносных кадильниц и своей формой напоминает ковшик или чашу с рукоятью. В письменных источниках и словарях подобные курильницы назывались «кацья», «кацея», «кация», «кацеа», «кадея», «кадильница с рукоятью». В письменных источниках и во вкладных надписях, сделанных на ковчежцах или сосудах, закрытых крышкой и предназначенных для ароматической смолы, они именовались: «ладаницы», «ладонницы», «ладенники», «ладанники». От слов «фимиам» и «ливан» происходят греческие наименования ладаницы — «фимиаматос», «ливанотос».

До настоящего времени в научных статьях нет установившейся терминологии в наименовании исследуемых богослужебных предметов, которые называются: «ладаницы», «ладонницы», «ладонницы», «кацеи», «кации» и т. д. Такие предметы все еще не систематизированы, недостаточно изучены и атрибутированы. Мало исследованы их типология, назначение, символика, особенности стиля и техники изготовления.

Ладаницы имели разнообразную форму и делались в виде прямоугольной в плане коробки, киотца или ларца с кровлей, напоминающего храм (иногда пятиглавый), или в виде сосуда, закрытого крышкой. Древнейшие ладаницы представляли собой узорчатые ковчеги без поддонов с полукруглой крышкой и, как правило, были увенчаны четырехконечным крестиком. Такие предметы, обладающие мощной и лапидарной формой, были выполнены в византийских традициях. Их изображения встречаются в церковном искусстве XI—XV в.: на мозаиках, фресках, иконах, серебре, а также на миниатюрах рукописных книг. Как правило, на византийских и древнерусских иконах, миниатюрах и фресках ладаницы изображены на красном или белом плате или пелене (греч. «подеа»), что дает основание причислить их к важнейшим «владычным» предметам церковной утвари.

Западноевропейские медные и серебряные ладаницы — «Incense Boat» XIII—XVII в., имеющие корпус в виде лады, который укреплен на поддоне, с открывающейся вверху крышкой, — заметно отличаются формой от древнерусских ладаниц. Подобные изделия западноевропейской работы, используемые при богослужении в католических храмах, иногда встречались в древнерусских церквях и монастырях.

Ранее исследователями отмечалось, что ладаницы изготавливались в виде ковчежца или коробки с крышкой и были предназначены для хранения дорогой ароматической смолы. Однако такие предметы делались не только с целью хранения ладана, но, прежде всего, для их торжественного выноса во время праздничных богослужений. Согласно церковному Уставу, на малом и великом выходе архидиаконы и диаконы выносили ладаницу, держа ее левой рукой у левого плеча, а в правой руке — кадильницу с курящимся ладаном. Торжественный вынос ладаниц в строго определенном положении у левого плеча, вероятно, связан с древнейшими византийскими традициями богослужения. Ладаница, согласно предписаниям Устава, использовалась не только при архиерейском, но и при иерейском служении.

Ладаницы и кацеи декорировались священными изображениями, орнаментом, литургическими, вкладными, охранительными и другими надписями. Иногда такие предметы состоят из разновременных частей, появившихся в результате поздних переделок. Нередко в ходе исследования возникают

вопросы, связанные с историей их бытования, атрибуцией, а также с назначением при богослужении. Например, в разных изданиях серебряные ковчежцы, украшенные чеканным растительным орнаментом, увенчанные крестиками, относятся к ладаницам или к ковчегам-дорохранильницам. Еще один пример: медный предмет в виде ковшика на низком поддоне, украшенный в технике золотой наводки растительным орнаментом, поясным изображением Христа-Эммануила и литургической надписью, в разных публикациях датируется XVI или XIII–XIV в. и представлен как «церковная чаша — дискос», «ладонница» или «кацея».

Все известные нам кацеи изначально изготавливались с целью курения в них благовоний. А вот ладаницы иногда были сосудами вторичного использования. В древнерусских храмах и монастырях при богослужении нередко применялись изделия светского или церковного характера западноевропейской или восточной работы: серебряная питьевая посуда, шкатулки, коробочки, реликварии, поступившие в виде церковных и монастырских вкладов и использовавшиеся как ладаницы. При этом на них нередко гравировались священные изображения, литургические надписи и добавлялись отдельные детали. Такие предметы в дальнейшем влияли на типологию древнерусских ладаниц.

Кацеи вместе с иконами и благовониями привозились на Русь из Византии еще в домонгольский период. Впервые кацея упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. среди различных богослужебных вещей, разграбленных в киевских храмах Ольговичами. Из летописи известно, что преп. Евфросиния Полоцкая во второй половине XII в. в Константинополе купила «тимиян и кацию злату».

Ручные кадильницы, выполненные русскими мастерами, большей частью типологически повторяли византийские предметы. Древнейшие кацеи имели форму неглубоких чашек с открытым верхом — «без кровли», с рукоятью в виде «полки» или в виде стержня. При богослужении широко использовались также ручные кадильницы шарообразной или луковичной формы, сверху закрытые крышкой («накровом») с прорезями или отверстиями для выхода дыма сжигаемого ладана. Крышки у подобных кадильниц часто были подвижные, они крепились к корпусу на шарнирах и были увенчаны крестиком. Древнерусские кацеи часто декорированы орнаментом, священными изображениями, изображениями животных, птиц, а также вкладными или литургическими надписями.

Формы и декор древнерусских ладаниц и ручных кадильниц в своей основе, прежде всего, ориентированы на драгоценные предметы византийской церковной утвари, получившие широкое распространение во всем христианском мире. Большое влияние на типологию древнерусских ладаниц оказали также романские и готические предметы западноевропейской богослужебной утвари.

И. Л. Калечец (Минск)

ЗАПИСЬ О СМЕРТИ УЛЬЯНЫ ТВЕРСКОЙ В ГРАФФИТО ПОЛОЦКОЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Изучение надписей на столбах Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка дает новые неожиданные находки. Настоящим открытием было прочтение граффито о смерти Ульяны Тверской, которое находится на юго-западной грани северо-восточного столба. Надпись расположена на высоте 119 см от современного уровня пола, ее параметры 3 x 46 см, высота букв 1,2 см. Граффито читается следующим образом: **Лця
мртва преставися княгини великам | Оульяна на память стого Шлдл члвка бжя** (Рис. 1).

Надпись, выполненная в две строки, не датирована, она не содержит ссылки на год. Речь идет о великой княгине Ульяне. Сколько княгинь с таким именем мы знаем? Во временном интервале XIV–XV в. известны Ульяна Московская, жена Ивана Калиты, которая умерла в 60-х годах XIV в., Ульяна Тверская, жена Ольгерда и мать Ягайло, смерть которой зафиксирована в Тверской летописи под 1391 г., и Ульяна Гольшанская, жена Витовта, которая умерла в 1448 г. Какая из великих княгинь упомянута в граффито?

Ответ на этот вопрос мог дать только палеографический анализ этой примечательной, хорошо прорезанной надписи. Сразу обращают на себя внимание буквы **А**, написанные очень характерно, с вытянутыми и выпнутыми петлями, а также употребление нескольких вытянутых точек между словами. Такое написание встречается в ставшем хрестоматийным тексте «Вкладной записи Ивана Никоновича» (Рис. 2), найденном в Полоцком евангелии конца XII — начала XIII в. и датируемом концом XIV в. [Груша, вкл. 13]. Сравнивая эти два документа, мы видим также совпадение написания **М, Р, Т, А, В, К, узкого Е** и некоторых других букв. Кроме того, в обоих текстах слова разделяются между собой несколькими вытянутыми точками. Мы с полной уверенностью можем сказать, что данные надписи сделаны рукой одного и того же человека. Небольшие отличия могут объясняться разными условиями написания: на поверхности пергамена и поверхности столба. Учитывая почти стопроцентное совпадение в написании букв текста «Вкладной» и граффито, мы можем датировать надпись концом XIV в.

Что касается определения личности княгини, можно утверждать, что вряд ли фиксация смерти московской княгини была так важна для Полоцка. Другое дело — смерть Ульяны Александровны Тверской, личности выдающейся и неоднозначной. Она воздействовала на внешнюю и внутреннюю политику, поддерживала православие в Великом княжестве Литовском и многое сделала для своего сына Ягайлы, который в результате разочаровал свою мать принятием католицизма и ориентацией на союз с Польшей. Некоторое время Ульяна жила в Витебске, а в конце жизни великая княгиня стала монахиней и была похоронена в Киево-Печерской лавре. Безусловно, эта великая княгиня была ближе Полоцку, чем Ульяна Московская. Мы с полной уверенностью можем утверждать, что речь в граффите идет именно об Ульяне Тверской, личности, близкой истории Полоцка и Полоцкой земли. Так же как, например, в других граффито церкви упоминаются исторические лица, деятельность которых связана именно с Полоцком, Великим княжеством Литовским либо Речью Посполитой, но не с другими государствами того времени.

Самое ценное в надписи то, что она имеет точную ссылку на дату смерти — месяц март и день памяти Алексия человека Божия, который приходится на 17 марта по юлианскому календарю. Год смерти дает нам Тверская летопись: «В лѣто 6899. Преставися княгини великаа Уліана Ольердова»¹.

Таким образом, в результате чтения надписи и сопоставления ее с данными летописи стала известна точная дата смерти Ульяны Александровны Тверской — 17 марта 1391 г.

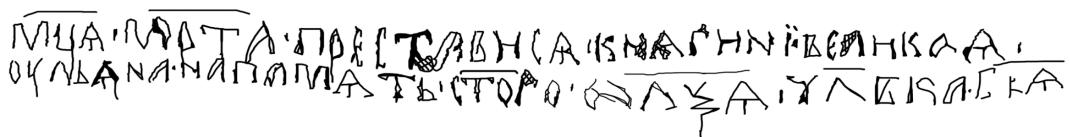

Рис. 1. Граффито о смерти Ульяны Тверской

Изданье:
Воймлочайспайсто
Годла. Кацърабъ
Блжий небланъ. Нисо
Нобиуъ. Деменътъ
Квынъ. Шлодасе
Госвѣта. Далякъ
Ми. Стойтруч. Три
Миста. роленія.
Навелнію. мъпо
Ли. да паженія.
Далцгъна. Паслітъ.
Да ѿгородъ. оціта

Рис. 2. Вкладная запись Ивана Никоновича

Литература

Груша А. I. Беларуская кірылічна палеаграфія. Мінск, 2006.

¹ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 446.

В. А. Калиниченко, С. В. Пивоваров (Черновцы)

К ВОПРОСУ О НАХОДКАХ СКАНДИНАВСКОГО ВООРУЖЕНИЯ ДАЛЬНЕГО БОЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Анализ эволюции военного дела на территории Восточной Европы занимает важное место в исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых. Благодаря этому накопилось огромное количество информации о происхождении и использовании разных типов оружия, прослежены изменения в его типологии и функциональном назначении. В научных трудах также разработана подробная классификация отдельных видов оружия и установлены его хронологические рамки. Один из таких видов вооружения — оружие дальнего боя, преимущественно скандинавов, а именно наконечники стрел, которые являются наиболее изученным видом вооружения эпохи Средневековья. Но вместе с тем следует отметить, что оно изучено очень неравномерно. О его использовании в отдельные периоды истории как на территории Руси, так и за ее пределами известно очень мало. Эти тенденции наиболее заметно проявляются на территории Прутско-Днестровского междуречья и именно в ранний период.

Одними из наиболее редких и недостаточно изученных в оружеведении являются наконечники стрел ланцетовидного типа, о которых пойдет речь ниже. Вообще, следует отметить, что изучение данного типа наконечников стрел очень актуально, поскольку они являются непосредственно скандинавским типом вооружения дальнего боя. Этот тип стрел редко встречается в регионе и свойственен, в основном, памятникам, где присутствуют следы пребывания скандинавов. Таким образом, находки данных наконечников стрел позволяют под новым углом рассматривать историю Прутско-Днестровского междуречья в VIII—XI в., а также в очередной раз пересмотреть проблемы развития военного дела местного населения в это время. Говоря об историографии, следует отметить, что характеристика данного типа наконечников стрел нашла свое детальное рассмотрение в работах С. Каинова, А. Медведева, А. Кирпичникова, Е. Вегре.

Наконечники стрел, о которых идет речь, были найдены во время археологических исследований в с. Рухотин (ур. Корнешты), что на Буковине, которые проводились экспедицией Буковинского центра археологических исследований под руководством С. В. Пивоварова. Всего во время исследований был найден 31 наконечник, значительная часть которых повреждена. Поэтому на основании типологии А. Медведева наконечники с территории Буковины можно отнести к следующим типам.

Тип 62. Ланцетовидные плоские. Семь наконечников выделяются своими размерами: общая длина — 11,2–18,1 см, длина пера — 7,4–12,5 см, ширина пера — 1–1,4 см, вес — 8,55–28,20 г, отношение ширины пера к его длине — 1:7–1:12, длина черешка — 1–3,5 см.

Тип 77 (вариант 1). Ланцетовидные квадратного сечения. Наконечник из Рухотина имеет следующие параметры: общая длина — 10,4 см, длина боевой головки — 6,2 см, ширина ее грани — 5 мм, вес — 10,85 г, длина черешка — 4,2 см.

Тип 78 (вариант 1). Ланцетовидные ромбического сечения. Размеры наконечника из Рухотина следующие: общая длина — 9,9 см, длина боевой головки — 6 см, ширина — 5 мм, вес — 10,65 г, длина черешка — 2,4 см.

Тип 79. Ланцетовидные сплющенные. Наконечник поврежден. Он относится к варианту 2 этого типа — ланцетовидные сплющенные без упора для древка. Параметры рухотинского наконечника: общая длина — 6,7 см, длина боевой головки — 2,5 см (сохранившаяся часть), ее ширина — 3 мм, отношение ширины к длине пера — 1:5.

Но каким образом наконечники данного типа попали на территорию Среднего Поднестровья?³ По нашему мнению, ответ необходимо искать в военно-политической ситуации на Буковине в X—XI в., в частности, вхождение ее земель в состав Древнерусского государства. Первые события произошли в 991 г. и имели следствием насаждение христианства среди хорватов. Отставая свою независимость, хорваты выступили против власти киевского князя весной 992 г. Тогда во главе большого войска «иде Володимир на Хорваты», и после этого они больше не упоминаются на страницах летописи. Да, найденные наконечники стрел позволяют нам говорить о том, что в войско Владимира Святославича входили как дружины, которая состояла из древнерусских воинов непосредственно, так и наемники, среди которых были и скандинавы.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, найденные ланцетовидные наконечники стрел являются очень редкими как для территории Прутско-Днестровского междуречья, так и для соседних территорий, так как обнаружены они были только в Галиче, а также на Екимаудском

и Алчедарском городища в Молдавии. Во-вторых, по нашему мнению, среди множества наконечников стрел, найденных на Буковине, выделяется группа наконечников, которая имеет скандинавское происхождение: тип 62 (вариант 1, 2), тип 77 (вариант 1), тип 78 (вариант 1), тип 79 (вариант 2). И в-третьих, данный тип наконечников, на наш взгляд, попал на территорию Грутско-Днестровского междуречья вследствие военных событий конца X в., а именно русско-хорватской войны.

A. B. Ковалев (Минск)

К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ ЖЕНЕ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ КАРЛА РОБЕРТА

Обстоятельства первого брака Карла Роберта (1301–1342 г.) достаточно давно занимают историков. Венгерский историк Кришту Дыля еще в середине 1980-х годов поднял вопрос о Марии из Галича, дочери «короля Льва из Рутении». Впрочем, и сегодня существование русской жены Карла Роберта в венгерской историографии остается открытым вопросом. Одновременно в польской историографии утверждалось мнение Станислава Сроки о том, что первой женой Карла Роберта могла быть только польская княжна Мария из Бытома, родственница Владислава Локетка, союз с которым был более выгоден анжуйскому принцу Карлу Роберту.

На сегодня сведения о первой жене Карла выявлены в ряде не связанных между собой источников:

- 1) грамота венгерской королевы от 23 июня 1306 г.¹, из которой мы узнаем ее имя: «*Maria, Dei gratia, regina Hungariae*»;
- 2) сообщение в «*Descriptio Europae Orientalis*» о том, что «дочь князя Льва ныне взял в жены король Венгрии Карл»²;
- 3) документ от 7 февраля 1326 г., где король Карл упоминает, как в 1304 г. отправился в Рутению, чтобы привести свою первую жену³;
- 4) факт свадьбы Карла дважды отражен в «Истории Польши» Яна Длугоша под 1306 и 1309 г.⁴

Новые подробности о данном браке можно обнаружить при обращении к упомянутому выше «*Descriptio*». Одним из основных критических замечаний Станислава Сроки на гипотезу Дыля был тот факт, что у правившего в 1308 г. в Галиче князя Льва II, родившегося не ранее 1292 г., не могло быть дочери подходящего возраста. В этом случае оба исследователя, принимая предложенную издателем трактата в 1916 г. Ольгердом Гуркой датировку, предполагали, что сведения о Руси у автора также даны на 1308 г. И хотя трактат был завершен не позднее начала 1308 г., резонно думать, что автор «*Descriptio*», находясь в Пуатье, не мог точно знать ситуацию на Руси в это время. В поддержку данного утверждения выступают неточности в датировке событий в Германии, где автор пишет об умершем в июле 1307 г. наследнике германского короля как о живом человеке.

Иными словами, описание могучего князя, которое с критикой воспринималось Станиславом Срокой в отношении к юному Льву II, по мысли составителя «*Descriptio*» к нему и не относилось. Имя Льва, скорее, отсылает не к Льву II, а к князю Льву Даниловичу (1262–1301 г.) и обусловлено плохой информированностью составителя «*Descriptio*» о Рутении, населенной «тиграми и единорогами». Интересующим нас князем мог быть сын Льва I и отец Льва II – Юрий Львович (1301–1308 г.). Показательно, что даты, упомянутые в других источниках (1304, 1306 г.), также совпадают со временем правления Юрия. Тогда жену Карла Роберта следует искать среди его детей. Известно, что князь Юрий был женат дважды. Его первой женой была Ксения, дочь Ярослава Тверского, которая умерла в 1286 г., так и не родив князю наследников. После ее смерти Юрий женился на Ефимии, дочери Казимира Куйавского, от которой, как известно, у него было две дочери и два сына, в их числе Анастасия и Мария (род. ок. 1290–1291 г., ум. 11 января 1341 г.). Королева Мария теоретически может быть отождествлена с дочерью князя Юрия Марией, о которой известно, что она не позднее 1310 г. стала женой князя Тройдена Мазовецкого. Ее возраст на момент поездки Карла в Галич мог составлять 13–14 лет, то есть она была достаточно взрослой, для того чтобы церковь одобрила брак.

Если принимать данную версию развития событий, предполагаемая реконструкция может выглядеть так. В 1304 г. Карл в разгар своей борьбы с чешским королем Венцеславом II отправился

¹ Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zieh et Vasenkeo. Pest, 1871. C. 112–113.

² Górk O. Anonymi descriptio Europae orientalis. Cracoviae, 1916. C. 40.

³ Sroka S. A Hungarian-Galician Marriage at the Beginning of the Fourteenth Century? // HUS. 1992. XVI. P. 261, 268.

⁴ Dlugossius J. Annales seu Chronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1978. IX. P. 42, 65.

на Русь договариваться о браке с дочерью князя Юрия. К 1304 г. единственным крупным феодалом, не признавшим права Карла на престол, оставался Ладислав Кан, бан Трансильвании. Стремление Карла Роберта получить сильного союзника на восточной границе могло обусловить его интерес к браку с русской принцессой, которая к тому же по матери была внучкой Бела IV. Следуя сообщению Яна Длугоша, этот брак был заключен в 1306 г. В этом случае уточнение «filiam Kazimiri, ducis Theschnensis» под 1306 г. в процессе подготовки текста «Истории» могло быть внесено самим Длугошем, посчитавшим это сообщение просто дубляжом записи под 1309 г. Существование жены Карла по имени Мария подтверждается также и грамотой венгерской королевы, изданной летом 1306 г. Судя по тексту «Descriptio Europaes Orientalis» в 1307 г. данный брак еще считался действительным, по крайней мере при папском дворе и среди родственников Карла Роберта.

В 1308 г., по информации «Рифмованной хроники», Юрий Львович принимал у себя в Галиче герцога Отто Баварского — соперника Карла Роберта и своего двоюродного брата по матери. Это может указывать на то, что к этому времени Карл Роберт уже официально расторг свой брак с Марией. Причиной расторжения брака могло быть как противодействие баронов королевства, так и реакция папы Климента V, по заказу которого было написано «Descriptio Europaes Orientalis». Карл Роберт был женат еще трижды, а значит, данный брак в Западной Европе вообще был признан недействительным.

Карл Роберт в 1309 г. женился на Марии Бытомской, после чего в 1310 г. короновался короной святого Стефана.

Мария Юрьевна не позднее 1310 г. была выдана замуж за князя Тройдена Мазовецкого. Учитывая, что дата рождения первенца Марии и Тройдена обычно определяется как 1308 г., данный брак мог быть заключен и ранее.

«Descriptio Europaes Orientalis» содержит лишь краткую ремарку о браке Карла Роберта с русской княжной. Тем не менее внимательный анализ источника в контексте политических событий эпохи позволяет по-новому взглянуть на проблему русской жены венгерского короля во время феодальной anarchии в Венгрии в начале XIV столетия.

В. П. Коваленко (Чернигов)

ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ БЛАГОВЕРНОГО ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЗЯ ДАВЫДА СВЯТОСЛАВИЧА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ

В черниговской династии благоверный князь Давыд Святославич занимает заметное место. Он стал родоначальником одной из ветвей Святославичей — черниговских Давыдовичей и признан первым святым Чернигово-Северской земли. Житие Давыда Святославича нам неизвестно, однако сомневаться в существовании его в древности, как кажется, не приходится. В пользу этого свидетельствуют посмертные чудеса — необходимое условие для канонизации. Эти чудеса подробно описаны в «Слове о князьях» XII в., прочитанном в Чернигове на день памяти святых Бориса и Глеба и содержащем пространный панегирик, в котором прославляются высокие достоинства Давыда Святославича. Когда епископ Черниговский Феоктист пришел к одру умирающего князя, в терем влетел белый голубь и сел князю на грудь, после чего тот «душу испустил», храм наполнился благоуханием, а над крестом Спасского собора, где отпевали Давыда, стояла звезда. Солнце не заходило, пока не приготовлен был гроб для новопреставленного, и, только когда тело князя положили в каменный гроб, солнце зашло. Таким образом, смерть и погребение Давыда Святославича были отмечены сразу четырьмя чудесами, зафиксированными еще в XII в., чего было вполне достаточно для его канонизации и написания Жития.

Биография благоверного князя полна загадок. Родился будущий святой в семье Черниговского (1054–1073 г.) и Великого Киевского (1073–1076 г.) князя Святослава Ярославича и его жены Киликии. Источники не сообщают год рождения Давыда, однако можно предполагать, что случилось это в конце 50-х — начале 60-х годов: около 1080 г. у Давыда Святославича и его жены Феодосии уже появился первенец — будущий князь-инок Никола Святоша.

В генеалогии Давыда также была загадка: большинство историков, принимая во внимание сообщение Повести временных лет о Любечском съезде и разделе вотчины Святослава Ярославича, считали Давыда вторым сыном. Однако часть исследователей пыталась обходить вопрос о результатах раздела, отмечая принадлежность владений Святослава потомкам последнего. Но уже Н. М. Карамзин и Н. И. Костомаров, вопреки летописцу, в перечне Святославичей ставили Олега перед Давыдом, намекая этим на его старшинство. П. В. Голубовский первым высказал предположение, что старшим в конце XI в. среди Святославичей оставался Олег. Из современных исследователей это признают

М. Димник, Н. Ф. Котляр и автор. Первым же назвал Олега Черниговским князем (то есть старшим в роду), кажется, еще М. Стрийковский. Впрочем, отметим отдельно, что в «Слове о князьях» XII в. Давыд действительно назван старшим в роду: «княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженыи, понеже бо стария браты своеи»¹.

Учитывая особое почитание в семье Святослава Ярославича первых русских святых Бориса-Романа и Глеба-Давида, Л. В. Войтович высказал предположение, что имя Давид было крестильным именем князя, а в миру его звали Борисом. Эту точку зрения не поддержали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, которые считают, что «...у Давыда Святославича имя Давид было единственным, совмещавшим в себе функции родового и крестильного». В пользу этого свидетельствует тот факт, что в Хожении игумена Даниила Давыд действительно единственный из князей Руси назван одним-единственным именем [Литвина, Успенский, с. 530]. Отметим к тому же, что крестильное имя Давид принадлежало Глебу Владимировичу, а не Борису-Роману.

Биография Давыда Святославича также полна загадок. Большинство исследователей отмечают, что в «послужном списке» Давыда значатся княжения в Муроме (1076–1093 г.), Новгороде (1093–1095 г.), Смоленске (1095–1097 г.). В Смоленске Давыд Святославич княжил до Любечского съезда 1097 г., когда по его решению он получил отчий Чернигов, в борьбе за который фактически не принимал участия. Однако, согласно В. Н. Татищеву, в 1096 г., после заключенного под Стародубом с Олегом Святославичем перемирия, Святополк и Мономах «уложили между собою Чернигов дать Давиду Святославичу, Ольгу для его беспокойств — Муром... Но сего Олегу до съезда не объявили»². Это решение Святополк и Давыд скрепили браком своих детей — Николы Святоши и дочери Святополка Анны.

В дальнейшем Давыд выступал за сохранение Любечских решений и внутреннюю стабилизацию Руси. В 1098 г. он вместе с Олегом поддержал намерение Мономаха наказать Давыда Игоревича, по наговору которого был ослеплен Василько Теребовльский. В 1100 г. на Витичевском съезде он выступал за скорейшее урегулирование усобицы, придав Давыду Игоревичу от себя 100 гривен серебра в качестве компенсации за уступленные волости. Позже Давыд Святославич принимал активное участие в походах против половцев: в битвах около Хортицы в 1103 г., на р. Хорол в 1107 г., в верховьях Северского Донца и на р. Сальнице в 1111 г. Кроме того, его войска приняли участие в походах на Друцк в 1116 г. и на Волынь в 1117 г.

В январе 1113 г. черниговским епископом стал игумен Киево-Печерской Лавры Феоктист. По его инициативе был заложен каменный собор Успения Богородицы в Елецком монастыре, а чуть позже — церковь в честь пророка Ильи при входе в Антониевы пещеры. В 1115 г. Давыд вместе с братом Олегом и епископом Феоктистом принимал участие в перенесении мощей Бориса и Глеба в новый храм в Вышгороде. После внесения рак с мощами Владимир Мономах хотел поставить их посередине храма и над ними устроить серебряный терем, а Святославичи предложили поставить раки по правой стороне в нишах-аркасоляниях. Спор был решен жребием на алтаре в пользу черниговских князей. Это был последний конфликт в бурной жизни Олега Святославича, и 1 августа того же года епископ Феоктист отпел мятежного князя в Черниговском Спасском соборе.

В конце жизни Давыд Святославич на княжеском дворе в Чернигове около 1120 г. заложил величественный Борисоглебский собор — первый дошедший до наших дней храм в честь Бориса и Глеба, не связанный с местом их смерти или погребения. В его истории есть еще одна загадка: при археологических исследованиях в северном нефе собора были открыты фундаменты неизвестного монументального здания второй половины XI в., которое Н. В. Холостенко интерпретировал как двухкамерный княжеский терем. Однако повторное обследование объекта П. А. Раппопортом позволило ему прийти к выводу, что это остатки первоначального Борисоглебского собора XI в.

Давыд Святославич, почивший 1 августа 1123 г., был погребен в заложенном им храме (вероятно, в одной из аркасольных ниш). После смерти зимой 1167/1168 г. последнего представителя династии Давыдовичей вицемского князя Святослава Владимировича территория принадлежавшего им княжеского двора с Борисоглебским собором, как «выморочного», была передана основанному здесь Мученическому монастырю. Судя по планам XVIII в., он занимал площадь около 5 га. В 1786 г. по указу императрицы Екатерины II монастырь был закрыт, а его сооружения приспособлены для различных административных учреждений.

Литература

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XV вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

¹ ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 340.

² Татищев В. Н. История Российской. М., 1995. Т. II. С. 105.

Е. Л. Конявская (Москва)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ СКАЗАНИЙ¹ О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ¹

Сказания о чудотворных иконах исследовались в современной науке в основном монографически — с точки зрения истории памятника или памятников, посвященных одному конкретному чудотворному образу. Исключением являются некоторые работы А. Эббингхауса, М. Б. Плюхановой и В. В. Лепахина, в которых затрагиваются культурологические и широкие мировоззренческие вопросы, связанные с созданием и бытованием легенд. Давно и успешно изучается аспект «слово — изображение» как в целом (Д. С. Лихачев), так в отдельных аспектах: присутствие текста на иконе и стенописи (Н. А. Замятиной, В. В. Лепахин); изображение как иллюстрация существующего текста (Э. С. Смирнова, Э. А. Гордиенко и др.). Что же касается «текста об изображении» — в первую очередь, в иконописных подлинниках, то этот аспект затрагивается гораздо реже. Стоит упомянуть о публикации подлинников Г. В. Маркеловым и недавней статье Г. С. Гадаловой, посвященной материалам в иконописных подлинниках о тверских святых. Исследовательница показала связь служб святым с их памятами в иконописных подлинниках.

Исследование ряда малоизученных памятников, повествующих о наиболее значимых и распространенных в Древней Руси чудотворных образах, с точки зрения происхождения сюжетов и истории развития их текстов дало возможность увидеть определенные закономерности в структуре и природе происхождения таких текстов, специфике их жанра.

В основе их сюжета лежит устный источник. Наряду с собственными припоминаниями, краткими записями «для памяти», традиционными топосами и формулами, автор в качестве важнейшего элемента формирования сюжета и текста в целом использует устные рассказы очевидцев и бытующие в устной форме предания. Хотя, разумеется, соотношение устного наследия и того, что привнес составитель письменного текста, может быть различным. Более того, различным может быть и сам характер включаемого устного материала. Наиболее яркими примерами в этом смысле являются Сказание о создании Софии Новгородской и Прологная статья на 1 августа.

В Сказании с очевидностью выделяются две части, которые согласно их происхождению условно можно назвать «летописной» и «фольклорной». Первая, повествующая о создании церкви Ярославом Мудрым и Владимиром Ярославичем и ее освящении епископом Лукой, при небольшом объеме имеет множество вариаций. Вторая же часть, напротив, удивительно устойчива и обнаруживает явные следы устного происхождения: передача прямой речи, троекратный повтор ситуации с чудесным превращением благословляющей десницы в сжатую, троекратное же обращение Спаса к изографам, типичная «объяснительная» направленность самого сюжета. Различия в вариативности двух частей памятника можно объяснить тем, что изложение важных исторических событий предполагало разыскание и аккумулирование всех данных, которые только можно получить из летописей или других письменных текстов, в то время как легендарный сюжет самодостаточен и не нуждается в дополнениях. Кроме того, столь небольшой текст мог быть «затвержен» в период длительного устного бытования и уже в таком сложившемся виде включен в рассказ.

Нarrативная часть Прологной статьи на 1 августа тоже варьируется, а входящая в статью Молитва Спасителю и Богоматери неизменна по спискам. Хотя молитва и устное предание имеют различную природу, их роднит устный характер функционирования, и в обоих случаях предполагаемая затверженность текста подтверждается его устойчивостью в письменном воплощении.

Имеется довольно редкий пример сознательного маркирования автором устного происхождения сюжета. Текст Молитвы со свитка Богоявленской Божией Матери, старательно переписанный книжником (памятник обнаружен в одном из сборников начала XVI в.), последний сопроводил историей самой иконы, при этом обозначил ссылку на некую молву или рассказ конкретного человека неоднократно встречающимся словом «деи».

Выявляются также устное происхождение сюжетов Сказаний о чудесах Владимирской Божией Матери, Новгородской легенды о Знаменском чуде и др.

Если использовались рассказы о чудесах, которые записывались в ближайшее время после событий, мы видим обилие прямой речи, монологов и диалогов, а также мелких фактических подробностей, которыми изобилуют подобные сюжеты. Если же предание долгое время существовало в устной форме, то здесь, напротив, даже при наличии живых диалогов, фактических подробностей немного. Будучи записанным

¹ Работа выполнена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 10-04-00338 и 13-04-00010.

как самостоятельный памятник или включенным в цикл подобных сказаний либо летописный свод, предание получало литературное оформление согласно уже сложившейся традиции подобных рассказов.

В целом же Сказания о чудотворных образах в своей жанровой природе обнаруживают родство с рассказами о чудесах святых подвижников, которые либо изначально включаются в житие, либо сопровождают его основной текст, дописываясь позже. Встречается и самостоятельное бытование таких Чудес. Как тексты о чудесах, творимых святыми при жизни и их мощами после преставления, так и Сказания о чудотворных иконах характеризуются ярко выраженным сюжетом, повествовательное начало превалирует в них над описаниями и дидактическими рассуждениями. Таким образом, можно говорить о принадлежности таких сказаний агиографическому жанру. Закономерно, что довольно часто рассказы о чудотворениях от икон входят в состав Чудес жития, абсолютно органично вписываясь в подобного рода циклы.

А. Л. Корзинин (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРЕВ ДВОР В ТЫСЯЧНОЙ КНИГЕ 1550 г. И ДВОРОВОЙ ТЕТРАДИ 1550-Х ГОДОВ

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х годов являются важнейшими источниками по истории Государева двора середины XVI в. Тысячная книга появилась в связи с указом от октября 1550 г. о наделении поместьями тысячи «лучших слуг»¹. Некоторые наблюдения позволяют предположить, что источник был изготовлен не сразу и в несколько этапов. По крайней мере, тот оригинал, списки с которого дошли до нас, подвергся редакторской обработке и некоторой переделке после написания. М. М. Бенцианов заметил, что в третьей статье служилые люди из Костромы (с Д. Ф. Адашева до И. Ф. Шишкина) оказались записаны по Галичу, поскольку раздел «Кострома» с А. Ф. Адашевым и кн. Д. Ф. Палецким, возглавлявшими список костромичан, был механически перенесен редакторами из третьей статьи в конец городов первой статьи [Бенцианов, с. 21–22]. Это произошло в связи с ростом влияния А. Ф. Адашева, которого переписали вместе с родственником кн. Д. Ф. Палецким в первую статью, увеличив вдвое их поместный оклад. Можно предположить, что изготовленный в 1550 г. документ в конце лета — осенью 1553 г. по указанию царского фаворита А. Ф. Адашева подвергся окончательной переделке и приобрел нынешний вид. Именно к концу лета — началу осени 1553 г. относится возвышение Адашева и Палецкого. Есть основания считать, что черновые документы, послужившие источниками для создания Тысячной книги, были собраны приказными служащими задолго до составления источника. Кн. И. И. Шемякин Пронский записан в раздел детей боярских первой статьи по Тарусе таким образом: «Князь Юрьи да князь Иван княж Ивановы дети Шемякины Пронскова». Однако второй раз Пронский встречается в разделе «бояре». Известно, что он стал боярином в феврале 1547 г. Следовательно, его запись без боярского чина по Тарусе восходит к черновику, выполненному до начала 1547 г.

Цифра в 1068 лиц, включая помещиков северо-запада, записанных в Тысячную книгу, выглядит вполне реалистичной для Двора середины XVI в., если предположить, что весь его состав не превышал 1,5 тысячи человек и большинство его представителей к 1550 г. не имело подмосковных поместий.

Большинство исследователей согласились с датировкой А. А. Зимина, предположившего, что Дворовая тетрадь 1550-х годов была составлена в 1550/1551 г. и завершена в 1560/1561 г. Однако мной были высказаны сомнения в данной датировке и уточнено время составления Дворовой тетради: осень 1553 — начало 1554 г., а завершение — в 1560 г. [Корзинин]. Черновые материалы Дворовой тетради восходят к 1551/1552 г., а возможно, и к более раннему времени. Источник был действующим до 1560/1561 г. Небольшая редакторская работа имела место даже в начале 70-х годов XVI в. Сам кодекс, подлинник памятника, не сохранился и был утрачен, очевидно, уже к началу XVII в. До утраты Дворовая тетрадь была переписана в столбец. Это вытекает из анализа списка Стародубских князей, большая часть имен которых отсутствует вследствие расклейки столбца. Во второй половине XVII в. в связи с отменой местничества представителями служилых родов Дворовая тетрадь, как и Тысячная книга, была переписана в Разрядном приказе. В середине — второй половине XVIII в. источник также копировался дворянами для частных нужд. Все основные копии конца XVII — XVIII в. (Никифоровский, Музейский, Михайловский списки), которые мы имеем, были сняты с дефектного и позднего экземпляра (копии) Дворовой тетради, который имел вид столбца, либо с копии, снятой с расклеившегося столбца.

Количество записанных в источник лиц (4357 человек, без повторов 4143 лица) заставляет усомниться в принадлежности их всех к Государеву двору. Такая цифра характерна для Двора только

¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 10.

второй четверти XVII в. В Дворовую тетрадь были внесены не только члены Двора, но и городовые дети боярские, недоросли, которых в дальнейшем предполагалось призвать на государеву службу. Поэтому Дворовую тетрадь нельзя назвать источником по учету состава Государева двора середины XVI в. Особенности Дворовой тетради как делопроизводственного документа позволяют сделать предположение о создании этого источника с целью дальнейшего пополнения Двора новыми лицами из числа не только дворовых, но и городовых детей боярских. Все записанные в источник землевладельцы представляли собой резерв для призыва на дворовую службу. В этом смысле появление Дворовой тетради можно рассматривать как одну из реформ Избранной рады.

Литература

Бенцианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Корзинин А. Л. К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI века. Ч. 1–2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 1. С. 12–29; Вып. 2. С. 42–62.

М. В. Корогодина (Санкт-Петербург)

ДРЕВНЕРУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ И КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ XIV в.¹

Вопреки устоявшемуся мнению об отсутствии интереса к богословию на Руси, изучение кормчих книг показывает, что в XIV в. появляется целый ряд небольших по объему древнерусских катехизических текстов. Эти тексты представляют собой единый блок богословских текстов (главы 75–78 Чудовской редакции кормчей), кратко раскрывающих основные догматы христианства, трактуяющих лица святой Троицы и христианскую космологию и дающих нравственные наставления. Некоторые из них являются древнерусскими сочинениями и компиляциями, другие – выдержками из староболгарских и древнерусских переводов, но в целом они призваны дать читателю достаточно полное представление о христианском богословии.

Блок богословских текстов открывается компиляцией «Богословие о Троице», созданной на основе «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха и Толкований Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова [Савельева, с. 559–560]. Учитывая, что в качестве источника использован древнерусский перевод толкований Никиты Ираклийского, можно полагать, что «Богословие о Троице» также является древнерусским сочинением. Это косвенно подтверждается тем, что текст известен только в древнерусских сборниках устойчивого состава: кормчей, Златой цепи. Текст лишь в начальной части повествует о сущности Троицы, а затем описывает иерархию небесных сил, ставя на первое место ангелов, на второе – «господства», на третье – «начатци» и подробно излагая их свойства и задачи, исполняемые ими.

Следующее сочинение, «Поучение церковное о вере», далеко от жанра поучений, несмотря на название. В нем собрано около 60 вопросов и ответов о сущности Троицы; вне всякого сомнения, это переводной с греческого языка текст, хотя его оригинал в настоящее время не известен. Текст сохранился в Лаврентьевском сборнике 1348 г., написанном для болгарского царя Иоанна Александра (РНБ. F.I.376. Л. 155–160 об.).² Сопоставление «Поучения церковного о вере» по кормчей и Лаврентьевскому сборнику показывает, что в кормчей находится целый ряд испорченных чтений, ошибок прочтения, гаплографических пропусков. Однако в нескольких местах кормчая сохранила первоначальный текст, в то время как в Лаврентьевском сборнике мы видим пропуски. Вероятно, «Поучение церковное о вере» относится к болгарским переводам, попавшим на Русь не позже начала XIV в., когда оно было включено в состав Кормчей книги. Отсутствие исследований, посвященных этому тексту, не позволяет уверенно судить о месте и времени составления перевода, взаимоотношении редакций и истории бытования в разных славянских странах. Подобно предыдущему тексту, «Поучение церковное о вере» носит просветительский характер. В виде кратких вопросов и ответов в Поучении собраны сведения о Троице, христианских добродетелях, небесных силах и даже космологическом устройении мира.

Болгарского происхождения еще один текст, включенный в кормчую (глава 78 Чудовской редакции) – неизвестный отрывок преславского перевода «Диалогов» Псевдо-Кесария. В кормчей сохранились 2-й и 3-й вопросы и ответы, утраченные в полных списках «Диалогов» и прошедшие мимо внимания исследователей. Изучение фрагмента «Диалогов» в составе кормчей позволяет предположить,

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 11-01-00184а.

² Изд.: Күев К. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981. С. 288–294; Лопарев Х. М. Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1899. Ч. III. С. 206–211.

что в распоряжении составителей кормчей был полный текст «Диалогов» (сохранившиеся старшие полные списки датируются концом XV в.). Это имеет существенное значение для изучения истории бытования «Диалогов» на Руси: как считалось до сих пор, начало «Диалогов» было утрачено еще до попадания их на русские земли в домонгольское время [Милтенов]. Из весьма пространного сочинения составители кормчей выбрали небольшой отрывок о сущности второго лица святой Троицы.

Наконец, к богословским текстам следует отнести еще один текст, стоящий особняком в кормчей; очевидно, он был поставлен не на свое место при создании книги (глава 65 II Чудовской редакции кормчей). Это неизвестное исследователям древнерусское сочинение, которое по жанру следует отнести к огласительным словам. Одним из источников его послужили Слова Григория Богослова и толкования к ним Никиты Ираклийского, другими источниками — тексты из Кормчей книги («Богословие о Троице», «Поучение церковное о вере», Толкование Иисусовой молитвы). Значительная часть текста носит оригинальный характер и представляет собой гневное обращение к пастве с упреками в нежелании стремиться к познанию христианских догматов. Вторая часть текста, являющаяся древнерусской переработкой сочинений Григория Богослова и других текстов, описывает основы христианского вероучения в виде 10 «новых заповедей».

Краткость текстов в кормчей объясняется стремлением ее составителей дать представление о богословских истинах, не увеличивая чрезмерно объем книги. Этот комплекс катехизических текстов в совокупности показывает круг богословских вопросов, которые древнерусские книжники в XIV в. считали наиболее важными для читателя и дающими наиболее полное представление о христианстве.

Литература

- Милтенов Я. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006.
Савельева Н. В. Космологическая компиляция «Слово о Святой Троице» и ее бытование в составе древнерусских сборников // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 557–585.

Н. Ф. Котляр (Киев)

О НАЧАЛЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Тема принадлежит к числу приоритетных в древнерусской историографии. Однако исследовательский интерес к ней постепенно угасал, начиная с конца 60-х годов XX в. Методологические проблемы в советской исторической науке (обычно основывавшейся на прямолинейном и утилитарном толковании марксистского наследия) затрагивались нечасто. Многообразные процессы и явления истории русского Средневековья домонгольского времени объяснялись почти исключительно социально-экономическими причинами, все же прочие (политические, этнические, культурные, идеологические и др.) в расчет почти не принимались.

История феодальной формации на Руси начала систематически изучаться в нашей стране с 30-х годов XX в. Инициатива принадлежала Б. Д. Грекову. На его взгляд, родовые отношения в восточнославянском обществе во времена Древнейшей Правды Русской (начало XI в.) отмирали, а Правда Ярославичей уже отражала феодальный уклад. На определение времени возникновения феодальных отношений на Руси определяющее влияние оказывали установки большевистской партии, диктовавшей историкам, что и как им писать. Из-за этого историография топталась на месте вплоть до конца 50-х годов XX в. Объявление Руси нашими историками феодальным государством с конца IX в. делало исследования проблемы бессмысленными.

У нас в стране рождение и эволюция феодализма изучались в первую очередь в плане развития производительных сил, соотношений различных форм собственности и социально-экономического положения непосредственных производителей. Однако с самого начала феодализация общества в странах Европы состояла преимущественно в смене одной системы социальных связей на другую. Она сводилась к многообразным отношениям между людьми. Полагаю, что приход нового, феодального, уклада на Русь объясняется не только феодализацией общества — дело было в самом восточнославянском обществе, когда социально-экономические изменения вызывались изменениями отношений во властных структурах. И если феодализм поначалу вовсе не связан с земельными отношениями, то теоретически возможно искать его истоки на заре древнерусской истории, в IX—X в. Необходимо постоянно держать в поле зрения то

обстоятельство, что классовое общество с самого начала было стратифицированно, и это в полной мере касается обществ предфеодального и раннефеодального.

Социальная структура восточнославянского общества просматривается уже в первых летописных свидетельствах о нем, начиная с 60-х годов IX в. Первые ростки феодальных отношений проклевываются в летописи с середины IX в. Так, в полулегендарном сообщении о приходе Рюрика на североизвестные земли Европы говорится: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужем своим грады...» В этом тексте «мужи» отделены от основной массы воинов Рюрика, а сам глава рожденного государства — от них всех. Такие важные «мужи» выступают в летописи и во времена Олега, Игоря и их преемников («и прия град, и посади мужъ свой»).

Земельные отношения в IX — большей части X в. в источниках не фигурируют вовсе. Земля оставалась в корпоративной собственности правящей страты, эту собственность сугубо формально представлял киевский государь. Источники середины X — начала XI в. отражают расслоение общества, в них выступают уже не просто «мужи», а лучшие, нарочитые, добрые, смысленные и пр. А стратифицированное общество — это классовое общество. Древляне посыпают к Ольге «лучшие мужи, иже держаху Деревьевскую землю». А ведь древляне, по свидетельству летописей, находились в состоянии племенного объединения и ростки классового общества в нем еще не угадывались.

Расслоение правящего слоя особенно отчетливо видно на примере летописных свидетельств о дружине. Она выступает уже со времен Игоря в качестве не только военной силы, но и советников князя, которые руководят его действиями и влияют на принятие им важнейших решений. И заключение невыгодного для Руси мира с греками, и фатальный для Игоря поход в Древлянскую землю инициируются верхушкой его дружины. Сама она выступает в летописи стратифицированной, в ней выделяются старшие и младшие, отроки и гриди. Летопись подробно и охотно повествует о любви и уважении Святослава Игоревича и его сына Владимира к дружине. Естественно было называть государство X — начала XI в. «дружинным» (Е. А. Мельникова), поскольку его правящая страта представляла верхушку дружины, из нее же состоял в течение длительного времени элементарный аппарат управления. На местах дружины осуществляла собирание дани и исполняла судебные функции.

Во времена Ярослава Владимировича дружины и друженность как явление общественно-политической жизни постепенно теряют свои позиции, оставаясь важной военной силой в руках государя. С XI в. государство перестает быть дружинным, им управляют иные, уже не дружиные люди: те же бояре, выходцы из более демократических слоев населения. Этот процесс берет начало во времена княжения Ярослава. Тогда же набирает силу процесс генезиса и начального развития феодальных отношений. Для времени после середины XI в. есть, на мой взгляд, основания говорить о существовании основ феодального уклада в Древнерусском государстве. Конечно, его утверждение стало делом не столь уже близкого будущего, но в XI в. этот процесс начался и набирал силу.

Д. М. Котышев (Челябинск)

ВЛАДИМИР ВОЛОДАРЕВИЧ ИЛИ ВЛАДИМИР ДАВЫДОВИЧ? ЛЕТОПИСНЫЕ ВЕРСИИ СОБЫТИЙ 6654 (1146) г.

Данная работа посвящена событиям, связанным с последним годом правления Всеволода Ольговича в Киеве. Ипатьевская летопись (далее — Ипат) повествует о походе княжеской коалиции во главе с Всеволодом Ольговичем на Владимира Галицкого и о заключении мира около Звенигорода. Мне уже приходилось указывать на то, что вероятнее всего галицкая версия событий, отличающаяся внутренней цельностью и непротиворечивостью, отразилась в тексте Лаврентьевской летописи (далее — Лавр). В Ипат же налицо механическое соединение летописцем сведений из разных источников, в результате чего описание похода на Галич оказалось разбито на части и помещено под 6652, 6653–6654 г. [Котышев].

Лавр вместо известий о галицком походе Всеволода под 6654 г. сообщает: «Приде Володимеръ и взя Прилукъ»¹. О каком Владимире идет речь, не уточняется. Информация проясняется благодаря текстам Московского свода 1479 г. (далее — МС) (и Воскресенской летописи): «Володимеръ Галичъскы пришед взя Прилукъ»². В достоверности этой информации приходится усомниться. Вряд ли галицкий князь имел отношение к Прилуку — городу, расположенному на р. Удай, на северо-западе Переяславского княжества [Кузя, с. 189, № 1111].

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 321.

² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 36–37.

В пользу высказанного мной предположения говорит и свидетельство Холмогорской летописи, где под 6654 г. сказано: «Приде Володимеръ Давыдовичъ ис Чернигова и взя Прилукъ³. Далее идет текст, идентичный текстам Лавр и МС за одним-единственным исключением — говорится о том, что Всеволод начал организовывать поход против Владимира Давыдовича Черниговского. Почему же версия подготовки похода на Чернигов представляется мне более вероятной?

В Лавр присутствует указание на место сбора войск для похода против Владимира: «совокупи Всеволодъ братю свою на Радосыни». Определить местоположение Радосыни позволяет летописное сообщение под 6619 г. После рассказа о явлении огненного столпа над Печерским монастырем читается: «еже стояще столпъ шгненъ на трапезници также преступъ на церковь и щуда к Городцу ту бо баше Володимеръ в Радосыни⁴. Ценность этой фразы заключается в том, что она позволяет установить некоторые топографические ориентиры. Городец, упоминаемый под 6619 г. как местопребывание Мономаха, встречается в летописи неоднократно. Известия 6534 (1026) и 6586 (1078) г. недвусмысленно указывают на то, что Городец, расположенный на левом берегу Днепра, находился вблизи переправы через реку.

В пространной повести об ослеплении Василька Теребовльского сообщаются любопытные топографические подробности, касающиеся Городца. Узнав о случившемся, Мономах обращается к другим князьям с призывом: «Поидѣта к Городцу, да поправим сего зла, еже са сотвори оу в Русьской земли и в насъ братъи». Черниговские князья откликнулись на его призыв: «и ту абъе собравша воа и приидоста к Володимеру. Володимеру сущю с вои стоящю оу бору⁵. Следовательно, недалеко от Городца был «бор» — местность, покрытая густым лесом. Этот сюжет, в котором Городец фигурирует как населенный пункт по дороге на Чернигов, встречается в Ипат под 6643 (1135) г. при описании военных действий между Мономашичами и Ольговичами. Последние «даже и до Киева придоша и Городец зажгоша на святого Андрѣя день... стоявше три дни за Городцемъ в бору, идоша Чернигову⁶.

Радосынь, в которой, согласно сообщению статьи 6619 г., останавливался Мономах, упоминается на страницах летописей еще дважды. Про сообщение под 6654 г. в Лавр уже говорилось выше. В другом случае Ипат, описывая события 6659 (1151) г., сопровождавшие борьбу за Киев между Изяславом и Юрием, говорит, что «поиде Гюрги къ Кыеву и сташа в Родоуни⁷. На сегодняшний день отождествление городища между с. Троицько и Выгуровицами с летописным Городцом ни у кого сомнения не вызывает⁸ [Кузя, с. 112, № 472; Раппопорт, с. 146; Рычка, с. 75⁹].

Сопоставление археологических и топографических данных с известиями летописей позволяет, по моему мнению, утверждать, что поход, о котором сообщают Лавр и МС, был предпринят в сторону днепровского Левобережья. Сбор войск был назначен у села Радосынь под Городцом, что расположен напротив Киева, у днепровской переправы. Фраза, содержащаяся в Ипати МС: «иста подъ Вышегородомъ въ Шстробѣ», говорит в пользу вышеприведенного тезиса. В свое время М. А. Сагайдак предположил, что в данной летописной фразе речь идет о загородной резиденции Всеволода, расположенной на одном из днепровских островов. Это предположение подтвердилось археологическими исследованиями 1994 г., во время которых были открыты следы небольшого городища древнерусского времени на о. Муровец, что расположен напротив летописного Городца [Сагайдак 1991; Сагайдак 1998, с. 235].

Следовательно, можно сделать обоснованный, на мой взгляд, вывод о том, что Владимир летописных статей 6654 (1146) г., занявший Прилук, — это Владимир Давыдович, а не Владимир Володаревич, и действия Всеволода Ольговича были связаны с подготовкой похода не в Галицкую Русь, а на черниговское Левобережье. И только кончина Всеволода не дала возможности реализоваться этим планам.

Литература

- Котышев Д. М. Галицкие известия Ипатьевской летописи 6652–6654 гг. // Опыты по источниковедению. Редактор и текст. М., 2001. Вып. V. С. 185–188.
Кузя А. В. Древнерусские городища XI–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.
Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая половина XIII вв.). Киев, 1988.
Раппопорт П. А. Обстеження городиц в районі Києва в 1950 р. // Археологія. 1952. Т. VIII. С. 142–149.
Сагайдак М. А. Київський Городець — стратегічний пункт Лівобережжя // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ, 1991. С. 75–76.
Сагайдак М. А. Городець на Радосині // Історія Україні–Русі. Київ, 1998. С. 229–236.

³ ПСРЛ. М., 1977. Т. 33. С. 43.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 268.

⁵ Там же. Стб. 236.

⁶ Там же. Стб. 296.

⁷ Там же. Стб. 423.

⁸ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта). Киев, 1984. С. 130. № 303.

⁹ В. М. Рычка предполагает, что под Радосынью подразумевалось село, расположенное вблизи Городца.

Д. Ю. Кривцов (Нижний Новгород)

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ЛЕГЕНДЫ О ТАТАРСКОМ ПОДВОРЬЕ НА МЕСТЕ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ

Представление о том, что Чудов монастырь в Московском Кремле был основан на месте татарского конюшенного двора или же золотоордынского посольского подворья, широко распространено как в историко-краеведческой, так и в религиозно-апологетической литературе. Оно прочно вошло в массовое историческое сознание и выступает в качестве основы для далеко идущих этнорелигиозных интерпретаций. При этом авторы, рассказывающие о татарских «предшественниках» Чудова монастыря, либо совсем не указывают своих источников, либо глухо ссылаются на некие «предания». Лишь И. Е. Забелин в данном контексте также весьма неопределенно упомянул «некоторые летописцы». Но специально предпринятый Т. Д. Пановой анализ летописей и актового материала показал, что в них нет никаких упоминаний о ханских посольских и других дворах на территории Кремля в XIV–XV в. В итоге Т. Д. Панова пришла к убеждению, что версия об основании Чудова монастыря на месте ханского подворья является мифологическим стереотипом, появившимся в русской исторической литературе в середине XIX в. под пером исследователя московских древностей И. М. Снегирева [Панова, с. 23–32].

Действительно, И. М. Снегирев в 1843 г. писал, что «место Чудова монастыря занимал конюшенный двор хана Джанибека, который подарила святителю (Алексею. – Д. К.) излеченная им ханша Тайдула, или Тайбола» [Снегирев, с. 131]. Позднее это утверждение неоднократно повторялось И. М. Снегиревым в его работах 40–60-х годов XIX в., и именно к нему восходит практически вся последующая литература вплоть до настоящего времени. Сам же И. М. Снегирев ссылался при этом на «Измарагд диалектовый от сотворения мира, оканчивающийся 1697 г. писан полууставом, в 12, принадлежал К. Аверину». К сожалению, никто из исследователей не смог обнаружить такую рукопись ни среди книг, поступивших от рязанского купца-коллекционера К. И. Аверина в Румянцевский музей, ни где бы то ни было еще. Что и дало повод заподозрить И. М. Снегирева в мистификаторстве.

Подозрения эти, однако, снимаются благодаря еще одной отсылке И. М. Снегирева – к сочинениям А. П. Сумарокова. В статье «О первоначалии и созидании Москвы», впервые опубликованной в январе 1759 г., А. П. Сумароков бегло замечал, что на месте Чудова монастыря «был прежде двор татарских посланников» [Сумароков, с. 307]. Ссылки на источники в статье А. П. Сумарокова не приведено.

Но мы можем указать текст, в котором на столетие раньше говорилось о «воздвижении» Чудова монастыря на месте подаренного ханом «посольского двора». В собрании рукописей РГАЛИ имеется сборник житий русских святых – РГАДА. Собр. РГАЛИ. Ф. 187. № 61, в 4°, который можно датировать первой половиной XVII в. Там на л. 329 об. – 335 читается краткая редакция Жития митрополита Алексея, которая известна еще по двум спискам, введенным в научный оборот Р. А. Седовой (РГБ. Ф. 651. Собр. Усова. № 84 (М 5199), сборник посл. четв. XV в. Л. 80–84; РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 10301, пролог тр. четв. XVI в. Л. 518 об. – 521). Данная редакция представляет собой сокращение Жития свт. Алексея, написанного Пахомием Сербом около 1459 г.

В списке из собрания РГАЛИ имеются две заметные интерполяции, отсутствующие в списках, указанных Р. А. Седовой. На л. 333 говорится, что слава о свт. Алексее «до того нечестиваго царя Джанибека доиде. Имяще же царь той дщерь царицу имянемъ Тайбулу 3-х лет слепоу сущу». О слепой джанибековой царице Тайдуле сообщается в редакциях Жития свт. Алексея, составленных в XVI в. для Никоновской летописи и Степенной книги. В Пахомиевой редакции Жития и ее сокращениях действуют не Джанибек и Тайдула, а «царь Амурат» и его не названная по имени «царица». И в списке РГАЛИ. № 61 вслед за процитированной вставкой говорится не о Джанибеке, а об Амурате, согласно с текстом основного источника. Комичным образом интерполятор принял трехлетний срок болезни ханши за ее возраст и превратил ее в малолетнюю «девицу», «дщерь» Джанибека.

Вторая вставка сделана в сцене одарения митрополита Алексея ханом за чудесное излечение «девицы»: «и даде ему под м(о)н(а)стырь и посолскій двор иже бе на Москве» (Л. 334 об.). «По сих же» свт. Алексей «на томъ месте... м(о)н(а)стырь возгради» (Л. 334 об., 335). На сегодня это самое раннее известное нам упоминание о передаче ханом посольского двора под будущий Чудов монастырь. Сейчас невозможно сказать, возникло ли оно под пером составителя списка РГАЛИ. № 61, или было позаимствовано им из какого-то иного источника. Не ясно, опирался ли А. П. Сумароков на подобный вариант Жития свт. Алексея, или, опять же, он располагал иным источником. Почему у И. М. Снегирева

двор не посольский, а конюшенный, хотя имя исцеленной ханши — Тайбала, очень похоже на Тайбулу в списке РГАЛИ. № 61. Подобный вариант имени не встречен нами больше нигде.

Ответы на эти вопросы требуют продолжения археографических и историографических разысканий.

Литература

Панова Т. Д. Татарское подворье в Московском Кремле: миф или реальность? // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.). Докл. Второй научн. конф. (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 23–32.

Снегирев И. М. Памятники московских древностей. М., 1842–1843.

Сумароков А. П. Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Изд. 2-е. М., 1781. Ч. IV.

С. С. Кутаков, Ю. В. Степанова (Тверь)

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ТВЕРСКОМ УЕЗДЕ XVI в. ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВЫХ ОПИСАНИЙ

Писцовые материалы являются важным историко-географическим источником, позволяющим реконструировать различные аспекты сельского расселения и освоения территории Московского государства в период конца XV – XVII в. Отдельные аспекты исторической географии Тверского уезда разрабатывались рядом исследователей (работы И. И. Лаппо, Ю. В. Готье, Я. Е. Водарского, В. А. Кучкина, А. Я. Дегтярева и других авторов).

Предметом исследования является система сельского расселения в Тверском уезде XVI в. Основными источниками в работе послужили писцовые материалы Тверского уезда XVI в.¹: писцовая книга 1539/1540 г., дозорная книга 1551–1554 г., писцовая книга 1580 г., а также актовые материалы XIV–XVII в. и картографические источники XVIII–XX в.

Локализация населенных пунктов производилась с использованием методики М. В. Витова, успешно примененной и дополненной на материалах других территорий Руси (работы А. А. Фролова, Н. В. Пиотух, А. А. Селина). Исследование проводилось с применением ГИС-технологии (программа Quantum GIS) и баз данных (программа MS Access). В результате проведенного исследования были локализованы различные типы населенных и ненаселенных местностей — села, сельца, деревни, починки, пустоши. Произведены локализация монастырей и храмов и реконструкция дорог. Уточнены административные границы волостей и станов Тверского уезда.

Писцовые материалы показывают, что наиболее населенными являлись волости Суземье и Воловичи, Микулинский стан-уезд и волость Хорвач, располагавшиеся на правом берегу Волги, а также волости Чаглов и Кава на левом берегу Волги. Современные данные о характере почв на этих территориях показывают, что здесь наиболее распространены дерново-подзолистые почвы, относительно благоприятные для ведения сельского хозяйства. Согласно дозорной книге 1551–1554 г., здесь преобладали «середня» и «добрая» земля, незначительно количество упоминаний «худой» земли, а также «песчаной», «каменистой» и другой, малопригодной для ведения сельского хозяйства. Менее освоенными представляются территории волости Захожье, значительная часть которой занята болотами, волости Шестка, на которую приходится область распространения глееватых и глеевых почв, непригодных для выращивания культурных растений, и волости озера Спасские, занятой озерами и болотами.

Привлечение естественно-научных данных позволяет говорить, что в формировании исторических территорий и административных границ волостей и станов участвовали природно-географические факторы, в том числе границы между различными типами рельефа и почв, реки, болота и возвышенности. Вероятно, формирование ряда волостей и станов восходит к более раннему периоду, поскольку их территории совпадают с определенными ландшафтными зонами.

Сделаны наблюдения за размещением различных типов землевладения на территории Тверского уезда XVI в. по данным дозорной книги 1551–1554 г. Исследование показало, что вотчинные владения, как правило, располагались в центральной части волости. Это прослеживается по материалам крупных волостей и станов. В волостях Суземье, Воловичи, Микулинском стане-уезде, Хорваче именно на них приходится большинство анклавов «доброй» земли. Локализованы анклавы «черных» земель на территории волостей Суземье и Захожье. В Суземье они располагаются в центре волости, в Захожье — в южной части волости, на левом берегу р. Шоши. Поместные земли размещаются на окраинных территориях волостей и станов и между анклавами вотчинных и «черных» земель.

¹ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Под ред. А. В. Антонова. М., 2005.

Локализованы земельные владения монастырей. Наиболее крупные из них принадлежали тверским монастырям — Отручу, Желтиковскому, Федоровскому, а также Вотмицкому монастырю, располагавшемуся при впадении в Волгу р. Тьмы. Крупное пожалование было сделано князем И. Ю. Шигоной Поджогиным по его духовной грамоте 1541 г. Иванишскому Успенскому монастырю, вотчинному монастырю Поджогиных, который в середине XVI в. стал владельцем обширных территорий на юго-западе волости Суземье. Локализованы владения Троице-Сергиева (в волостях Захожье, Воловичи, Суземье, Шестка и Микулинском стане) и Иосифо-Волоколамского (в волостях Захожье, Хорват и Микулинском стане) монастырей.

Среди землевладений, указанных как «служни», писцовое описание 1551—1554 г. отмечает слуг не только великого князя, но и тверского владыки, а также представителей рода микулинских князей: Василия Андреевича, Семена Ивановича, Дмитрия Ивановича Микулинских. На территории волостей Суземье, Захожье, Ракитна, Узкий угол располагались земли дворцовых псарай и сокольников. «Служни земли» — владения княжеских слуг-министериалов, в обязанности которых входило устройство княжеского хозяйства, — располагались преимущественно на окраинной территории, в окружении вотчинных, «черных» и поместных земель. Периферийность положения «служных земель» по отношению к вотчинным и «черным» землям установлена для ряда земель Московского княжества XIV—XV в. (работы С. З. Чернова).

B. A. Кучкин (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ИХ ГОРОДА В СЕРЕДИНЕ IX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

Интерес в русской исторической науке к политическим образованиям восточных славян и городам-центрам таких образований возник на самых ранних стадиях формирования этой области знания, начиная уже с В. Н. Татищева и М. П. Погодина. Большой вклад в изучение данной проблематики внесли Н. П. Барсов, М. С. Грушевский, М. К. Любавский, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров. Исследование последнего о древнерусских городах, выдержавшее два прижизненных издания, казалось, закрыло тему. Однако использование в этой работе не всех источников, неверные общие итоги, отсутствие подсчетов по княжествам заставляют вновь вернуться к вопросу о количестве городов в каждом из княжеств домонгольской Руси, характере и путях их развития, а также эволюции тех княжеств, в которых они возникали.

Данные о древнерусских городах домонгольского времени извлечены из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, Новгородской I летописи старшего и младшего изводов, дополнительных статей к последней из них, в том числе статьи «А се имена всѣм градом рускым далним и ближним», Летописца Переяславля Суздальского, Новгородской IV летописи, Московского летописного свода 1479 г., Никоновской и Львовской летописей, Тверского сборника, Хроники Быховца. Нехронологизированные упоминания городов во включенных в раннее летописание Повести об ослеплении Василька Теребовльского и Поучении Владимира Мономаха датированы. Все летописные даты скорректированы по работе Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания», а даты галичско-волынской летописи (последней части Ипатьевской летописи) — по работе М. С. Грушевского «Хронологія подій Галицько-Волинської літописі». Помимо летописного материала использованы древнерусские княжеские уставы XI—XV в., а также древнейшие агиографические памятники. Если известный по письменным источникам город был исследован археологически, то привлекаются и археологические материалы.

Выявленные города группируются по княжествам, существовавшим на Руси к 1237 г., когда началось их завоевание монголами. Первые княжества появились в 1054 г. после смерти Ярослава Мудрого. Это были княжества его пятерых сыновей, которым Ярослав завещал следующие владения: Киевское и Новгородское княжества — старшему Ильяславу, Черниговское с Муромом и Тмуторканью — Святославу, Переяславское с Ростовом — Всеволоду, Владимира-Волынское — Игорю, Смоленское — Вячеславу. Обрело самостоятельность Полоцкое княжество во главе с племянником Ярослава Мудрого Вячеславом Брячиславичем. Эти 6 княжеств просуществовали до нашествия Батыя. Во второй — начале третьей четверти XII в. добились независимости еще несколько княжеств. В 1125 г. стало суверенным Суздальское княжество. В 1127 г. от Черниговского княжества было отделено Муромское. В 1136 г. после выступления новгородцев против князя Всеволода Мстиславича образовалась Новгородская республика. В 1139 г. из византийского изгнания в Полоцк вернулись 2 князя, которые восстановили свою власть над некоторыми полоцкими городами. В 1141 г. сын Володаря Перемышльского Владимир объединил свой Перемышль с владениями двоюродного брата Ивана, в результате чего образовалось

Галическое княжество. В 40-е годы XII в. от Муромского отделилось Рязанское княжество. В 1157 г. стало независимым Туровское княжество. Всего за 1125–1157 г. образовалось 5 новых княжеств и 1 республика, 1 княжество было частично восстановлено. К концу 50-х годов XII в. на Руси существовали 11 княжеств и 1 республика. К 30-м годам XIII в. на Руси появилось еще 7 новых суверенных княжеств. Из Туровского княжества выделилось Пинское. Особым княжеством стало Витебское. Наибольшее число новых самостоятельных древнерусских княжеств в первой трети XIII в. появилось в результате распада Владимира-Волынского княжества (древней Ростовской земли). Появились княжества Ростовское, из состава которого в 1217 г. были выделены княжества Ярославское и Угличское, Переяславское (Переяславля Залесского) и Юрьевское, сохранившиеся вплоть до Батыева завоевания. Всего к 1237 г. на Руси стало насчитываться 18 княжеств и 1 республика, а если считать и удельные образования внутри некоторых княжеств, то их общее число достигнет 25.

Города по этим княжествам распределялись следующим образом. Киевское княжество – 77 городов (IX в. – 1; X в. – 6; XI в. перв. пол. – 1, втор. пол. – 13; XII в. перв. пол. – 21, втор. пол. – 26; XIII в. – 9); Черниговское княжество – 60 (IX в. – 1; X в. – 1; XI в. перв. пол. – 3 (-1), втор. пол. – 3; XII в. перв. пол. – 30, втор. пол. – 20; XIII в. – 3); Владимира-Волынское княжество – 51 (X в. – 4; XI в. перв. пол. – 2, втор. пол. – 10; XII в. перв. пол. – 12, втор. пол. – 4; XIII в. – 19); Галическое княжество – 34 (X в. – 1; XI в. втор. пол. – 3; XII в. перв. пол. – 5, втор. пол. – 6; XIII в. – 19); Переяславское княжество – 25 (X в. – 1; XI в. перв. пол. – 1, втор. пол. – 8; XII в. перв. пол. – 9, втор. пол. – 6); Смоленское княжество – 21 (X в. – 1; XI в. перв. пол. – 1, втор. пол. – 2; XII в. перв. пол. – 7, втор. пол. – 4; XIII в. – 6); Полоцкое княжество – 17 (X в. – 2; XI в. перв. пол. – 2, втор. пол. – 6; XII в. перв. пол. – 3, втор. пол. – 3; XIII в. – 1); Новгородская республика – 15 (IX в. – 4; X в. – 1; XI в. – 1; XII в. перв. пол. – 2, втор. пол. – 4; XIII в. – 3); Владимирское – 14 (IX в. – 1; XII в. перв. пол. – 2, втор. пол. – 3 (4), XIII в. – 8 (7)); Рязанское – 11 (XI в. втор. пол. – 1; XII в. втор. пол. – 4; XIII в. – 5; XIV в. – 1); Переяславля Залесского – 8 (XII в. перв. пол. – 3, втор. пол. – 3; XIII в. – 2); Ростовское – 3 (IX в. – 2; XIII в. – 1); Туровское – 2 (X в. – 1; XII в. втор. пол. – 1); Пинское – 2 (XI в. втор. пол. – 1; XII в. втор. пол. – 1); Ярославское – 2 (XI в. перв. пол. – 1; XII в. перв. пол. – 1); Муромское – 1 (IX в.); Витебское – 1 (XI в. перв. пол.); Угличское – 1 (XII в. перв. пол.); Юрьевское – 1 (XII в. втор. пол.).

Приведенные данные позволяют сделать ряд частных и общих заключений относительно городов в Древнерусском государстве и в различных древнерусских княжествах, в середине XI в. сменивших это государство. Выясняется, что большинство древнейших городов на Восточно-Европейской равнине (Киев, Ладога, Рюриково Городище, Белоозеро, Изборск, Муром, Сузdalь, Ростов, Псков, Любеч) лежали к северу от Волги и в Волго-Окском междуречье. Ладога контролировала водные пути из Балтийского моря в Ладожское и Онежское озера, Рюриково Городище – пути из Ладоги через озеро Ильмень на юг и запад, Белоозеро – пути от Онежского озера на Волгу, движение по которой фиксировалось в Ростове и Суздале, Изборск и Псков обеспечивали с юга выход к Балтике, выдвинутый далеко на восток Муром следил за движением по Оке, Киев и Любеч с разных берегов контролировали движение по среднему Днепру. Эти города поддерживали главным образом военно-колонизационные пути и лишь отчасти торговые. Ранний город следует рассматривать прежде всего как место сохранения и приумножения собственности, складывавшейся из военной добычи и даней, а уже затем как торговово-ремесленный центр.

Распад Древнерусского государства в 1054 г. привел к резкому росту городов. Во второй половине XI в. появилось 47 новых городов, больше, чем в IX – первой половине XI в. вместе взятых (10 + 18 + 13). Это объясняется как военными, так и хозяйственными задачами (Киевское княжество – 13 городов, Владимира-Волынское – 10, Переяславское – 8, Полоцкое – 6, Черниговское и Галическое – по 3). XII в. характеризуется наибольшим ростом городов – 182. Самый заметный прирост был в Черниговском княжестве – 50 городов, в Киевском – 47, во Владимира-Волынском – 16, в Переяславском – 15, Галичском и Смоленском – по 11. При этом во второй половине XII в., вопреки распространенному мнению, темпы строительства городов снижаются: 86 вместо 96 в первой половине XII в. В XIII в. (до 1237 г.) наибольший прирост городов наблюдается во Владимира-Волынском и Галичском княжествах – по 19 (причина – постоянные войны), Киевское – 9, Владимирское (на Клязьме) – 8, Смоленское – 6. В целом, на 1237 г. в русских княжествах фиксируется 346 городов. Из них на Северо-Востоке, в центре будущего Русского государства, насчитывается 29 городов. На Юге (Киев, Чернигов, Владимир Волынский, Галич, Переяславль, Туров, Пинск) – 251. Последняя цифра свидетельствует, какой удар древнерусской государственности нанесло монгольское завоевание, после которого подавляющее большинство южнорусских городов не было восстановлено.

Ю. А. Лабынцев (Москва)

КНИЖНЫЙ ДАР КНЯЖНЫ МАРИНЫ АНДРЕЕВНЫ КУРБСКОЙ[†]

В течение нескольких первых десятилетий XVII в. главным православным центром в Великом княжестве Литовском был виленский Свято-Духовской монастырь с одноименным братством при нем. К исходу лета 1609 г. храм монастыря стал единственным православным храмом в Вильно, так как все другие православные церкви при непосредственной поддержке короля оказались в руках униатов. Существуя в условиях жесточайших гонений, Свято-Духовская обитель и братство сумели постепенно объединить вокруг себя разбросанные на больших пространствах различные православные общины, прежде всего монастырские, а также представителей православных родов, создать один из крупнейших центров православной книжности. Главным девизом деятельности виленского православного монастыря и братства во всей «Litwie i Biały Rusi» становится возглас «Павернишъ сынъ мой... до православия нашего» («zaspu nasz u wasz naror Ruski»). Во исполнение этого «zakonnicy monastera Bratstkiego Wileńskiego» и светские братчики используют многие средства и способы — от судебной борьбы различного уровня до подготовки и распространения множества всевозможных литературных произведений на нескольких языках, в том числе на польском, который уже тогда стал языком широкого внутригосударственного общения и на восточных землях Речи Посполитой.

В наиболее драматичный и решительный момент борьбы виленского Свято-Духовского братства за свое существование в первые годы XVI в. ему передается целая библиотека «xięg ruskich» (около 20) из собрания князя Андрея Михайловича Курбского, которые «darowała do cerkwie brackiej» его dochь княжна Марина, остававшаяся православной до конца своих дней и завещавшая похоронить ее в виленской Свято-Духовой обители. Книги эти «ro... rani ouci toim» княжне Марине достались от «pana brata... rodzonego» Дмитрия Андреевича, видимо, в связи с переходом его в католичество с именем Николай. Переход этот, носивший скорее вынужденный, карьерный, характер, состоялся в самые первые годы XVI в., еще при жизни их матери Александры Семашковны, последней волей которой было упокоить ее тело в православной церкви на родной Волыни.

О столь тесной связи с виленским Свято-Духовским братством и монастырем, куда княжна Марина делала различные значительные вклады, она сообщает в обширном духовном завещании, внесенном в актовую книгу Упитского гродского суда 9 марта 1611 г., вскоре после ее кончины. Более века назад об этом завещании упомянул в своих частично опубликованных материалах архивариус Виленского центрального архива древних актовых книг И. Спрогис, полагавший, что в архиве этом находится «до двадцати миллионов... документов», а краткий обзор завещания дал в известной печатной «Описи» собраний архива помощник архивариуса А. Зенкович. Правда, не обошлось без неточностей и даже ошибок. В нашем случае самая существенная из них — о количестве книг, подаренных княжной Мариной. А было их не «несколько русских книг», как сообщается в опубликованной в 1912 г. «Описи», а намного больше, целая библиотека: «kilkanascie», как написано в самом завещании, то есть более десяти, в пределах двадцати.

«**Тестаментъ штаточное воли небоцыцы... кнѣжны Марыны Курпѣсконъ Прославской**» вносили в актовую книгу ее знакомые. В книге этой, согласно традиции, польскоязычный латинографический текст самого завещания предваряет достаточно просторный скорописный кириллографический сусцепт с перечислением всех лиц, участвовавших в акте вписания завещания, а также констатаций, что «**Мы врадъ шгледавъши и присмотревъши се яко подписемъ рѣкъ такъ и печате**», оригинал завещания вносим его в актовую книгу. Среди особых своих даров виленскому Свято-Духовскому братству княжна Марина упоминает «Płaszczencie dwie», о которых сообщает достаточно подробно, но на первое место она ставит все же книги, видимо, прекрасно понимая их особую ценность. Не подлежит сомнению, что около двадцати этих фолиантов «ropiebożczyku rani ouci toim pozostałych», о которых сообщает княжна Марина Курбская, не только сыграли свою роль в дальнейшей внутренней жизни виленского братства Святого Духа, но и через посредство таких выдающихся личностей, как игумен Кронского монастыря Павел, Леонтий Карпович, Мелетий Смотрицкий и других, явно пользовавшихся этими книгами, в определенной степени стали достоянием всего христианского мира, прежде всего православного.

A. B. Лаврентьев (Москва)

«ЕВАНГЕЛИЕ ВОЛЫНЦЕВСКОЕ»
(К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЗАПИСИ XVI в. НА КНИГЕ XIV в.)

Пергаменное Евангелие первой половины XIV в. из собрания ОР ГИМ (Син. 401) хорошо известно по двум записям — писца книги, Иоанна, современной рукописи, и, скорописью XVI в., владельца, «Евангелие волынцевское взял священик Селивстр». Последний давно отождествляется с известным священником Сильвестром, служившим в кремлевском Благовещенском соборе, литератором, книжником и государственным деятелем эпохи Ивана Грозного. Что же касается определения «волынцевское», то оно пока никак не комментировалось.

«Волынцевское» может быть производным от патронима, либо прозвища владельца книги до Сильвестра — «Волынцев» или «Волынец». В XVI—XVII в. известен род провинциальных дворян Волынцевых, но только один из Волынцевых, Михаил Иванович, в 40-х годах XVI в. числился по Москве, при Государеве дворе в невысоком чине сытника, и сомнительно, чтобы память именно о нем или его неродовитых однородцах была запечатлена во владельческой записи царского фаворита. Другой вариант объяснения — указание на прозвище владельца книги по месту его происхождения, Волынец, то есть выходец с Волыни, зймли которой и в XIV в., во время написания Евангелия, и в XVI в., в пору принадлежности книги Сильвестру, входили в состав Великого княжества Литовского.

Речь в записи Сильвестра, возможно, идет об известном воеводе великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, одном из ближайших бояр великокняжеской думы, Дмитрии Михайловиче Бобрке-Волынском (до 1356 — после 1389 г.), герое Куликовской битвы, владельце, если не заказчике Евангелия — датировка пергаменного кодекса последнему как будто бы не противоречит.

Имя, под которым воевода обычно фигурирует в наши дни, — результат соединения нескольких разновременных элементов. В ранних московских летописях Д. М. Бобрк-Волынский именуется «Дмитрием Михайловичем Волынским», с прибавлением княжеского титула. В Задоншине и Сказании о Мамаевом побоище (в летописной повести, третьем из памятников Куликовского цикла, Д. М. Бобрк-Волынский не упоминается) герой сражения князем не титууется, а состав имени воеводы отличается известным разнообразием — он «Дмитрий Волынский», «Дмитрий Бобрк», «Дмитрий Бобрков-Волынский», «Дмитрий Волынец» и просто «Волынец». В России XVI—XVII в. воевода считался выходцем с Волыни, «Волынцем».

В родословных книгах неофициальных и официальных редакций (Государев родословец 1555 г., Бархатная книга 1687 г.) роспись «рода Дмитрия Михайловича Волынского Бобрка» неизменно подчеркивает его выезд на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу «из Волынские земли».

Если высказанные выше предположения верны, то есть основания считать владельцем пергаменного Евангелия середины XIV в. «Волынца», знаменитого героя сражения на Дону 8 сентября 1380 г., Д. М. Бобрка-Волынского — так, во всяком случае, полагали в XVI в. и Сильвестр, и, наверное, его современники. Тогда справедливо будет воспроизводить надпись как «Евангелие Волынцевское».

«Благовещенский поп» владел впечатляющим книжным собранием; в наши дни книги, некогда принадлежавшие фавориту «Грозного царя», хранятся в рукописных собраниях Петербурга и Москвы. Известно не менее двадцати кодексов келейной библиотеки Сильвестра, вывезенной им после принятия в начале 60-х годов XVI в. пострига в Кирилло-Белозерский монастырь, однако из столицы на Белоозеро за владельцем последовали не все книги — «Евангелие Волынцевское» осталось в Москве. Во второй половине XVIII в. рукопись числится в Синодальной библиотеке.

Согласно записи на книге Сильвестр «взял» Евангелие, то есть получил безденежно. Место «взятия», как кажется, может быть определено с достаточной степенью уверенности — Благовещенский собор Московского Кремля, храм, в котором служил Сильвестр. В келейной библиотеке бывшего священника, вывезенной им в Кирилло-Белозерский монастырь, были и другие книги, «взятые» в Благовещенском соборе.

Точная дата строительства первого Благовещенского собора в Кремле (современный возведен между 1484 и 1489 г.) не известна, ее относят ко второй половине XIV в., и храм изначально ставился и долгое время действовал как домовая церковь великих князей Московских, «на великого князя дворе на сенях». Со всех точек зрения, любопытно, что согласно родословным книгам Д. М. Бобрк-Волынский состоял в родстве с великокняжеским домом: «князь великий (Дмитрий Иванович Донской. — А. Л.) дал за него сестру свою княжну Анну (курсив мой. — А. Л.). А у Дмитрия Михайловича были два сына: Борис да Давыд; от Бориса пошли Волынские, а от Давыда пошли Вороные». Княжна Анна

Ивановна, кроме родословных росписей Волынских, более нигде не упоминается, но независимо от того, была ли она единственной супругой героя сражения на Дону или нет (в этом вопросе существует расхождение между родословными росписями Волынских официальных и неофициальных редакций), родство воеводы с великокняжеским домом как будто бы сомнений в России не вызывало ни во времена Сильвестра, ни много позднее. Не могло ли Евангелие оказаться в ризнице Благовещенского собора, домового храма великокняжеской семьи, через княжну Анну Ивановну, сестру великого князя Дмитрия Ивановича?

Вполне вероятно, Д. М. Боброк-Волынский, шурин великого князя Московского Дмитрия Ивановича, надо думать, имевший двор в Кремле, по соседству с великокняжеским, мог быть по родству и прихожанином Благовещенского собора, духовным сыном служившего в нем иерея.

Сведения о ранней истории соборной библиотеки крайне скучны. Если высказанные выше предположения верны, то «Евангелие Волынцевское», возможно, принадлежит к числу древнейших рукописей, связанных с Благовещенским собором Московского Кремля (старейшие из известных ныне — два Евангелия, вклады Ивана Грозного). Происхождение книги и имя ее первого владельца, если не заказчика, «Волынца», не были забыты благовещенским причтом полтора века спустя после событий Куликовской битвы, в эпоху Ивана Грозного, что и зафиксировано во владельческой записи XVI в. соборного священника Сильвестра.

A. B. Лаушкин (Москва)

«ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ КРУГИ» НАРОДОВ В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XI–XIII в.

Провиденциальные ремарки в летописных сообщениях о контактах Руси с соседями относятся к сфере литературных топосов. Актуализировавшиеся при взаимодействии мира литературы и исторической реальности, они не использовались летописцами при каждом «удобном» случае. Напротив, их употребление было избирательным и подчинялось некой системе, за которой угадываются представления летописцев о разных народах — представления, не в последней степени формировавшиеся под влиянием исторического опыта.

Если посмотреть на соседние «языки» через призму этих провиденциальных комментариев, сохранившихся в синхронных текстах Лаврентьевской (*ЛЛ*) (и родственных ей), Ипатьевской (*ИЛ*) и Новгородской I (*НЛ*) летописей, то перед глазами возникнет картина, состоящая из трех концентрических окружностей. В границы самой большой из них будут заключены все упоминаемые народы. Вторая, средняя, выделит из них те, описывая отношения с которыми летописцы — хотя бы эпизодически — упоминали Бога в качестве участника этих отношений. Третья, внутренняя и самая маленькая, ограничит лишь те из последних, в лице которых авторы летописных известий временами распознавали инструмент Божьего гнева, обрушающегося на христианскую Русь для ее вразумления. Иными словами, «малый круг» в центре нашей графической композиции объединит народы, по отношению к которым Бог на страницах летописей действовал двояко: в одних случаях использовал их в качестве орудий для наказания Руси, в других — помогал Руси в борьбе против них самих. Во внешнюю же часть «среднего круга», оставшуюся за рамками «малого круга» (назовем эту часть «средним кольцом»), попадут народы, в связи с которыми летописцы упоминали только один вид Промысла — небесную помощь Руси в случае конфликтов с ними.

Уточним литературные маркеры, использованные нами для выделения народов различных «кругов». К «малому кругу» мы отнесли те народы, про которые летописцы писали, что Бог «попусти» им действовать против Руси, «наведе» или «пусти» их «на ны», «предаль... ны» им «во роудѣ», «казнит ны» их «нахоженьемъ», что они — «мѣчъ» или «батогъ Его», что поражение от них произошло «попущеньемъ», «повелѣньемъ» или «гнѣвомъ Божиимъ», «за грехи наша» и т. п. Мотив же небесной помощи Руси, характеризующий все народы «среднего круга», выразился в указаниях летописцев на то, что Бог может разрушать замыслы этих народов против Руси, спасать от них русских, изливать на них Свой гнев, побуждать русских к борьбе против них, оказывать русским помощь в битвах и даровать победу над ними, обращать их в бегство, склонять к миру и т. д.

Вплоть до появления монголов русским летописцам был известен лишь один народ «малого круга» — половцы, а новгородские летописцы вообще оставляли этот «круг» пустым. Ситуация поменялась в 20—30-е годы XIII в. На место половцев пришли монголы (в *ИЛ* и *НЛ* — со статьей 6732 г., в *ЛЛ* — со статьи 6745 г.). Помимо того, новгородские летописцы несколько раз использовали оборот «по грѣхомъ

нашимъ» / «грѣхъ ради нашихъ», описывая борьбу с литвой (под 6732, 6745 и 6766 г.), и однажды включили подобную же сентенцию («за грѣхи наша Богъ казнить ны») в рассказ о русско-немецком конфликте (неудачное столкновение с ливонцами во время похода на датский Раковор под 6776 г.).

В «среднем кольце» перемены происходили двумя волнами. Долгое время о Божьей помощи Руси летописцы упоминали, рассказывая о борьбе только с двумя народами — торками (единичная ремарка под 6568 г.) и половцами. Новгородцы же не делали и того. В 60–70-е годы XII в. «среднее кольцо» несколько расширилось. В нем закрепились булгары (в *ЛЛ* с 6672 г. и в *ИЛ* с 6681 г.), а также по одному разу в интересующем нас контексте были упомянуты шведы (в *НЛ* под 6672 г.) и чудь (в *ИЛ* под 6686 г.). В 10–40-е годы XIII в. расширение «кольца» продолжилось. Ожидаемо в его границах оказались литва (в *ИЛ* с 6723 г. и в *ЛЛ* и *НЛ* с 6733 г.) и монголы (в *ЛЛ* и *НЛ* с 6746 г. и в *ИЛ* с 6748 г.). А наиболее любопытной новостью следует признать проникновение в «кольцо» латинских соседей Руси: немцев (в *НЛ* систематически с 6727 г., в *ЛЛ* — единичный случай в «Повести о житии» Александра Невского), шведов (в *НЛ* под 6748 и 6809 г.), венгров и поляков (в *ИЛ* с 6727 г.). (Добавим, что рядом с немцами в рассматриваемых сообщениях с маркерами «среднего кольца» по одному разу упомянуты еще либь и чудь, а рядом со шведами — емь и сумь.)

Не приходится сомневаться, что отмеченные перемены в литературном оформлении известий об отношениях Руси с соседями произошли под воздействием изменений в самих этих отношениях (прежде всего, речь идет о росте конфликтности). Важно отметить, что аналогичные трансформации, касающиеся названных народов, сравнительно синхронно отмечаются и в других элементах летописного повествования — лексике этноконфессионального размежевания, библейских параллелях (см.: [Лаушкин 2006; Лаушкин 2008а; Лаушкин 2008б]) и т. д.

Литература

- Лаушкин 2006 — *Лаушкин А. В.* К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестяни» и «хрестьяньски» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 29–65.
- Лаушкин 2008а — *Лаушкин А. В.* Русско-половецкие контакты в свете летописной лексики этноконфессионального размежевания // Восточная Европа в древности и средневековье: XX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2008. С. 128–132.
- Лаушкин 2008б — *Лаушкин А. В.* Библейские штрихи на портретах соседей-католиков в русской книжности XIII века // Славяне и их соседи: XXIV конференция памяти В. Д. Королюка. М., 2008. С. 52–56.

A. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва)

«НЕ ДОСТОИТЬ ЕЯ ПОЯТИ»: ПОЧЕМУ НОВГОРОДСКИЙ ЕПИСКОП НИФОНТ НЕ ХОТЕЛ ВЕНЧАТЬ СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА¹

Статья НПЛ, помещенная под 1136 г., содержит целую коллекцию разнообразных и нетривиальных для русского летописания известий и сведений. К их числу принадлежит сообщение о странных обстоятельствах женитьбы князя Святослава Ольговича, совсем недавно севшего на новгородском столе. Мы узнаем, что новгородский «владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернѣмъ не да на свадбу ити». Тогда князь обвенчался «съ своими попы у святого Николы», в церкви своего патронального святого, которая была освящена совсем недавно, уже во время его новгородского княжения.

Здесь мы обнаруживаем и прямое высказывание духовного иерарха относительно княжеского брака. Это особенно ценно, так как в целом русские источники весьма лаконичны в том, что касается позиции церкви в матримониальной стратегии Рюриковичей, а для русского летописания, относящегося к домонгольскому времени, подобное сообщение о протесте епископа против княжеского брака, да еще и подкрепленное некой мотивацией, вообще явление уникальное. Сама по себе, впрочем, эта мотивация может показаться до обидного краткой и не обладающей достаточной объяснительной силой — согласно утверждению летописца, Нифонт сказал только «не достоинъ ея пояти» («не достоинъ ти ея понятия», по Синодальному списку).

Каждущаяся неопределенность этого высказывания давала возможность для самых разных гипотез и построений. Так, в частности, утверждалось, что Нифонт счел невесту недостаточно знатной для

¹ В этой работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

новгородского князя. Подобный подход к делу, однако, предполагает, что владыка, борясь с мезальянсом, берет на себя совершенно не свойственные церковному иерарху функции блестителя чистоты княжеской крови. Насколько мы знаем из совокупности наблюдений над браками Рюриковичей домонгольской поры, князья предпочитали справляться с этой проблемой сами, тем более что к тому времени Святослав Ольгович, с одной стороны, был вполне зрелым человеком, а с другой — находился в тесном взаимодействии с главой семьи, старшим братом и киевским князем Всеиволодом Ольговичем. Именно на нем по традиции и лежала ответственность за соблюдение собственно родовых интересов. Епископа же должны были касаться в первую очередь вопросы соответствия/несоответствия планируемого брака церковно-каноническим нормам.

«Минимализм» Нифонтова высказывания мог бы провоцировать исследователя на самые разные допущения, однако минимализм этот, в сущности, мнимый. В научной литературе явно был недостаточно оценен тот факт, что слова иерарха представляют собой библейскую цитату и включены в совершенно определенный евангельский и канонический контекст, дающий вполне необходимую почву для понимания смысла владычного запрета.

Из показаний летописца следует, что Нифонт достаточно точно воспроизвел слова Иоанна Крестителя, обращенные к царю Ироду, когда тот взял в жены Иродиаду, которая уже была замужем за братом царя (Мф 14: 4). Хорошо известно, что церковь довольно рано начинает ограничивать возможности женитьбы на свойственниках (родственниках, приобретенных благодаря заключенным прежде бракам). В византийской традиции X—XII в. круг степеней родства и свойства, запретных для брака, постепенно расширяется. Между тем канонисты весьма рано сталкиваются с тем, что в Библии не обнаруживается никаких указаний на нежелательность брака со свойственницами своего поколения. Более того, правовой уклад Ветхого Завета для целого ряда случаев предполагает не только допустимость, но и необходимость близкосвойственного союза (ср., например, левиратный брак). В этой перспективе речение Иоанна Крестителя превращается в один из главных доводов канонических рассуждений, аргументирующих невозможность для христианина вступать в брак с близкими свойственницами. Таким образом, само использование цитаты Нифонтом (или летописцем) позволяет заключить, что отказ епископа венчать князя был обусловлен именно чрезмерной близостью свойства у брачующихся.

Наше предположение тем более правдоподобно, что дальнейшая матримональная стратегия Рюриковичей отнюдь не безразлична к церковным запретам в этой области. Князья, как правило, следуют здесь определенным нормам, отступления же от них относительны редки, хотя и возможны. Вся деятельность новгородского владыки Нифонта демонстрирует, с одной стороны, его авторитетность в области церковных установлений, обихода и канонического права (достаточно вспомнить, что он является одним из главных «ответчиков» в «Вопрошании Кирика») и, с другой стороны, его готовность отстаивать признанный в Византии церковный уклад перед светской властью на Руси (о чем свидетельствует хотя бы последовательное противостояние с Климентом Смолятичем).

Возникает вопрос, какие именно ограничения на браки по свойству имел в виду Нифонт в 1136 г. и, соответственно, к какому роду могла принадлежать избранница новгородского князя. Известно, что впоследствии роль этой княгини на Руси была довольно заметной. В докладе предполагается рассмотреть и сопоставить несколько версий ее происхождения и попытаться ответить на вопрос, почему данный брак, несмотря на радикальное запрещение владыки, все же был заключен.

A. H. Лобин (Санкт-Петербург)

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЯ III К ВЕЛИКОМУ МАГИСТРУ АЛЬБРЕХТУ ОТ 25 МАЯ 1521 г.

Данная работа посвящена анализу послания государя Василия III Ивановича великому магистру Альбрехту Бранденбургскому от 25 мая 1521 г. из собрания исторического Кёнигсбергского тайного архива (Das Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. XX НА Hist. StA Königsberg. Ordensbriefarchiv)¹.

¹ GStAPK. XX НА. OBA Nr 24872. Русский оригинал (Fol. 2): 28,4 x 42,2 см. На обороте прикладная красновосковая печать под кустодией (всадник, скачащий по-геральдически влево, поражает дракона). Диаметр печати 4 см, круговая надпись: ВАСИЛЕІ БЖІЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ ВЕЛИКИИ КНЗЬ. Водяной знак — буква Р с крестом над ней. Латинский перевод (Fol. 1) написан на столбце, склеенном из двух листов. В деле документ ошибочно датирован 27 мая.

Перевод на латынь данного послания был опубликован немецким историком Э. Иоахимом², но русский оригинал долгое время был недоступен отечественным исследователям. Надо отметить, что последние записи сохранившейся посольской книги датированы только августом 1520 г.³

Посланию Василия III от 25 мая предшествовала длительная переписка 1515–1520 г. о создании русско-тевтонского союза, направленного против Ягеллонов. В ней обговаривались не только совместный оборонительный и наступательный план (*Kriegsoperationsplan*)⁴, но и военно-финансовая помощь Ордену⁵. Россия выделяла деньги дозированно и требовала активных действий гроссмейстера. 1 ноября 1519 г. великий магистр, получив денежную ссуду на наем солдат, начал вести войну против Польши. Однако вскоре наступление крестоносцев захлебнулось, а уже через несколько недель польские войска под командованием Николая Фирлея стояли в окрестностях Кёнигсберга. В течение 1520 г. в Москву прибывают посольства Георга Клингенбека и Альбрехта фон Шлибена с настойчивыми просьбами снова помочь гроссмейстеру деньгами. Фон Шлибену удалось добиться согласия Василия III на предоставление финансовой помощи.

Василий III не рассматривал Тевтонский орден как равноправного союзника. Переписка 1518–1521 г. очень напоминает отношения сюзерена и вассала. За обещание финансовой помощи в войне против Сигизмунда гроссмейстер именовал государя «кайзером» и «императором»⁶, признавал все его титулы (включая новый титул «Смоленский»), укрывал и освобождал русских пленников⁷, обсуждал перспективы совместных военных действий и неоднократно заверял русских послов в намерении начать войну против Польской Короны. Альбрехт Бранденбургский, конечно же, официально не признавал своего подчиненного положения, хотя, возможно, и чувствовал надменное отношение к себе со стороны правителя «схизматиков». В формуляре послания от 25 мая 1521 г. наглядно прослеживаются основные атрибуты указанной грамоты. Об этом свидетельствуют наличие повелительного тона и отсутствие *salutatio*⁸.

Intitulatio и *inscriptio* письма стандартны. *Narratio* начинается с сообщения о посылке сына боярского Семена Сергеева с деньгами в Псков: «приказали есмя ему, как будет путь чист, а ты к нему пришлешь, и он безо всяких отсылки с нашим наказом и с пенязми к тебе едет часа того... а как у тебя будет наш сын боярской Семен, и о котором деле к нам не смеешь в писанье послати, и с посланники приказати, и ты нашему сыну боярскому Семену речью изъявишь, и все дела цесарского величества и короля Угорского нам скажешь». Далее Василий Иванович в резкой форме отвергает обвинения гроссмейстера в нежелании государя оказывать помощь Ордену: «а что писал еси к нам в своей грамоте, будто мы пенязми позамотчали, и писанием будто позабыто и проволочено, ино в том деле от нас замотчания никоторого не было, а тебе то, маистр, гораздо ведомо, как то дело приговорено с твоими послы, и не однова есмя о том к тебе с своими послы и с твоими послы приказывали», «свои пенязи послали есмя к тебе и неоднова на своего недруга тебе в помочь, а с тем с своим недругом, как есмя наперед того, свое дело делали, так и ныне делаем». Несмотря на то что король Сигизмунд присыпал своих послов в Москву, перемирия с ним так и не было заключено, а все условия прекращения боевых действий были отвергнуты московским государством. Соблюдения таких же союзнических условий Василий требовал и от тевтонцев: «...ты б, высокий маистр, также того своего обещанья и крестного целованья не забывал, как еси обещал и крест целовал, и ка(к) в завещальных записех написано». Очередные напоминания о заключенном военном союзе были вписаны не просто так — к этому времени от своих дипломатов Василию стало известно о сепаратных переговорах гроссмейстера и польского короля.

Заключительная часть послания наглядно иллюстрирует господствующую позицию русского государя в отношении крестоносцев: «....весь твои чин жаловати и беречи хотим, и за тебя и за твою землю хотим стояти, и боронити тебя от своего недруга от Жигимонта короля хотим, как нам милосердный Бог поможет»⁹.

² Joachim E. Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel II (1518–1521). Leipzig, 1894. Nr 197. S. 397–398.

³ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 250–252.

⁴ GStAPK. XX НА. OBA Nr 21269.

⁵ GStAPK. XX НА. OBA Nr 22606, 22682, 22761, 23709.

⁶ GStAPK. XX НА. OBA Nr 20709. Fol. 1–2 (справка канцелярии Ордена о титуле Василия III, ок. 1515 г.).

⁷ См.: Дело о побеге «московита Булгака (Bulhak Moskus)» (GStAPK. XX НА. OBA Nr 21235; OF 39. Bl. 221).

⁸ Ни в одном послании 1515–1521 г. гроссмейстера нет приветствия, подобного *salutatio* из переписки с императорами Максимилианом I и Карлом V («здравия и благополучия», «здравие и нашей братской дружбе непрестанная любовь», «приятельски и здравие»).

⁹ В латинском варианте послания: «...ita et nunc eciam in future vobis totoque ordini nostrum graciā volumes exhibere atque favere, pro vos terraque vestra volumes stare et defendere vos a nostro inimico Sigismundo rege volumes sicut nobis misericors dues adjuvabit» (GStAPK. XX НА. OBA Nr 24872. Fol. 1).

Послание от 25 мая 1521 г. является последним документом русской стороны, сохранившимся в собрании Кёнигсбергского тайного архива. Но окончательная точка во взаимоотношениях с Немецким орденом будет поставлена через год, когда русским дипломатам станет известно о заключенном перемирии с Сигизмундом.

П. В. Лукин (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОНЯТИЯ «ГОРОЖАНИН», «ГРАЖАНИН», «ГРАЖДАНИН»

В современном русском языке есть два разных слова: «горожанин» (мн. число: «горожане») и «гражданин» (мн. число: «граждане»). Слова эти имеют разные и вполне определенные значения. «Горожанин» — это житель город, то есть крупного населенного пункта, административного, торгового и промышленного центра; «гражданин» — это лицо, принадлежащее к полноправному населению данного государства (вне зависимости от места проживания, в городе или в сельской местности)¹. Оба слова между тем родственны, и происхождение их одинаково².

В древнерусских текстах мы, однако, встречаем обе формы и даже еще третью, как бы промежуточную: «горожанинъ», «гражданинъ», «гражанинъ»³. В форме «гражданинъ» отразилось свойственное русскому языку «ж» (а не церковнославянское «жд»), но не отразилось русское полногласие («-ра-» вместо «-оро-»)⁴. Тем не менее утверждать *a priori*, что церковнославянские формы всегда имели одно значение, а древнерусские — другое, не приходится, поскольку противопоставление древнерусской и церковнославянской лексики вряд ли вообще оправданно.

В нашем сообщении мы постараемся, во-первых, определить более точно значение/значения этих слов; во-вторых, проследить, были ли между этими формами какие-то различия в значениях. Хронологические рамки ограничиваются ранним периодом — XI—XIV в.

Среди упоминаний «горожан/гражан» в древнерусских текстах есть немало таких, точное значение которых установить сложно, или они могут быть интерпретированы по-разному. Поэтому мы сосредоточим внимание только на тех, значение которых ясно.

Материалы картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV в., которая хранится в Институте русского языка РАН, показывают, что для русских оригинальных текстов было характерно чисто «городское» значение интересующего нас слова, то есть собственно ‘жители города’. Иная картина вырисовывается при обращении к переводной церковно-книжной литературе. В ней стандартным явлением можно считать передачу с помощью лексем «горожане/гражане/граждане» греч. πολῖται, которое означало, прежде всего, свободных людей, сограждан⁵.

Разумеется, это не значит, что переводные тексты не знали значения ‘собственно горожанин, житель города’. Это не так. Важно, однако, то, что характерное для переводных текстов значение ‘граждане’ было в целом не свойственно оригинальным древнерусским памятникам. Это опять-таки не исключает того, что подобное значение могло проникать и в оригинальный узус, поскольку оригинальная и церковно-книжная литература не были отделены друг от друга «китайской стеной», но, безусловно, оставалось в нем маргинальным.

Основной вывод, который можно сделать из этих наблюдений, состоит в том, что «полисная», «гражданская» терминология оставалась чуждой живому древнерусскому языку. Не подтверждаются на лингвистическом материале представления о неотделенности городского и сельского населения на Руси. В живом древнерусском языке отсутствовали понятия, соответствующие греческим понятиям πόλις и πολῖται. Не случайно, между прочим, что сторонники «полисной» теории древнерусского общественного строя вынуждены подыскивать для обозначения древнерусских «граждан» понятия, либо имевшие очень общее значение («людие»), либо вообще не существовавшие в реальном древнерусском языке раннего времени, либо употреблявшиеся в совершенно ином значении (например, «волощане» или «людство») [Фроянов 1980, с. 118–123; Фроянов 1995, с. 459; Фроянов 1990, с. 318]. Понятие «горожанинъ» в

¹ Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. М., 1953. С. 118, 120.

² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. I. С. 443, 451; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1980. Вып. 7. С. 37–38.

³ Словарь древнерусского языка XI—XIV в. М., 1989. Т. II. С. 360, 380–381.

⁴ Об этих фонетических особенностях см., например: [Соболевский, с. 21–24].

⁵ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. Paris, 1968. Р. 926.

значении ‘житель города, значительного населенного пункта, как правило, укрепленного’, несомненно, бытовало в живом древнерусском языке.

Литературному значению формы «гражданинъ» была уготована, тем не менее, славная судьба. Именно на ее основе впоследствии сформировался современный русский термин и его многочисленные производные, вошедшие, в свою очередь, даже в народные говоры (например, просторечное «граждан» в значении ‘гражданин’⁶). Но это уже предмет отдельного исследования.

Литература

- Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 2005 [1907].
Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990.
-

⁶ Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7. С. 110.

Д. А. Ляпин (Елец)

БЕГСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ УЕЗДОВ РОССИИ В ЛИТВУ В СЕРЕДИНЕ XVII в.¹

Начало правления Алексея Михайловича в 1645 г. ознаменовано масштабной колонизацией южнорусского пограничья, сопровождавшейся строительством крепостей, острогов, городов, земляных валов и массовым переселением служилых людей и крестьян из региона Оки и Верхнего Дона на юг. Русская колонизация вызвала очередное обострение отношений с Крымским ханством и сопровождалась непрерывной степной войной, которая разгоралась весной каждого года и заканчивалась поздней осенью, с выпадением больших снегов.

Переселение на юг, участие в строительстве укреплений и войны с татарами резко ухудшили экономическую обстановку не только на юге, но и на юго-западе России. В связи с этим в 40-е годы XVII в. в материалах Белгородского стола встречается целый ряд документов, связанных с бегством населения в Литву.

Один из наиболее показательных документов датируется 1650 г. и связан с массовым бегством крестьян московского дворянина Ждана Кондырева из села Лаптева Мещовского уезда². Это дело наглядно показывает, как обычно организовывалось подобное бегство. Начиналось все с того, что в русские уезды из Литвы приезжал какой-либо человек, часто крестьянин. В нашем случае житель Дорогобужского уезда (входившего тогда в состав Речи Посполитой) Гаврила Тестин. Он ездил по русским деревням и селам, останавливаясь в избах на ночлег (в некоторых деревнях задерживался «нарочно по два дня»), рассказывал о жизни в «литовской стороне» и предлагал помочь в осуществлении бегства. Тестин брался проводить тайной дорогой в Литву и помочь устроиться на новом месте. В случае согласия Гаврила Тестин обязательно брал часть имущества в качестве залога и отвозил в Литву («хлеб, животы, лошади, платье»). Документы не сообщают, на каком основании забирал он имущество крестьян с собой, вероятно, оставляя деньги в качестве залога. В 1650 г. в деревне Локтевой ему удалось уговорить на побег две крестьянские семьи в 11 человек. Через несколько дней Тестин вернулся в село Лаптево и, как и было договорено, проводил крестьян в Дорогобужский уезд.

Интересно, что однажды беглые крестьяне, уже проживая в Литве, заблудились и случайно оказались опять в России в вотчинных землях Боровского монастыря. Здесь они зашли в деревню Кажакину и устроились на ночлег. Вскоре выяснилось, что местный крестьянин Афанасий часто занимался тем, что водил беглецов из России в Литву. За 5 рублей он показал путь заблудившимся крестьянам обратно в Дорогобужский уезд.

Рассматриваемое нами дело возникло после того, как один из беглых крестьян Ждана Кондырева решил вернуться в свое село по какой-то надобности. Однако, остановившись в городе Мещовске на посаде, он был пойман своими односельчанами и направлен в Москву, хотя жена его и дети так и остались в Литве. В столице он признался в том, что совершил побег с «малоумья», его вернули в село Лаптево, где взяли на поруки местные жители.

Приведенные факты показывают, что организованное бегство в Литву было практикой в 40–50-е годы XVII в.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-48001.

² РГАДА. Ф. 210. Д. 273. Л. 511–517.

Были случаи, когда на русскую службу переезжали поляки и литовцы³. Один документ, связанный с этой темой, дополняет наши сведения о путях беглецов. Так, в 1651 г. из Тульского уезда от ротмистра Игнатия Подгаецкого, выехавшего в Россию из Литвы, бежал холоп поляк Мартын Гурский. Предварительно Гурский узнал о том, как можно добраться до Литвы и какие дороги туда ведут. Выяснилось, что пути беглецов обычно шли вдоль реки Упы по Калужской дороге. Мартын Гурский планировал бежать в Смоленский уезд, к своей матери (Смоленск тогда входил в состав Речи Посполитой). Однако, убежав, он так и не нашел Калужскую дорогу и, бродя по лесам, заблудился. Наконец Гурский пришел к селу Татеву, где местный крестьянин в обмен на кафтан проводил его до границы. Однако в Брянском уезде были расставлены заставы и дежурили стрельцы, в задачу которых входило ловить беглецов в Литву. После переправы через Упу Гурский был пойман и сослан в город Усмань.

Для нас дело о бегстве Мартына Гурского интересно тем, что показывает пути в Литву и меры, предпринимаемые русскими, чтобы препятствовать беглым. На границах с Речью Посполитой воеводами русских городов организовывалась патрульная служба, в задачу которой входила поимка беглецов.

Таким образом, бегство русских людей в Литву в середине XVII в. было вызвано ухудшением политической и экономической ситуации в юго-западных уездах. Для населения пограничных с Литвой земель переход «за рубеж» был сложившейся практикой и осуществлялся с помощью приезжих из Литвы русских людей. Переезд крестьян не расценивался как измена русскому царю, а воспринимался как частный случай, бегство от землевладельца. Рассмотренное нами дело о беглых крестьянах Ждана Кондырева свидетельствует о тесных контактах пограничного населения России и Литвы, которые, безусловно, способствовали вхождению Дорогобужских, Смоленских и иных пограничных земель в состав России в ходе русско-польской войны 1654–1667 г.

³ РГАДА. Ф. 210. Д. 259. Л. 208–210.

E. A. Ляховичский (Санкт-Петербург)

МЕТОДИКА ДАТИРОВКИ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ ПО ВОДЯНЫМ ЗНАКАМ Н. П. ЛИХАЧЕВА: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ¹

В отечественной науке получил распространение подход к датировке водяных знаков, когда исследуемый ВЗ пытаются связать с альбомной параллелью на уровне отливной формы, для чегорабатываются системы определения степеней подобия. Данный подход имеет ряд существенных недостатков. 1) Затруднительно доказательно соотнести наблюдаемый в рукописи и изображенный в альбоме знаки как отливки с одной формой. В современной филигранологии доказанным является факт того, что, постепенно деформируясь в процессе эксплуатации, за свою жизнь форма дает ряд отличающихся изображений. Возможна ситуация, когда в альбоме будет изображен знак формы, произведенной в той же мастерской или по тому же шаблону, что и форма, с которой были отлиты исследуемые бумажные листы. В этом случае разница в контурах и расположении отдельных элементов ВЗ может быть примерно на том же уровне, что и разница между отливками с одной формой. Таким образом, невозможно доказать принадлежность знака исследуемой рукописи и альбомного изображения к одной форме на основании совпадения их контуров. 2) Затруднительно установить продолжительность использования конкретной формы. Согласно данным Х. Вурна, ресурс формы составлял примерно 800 отливок. За какое время этот лимит был исчерпан, можно узнать, только представляя себе интенсивность работы с данной формой на производстве. Между тем, по данным Х. Вурна, срок эксплуатации некоторых форм мог достигать 20 лет. Положение усугубляется существовавшей практикой переноса плетения ВЗ с изношенной формы на новую.

Большие возможности для точной датировки представляет подход, где за основу интерпретации берется не одиночная форма, а группа форм, представляющих собой реплики товарного знака определенного бумажного производства. Такой подход представлен в трудах Н. П. Лихачева. Благодаря накопленным к настоящему моменту сведениям по истории бумажной промышленности имеются возможности развить подход, предложенный Н. П. Лихачевым. Имеются следующие основные виды связи графики водяного знака и истории бумажного производства. 1) Зачастую производство использует одновременно несколько вариантов ВЗ для обозначения различных видов продукции. Как правило, эти типы водяных знаков имеют общие элементы в композиции, указывающие на единую принадлежность. 2) В ВЗ бумаги, выпущенной

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00172.

при одном собственнике бумажной мельницы, существенных и закрепляющихся изменений в композиции ВЗ, как правило, не происходит, изменения происходят революционно при смене собственника и затрагивают весь спектр используемых ВЗ. 3) «Новая» группа ВЗ, как правило, сохраняет элементы композиции, указывающие на их преемственность по отношению к «старой» группе.

Наличие этих закономерностей делает необходимым учет при датировке ВЗ альбомных параллелей не только с совпадающей композицией, но и тех, которые сближаются с ним благодаря каким-либо специфическим элементам. Если период бытования таких знаков примерно совпадает с тем, что дают наиболее близкие параллели, но при этом какая-либо из его границ лежит раньше или позже, датировку можно выразить в виде двух интервалов, первый из которых будет соответствовать общим границам всех параллелей и маркировать предельно допустимую датировку для исследуемого ВЗ, а второй — соответствовать границам бытования наиболее близких параллелей и маркировать наиболее вероятный период выпуска бумаги с изучаемым ВЗ. Верхние и нижние границы обоих интервалов следует обозначить как «открытые», поскольку они полностью зависят от полноты сведений, предоставляемых справочниками, и со значительной степенью вероятности могут быть пересмотрены с увеличением количества филигранографических данных. Если период бытования «соседних» знаков непосредственно предшествует или следует за наиболее близкими параллелями (или совпадает с ними только в пределах нескольких лет), датировку можно выразить в виде интервала, где одна из границ представляет собой промежуток между соседними границами групп параллелей. Такую границу следует обозначить как «закрытую», так как она обуславливается хронологическим расположением групп ВЗ, указывающим на границу между этапами существования производства.

Описанная методика была апробирована при исследовании списков Стоглава XVI в. Согласно полученным результатам, к 50-м — середине 60-х годов можно отнести 7 рукописей, к концу 60-х — началу 80-х годов, периоду опричнины, могут быть с большой степенью вероятности отнесены только три, к концу 80-х — 90-м — 12 рукописей. По всей видимости, можно говорить о двух пиках интереса к памятнику, первый из которых приходится на время непосредственно после собора, а второй — на эпоху Федора Ивановича и Бориса Годунова.

Важным преимуществом данной методики является возможность в ее рамках аккумулировать огромный массив верbalных описаний ВЗ русских рукописей, накопленный в литературе, что позволит в перспективе существенно улучшить точность датировок и в целом расширить возможности использования данных бумаги для изучения русских письменных памятников допетровского периода. Развитие методики датировки водяных знаков в настоящий момент осуществляется в рамках работы по комплексному кодикологическому и почековедческому исследованию Софийского комплекта Великих Миней Четырех.

A. B. Майоров (Санкт-Петербург)

ГРАМОТА ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ БЕЛЫ IV О КОНТАКТАХ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО С ТАТАРАМИ НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ БАТЬЯ НА ЮЖНУЮ РУСЬ

22 апреля 1244 г. датированная жалованная грамота венгерского короля Белы IV, адресованная некоему Николаю, сыну Обичка из Зюд (*Nikolaus filius Obichk de Zyud*). В грамоте речь идет о пожаловании этому королевскому сервиенту в награду за верную службу в период татарского нашествия земли Коаржег (*terra Koarzeg*). Документ сохранился в оригинале и трех копиях конца XIII в., одна из которых представляет собой подтверждение пожалования 1244 г., сделанное королем Андреем III в 1291 г.¹ Оригинал дошел до нас в виде грамоты, писанной на листе пергамена (485 × 437 + 73 мм), которая хранится ныне в Архиве актов Венгерского национального архива в Будапеште (*Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár. DL 72302*).

Как явствует из документа, упомянутый в нем Николай (Миклош), был королевским послом, выполнявшим важные дипломатические поручения и побывавшим при папском дворе, а также в Венеции, Болгарии и на Руси. Во время посещения Руси Николай встречался с князем Даниилом и привез от него послание к королю Беле, касающееся взаимоотношений с татарами: «В русские и болгарские земли он (Миклош. — A. M.) отправлялся послом от нас, обещал нам подробный рассказ светлейшего герцога

¹ Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislavae, 1987. T. 2 (1235–1260). Nr. 150. Р 100–102. Здесь же указаны предыдущие публикации документа и посвященная ему литература.

Даниила, который, повидав принца тартар, возвращался домой и поэтому видел и разузнал положение дел у тартар и при помощи пера донес разведенное»².

Посольство на Русь хотя и помещено в перечне заслуг Миклоша после миссии в Венецию, не обязательно должно было произойти позднее нее, поскольку сам этот перечень составлен без четкого соблюдения хронологической последовательности событий. Составитель грамоты представляет заслуги Миклоша, прежде всего, по степени их важности для короля.

Из документа следует, что после посещения Даниила Миклош отправился в Болгарию «ради того же дела, по которому он был послан» (речь идет, вероятно, о предыдущем посольстве на Русь). Датировать посольство в Болгарию, как нам представляется, можно с высокой долей вероятности. Болгаро-венгерские отношения во второй половине 1230-х годов развивались под сильным влиянием внешнеполитических факторов, важнейшим из которых была борьба Никейской империи за отвоевание Константинополя у латинян. Недовольный союзом болгарского царя Ивана II Асеня и никейского императора Иоанна III Ватаца папа Григорий IX в начале 1238 г. обратился с призывом организовать Крестовый поход против Болгарии. Главная роль в этом отводилась Венгрии³.

В 1239 г. при посредничестве Белы IV между Иваном II Асенем и папским легатом Иоанном Тевтонским прошли переговоры. Об их результатах можно судить по содержанию письма к папе венгерского короля, датированного 13 января 1240 г.: Бела сделал все от него зависящее для успехов переговоров с болгарским царем⁴. Таким образом, в конце 1239 г. был восстановлен союз между Венгрией, Болгарией и Латинской империей, просуществовавший вплоть до смерти Ивана II Асеня в июне 1241 г.

Как справедливо полагает Христо Димитров, одной из важных причин венгеро-болгарского примирения в конце 1239 г. была нарастающая угроза монголо-татарского нападения и необходимость общей борьбы с ней. Во всяком случае, венгерский и болгарский правители практически одновременно вступили в борьбу с татарами. В марте 1241 г., когда началось вторжение войск Батыя в Венгрию, Иван II Асеня смог организовать отпор и остановил наступление одного из отрядов захватчиков в Валахии [Димитров, с. 142–144].

Нам представляется, что жалованная грамота Белы IV Миклошу зафиксировала тот же самый факт, о котором говорят русские летописи первой половины XV в. [Майоров 2009, с. 311–326]. В венгерской грамоте и в летописях новгородско-софийской группы, в наиболее исправном виде сохранивших первоначальный текст Повести о нашествии Батыя южнорусской версии [Майоров 2012/1, с. 33–94; Майоров 2012/2, с. 43–113], речь идет о встрече русского князя с предводителем татар под Киевом, произошедшей вскоре после захвата и разорения татарами Чернигова, то есть осенью 1239 г.

Литература

- Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998.
Майоров А. В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.
Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Ч. 1. // Rossica antiqua. 2012. № 1. С. 33–94.
Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Ч. 2 // Rossica antiqua. 2012. № 2. С. 43–113.

² «Ad partes Ruscie et ad partes Bulgarie in nostra legacione profectus, ab illustrissimo duce Danelia, qui Tartarorum principe visitato ad propria rediens, universum statum Tartarorum prout viderat et cognoverat, edisserandum nobis promiserat, stili officio conditum reportavit».

³ См.: Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T.I (1216–1352). Nr. 283–286, 288, 294, 295, 297–299, 308. Р. 159–162, 164–167, 170–171.

⁴ Латински извори за българската история / Под ред. В. Гюзелев (и др.). София, 1981. Т. 4. С. 80–81.

И. И. Макеева (Москва)

СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ СВ. НИКОЛАЯ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Большинство сказаний о чудесах св. Николая является переводами с греческого, сделанными в XI в. Описанные в них события лишь иногда соотносятся с историческими лицами и встраиваются в хронологический процесс. Таково прижизненное чудо о трех воеводах, приуроченное к 30-м годам IV в. Упоминание константинопольского патриарха Михаила, видимо, Михаила Керуллария (1043–1059 г.), и императора Константина позволяет отнести события чуда о ковре к середине XI в. Сказание об Аргике и его сыне Василии, попавшем в плен к критским арабам и спасшемся благодаря заступничеству св.

Николая, относится «к периоду владения арабов Критом (825–861)»¹. В чуде о попе Христофоре речь идет о его пленении сарацинами неподалеку от Мир Ликийских и последующем спасении. Архимандрит Леонид относил эту историю «к периоду владычества арабов в Сирии (632–995)». Сказания о попе Христофоре и об Агрике и его сыне Василии впоследствии стали духовными стихами, известными на всей территории России (Петрозаводский и Повенецкий уезды, Рязанская, Симбирская, Вятская губернии). Духовные стихи — возникшая в кругу грамотного простонародья поэзия, которая использует литературные средства. В них соединены традиционные формы древнейшей эпической поэзии и книжные элементы. Переход сказаний в народную культуру повлек целый ряд изменений. Иной стала структура произведений, изменились язык и стилистика.

Сравнение духовных стихов и древнейшего списка сказаний сделал И. И. Срезневский. В очень небольшой статье «Сказания о святителе Николае сравнительно с духовными стихами» (Сборник ОРЯС. Т. 1. Вып. 4. СПб., 1867) он изложил три тезиса: сказание и стих об Агрике и его сыне Василии соотносятся как «подлинник — перевод»; создатель стиха делал сокращения и замены (И. И. Срезневский указал пять важнейших, по его мнению, отступлений стиха «от подлинника»); в стихе лексика древнейшего списка сказания частью сохранена, частью заменена, и это свидетельствует о лежащем в его основе позднем списке.

Однако эти положения И. И. Срезневского верны лишь отчасти. Соотношение сказания и стиха нельзя уподобить взаимоотношениям «подлинник — перевод». Именно из перехода в фольклор проистекают не просто отличия стиха от чуда, а его иное построение при сохранении в целом содержания и значительном уменьшении объема. В Сказании об Агрике имеется восемь примерно одинаковых по объему и значимости частей. В стихе сокращены и объединены первая и вторая части и третья, четвертая и пятая. Шестая часть, которая была и остается кульминацией, в стихе стала доминантой и сильно расширена. Седьмая часть переделана, а восьмая, заключительная, вообще заменена другой. В стихе отсутствуют два больших фрагмента (это И. И. Срезневским не отмечено): вставной эпизод с изложением части чуда св. Николая о трех воеводах и монолог матери после пленения сына.

Поиски возможного оригинала стиха приводят к старопечатной редакции текста во втором (1641 г.) и в последующих московских изданиях «Николина жития», где отсутствует вставной эпизод с пересказом чуда о трех воеводах. На их связь указывает и лексика, хотя ее из-за переделки текста трудно анализировать с точки зрения преемственности. И. И. Срезневский привел как сохранившиеся слова (пять) *поприще*, *стень*, (*псы*) *притужают*, а как замененные — *сродники* вместо **ближники** и **сырдобролл**. Лексемы *поприще*, *притужают* сохраняются и в старопечатных изданиях. Слово **сродники** (*сосёди* и *сродницы*) имеется издании 1641 г. там, где в стихе названы *сродники-знакомцы*, *сродники* (северная и рязанская версии), *князья-бояре*, *сродники*, *знакомые* (симбирская версия), *сродствы* и *хлебоедцы* (вятская версия), *сродственники*, *хлебоесцы* (текст И. И. Срезневского), а в большинстве рукописей употреблено **ближ(н)ики** и **дроузы**. К старопечатной редакции восходит имеющееся в стихе словосочетание *срачинская одежда* (*срачинское платье*).

Духовный стих об Агрике уже не позволяет связать события с определенным историческим периодом. Вместо *Критского острова*, куда привели плененного Василия, появились *срачинская земля*, *сарачинское царство*, *неверная земля* и *астрачинская земля*, которую исполнявший стих певец считал Австрией, а *срачины* в четырех из пяти территориальных версий заменены *неверной силой*. Имя сарачинского князя Амира устранило или превратилось в *Фамир* и *Тамера*, Агрик (в греч. ἄγροιχος ‘деревенский’, ‘грубый, неотесанный’ — не имя собственное) стал *Авриком*, *Агликом*, *Гавриком*. Город, в котором он жил (в письменных источниках *въ странѣ антиохіїстѣ близъ срацинь*), назван *Антиохея*, *Антиофея*, *Тинфири* и даже *Тифлис*.

Структура Стиха о попе Христофоре по сравнению со Сказанием изменена незначительно, а язык и стилистика поменялись существенно. Источником стиха стало то же старопечатное издание. На это указывают выражение *на цене отдать*, слово *иерей* в начале обоих текстов при *попъ* в остальных случаях и *Митилин* (*Милитин*) *град*, где жил Христофор. И. И. Срезневский как унаследованные из позднего списка назвал слова *варвар*, *поганый*, *напрасная смерть*. Устойчивое словосочетание *напрасная смерть* ‘скорая, внезапная, безвременная смерть’ хорошо известно в истории русского литературного языка. Оно есть в старопечатных изданиях чуда и встречается в его поздних списках. Краткостью фраза из стиха близка старопечатной редакции: «*Избави мя от меча, о святый отче, / От напрасны смерти, чудворче*». *Варвар*, *поганый* и *супостат* стиха соответствуют слову **мечникъ** в ранних и поздних списках и в старопечатной редакции.

¹ Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мир-Ликийского чудотворца (По пергам. рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9). Сообщ. архим. Леонид // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. № 72. С. VI, примеч.

Особо надо отметить, что на фоне изменений как в старопечатном издании, так и в духовном стихе местонахождением мощей св. Николая по-прежнему названы Миры, хотя с конца XI в. они находились в Бари.

A. B. Мартиюк (Минск)

«ВЕРЕНГЕР, ПРИРОКОМ ПРОСВЕЛ»: ИМЯ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АВСТРИИ

Древнерусские источники весьма скучны на упоминания имен персонажей истории соседних европейских стран. Не является исключением и Галицко-Волынская летопись — памятник, значительно более открытый «европейским веяниям». Достаточно отметить, что, довольно подробно и живо рассказывая об обстоятельствах брака Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг в 1252—1253 г., летописец не называет по имени ни саму Гертруду, ни главного противника Гертруды и Романа — герцога Пржемысла Отточара, ни других участников событий. Тем больший интерес представляет единственное упомянутое в контексте этих событий имя: некий «Веренгер, прироком Просвел», который «сжался» над Романом и вывел его из осажденного замка.

Отечественная историография давно установила, что речь идет о Вернхарде Пройсле (*Wernhard Preussel*), который вместе со своим братом Генрихом играл заметную роль в истории Австрии середины XIII в. (см., например: [Пашто, с. 256]). Впервые братья Пройсле появляются в источниках в 1239 г., в свите герцога Фридриха II Бабенберга, ведущего борьбу за возвращение престола Австрийского герцогства. После победы Фридриха Пройсле заняли место в узком кругу ближайших сподвижников герцога, а их имена с этого времени и вплоть до 60-х годов часто встречаются в австрийских хрониках, актовых материалах, рыцарской поэзии и т. д.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое резко отличает братьев Пройслей от многих других представителей австрийской знати этого времени. С некоторым недоумением австрийские историки были вынуждены констатировать, что нам ничего не известно о происхождении Пройслей, их владениях и т. д. Складывается впечатление, что братья Пройсле появились «из ниоткуда» и сразу же заняли видное положение при дворе Фридриха Воинственного. Строго говоря, у братьев Вернхарда и Генриха нет даже имени: актовые и нарративные источники постоянно делают оговорку — «называемые Пройсле». Это заставляет поставить вопрос о «загадке Пройслей», имеющей отношение не только к истории средневековой Австрии, но и к истории Древней Руси, коль скоро они оставили след и в Галицко-Волынской летописи.

Фронтальный просмотр актовых документов позволил автору этих строк выявить одно примечательное обстоятельство. В истории Австрии 30—60-х годов параллельно действуют две «пары братьев» с одинаковыми именами: братья Вернхард и Генрих Пройсле и братья Вернхард и Генрих фон Шаунберги. В отличие от Пройслей, род фон Шаунбергов хорошо известен в истории Австрии XII—XVI в. (см., например: [Stüzl]). Анализ актовых материалов за период 1230—1267 г. показал, что имена братьев фон Шаунбергов и Пройслей ни разу не встречаются в одном и том же документе (учтено более 80 документов с упоминанием их имен). При этом фон Шаунберги и Пройсле действуют в одно и то же время в одном и том же месте и пересекаются со многими другими участниками событий. Так, например, имя графа Генриха фон Лихтенштейна 3 раза встречается в одном документе вместе с Шаунбергами, 8 раз с Пройслями; имя Конрада фон Гимберга — 6 раз с Шаунбергами, 5 раз с Пройслями; имя Генриха фон Хабсбаха — 8 раз с Шаунбергами, 5 раз с Пройслями и т. д. Таким образом, напрашивается предположение о тождестве Вернхарда и Генриха фон Шаунбергов с Вернхардом и Генрихом Пройслями. В противном случае нам придется прийти к выводу, что по каким-то причинам братья фон Шаунберги и Пройсле на протяжении нескольких десятилетий сознательно избегали друг друга. Анализ документов позволяет выявить и другой нюанс: под именем «Пройсле» братья Вернхард и Генрих появляются в основном в актах, выданных Фридрихом II, Гертрудой и ее вторым мужем Германом Баденским. Понятно, братья входили в близкое, «дружинное» окружение герцога Фридриха Воинственного, и прозвище «Пройсле» было специфическим маркером этого круга. Для нормального делопроизводства братья оставались фон Шаунбергами, особенно в своей родной Верхней Австрии.

Предположив, что имя «Пройсле» было прозвищем фон Шаунбергов, мы можем поставить вопрос о его происхождении. Этимология прозвища вполне прозрачна и указывает на Пруссию. Как раз к 1230-м годам относится начало завоевания Пруссии братьями Тевтонского ордена. Участие

братьев Вернхарда и Генриха фон Шаунбергов в походе в Пруссию представляется в этом историческом контексте вполне вероятным. Следует отметить, что под именем «Пройсели» братья Вернхард и Генрих впервые появляются после двухлетней лакуны (31 мая 1237 г. – 6 июня 1239 г.), когда их имена не встречаются в актовых документах. Вероятнее всего, что именно в этот промежуток времени братья фон Шаунберги совершили свой вояж в Пруссию. Таким образом, Вернхард и Генрих фон Шаунберги были «крестоносцами первого часа», что вполне могло послужить основанием их почетного прозвища.

Объем публикации не дает возможности для изложения всей биографии Вернхарда Пройселя, поэтому ограничимся ее последней страницей. В 1267 г. некий *«Prewcelino»* принимал участие в войне венгерского короля Белы IV против своего сына, «младшего короля» Стефана [Huber, с. 185–187]. Любопытно, что и в этом последнем походе Вернхарда Пройселя прослеживается «русский след»: королевским командовал герцог Бела, сын Ростислава Михайловича Черниговского. По свидетельству венгерских источников, в битве при Ишасеге (*Isaszeg*) Пройсель погиб. В августе 1267 г. в Вене некий Генрих Пройсель заявил права на наследство своего отца Вернхарда. А 28 августа 1267 г. Генрих фон Шаунберг совершает вклад в монастырь Вильхеринг в память своего умершего брата: *«Bernhardo fratre nostro pie memorie»*. Так из разрозненных упоминаний источников реконструируется последняя страница жизни летописного «Веренгера».

Литература

- Пашутко В. Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Huber A. Studien über die Geschichte Ungarns im Zeitalter der Arpadien // Archiv für österreichische Geschichte. 65. Band. Wien, 1884.
Stüzl J. Zur Geschichte von Herren und Grafen von Schaunberg. Wien, 1862.

С. А. Маслова (Москва)

ДОЛЖНОСТЬ ДАРУГ В СИСТЕМЕ ОРДЫНСКОЙ ВЛАСТИ НАД РУСЬЮ

Даруги, монг. *daruγači* (мн. *daruγačin*), были широко известны на территории государств, покоренных монголами. Русские источники для обозначения этой должности используют формы «дорога», «дарига», «дарага».

Существование института даруг фиксируется со второй половины XIII в. в Китае. В XIV в. эта должность уже широко использовалась в администрации независимых государств бывшей Монгольской империи – империи Юань, улусе Джучи, Чагатайском улусе. Даруги Золотой Орды, улуса Джучи, известны вплоть до конца XV в. В ярлыках крымских ханов, ставших независимыми от Золотой Орды к середине XV в., должность даруг встречается весь XVI в.

Компетенция даруг относилась к сфере гражданского администрирования. Адресат монгольских ярлыков свидетельствует о высоком статусе даруг. Зачастую в источниках обозначены их имена. Конкретные обязанности даруг нам неизвестны. Развернутое описание должности можно найти в китайских источниках. Однако полностью следовать в этом вопросе за сведениями китайских документов ошибочно. Китайские сочинения именуют даругами многих чиновников монгольской администрации в покоренных областях. Они не различают, например, баскаков и шихне, приписывая их функции даругам. В самом Китае, по-видимому, существовала только должность даруг, поэтому на них возлагали широкие обязанности.

Даруги Золотой Орды известны с середины XIV в. Это были даруги городов Крыма, Волжской Булгарии и Руси. Ярлыки ордынских ханов русским митрополитам говорят о даругах «волостных», «городных» и «селных». Синхронные документы империи Юань и государства Тимура однозначно говорят о даругах городов. Точно сказать, на какую территорию распространялась компетенция даруг – конкретные города или более обширные области, невозможно. В XIV в. даруги Золотой Орды могли получить назначение в конкретные города, подчиненные хану. Так, в 1377 г. русские войска посадили в г. Булгар даругу, представлявшую интересы хана Каганбека. В XV в. ордынские даруги находились на территории улуса Джучи. Возможно, это связано с усилением сепаратистских тенденций в Золотой Орде в начале века. Реальное управление регионами затруднялось, и ханы предпочли переместить своих даруг в центр.

Известны два даруги, имевших отношение к Руси. Это московский даруга Минь Булат и рязанский даруга Темир. Летописные свидетельства явно указывают на то, что московский и рязанский даруги находились на территории самой Золотой Орды и занимали высокое положение при дворе хана. Как Темир, так и Минь Булат названы «князьями». Минь Булат в 1432 г. сыграл активную роль в борьбе за

власть между князьями Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем, притесняя Юрия и хлопоча, небезуспешно, перед ханом за Василия. Темир в 1471 г. совместно с другими князьями склонял Ахмата к военным действиям против Руси.

Более ранних свидетельств о даругах, ответственных за Русь, не выявлено. Ярлыки ордынских ханов русским митрополитам говорят о даругах середины XIV в. Однако ярлыки перечисляют самые разнообразные категории чиновников и не говорят об их локализации. Не все из перечисляемых ярлыками должностных лиц находились на территории Руси. Даруги, имевшие отношение к Руси, существовали достоверно только в XV в.

Исследователи зачастую отождествляют должности даруг и баскаков. Сведения источников показывают, что на Руси баскаки и даруги — разные институты власти. Баскаки — гражданские управляющие, обеспечивающие исправное поступление дани. Находились они на территории покоренных русских княжеств. Даруги — также гражданские чиновники, они обеспечивали общий контроль над подвластной территорией. Существовали эти должности в разное время.

T. A. Матасова (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ИЗВЕСТИЯХ О ЕГИПТЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ПЕРВОЙ КНИГИ «ГЕОГРАФИИ» ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

В сборнике рубежа XV—XVI в. из коллекции РГАДА содержится текст, почти не привлекавший внимание исследователей, — древнерусский перевод первой книги древнеримского географического трактата «Cosmographia, sive De situ orbis», написанного в I в. н. э. Помпонием Мелой из Тингентеры¹. Появление такого текста можно связать с характерным для русских книжников той поры стремлением расширить знания о географическом пространстве. Скорее всего, осуществление этого перевода было одним из следствий итало-русских контактов [Матасова]. Помимо вопросов, связанных с происхождением перевода, есть ряд проблем, касающихся содержания текста. Среди них выделяется вопрос о трактовке русскими книжниками известий, до той поры им незнакомых. В работе предпринята попытка ответить на него на примере одного из самых ярких фрагментов текста — описания Египта.

В России о Египте к рубежу XV—XVI в. было немало книжных известий. Образ этой земли имел серьезный богословский подтекст. Ветхозаветный Египет — нечистая территория, из которой Господь вывел Свой народ. Египет христианской эпохи был средоточием духовных подвигов отшельников с IV в. Многие страницы истории Египта связаны с историей Рима.

Известия Помпония Мелы порождают иные ассоциации. Географ сообщает, что «египтане преветхи соуть шт людеи»², и приводит отдельные эпизоды из истории Древнего Египта. Рассказывается о пирамидах и лабиринтах, описаны погребальный обряд и мумификация, а также некоторые другие стороны жизни египтян. Согласно тексту, земля Египта «велми родима и на чльськи ршд, и на скотъ: Ниль еа поливает. Ниль же рѣка... есть болѣ всѣх рѣкъ, иже в Наше мшре (Средиземное. — Т. М.) вливается... Имеѣть ж водою родимоу не токмо на всякою рыбоу, но ипотами ражаетъ, иже тлькоуть рѣчни кони, и коркодили ражаетъ, иные многие скоты. Еще вода его въ земленю кромоу дыханіе сътваряетъ. И сътваряетъ от земли живоущаа, то же иавно есть, егда бо оубывааа сливается с поль и въ свое берегы вълиется. Находить по полемъ нѣкъя скоты еще не сврьшена, но почати шбразитисѧ, инаѧ ж часть образна телесна, а инаа еще землѧ...»³.

Толкование этой диковинной информации шло по традиционному пути поиска библейских аналогий. Напротив начала известий о Египте почерком XVI в. (не тем, которым написан текст) есть помета «ұалом». Думается, что автор маргиналии имел в виду 103-й псалом, в котором речь идет о всемогуществе Бога. Псалмопевец возвещает, что Бог «посылай источники в дебрехъ, посреде горъ пройдут воды. Напаяютъ вся звери сельныя, ждут онагри въ жажду свою...» (Пс 103: 10–11) — и ниже: «Яко возвеличишаася дела Твоя, Господи, вся премудростю сотворил еси: исполнися земля твари Твоей. Сие море великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими...» (Пс 103: 24–26). Эти ветхозаветные слова во многом схожи с известиями о Египте Мелы, но не в текстологическом, а в сюжетном и образном отношениях.

¹ РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 10 об. — 40 об. Сохранился также поздний список (XVII в.) этого перевода (ГИМ. Чуд. 347. Л. 1 об. — 16).

² РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 28.

³ Там же. Л. 24 об. — 25 об.

Любопытны и сведения Мелы о культе священного для египтян быка Аписа (ошибочно названного в тексте «пчелой»⁴: по-латыни *apis* — пчела, и книжник не понял, что в данном случае это имя собственное): «Когда рождается волк чернь з бѣлыми пестринами *иазыкъ* же оу него и хвостъ *роѣзнымъ* подобиемъ, иже оу них рѣдко рожаютсѧ, и гѣютъ тако: “не от скотъска естьства зачатъ, но ѿ бѣтвенаго огня”»⁵. В том же 103-м псалме говорится, что Господь «творяй... слуги своя пламень огненный» (Пс 103: 4), то есть Бог ставит Себе на службу пылающий огонь, через который являет Себя людям. Книжник, читавший рукопись, будто соглашался с мнением египтян о божественной природе огня, от которого мог быть зачат бык, но вкладывал в это провиденциальный смысл. Знакомство книжников с этим фрагментом могло породить интерес к природе Египта. Не поэтому ли позже Максим Грек в «Сказании отчасти недоуменныхъ некиихъ реченихъ Слове Григория Богослова» подробно рассказывает о плодородии долины Нила и о его разливах⁶? Сходные вопросы интересовали и итальянских гуманистов: в середине XVI в. между Дж.-Б. Рамузио и Дж. Фракасторо шла дискуссия об истоках Нила. Однако едва ли упомянутые факты были отголосками гуманистических споров. И русский читатель Мелы XVI в., и Максим Грек стремились в первую очередь к спасению души, а не к постижению тайн природы.

Итак, актуальные для ренессансной Европы факты интерпретировались в России XVI в. по традиционной схеме. Это дает возможность сделать вывод о том, что при всех трансформациях, происходивших с русской культурой на рубеже XV—XVI в., она была по-прежнему ориентирована на богоопознание.

Литература

Матасова Т. А. Древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы: исторический контекст, перспективы издания и изучения // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третий чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2013 (в печати).

⁴ Там же. Л. 24 об.

⁵ Там же. Л. 27 об. — 28.

⁶ Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Т. 3. С. 42.

E. A. Мельникова (Москва)

ССЫЛКИ НА «СТАРЫЙ МИР» И «СТАРИНУ» В ДОГОВОРАХ НОВГОРОДА С ГОТСКИМ БЕРЕГОМ И НЕМЕЦКИМИ ГОРОДАМИ XII—XIII в.¹

Уже древнейший дошедший до нас договор Новгорода с Висбю и немецкими городами 1191/1192 г. (по датировке Е. А. Рыбиной), равно как и последующие договоры XIII в., содержит отсылки, которые рассматриваются как упоминания договоров, предшествующих данному или более ранним. Действительно, только так и можно объяснить выражение «подтверждом мира старого» в договоре 1191/1192 г., «bestedeget den vredhe» («подтвердил мир») в договоре 1259 г. (по датировке Е. А. Рыбиной), «quam rex edidit Constantinus» («как постановил князь Константин») в немецко-готландском проекте договора 1268/1269 г. Наряду с ними тексты договоров содержат и другие, неопределенные указания на существующую (или существовавшую) практику: «с древности, издревле» — «ab antiquis» (1268/1269 г.), «van older» (1269/1270 г.). Представляется, что формулы ссылок «на старину» и их распределение в текстах четырех сохранившихся договоров XII—XIII в. могут пролить некоторый свет на дипломатическую практику Новгорода этого времени.

В двух русскоязычных договорах (1191/1192 г. и 1259 г.) регулярно употребляется единственная формула — отсылка к «старому миру» (5 раз). Еже (за исключением двух случаев) содержит и новгородский текст договора 1269/1270 г., дошедший до нас на нижненемецком языке, — «dhen olden vredhe» (5 раз). В двух случаях в этом тексте встречается отсылка «исстари» («van older»), причем оба раза — в статье о проводке судов по Волхову. Наибольшее же количество подобных указаний — 11 раз — представлено в латиноязычном немецко-готландском проекте договора 1268/1269 г., где они и наиболее разнообразны. Среди них есть упоминания как «старого мира» («sub antique pace» — 1 раз) и «старого права» («secundum

¹ Исследование выполнено в рамках работы над проектом «Становление государственной инфраструктуры в Античности и Средневековье (компаративное исследование)» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

iustitiam», «secundum iustitiam ab antiquis», «de antique iure» — по 1 разу, «secundum antiquam iustitiam» — 2 раза), так и конкретного (несохранившегося) договора («quam rex edidit Constantinus», имеется в виду князь Константин Всеволодович, сидевший в Новгороде в 1205—1207 г.), но также и «старого обычая» («sicut antique consuetum») и просто «старины» («ab antiquis» — 2 раза).

Ссылка на «старый мир» или «старое право» обязательно содержится в преамбуле договоров, подтверждающей ранее достигнутые соглашения. Эта ссылка, очевидно, носит протокольный, а не актуальный характер: так, в договоре 1269/1270 г. указано: «Я, князь Ярослав Ярославич... подтвердил мир и написал нашу правду согласно вашим грамотам...», однако значительное количество условий, предусматривавшихся немецко-готландским проектом («вашими грамотами»), не было включено в итоговый текст. В том единственном случае, когда в преамбуле речь идет о конфликте между новгородскими и немецкими и готландскими купцами, апелляция к «старому миру» содержится в следующей за преамбулой статье, подтверждающей восстановление отношений «без пакости» — «в старый мир».

Два других случая регулярного упоминания «старого мира (права)» — статьи, определяющие территорию, на которую распространяется действие договора, и гарантирующие безопасный проезд «зимних» и «летних» купцов (во всех договорах, кроме 1191/1192 г.).

Последующие статьи договоров 1191/1192 и 1259 г. отсылок к «старине» не содержат. В договорах 1268/1269 и 1269/1270 г. указания на «древнее право» и «старину» перемежаются. Две статьи о свободе торговли немецких и готландских купцов с карелами и ижорцами в немецко-готландском проекте подтверждаются в одном случае «стариной» («ab antiquo»), в другом — «старым миром» («sub antique pace»), но обе статьи не вошли в окончательный текст. Весь раздел, посвященный проводке судов по Волхову и их разгрузке в Новгороде, в проекте не имеет отсылок; в окончательном тексте дважды упоминается традиционность порядка оплаты лоцманов («van older»). Наибольшее количество указаний на древность — в 6 из 10 статей (разделение на статьи принадлежит С. В. Бахрушину) — содержится в разделе о статусе Готского и Немецкого дворов в проекте 1268/1269 г., но все эти статьи, кроме установления наказания за нападение на двор или поломку тына или ворот, отсутствуют в окончательном тексте. Все они апеллируют «к древнему праву» и договору Константина Всеволодовича, и лишь невременность ограды дворов гарантируется «согласно древнему обычью».

Употребление отсылок к «старому миру» и к «старине» и их распределение в текстах договоров, как представляется, свидетельствуют, во-первых, о чрезвычайном значении, которое придавалось поддержанию дипломатической традиции, хотя бы номинальному. Во-вторых, в дипломатической практике, видимо, существовали две составляющие: «мир»/«право» и обычай/«старина». Первый фиксировался в письменном тексте, второй образовывал неписаную традицию, которая могла как складываться естественным путем (например, торговля с жителями поселений, встречавшихся на пути в Новгород), так и обуславливаться устными договоренностями (оплата лоцманов на Волхове?). В-третьих, апелляция к «старине» или «старому праву» могла не только фиксировать некий *status quo*, но и служить аргументом в дипломатической борьбе (определение статуса иноземных дворов в Новгороде).

Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург)

СВЯТОЙ ВЛАДИМИР КАК МОИСЕЙ-ЗАКОНОДАТЕЛЬ В ГИМНОГРАФИИ И СЛОВЕ О РУССКОЙ ГРАМОТЕ¹

Первый исследователь службы св. равноап. Владимиру М. Славнитский выделил три редакции. Первая известна по спискам, начиная с рубежа XIV—XV в. (РНБ. Соф. 382 и Соф. 386). Судя по рукописной традиции, она продолжала сосуществовать со 2-й редакцией, появившейся в конце XV в. (списки XVI в.). 1-я редакция службы сохранилась в нескольких видах, из которых, как указал М. Славнитский, наиболее важна минея РНБ. КБ 442/669, РГБ. Ф. 304/І. Собр. Троице-Сергиевой Лавры. № 613 и 614. Это переходный вариант, который позволяет видеть, как формировалась 2-я редакция, где представлена уже полная служба одного из главных праздников Русской церкви. Здесь переписаны два варианта стихир На Господи возвзвах, новые стихиры на стиховне (в 1-й редакции была всего одна, да и та не всегда встречается), второй канон и стихиры На хвалитех. Однако М. Славнитский не отметил, что они

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 12-01-00362

посвящены не Владимиру, а свв. Борису и Глебу. В 1-й редакции здесь пелись стихиры только Кирику и Улите, и Владимиру только иногда полагался славник. Стихиры свв. Борису и Глебу есть еще в одном виде 1-й редакции, представленном в собрании Троице-Сергиевой Лавры списками, начиная с XVI в. (РГБ. Ф. 304/І. № 568 (1514 г.), № 579, 583 (все XVI в.), № 585). Отмечая появление новых песнопений в различных видах 1-й редакции, М. Славинский не указал, что часть была уже в сборнике Матвея Кусова 1414 г. Это две стихиры «Придѣте, сте́дѣмъ ся въси» и «Апостоломъ ревнителя...», три тропаря «Уподобивши ся купцу...», «Вторый ты бысть Константин...» и «Правовѣрию наставниче...». В каноне свв. Кирику и Улите кондак и икос после 6-й песни также посвящены св. Владимиру. Обе стихиры есть и в нотированном Волоколамском стихираре XIV в. (РГБ. Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 3). Этот лист был разлинован и переписан одним из писцов рукописи, но был вшият в середину стихир На хвалитех свв. Кирику и Улите так, что разорвал текст на полуслове. Ни одно из этих песнопений не входило в 1-ю редакцию службы св. Владимиру.

Естественно сравнение свв. Владимира и Ольги со свв. Константином и Еленой, ослепшего и прозревшего Владимира с апостолом Павлом. Единственный ветхозаветный герой, которого выбрал автор канона, это Моисей. В 1-й песне поется:

**Иже волею и нужею.
к себе всиъ призывающи. тако же древле Моиси, Исуса.
тако же и нынѣ въ сърдци възгласи.
вѣрнаго и достохвалного князя.**

В 6-й песне:

**Спаса прежде господь.
рукою Моисиевою Израилъ ѿ работы.
тъ же и нынѣ рукою всиъ нас.
Васили кназа вѣрнаго.
Ѡ льсти идолъски избавлени исме.**

В каноне 2-й редакции звучат новые ветхозаветные темы. Вместо Моисея появляются параллели с царем Давидом, пророком Исаией, а в 7-й Не верь всему, что от меня. песне — с Аввакумом. Последнее особо интересно:

**Моисѣиски сохранивъ законъ.
Даниилъ боговидѣнимъ сподобися.
Праштескымъ же ты поправъ идолы.
Не ко во мрацѣ.
Но въ болшинѣ славѣ разумно узрелъ еси Христа.
со Штемъ и Духомъ крещениемъ просвѣщенъ.
Веселашеся вопилъ.
Благословенъ Богъ.**

Автор этого канона явно хотел развить дальше ветхозаветную тематику, только намеченную в первом каноне. При этом непосредственно от сравнения с Моисеем он отказался, тогда как параллели с апостолом Павлом и с Константином остались. Канон не обязательно был составлен в XV в. В 4-й песне, где во 2-м тропаре как раз упоминается пророчество Исаии о Богородице, о Владимире сказано:

**Разумѣхомъ Духа Благодати.
Домъ Владычицѣ создаль еси на вѣрхѹ горѣ.**

В 8-й песне особо упоминается «мати градомъ... Киевъ» и Церковь Владычицы, «идеже мужъственое твоє тѣло лежить». Едва ли все это было уместно после татарского разгрома Киева и разрушения Десятинной церкви.

В житиях св. Владимира сравнения с Моисеем нет, за исключением Жития Владимира 4-й Распространенной редакции по классификации А. А. Шахматова. Этот текст также читается в уже упоминавшемся Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г. вместе с «Памятью и похвалой» Владимиру Иакова Мниха и «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Однако в Житии 4-й редакции сравнение заимствовано из другого сочинения — из так называемого Слова о русской грамоте. Этот памятник никогда не встречается в самостоятельном виде, а только в особой компиляции в составе Прибавления к Толковой Палее, в Следованной псалтири и в сборниках. Автор текста доказывает, что св. Константин-Кирилл научился славянской грамоте в Корсуне от некоего русина, которому она была дана свыше. О Владимире сказано: **Идѣ же книги шбрѣтошасѧ, тѹ и крещеніе шбрѣтесѧ. Рѹскынь гласомъ писаны быша книги, сице Рѹси крещеніе шбрѣтесѧ. тако же израильяномъ на горѣ Синайстѣи законъ и грамота дана бысть Моисиеви, и люди наоучи, но Ісѹсъ Навгинъ законъ внесе въ Іерѹсалимъ.**

Далее автор развивает эту тему, доказывая, что Владимир выше даже самого Моисея, так как принес в Киев и веру, и книги, и мощи св. Климента. Сравнение князя с пророком развивается на нескольких уровнях: **Шле чюдо, тако вторыи Іерѹсалимъ на земли гависѧ Кіевъ, и вторыи**

Моисій Володимеръ гависл. Шнъ стѣнныи законъ въ Іероусалимѣ ѿлъчающе ѿ идолѣ, а съ чистѹю вѣрѹ и крещенїе, вводащее въ жизнъ вѣчнѹю.

Затем говорится о 43 днях, которые прожил Моисей после того, как дал Закон, и о 33 (sic!) годах, которые прожил Владимир после крещения. Не случайно нет развернутого сравнения с равноапостольным императором. Автор только один раз называет Владимира «вторым Константином», а далее следует большая молитва, обращенная к обоим «святым царям». Сложно сказать, насколько Слово о русской грамоте и крещении Руши повлияло на составителя канона из 1-й редакции службы и наоборот. Прежде всего, все эти тексты по содержанию относятся к домонгольскому периоду, но представлены исключительно в поздних списках не раньше конца XIV — начала XV в. Авторы могли воплощать независимо друг от друга идею, разделенную многими представителями русского общества своего времени. Слово о русской грамоте изобилует ошибками в рассказе о крещении, а его автор особо просит святых царей **люди избавлита ѿ всмкия вѣды Грѣческия и Русския и о мнѣ грѣшнѣмъ помолитасѧ к Богѹ.** Все это, как полагали многие исследователи, мог написать этнический грек. Тем не менее он вполне мог писать именно в том духе, в каком говорили о св. Владимире его русские современники.

Г. А. Мольков (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НОВГОРОДСКОГО ПИСЦА ДОМКИ (на примере оформления флексии тв. падежа ед. числа м. и ср. рода)

Ценность данных орфографии первого почерка Милятина евангелия РНБ. Ф.п.І.7 (далее — МЕ), принадлежащего писцу Домке, состоит в том, что мы, по всей видимости, имеем возможность проследить историю формирования орфографической системы данного писца. Согласно гипотезе В. Л. Янина [Янин, с. 52–64], Домка, переписавший часть МЕ, тождествен тому Домке, который участвовал в создании новгородских миней на сентябрь, октябрь и ноябрь 1095–1097 г. Палеографическое и кодикологическое исследование Е. В. Ухановой [Уханова, с. 204–237], а также наблюдения Б. И. Осипова [Осипов, с. 145–158] над языком МЕ подтверждают датировку памятника первой половиной XII в. и его близость по оформлению и отдельным языковым параметрам рукописям миней конца XI в. Все это практически не оставляет сомнений в тождестве писца миней и МЕ. Тем не менее исследователи указывают на определенную временную дистанцию между написанием миней и МЕ. Б. И. Осипов делает предположение, что «между минеями 1095–1096 г. и Милятиным евангелием прошло чуть больше 30 лет — срок, вполне мыслимый для деятельности одного и того же писца» [Осипов, с. 157]. Многочисленные покаянные записи, оставленные Домкой на полях сентябрьской Минеи 1095–1096 г., по замечанию Е. В. Ухановой, говорят о том, что «книга была если не первой, самостоятельно созданной писцом, то одной из первых» [Уханова, с. 224]. Участвуя в переписывании миней 1096 и 1097 г., Домка постепенно накапливает опыт книжного письма. И, наконец, МЕ было написано Домкой, уже имеющим значительный писцовский опыт (возможно, около 30 лет). Эта ситуация позволяет проследить, как соотносятся орфографические навыки одного и того же писца в самом начале его деятельности и в тот период, когда писец уже имеет значительный опыт переписывания.

Показательной, на наш взгляд, является разница в оформлении флексии тв. падежа ед. числа существительных м. и ср. рода. Анализ написания данной флексии в минеях 1095–1097 г. и в МЕ показывает, что писец Домка, первоначально бессистемно употреблявший варианты написания окончания, вырабатывает ко времени переписывания МЕ собственную оригинальную систему их распределения.

Общей чертой оформления окончания тв. падежа ед. числа существительных м. и ср. рода в минеях можно назвать преобладание написаний **-]vм/-mvм** для всех типов склонений. Другие варианты написания **(-]v], -mv], -tv]** / **-tvm, -jvм/-jv]**) в отдельных случаях могут использоваться также независимо от типа склонения. «Болгарские» варианты используются как дублеты для «русских». При их спорадическом применении Домка только в мине 1095 г. пытается ориентироваться на фактор грамматического рода (при одном исключении все примеры — в словах ср. рода [Корнеева-Петрулан, с. 16–17]). Других следов упорядочивания употребления книжных вариантов флексии, по нашим наблюдениям, не представлено [Комарович, с. 39; Обнорский, с. 193]. Можно отметить также, что начинаяющий писец не решается отказаться от авторитетного книжного варианта написания, хотя и не применяет его последовательно, в мине 1097 г. несколько чаще, чем в двух предшествующих.

Данные МЕ показывают, что к моменту написания этого памятника Домка по-прежнему сохраняет «болгарские» варианты в своей орфографии. Но в отличие от миней в евангелии он уже пользуется вполне определенным критерием, распределяя по нему варианты написания флексии тв. падежа ед. числа. Писец

находит достаточно твердую языковую привязку, позволяющую ему упорядочить систему написаний. Варианты *-jvm/-jv*] он закрепляет за существительными исконного склонения на **es*, вариант *-tv*] — за разносклоняемыми существительными, а варианты *-]vm/-]v]/-mvm* — за существительными склонений на **ō/*jō/*ī*. Кроме того, опираясь на факт омонимичности «болгарских» окончаний тв. падежа ед. числа и дат. падежа мн. числа, Домка изобретает квази-«болгарское» написание флексий тв. падежа ед. числа *-mv*] для тех типов склонения, в которых флексия дат. падежа мн. числа выглядит как *-mv*].

Сопоставляя систему написаний флексий тв. падежа ед. числа «раннего» и «позднего» Домки, мы видим, что она меняется в сторону большей упорядоченности. Варианты, находившиеся в орфографической системе миней в отношениях свободного варьирования (с «русским» вариантом, предпочтительным во всех позициях, а «болгарским» — как дополнительным маркером книжности), в системе МЕ вступают в отношения дополнительной дистрибуции.

Литература

- Комарович В. Л. Язык Октябрьской Минеи 1096 г. // Изв. ОРЯС. 1925. Л., 1926. Т. XXX. С. 24—44.
Корнеева-Петрулан М. Язык Служебной Минеи 1095 г. (редакция Н. Н. Дурново) // Русский филологический вестник. 1916. № 1—12. Т. LXXV. С. 1—42.
Обнорский С. П. Исследование о языке Минеи за 1097 г. Л., 1924.
Осипов Б. И. Мильтянино евангелие: датировка, графика, орфография, пунктуация // Фонетика и письмо. Устинов, 1986. С. 145—158.
Уханова Е. В. О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в. // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 204—237.
Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. — новгородский монастырь св. Лазаря // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 52—63.

Л. В. Мошкова (Москва)

К «ПРОБЛЕМЕ ХРИСТОФОРА» — КНИГОПИСЦА И НОТАРИЯ¹

Палеографический анализ рукописей первой трети XV в., связанных с Кирилло-Белозерским монастырем, позволил А. А. Турилову с высокой степенью надежности выделить (и разделить) почерки двух книгописцев: Христофора I («ученика чудотворца») и Христофора II («смиренного») (см.: [Турилов, с. 373—389]), живших и работавших в одно время. Однако, по справедливому замечанию исследователя, определить, кто из них был учеником прп. Кирилла и стал третьим настоятелем обители, «без дополнительных свидетельств невозможно» [Турилов, с. 379].

Среди актов, относящихся к землевладению Кириллова монастыря в Белозерском уезде, хранятся 2 написанные разными почерками грамоты, в которых указано, что их писал чернец Христофор². Следовательно, известное нам число Христофоров рискует увеличиться до 4, что следует признать крайне маловероятным³.

Первая из указанных грамот (№ 714) вызывает некоторые сомнения в датировке, следующей из ее содержания. Хотя в тексте сказано, что грамота дана «в дом пречистой Богородицы Кирилу игумену и его братье», почерк заставляет усомниться в том, что она написана не позднее 1427 г. Почерк грамоты — достаточно беглый канцелярский полуустав, и его следует отнести скорее ко второй половине столетия, хотя общий вид документа (прежде всего, формат) вполне соответствует актам первой половины XV в. К сожалению, никаких следов филиграны на этом небольшом кусочке бумаги нет, поэтому предложенная датировка нуждается в дополнительном обосновании (в первую очередь, сравнительном анализе сетки и теста бумажного листа). Пока же автор данной работы считает грамоту копией, сделанной в монастыре позднее (вероятно, вместо пришедшего в негодность оригинала)⁴.

Вторая грамота (№ 741), несомненно, представляет собой подлинный акт⁵. Она написана полууставом, который является вариантом книжного почерка. Бумажное тесто желтоватое с достаточно

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00063.

² РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Оп. 3. № 714, 741.

³ А. А. Турилов отмечал, что имя Христофор не относится к числу распространенных среди русского монашества, хотя не исключал возможности того, что в случае с Христофором I и Христофором II «речь действительно идет о двух соименных писцах» [Турилов, с. 379].

⁴ В издании данная грамота фигурирует как список XV в. (см.: АСЭИ. М., 1958. Т. II. С. 26 (№ 32)).

⁵ Хотя у издателей грамоты были некоторые сомнения в ее аутентичности (см.: Там же. С. 18 (№ 8)).

широкими вержерами и кручеными понтюзо, ширина которых не определяется (грамота сдублирована на бумагу). На просвет видны изогнутые линии, и если это части филиграны, то по рисунку и размеру они более всего напоминают собаку с висячими ушами. Подобный знак в альбомах Ш. Брике и Н. П. Лихачева датируется первой четвертью XV в., но особо следует отметить, что бумага с этим знаком использована в сборнике прп. Кирилла Белозерского⁶.

Следовательно, грамоту № 741 с полным основанием можно сравнить с образцами почерков Христофора I и Христофора II. Однако необходимо отметить, что сопоставляемый материал исходно подразумевает ряд довольно значительных отличий в начертках. А. А. Турилов (вслед за Г. И. Вздорновым) в качестве иллюстраций приводит преимущественно начальный лист списков Евангелия от Матфея [см.: Турилов, с. 380–382]. Но хорошо известно, что первый лист данного памятника писец выписывал особенно тщательно, и поэтому здесь его почерк наиболее аккуратен. Написание грамоты исходно не предполагало высокую степень каллиграфичности, а ее письмо по определению более беглое по сравнению с книжным.

С учетом указанных особенностей (в том числе «дрейфа» почерка в сторону делового письма) можно утверждать, что почерк писца грамоты № 741 чернече Христофора обнаруживает большее сходство начертков букв (например, В, Ж, У, Ч) с письмом Христофора I. Конечно, есть и отличия, из которых наиболее сильно бросается в глаза форма буквы З (в виде ломаной линии, низко спускающейся под строку). Возможно, данная манера написания была выбрана для своеобразного «украшения» текста⁷. В целом же по общему виду письма грамота № 741 ближе к атрибутируемой Христофору I Лествице и одной странице текста в так называемом Служебнике Сергия Радонежского⁸, которые написаны не столь торжественным почерком.

Косвенным свидетельством правильности сделанного отождествления является следующее. В АСЭИ опубликовано 6 грамот, написанных чернече Христофором⁹, из которых подлинной является только одна, рассмотренная выше (остальные дошли в копиях). Все эти грамоты относятся ко времени игуменства Кирилла. В более поздних документах Кирилло-Белозерского монастыря писец грамот чернече Христофор не встречается, но появляется игумен с этим именем¹⁰.

Литература

Смирнова Э. С. Искусство книги в средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 2011.

Турилов А. А. К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (проблема Христофора) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. 373–390.

⁶ См.: Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003. С 8, 15, 429.

⁷ Хотя надо отметить, что в почерке Христофора I встречается несколько вариантов написания данной буквы.

⁸ Атрибуция А. А. Турилова; снимки см.: [Смирнова, с. 228–229; Турилов, с. 383].

⁹ АСЭИ. Т. II. С. 18, 24, 26–30 (№ 8, 25, 26, 32, 36, 41).

¹⁰ См.: Там же. С. 630.

A. Николова (Велико-Тырново)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ГРАФИЧЕСКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ: В ПОИСКАХ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Кроме стандартной двуеровой системы на Руси используются одноеровая (только с ъ) — насколько мне известно, только в списке Жития св. Кондрата конца X в. — и одноеревая (только с ю) графические системы. Не имея опоры в фонетической системе диалектов древнерусского языка, одноеровые системы не «прививаются» на древнерусской почве и быстро переходят в двуеровые. В так называемой некнижной, бытовой письменности на севере Руси представлено правописание только с ером, но совершенно не представлено такое, в котором оба фонетических эквивалента еров обозначаются буквой ю. Чем объясняется распространение одной из одноеровых систем и что является причиной нераспространения другой? В новгородской письменности используются и специфические системы, которые не известны в других регионах.

Самая характерная черта правописания новгородских грамот на бересте — смешение еров не между собой, а с соответствующими так называемыми гласными полного образования, то есть с **о** и **е**, **ъ**, во всех позициях, даже в абсолютно слабой. Признавая, исследователи вслед за издателем грамот признают это смешение графическим¹. Мои наблюдения в последние годы приводят к выводу, что причину такого «чисто графического» смешения надо искать в исходных графико-орфографических нормах, выявляя механизм их адаптации на севере Древней Руси с учетом естественного хода обучения грамоте — чтению и письму в новгородской диалектной среде.

На базе установленных графических эффектов мне удалось выделить: 1) нестандартную систему без еров (*nSo*), гиперкорректную (*nSh*) без **о** и **е**, записи с графической дублетностью и переходные *nSo*, которые представляют собой одно и то же состояние системы — практически еры и соответственно **о** и **е** на письме не различаются или это довольно затруднительно; 2) специфическую, то есть нестандартную, новгородскую систему *nSIN*, по набору графем только с **ъ**, и переходную *nSIN~* к двуеровой. Учитывая время написания грамот с разными системами, можно предположить, что стандартная орфографическая система старается вытеснить самые частотные «орфограммы» двух нестандартных систем без еров и с одним ерем, притом с учетом определенных позиций в слове, часто с морфологической мотивировкой (записи Онфима (*B9*), Максима Онцифоровича (*G54*), Есифа Давидовича (*G10*)). Если причиной графического смешения в парах признать только фонетическое сближение еров с краткими гласными среднего подъема, то тогда следовало бы ожидать, что замещение будет происходить в **о д и н а к о в о м** **н а п р а в л е н и и** в обеих парах. Но поиски грамот с противоположными разнонаправленными заменами, то есть *o→ъ*, *ъ→e(ъ)*, показывают, что такая комбинация графических эффектов почти не встречается (всего две грамоты)! Интересен факт, что в целом замена *ъ→o* начинается раньше и независимо от замены в другой паре *ъ→e*; она распространяется и на надписи-граффити на стенах киевских храмов, и на актовые печати Киева и Новгорода, и на надписи на предметах и т. д. Такая графика напоминает графическую систему с одним ерем, но употребление этого еря не соответствует правилам обозначения двух еров одной графемой, известным на материале древнеболгарских и древнерусских памятников.

Из изложенного видно, что перед нами генерализация «бытовых» написаний, их превращение в системы, что приводит в некоторых случаях к радикальным изменениям орфографических правил. Стандартная одноеровая *S1* система (только с **ъ**) в одной рукописи и в грамотах используется до первой четверти XII в. Уже потом появляется стандартная одноеревая *S1* система (только с **ъ**) в рукописях, а в грамотах начинают распространяться нестандартная одноеревая *nSIN* система (только с **ъ**) и нестандартная безъеровая система *nSo*. Их параллельное распространение продолжается, включая период Г2 (ок. 1360 — 1400 г.). Стандартная одноеровая *S1* система (только с **ъ**), которая используется в берестяных грамотах, чаще всего ведет к стандартным морфологическим показателям (за небольшими исключениями грамот с новгородскими особенностями языка, часто исправляемыми). Если пишущий следовал говору диктующего (и его морфологическим показателям), но при этом под своим внутренним диктантом правильно ставил всегда **ъ** на месте еровых гласных, то он или был **н о с и т е м** **н е н о в г о р o д с k o g o** **g o v o r a** и в его собственном диалекте еровые гласные сближались, или его выучка на письме была сильнее внутреннего диктанта. Такими умениями, видимо, не могли похвастать пишущие в грамотах с отсутствием еров, которые, читая по одноеровым системам, должно быть, озвучивали их в соответствии со своим говором, а потом уже не знали, как расставлять графемы: один и тот же знак было трудно писать при разном звучании под внутренним диктантом. Можно задать вопрос, как прочитает этот текст Новгородского кодекса, например, носитель местного диалекта? И как, выучив его наизусть, запишет под внутренним диктантом?

Именно компромиссным вариантом приспособления одноеровых систем являются новгородская нестандартная одноеревая *nSIN* система с заменой всех *e*-гласных на **ъ** (*e→ъ* при отсутствии **ъ**, то есть при *ъ→o*) и нестандартная безъеровая *nS0* система с заменой всех еров на графемы **о** и **е** или их полной дублетностью в употреблении.

¹ Для описания специфических орфографических систем новгородских берестяных грамот выделяется стандартная двуеровая система, обозначаемая *S*. Безусловно, выбор единой стандартной двуеровой системы для удобства описания новгородских систем является необходимой абстракцией в целях лингвистического описания и дает реальные результаты. Но автор этой работы ставит перед собой следующий вопрос: не является ли в равной мере практическая проявившаяся в грамотах одноеровая система (только с **ъ**) тоже стандартной как одна из кириллических письменных традиций, перенесенных на Русь с крещением (а одноеревая (только в **ъ**) — в рукописях)?

М. О. Новак (Казань)

ФУНКЦИИ ЦИТАТ ИЗ АПОСТОЛА В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА ГРОЗНОГО

Ниже рассматриваются особенности цитирования Деяний и Посланий апостолов в посланиях Ивана Грозного в рамках изучения влияния, оказанного данным корпусом новозаветных текстов на русский литературный язык в целом. Наибольшее число цитат выявлено в посланиях, посвященных вопросам христианской этики и догматики (послание в Кирилло-Белозерский монастырь, ответ Яну Роките) либо утверждению авторитета царской власти (послания Андрею Курбскому)¹. Цитаты с отсылкой к источнику имеют характер аргумента: в ответе Яну Роките они являются основным инструментом богословской дискуссии, в первом послании Курбскому и в послании в Кирилло-Белозерский монастырь задают этический образец, положительный или отрицательный: «Яко рече избранный сосудъ апостолъ Павель, ко евреомъ пиша, глаголет: “Бысть убо яко младенцы умом и бысть требующе млека, а не крѣпки пища. Всяк убо причащаясѧ млецъ, младенец убо есть, неискусен слову”» (ответ Яну Роките) — ср. Евр 5: 12—13: и бысте тѣбогѹюще млѣка, а нѣ крѣпки пища. всѧкъ бѡ прічащаисѧ млѣцъ, неискѹсень словоу правдѣ, младенец бѡ есть (ТСЛ № 71. Л. 393); «Почто же апостола Павла презр лъ еси, якоже рече: “Всяка душа владыкамъ превладѣющимъ да повинуется; никоя же бо владычества, яже не от Бога, учненна суть: тъмъ же противляясѧ власти Божију повелѣнию противится”» (первое послание Курбскому) — ср. Рим 13: 1—2: Всѧка душа влѣкамъ прѣвлаодающимъ да повиноуетса: нѣ бѡ влѣчество аще не ѿ вѣга. соѹща же влѣчество, ѿ вѣга оѹчинена соѹть тѣмже противлямися влѣости, бж҃ио повелѣнию противляется (ТСЛ № 71. Л. 234 об. — 235); «Да како апостолово слово: “Нѣсть еллинъ и скифъ, рабъ и свободъ, вси едино есте о Христѣ”»?» (послание в Кирилло-Белозерский монастырь) — ср. Кол 3: 11: идѣже нѣ єльлинъ, и югдѣи... вѣрвартъ, и скѹѳъ, рабъ и свободъ. но вслическаа и въ всѣхъ ѿс (ТСЛ № 72. Л. 248 об.).

Приемы отсылки к источнику достаточно разнообразны. Если в первом послании к Курбскому преобладают традиционные для древнерусской книжности формы глаголов речи («якоже рече апостолъ», «апостолу вопиющу», «апостолу Павлу глаголющу», «якоже рече писание»), то в ответе Яну Роките налицо частое употребление формулы «пиша глаголет». Это обусловлено необходимостью строгой ссылки именно на написанный текст, поскольку Грозный дискутирует с представителем протестантизма, рассматривающим Библию как единственный источник Откровения. По той же причине именно в этом послании цитаты с отсылкой наиболее частотны. Вместе с тем ответ Яну Роките содержит цитаты, которые приводятся Грозным явно по памяти и не отличаются точностью, более того, объединяют апостольские максимы с евангельскими. Ср.: «А что в вашей странѣ дѣется о образѣхъ, и азъ о томъ глаголати не хощу... Яко рече божественный апостолъ Петръ в послании: “Судъ вашъ не укоснит, и огонь не угаснетъ”» — ср. 2 Петр 2: 3: идѣже сѹи искони не къснитъ · и погибѣль ихъ не възгрѣмлеть (ТСЛ. № 71. Л. 182). Появление в цитате образа неугасающего огня навеяно чтениями Мк 9: 44, 46, 48 — ср. в Острожской Библии: идѣже червь ихъ не оумираетъ, и огнь не оугасаетъ. Не исключено, что данное соединение чтений спровоцировано сходством синтаксической структуры в 2 Петр 2: 4 и Мк 9.

Цитаты с отсылкой у Грозного могут быть исключительно пространными (так, в первом послании Курбскому он полностью приводит 3-ю главу соборного послания Иакова и 11 стихов из 4-й главы), чего нельзя сказать о цитировании Евангелия или Псалтири: догматические и нравоучительные максимы Посланий более уместны в качестве цитат-аргументов, чем евангельские притчи и молитвословия псалмов.

Вместе с тем Грозный не менее часто использует краткие речения Апостола, в том числе грамматически преобразованные, как собственное слово (так, в том же послании выявлено 17 таких случаев, при 20 цитатах с отсылкой): «И аще бы мужъ браненоносецъ быль, не бы еси исчиталь бранные труды, но паче на преднейше простираль ся» (первое послание Курбскому) — ср. Флп 3: 13: զаднѣа օվбо զաբываа, въ прѣдніа же простираася (ТСЛ № 71. Л. 330); «...а онъ, поправъ священные обѣты и херотонию, иже со аггелы у престола Владычня предстояния, идѣже желаютъ аггелы приникнути...» (Там же) — ср. 1 Петр 1: 12: въշբѣстиша вами. благовѣствовавшиими вами ձխомъ стымъ посланыимъ съ нбесе, въ наложе желають аггелы приникнути (ТСЛ. № 71. Л. 169); «Надобе четки не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердецъ плотянь!» (Там же) — ср. 2

¹ БЛДР. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8867> (дата обращения: 15.04.2013); Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. Для отождествления цитат с источником используются цифровые фотокопии списков Апостола XVI в. из собрания Троице-Сергиевой Лавры (ТСЛ): Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Официальный сайт. Славянские рукописи. Главная библиотека (РГБ. Ф. 304.І). URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=1&gotomanuscript=70> (дата обращения: 16.04.2013).

Кор 3: 3: есте посланіе хво... написано не чръниломъ, но дхомъ бгъ жива. не на скрижалехъ камънныхъ, но на скрижалехъ срѣць плотънъ (ТСЛ. № 71. Л. 282 об.).

В некоторых случаях Грозный намеренно помещает образные выражения из Послания в новый контекст, создавая свежие метафоры. Особенно интересно в этом отношении вышеприведенное чтение из послания белозерским монахам: если апостол сравнивает своих духовных чад с письмом, написанным на «скрижалях сердца», то русский царь предлагает нетривиальное переосмысление, сопровождаемое метонимическим переносом, согласно которому на сердечных скрижалях должны присутствовать «четки», то есть молитва.

М. П. Одесский (Москва)

К ИСТОРИИ РУССКОЙ ДРАМЫ И ТЕАТРА В ПРАВЛЕНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

В 1676 г. деятельность придворной труппы царя Алексея Михайловича под управлением пастора И. Г. Грегори и его продолжателей была, как известно, прекращена 16-летним Федором Алексеевичем: в январе умер его отец, а 15 декабря новый царь указал «всякие комидийные припасы — все свезть на двор, что бывал боярина Никиты Ивановича Романова»¹.

Разумеется, этот указ можно отнести на счет юности царя и просто увязать прекращение деятельности придворного театра с опалой главного куратора — боярина А. С. Матвеева. Однако в отказе от театра можно увидеть и эстетический компонент. Действительно, царя Федора Алексеевича никак нельзя отнести к противникам культурного проекта Алексея Михайловича. Ведь Симеон Полоцкий — бывший наставник царя — свободно включил в панегирический сборник «Рифмологион» обе свои пьесы, да еще и драматизированные декламации. Федор Алексеевич продолжил политику отца в вопросах религии (ее огосударствления) и культуры, но проводил ее избирательно, строже придерживаясь взглядов Симеона Полоцкого, что предполагало установку на ученость и «регулярную» пристойность. В украинском историческом сочинении начала XVIII в. — «Летопись Самовидца» — неизвестный автор весьма показательно оплакал смерть Федора Алексеевича: «Месяця мая государ цар московскїй и всяя Россїи Феодор Алексеевич помер з жalem усего християнства в молодих летех, который великую любов до нашего народу мел, бо и набоженства на Москве нашим напевом по церквах и по монастырях отправовати приказал, и одежду московскую отменено, але по-нашому носити позволил»².

В том, что касается светской драмы и театра, Федора Алексеевича и Симеона Полоцкого могли отвращать натурализм и экспрессивность постановок Грегори, унаследованные от «английской драмы» и нарушающие «пристойность». В «Предисловии» к «Артаксерксу действу» Грегори так — в духе «барочной» переменчивости — формулировал основную идею пьесы: «Сице пременяется счастье не без Божия смотрения: / Бог есть, иже устремление, счастье вспять возвращает»³. Близкая формула содержится в «Предисловии» к другой пьесе Грегори — «Иудифь»: «...изъяснится в комедии сие, объявляя, яко Бог наш чудесно в старинной земли хранит благочестиво и безопасно и как пременяет печаль зелну в счастье...»⁴.

Эзвучит «пристойно» и весьма возвыщенно, однако в Дворцовых разрядах за 1674 г. — бюрократической версии театральных интересов Алексея Михайловича — содержание обеих пьес получает неожиданно грубоватую расшифровку: «Того же года была у великого государя, в селе Преображенском, комедия и тешили его иноземцы, “как Аллаферна царица царю голову отсекла”... Того же году, в том же селе Преображенском, другая комедия... “как Артаксеркс велел повесить Амана, по царицыну челобитью и по Мардахеину научению”»⁵. Все это едва ли вписывалось в эстетическую систему Симеона Полоцкого⁶.

¹ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПБ., 1871. Ч. 1. Приложения. Дела Аптекарского приказа. № 2. С. IV.

² Цит. по: Літопис Самовидця // Хрестоматія давньої української літератури: Дoba феодалізму / Упорядк. О.І. Білецький. Київ, 1952. С. 288.

³ Первые пьесы русского театра / Под ред. А. Н. Робинсона. М., 1972. С. 105.

⁴ Там же. С. 351—352.

⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1131—1132.

⁶ Ср. также критические выступления старообрядцев против сценических экспериментов двора в 70—80-х годах XVII в. [Демкова, с. 277—304], которые, к сожалению, обделены вниманием историков драмы и театра и на данный момент не поддаются ясному комментированию, но которые необходимы для восстановления истории драмы в правление Федора Алексеевича.

Итак, уже в начальной истории старинной драмы шла борьба не только сторонников и противников драмы и театрального искусства, но и приверженцев театрально-драматических систем⁷.

Литература

Демкова Н. С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998.

Одесский М. П. Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М., 2004.

⁷ О театрально-драматических системах конца XVII — XVIII в. см. подробнее: [Одесский, с. 7—15].

Т. А. Опарина (Москва)

СОЗДАНИЕ АНАФЕМАТИЗМОВ КАТОЛИКАМ И ПРОТЕСТАНТАМ: ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ И ИСТОЧНИКОВ

Несмотря на давнее противостояние восточного и западного христианства, развитие русского канонического права, регламентирующего взаимоотношения церквей, происходило крайне медленно. Основной акцент был смещен в сторону богословия. Полемическая антикатолическая, а затем и антипротестантская литература стала важнейшей частью русской мысли. В период каждого межконфессионального конфликта она расширялась, пополняясь за счет как новых переводных сочинений, так и русских оригинальных памятников. При этом чины приема в православие католиков сложились, очевидно, лишь со времени значительного присутствия инославных в русском обществе: времени Ливонских войн и их завершения. Важнейшей частью чинов стали анафематизмы¹.

Анафематизмы католикам и протестантам имели самостоятельное хождение в русской рукописной традиции. Известны два списка анафематизмов вне контекста так называемой Сводной редакции чиноприемов — РНБ. Соловецкое собр. № 1105/1214 (Требник, кон. XVI в., л. 1—12) и РНБ. Собр. Погодина. № 1596 (Сборник исторический-канонический, 80—90-е годы XVI в.). Во всех других рукописях анафематизмы присутствуют в составе Сводной редакции чиноприемов, представляя лишь один раздел памятника. Наличие анафематизмов отдельно от текста Сводной редакции показывает, что они могли распространяться в рукописях независимо от чиноприятий, что не исключает их более раннего появления.

Основным источником анафематизмов стал базисный для русской традиции текст «Об отпадении латин», имевший необычайно широкое распространение в православной традиции. Анафематизмы содержали основные пункты многовековой антилатинской полемики.

Наиболее вероятно, что создатель анафематизмов использовал вариант «Повести об отпадении», вошедший в Хронограф Русской редакции. «Повесть о латинах» присутствовала в Хронографе редакции 1512 г. в главе № 159 о византийских иконоборцах и проведении 7-го Вселенского собора. Царствование Константина и Ирины замыкало «Сказание о латынех, како отступиша от православных патриарх и извержени быша от первенства своего, от книг поменных, и о иконоборчих царех, в Константине граде царствовавших, еретицех»². После него в Хронографе была помещена статья «Слово о немецком прельщении, како научи их Петр Гугнивый ереси».

В одном из вариантов Хронографа, в списке Хронографа Досифея Топоркова, данный блок антилатинских сочинений был дополнен новым текстом — «О Мартине Люторе и о его ереси», в свою очередь восходящим к русским переводам Хроники Мартина Бельского. Самый ранний список статьи «О Мартине Люторе и о его ереси» относится к 60-м г. XVI в. [Анисимова, с. 183—187]. Впоследствии комплекс полемических разделов был включен в Хронографы редакций 1599 и 1601 г. [Творогов, с. 208, 230; Казакова, с. 128]. Именно статья «О Мартине Люторе и о его ереси» послужила источником реплики в адрес протестантов в анафематизмах. Анафематизмы католикам завершались бичующей фразой о протестантах. Во всех списках анафематизмов, в том числе в составе Сводной редакции, протестанты объединялись с католиками.

Дальнейшая история текста анафематизмов западным христианам, их редактирование и создание отдельных анафематизмов протестантам связана с их включением в Постановления Московского поместного собора 1620 г., опубликованные в Требниках 1624, 1639, 1651 г.

¹ Опубликовано по рукописи РНБ. Соловецкое собр. № 1105/1214: Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке: Историко-археологическое исследование. Казань, 1884. Ч. 1: Службы круга седничного и годичного и чинопоследования таинств. Приложение № 7. С. 89—100.

² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 22/1. С. 326.

Литература

Анисимова Т. В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. М., 1975.

E. B. Орлова, P. A. Симонов (Москва)

ТРУБЯЩИЕ АНГЕЛЫ, ВОЗВЕЩАЮЩИЕ О ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ И ПРОЦЕССАХ, В РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ

В средневековом искусстве (книжные миниатюры, иконы, росписи храмов) широко распространены образы ангелов, играющих на музыкальных инструментах: трубах, лирах, скрипках и др. Как правило, это связано с библейскими сюжетами. Тем не менее можно выделить изображения музенирующих ангелов, отражающие средневековые естественнонаучные представления. Следовательно, такие изображения могут рассматриваться в качестве источников по истории естествознания (и шире — истории науки). Основной корпус сведений по средневековой науке и природоведению представлен трудами ученых-естественноиспытателей того времени и философов. Но почти не были известны каналы «обратной связи», показывающие, что конкретно, в каком виде и объеме из достижений средневековой естественнонаучной и философской мысли усваивалось просвещенным и обыденным сознанием. Произведения средневекового искусства могут являться такого рода источниками. В этом заключается их уникальная ценность и для истории естествознания.

В качестве примера приведем недавно введенную в научный оборот миниатюру XVI в. «Зодиак. Ноев ковчег»: «В верхней части композиции изображена небесная сфера. В центре девяти ее окружностей, в белом круге, помещен схематический рисунок земли, над которой висит луна. Внешнюю оболочку неба в отдельных клеймах окружают знаки зодиака. Трубящие ангелы как символы ветров дуют с четырех сторон света. Вниз от небесной сферы простерта божественная рука, благословляющая ковчег, приставший к возвышающейся посреди беспредельных вод горе Араат» [Гордиенко, Семячко, Шибаев, с. 185]. Данное описание миниатюры в целях естественнонаучного рассмотрения необходимо дополнить фактом, что трубящие ангелы, расположенные у знаков зодиака Дева — Рыбы и Близнецы — Стрелец, образуют так называемый мутабельный крест. Причем эти ангелы у пары Дева — Рыбы, находясь у концов знаков, указывают на их 30-й градус. Данная миниатюра является источником, сообщающим о неблагоприятных последствиях природного катаклизма (Всемирного потопа), а именно: о возможности сумасшествий, ранений, онемений (30-й гр. Девы), о проявлении кичливого эгоизма, несдержанности и самомнения (30-й гр. Рыб). Трубящие ангелы у пары Стрелец — Близнецы расположены ближе к середине знаков, указывая на случаи насильственной смерти (24-й гр. Стрельца), трудную жизнь, большие неприятности из-за детей (23-й гр. Близнецов). Следовательно, можно заключить, что эта миниатюра отражала средневековые представления о катаклизме вселенского масштаба, о котором возвещали трубящие ангелы, и уточняла с помощью астрологии особенности этого катаклизма.

На миниатюре рядом со знаками зодиака даны особые обозначения «Д» и «З», исследователи интерпретировали их как цифры: Д = 4, З = 7. Но они не учли, что в славяно-русской письменной традиции с XV в. фиксируется также иная трактовка: Д = «добро», З = «зло», С = «средно» — для результатов прогнозируемых событий как благоприятных (Д), неблагоприятных (З) и неопределенных или промежуточных (С). В рассматриваемой миниатюре знак Стрельца охарактеризован словом «сред[но]»; наличие букв «Д» и «З» у других знаков зодиака выражает соответственно понятия «добро» (Д) и «зло» (З). В таком случае эти прогностические обозначения будут передавать качественную оценку событий, связанных с потопом, данную неким лицом, не позже XVI в. изучавшим миниатюру. Вместе с тем пример миниатюры Следованной псалтири XVI в. с трубящими ангелами показывает необходимость располагать знаниями о соответствующем средневековом историко-научном контексте, что, в свою очередь, подтверждает актуальность комплексного исследовательского подхода с учетом данных по математике и естествознанию.

Литература

Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибаев М. А. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки Ф.1.738. СПб., 2011.

Т. В. Панич (Новосибирск)

ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ В ЖИТИЙНЫХ ПАМЯТНИКАХ XV–XVII в.

В древнерусской литературе известны случаи, когда духовные завещания включались в жития завещателей, что отмечалось исследователями [Прохоров, с. 123; Каган-Тарковская, с. 129–131]. По большей части эта традиция касается завещаний церковных иерархов. Примером тому могут служить духовные завещания митрополитов Киприана, Фотия, Макария и патриарха Иоакима, присоединенные к их житиям или к жанрово близким им текстам агиографического типа.

Самое раннее из них по времени написания — Духовное завещание («Прощальная грамота») митрополита Киприана. Оно было присоединено с помощью связки («Бяше же таковая грамота писана сице») к «Сказанию вкратце о премудром Киприане, митрополите Киевском и всея Руси», которое представляет собой краткое жизнеописание святителя¹. По такой же модели построено и «Сказание о Фотии, митрополите Киевском и всея Русии», включающее его Духовное завещание². Здесь связь между текстами осуществляется не только за счет специально написанной вставки, но и за счет общих содержательных элементов: в «Сказании» описаны некоторые эпизоды и факты из жизни митрополита Фотия, упомянутые им самим в Завещании. Эти фактические и тематические переклички между текстами обеспечивают последовательность и целостность агиографического повествования.

Если завещания митрополитов Киприана и Фотия присоединены к их жизнеописаниям, то Духовное завещание митрополита Макария сопряжено с сочинением о его болезни и смерти — «Сказанием о последних днях митрополита Макария» («О немоющи и о преставлении и погребении Макария, митрополита всея Руси» — РГБ. Ф. 173.І. МДА. № 377. Л. 1–31 об.), которое по содержанию и стилистике представляет собой повествование агиографического типа; оно относится к тем сочинениям, которые предшествуют житию святого, являются первичным материалом для него [Ключевский, с. 221].

Традиция использования духовного завещания в агиографическом повествовании сохраняется и в XVII в. Это можно видеть на примере Духовного завещания патриарха Иоакима, которое было включено в состав его Жития³ в качестве одной из важных частей памятника. Сочинение играет значимую роль в идейной системе Жития. В заветах патриарха изложена идеологическая программа общественной и церковной жизни православного государства; тематически завещание тесно связано с другими текстами этого агиографического комплекса, добавляя новые штрихи к житийному образу Иоакима [Панич, с. 64–66].

Как показывает анализ привлеченных текстов, упоминание о завещании в каждом случае сопутствует рассказу о кончине церковного иерарха, оно включается в агиографическое повествование вслед за сообщением о его приготовлении к уходу из жизни или за извещением о его смерти и погребении. Иногда после завещания помещаются и другие сочинения, связанные с темой повествования (например, Завещание Киприана сопровождает небольшой ритмизованный текст, который содержит элегические размышления о смерти, быстротечности и призрачности земного бытия⁴, а за духовной патриарха Иоакима следует небольшой текст о его смерти и погребении и две эпитафии: «Стихи надгробные» и «Над гробом в таблице написано»⁵). Связь между сочинениями внутри каждого комплекса обеспечивают текстовые скрепы, тематическая близость, общность используемых агиографических мотивов и образов.

Каждый агиографический комплекс представляет собой логически выстроенное повествование, где духовное завещание, в котором зафиксировано прощальное слово церковного иерарха, выражает его последнюю волю, является неотъемлемой частью композиционной структуры текста и выполняет в нем определенную функцию. Нельзя не заметить, что по своему смысловому наполнению составленное перед кончиной духовное завещание (духовная грамота) соответствует традиционному элементу агиографической

¹ Нами используется текст, включенный в Степенную книгу (см.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: в трех томах. Издание подг. под руководством акад. Н.Н. Покровского. М., 2008. Т. 2. С. 108–112).

² Там же. С. 152–169.

³ Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима // Изд. ОЛДП. СПб., 1879. Вып. 47. С. 102–139.

⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. С. 111–112. Исследование данного «поэтического приложения» к Завещанию Киприана см.: [Прохоров, с. 123–150].

⁵ Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 139–148.

схемы — предсмертному прощанию и завещанию святого (речь идет об этикетной ситуации, когда житийный герой обращается с последним словом к своему окружению). В рассмотренных текстах духовное завещание выполняет функцию этого топоса. Оно включается в жизнеописание церковного иерарха, представляя собой документальное свидетельство его последней воли. При этом усложняется композиция сочинения, расширяются границы его смыслового пространства.

Литература

- Каган-Тарковская М. Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 122–132.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

Панич Т. В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.

T. B. Пентковская (Москва)

ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО В РУКОПИСИ BOZ 92: К ОЦЕНКЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ИСТОЧНИКА

Древнейший перевод Жития Василия Нового (далее – ЖВН) принадлежит к группе переводов домонгольского периода, лексический состав которых включает восточнославянские регионализмы при отсутствии маркированных южнославянизмов. Помимо ЖВН к этой группе относятся переводы Александрии, Истории Иудейской войны, Житие Андрея Юрдивого (далее – ЖАЮ), Пчелы, а также Повесть об Акиое Псемудоом и Чудеса Николая Миоликийского [Пичхадзе, с. 350].

Полные списки древнейшего перевода ЖВН относятся к XVI в. Это рукопись РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 162, которая представляет собой конволют ЖАЮ и ЖВН в старших переводах. Два других списка входят в мартовские тома, сохранившиеся в составе двух комплектов Великих Миней Четырех митрополита Макария — Успенского и Софийского. Текстологически все три списка ЖВН весьма близки между собой. В тех случаях, когда имеются расхождения, Егор. 162 объединяется с Соф., противопоставляясь Усп., в частности (на первом месте чтение Егор. и Соф., на втором — Усп.): пр̄є лицемъ его: пр̄є очи ма катà прόσωπου αὐτοῦ въ славѣ: отс. ἐνδόξως; ѿ перъстнъя земы: ѿ перъстнъя земнъя ἀπὸ τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς и пр. Сохранившиеся чтения ныне утраченного списка Нилово-Столбенской пустыни XVI в. (№ 1 по каталогу А. Е. Викторова) позволяют объединить эту рукопись в одну группу с Егор. 162 и Соф. Эта группа рукописей происходит из северо-западного региона (Соф. представляет собой часть комплекта ВМЧ, предназначенного для Софийского собора в Новгороде; в Егор. 162 отражается цоканье и другие северо-западные диалектизмы). ЖВН в Усп. комплекте зависит от текста в Соф., отражая в ряде случаев лишь незначительную правку, направленную на окнажнение текста: мѹньшєе браннци: юнъншаа одежда χλαινας θεουφάιтоς. Таким образом, практически все дошедшие полные списки древнейшего перевода ЖВН связаны с русским северо-западом и представляют собой довольно компактную в текстологическом отношении группу, при том что совокупность лексико-грамматических данных не позволяет связать архетип этого перевода с северо-западной диалектной зоной.

Значительная часть древнейшего перевода ЖВН (Видение Григория о Страшном суде, с заголовком «Житие св. отца Василия Нового черноризца. Видение и откровение ученика его Григория о втором пришествии Христове» и особым вступлением к этому большому видению) находится в составе сборника апокалиптических сочинений и апокрифов конца XV – начала XVI в., хранящегося в Варшавской Национальной библиотеке (BOZ 92). Во второй половине XVI в. рукопись подверглась частичной перекомпоновке и фрагмент ЖВН, занимавший, возможно, начальное положение, был переставлен в другое место [Щапов, с. 40–43; Stradomski].

Текст Видения в BOZ 92 снабжен заголовками, отсутствующими в других рукописях (например, грѣ єгоже вндѣ григоріен л. 126; в англѣхъ л. 131, въ окончѣнїи мѣтвѣ л. 133 и т. д.). Они не находят опоры в греческом тексте Dionisiou 187, наиболее близком к первому славянскому переводу.

Сопоставление текста BOZ 92 и Егор. 162, предпринятое Я. Стадомским, позволило выявить значительный фрагмент, который имеется в BOZ 92 на л. 141–143 и отсутствует в других рукописях (єлнкъ нхъ ндѡлѡ нѣ послажднша ѿ авраама даже до скончанїа всего мнра... н покры внднмое се ^{утне}

значимое упомянутого крата и пурж на многъ чада [Stradomski]. Этот фрагмент имеет соответствие в Dionisiou 187. Он содержит характерное для восточнославянских переводов словоупотребление синь ‘черный’: лнца синь меланя та просьшта (оно неоднократно встречается за пределами этого фрагмента ЖВН, а также в ЖАЮ, ср. еще синьца ‘бес’ в ЖВН и в ряде других домонгольских переводов [Молдован, с. 97; Пичхадзе, с. 129]).

Другие расхождения между BOZ 92 и Егор. 162 могут быть разделены на две группы. В первой из них Егор. 162 отражает особенности архетипа перевода, соотносясь с греческим текстом Dionisiou 187: *τὸν δὲ βούλαμον τὸ μέγαν οὐδεποτε πληρωθεῖσαν τὸν τόπον τοῦτον ἀποκαλεῖται*. В другой группе, напротив, BOZ 92 содержит первичные чтения: *βούλαμον τὸν τόπον τοῦτον ἀποκαλεῖται*.

Большая часть рукописей XV–XVII в. из собрания BOZ была создана на территории юго-восточной и восточной части Польши или же на территории соседних с ней районов Украины и Белоруссии [Щапов, с. 7], так что данные BOZ 92 позволяют реконструировать иную, неновгородскую ветвь текстовой традиции древнейшего перевода ЖВН.

Литература

- Молдован А. М. Житие Андрея Юрьевича в славянской письменности. М., 2000.
Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
Щапов В. Я. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. I.
Stradomski J. Rękopisy i teksty. Studia nad cerkiewnosłowiańską kulturą literacką Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony Polskiej do końca XVI wieku (в печати).

М. В. Первушин (Москва)

«СМИРЕННОГО ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ»: АВТОР И ЕГО ГЕРОЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИБЛЕЙСКОЙ НARRATОLOGИИ

«Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» дошло до нас в единственном списке второй половины XVI в. О его авторе, иноке Фоме, кроме имени и общественного положения ничего более не известно. Из текста «Слова» становится ясно, что автор был близок к князю Борису, хорошо знаком с его двором и, скорее всего, занимал должность придворного летописца или княжеского биографа. Цель написания «Слова» — прославить тверского князя: «И аз же иного не имам чим чтити его, но разве пишу добрая его доляния». Причин появления памятника Фома перечисляет множество, но все они сводятся к одной: каждый из прежних летописцев «величал своего царя... кольми паче и мы должны величати своего государя, великого князя Бориса Александровича, но сей бо есть нашего града похвала»¹. Большинство исследователей этого произведения считали, что Фома, прославляя князя Бориса, стремился к удовлетворению политических амбиций Твери. Безусловно, нельзя исключать политические цели автора, но вместе с тем те избранные княжеские добродетели, на которых останавливает свое внимание инок, не совсем обычны для традиционного княжеского панегирика, призванного удовлетворить политические амбиции, даже несмотря на то что автор показал себя весьма начитанным. Те заимствования, которые есть в изучаемом памятнике, совершенно не умаляют авторской самостоятельности.

Методы использования Фомой библейских цитат также отличаются от сложившейся нормы в древнерусской книжности. Фома с виртуозностью софиста использует нейтральный (или же отвлеченный от основной темы повествования) библейский текст для иллюстрации (даже не доказательства или подтверждения) своих утверждений, а для красного словца, не используя идею (смысл, замысел) библейского отрывка. Подавляющее большинство библейских цитат посвящено у Фомы обоснованию радости, которую вызывает у всех князь Борис:

«И како сбыстся Писание пророком Давыдом, глаголющим: “И иже в отец твоих быша сынове твои” (Пс 44: 17), и сий бо великий князь Борис Александрович, на отчию престолъ Богом утверждаем» (С. 72).

«Пишет бо в Бытии но рече: “Благословен Бог Симов” (Быт 9: 26). И аз рку: “Благословен Бог великого князя Бориса Александровича...” И паки но рече: “Распространит Господь Афета, и вселиться села Симова” (Быт 9: 27). И аз же о сем рку: “Распространил Бог языцы людийстии на земли, и вселившаяся в села великого князя Бориса Александровича”» (С. 82).

¹ БЛДР. СПб., 2005. Т. 7. С. 90 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

«И то и како о нем пытаем или от къих книг сия пишем, и якоже пред рекохом: не от къниг бо, но от строения (то есть строительной деятельности Бориса. — М. П.) самого того государя. Якоже есть писано: “Всяко бо древо от плода познано будетъ” (Мф 12: 33)». Причем для большей убедительности, понимая, что евангельская цитата имела исключительно нравственное приложение, Фома добавляет цитату из святых отцов: «И аз приими слово святого Дионисия Ареопагита, но якоже полѣно есть всяко здание градское человекомъ» (С. 100).

Сам инок Фома предстает в «Слове» человеком стяжательным, расчетливым, домовитым. Это сказывается на том, как раскрывается в «Слове» смиренного инока княжеский образ. Главная идея инока Фомы заключается в том, чтобы показать, что у всех, кто сталкивается с Борисом (даже у неприятеля), он вызывает одно всеобъемлющее чувство — чувство радости. Фома постарался показать, как «веселятся люди» Борису, сколько радости он всем доставляет, а радость, согласно домовитому Фоме, состоит в основном в удовлетворении материальных запросов. Причем Фома явно попытался поставить зависимость в программной цитате из библейской книги Притч Соломона: «Елма преподобному и похваляему възвеселяться людие» (ср.: Притч 29: 2) не только прямую — «праведному возвеселятся люди», но и обратную — если люди веселятся кому-то, то он праведен.

«Слово» инока Фомы дает нам представление, во-первых, о самом иноке как человеке, во-вторых, показывает то впечатление, которое хотел произвести на читателя автор «Слова» личностью тверского князя Бориса. Вместе с тем все подробности повествования дают нам возможность живо чувствовать, как отражалась деятельность Бориса Александровича в умах его современников. «“Слово” рассчитано на недоверчивого читателя. Автор в полемическом тоне обращается к скептикам “ненаказанным”, подчеркивая, что был “самовидцем” описываемых событий». Такая настойчивость Фомы в утверждении праведности Бориса может быть объяснена только тем, что у современников князя сомнения в его праведности все же были. Главная цель произведения перемещается с политической причины на нравственную. Отчасти это объясняет, почему же «Слово» было забыто даже в Тверской земле.

B. B. Перхавко (Москва)

ЛЕГЕНДАРНАЯ ВЕРСИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЮРИКА ИЗ ПРУССИИ

В эпоху Василия III, а точнее, в 10-х — начале 20-х г. XVI в. один из русских книжников составил «Сказание о князьях владимирских». Оно включает предание, выводящее истоки династии Рюриковичей от самого римского императора Августа через его родственника Пруса, якобы переселившегося из Рима на побережье Балтийского моря и ставшего родоначальником древних пруссов. От мифического Пруса будто бы и происходил легендарный Рюрик, которого и призвали из Пруссии к себе княжить в IX в. новгородцы по совету старейшины Гостомысла.

Одна из редакций «Сказания» помещена в Медоварцевском сборнике (БАН. Архангельское собр. № 193, конволют), создание которого датируется разными исследователями 1527 г., между 1509 и 1521 г. либо до 20-х годов XVI в. В ней повествуется, как римский император Август «Пруса, сродника своего, постави въ брезех Вислы реце въ град г[лаго]лемыи Марборокъ и Торунь и Хвойница и пресловыи Гданескъ и иных многих градовъ по ръку, г[лаго]лемую Нъмонъ, впадшую в море». Позже, по совету воеводы Гостомысла, новгородцы « shedше в Прусскую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римского Августа царя».

На чем же основана эта вымышленная книжная легенда о призвании варяга Рюрика из Пруссии? Почему именно Пруссия была избрана в качестве родины Рюрика, пришедшего, согласно ПВЛ, из-за моря, от «Варягов»?

Автор этой легендарной версии, по-видимому, выполняя поручения московского великого князя, приезжал в Пруссию, принадлежавшую Тевтонскому ордену, с которым в конце XV — начале XVI в. Москва поддерживала оживленные контакты. В дипломатических материалах не раз упоминаются прусские города, фигурирующие в «Сказании о князьях владимирских». Направляя 22 декабря 1489 г. в Польшу Г. А. Путятину, Иван III велел своему послу «что за Казимиром за королем полским, Прусская земля, Гданеск да Хвойницы, да Турун и иные города, ино о том пытати». Информацию на этот счет

великий князь Московский получил 26 ноября 1492 г. от посла императора Максимилиана Габсбурга Георга фон Турна: «...Вещает величеству твоему, что в прешедшие лета король польской изневолил чин Святыя Богородицы Данеск (Гданьск) и Дорн (Торунь), иные мнози грады за отлучение их mestера Пруссского к нему».

Причем в первые десятилетия после ликвидации новгородской независимости государь всея Руши поддерживал отношения с балтийскими странами (в том числе с Тевтонским орденом) при посредничестве великокняжеской администрации Новгорода. В прусских владениях не раз бывали в XIV–XV в. и новгородские купцы, привозившие туда пушнину и другие товары. Последний великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский из династии Гогенцоллернов (1511–1525 г.) возлагал большие надежды на союз с Россией, ее денежную и военную помощь в борьбе с Польшей. Посещение Кёнигсберга посольствами московского великого князя Василия III в 1517–1520 г. оставило след и в истории Королевского замка, в котором имелся «зал московитов».

Русские дипломаты в конце XV – начале XVI в. ездили в Кёнигсберг через Ригу, Гробин, Мемель (Клайпеду) и Лабиау (совр. Полесск). Посещая земли древних пруссов, один из них обратил внимание на сходство ряда географических названий в Пруссии и Новгородской земле. Правый (северный) рукав Немана, начинаящийся в 2 милях ниже Тильзита (совр. Советск), недалеко от впадения реки в Куршский залив, издавна именуется Русс; неманские лоцманы его называют также Руслыни, а литовцы – Руслынит (от литовского слова *rūs*, означающего ‘впадина, русло реки, промоина’). Нижненеманский рукав Русс, впервые упоминающийся в «Хронике земли Прусской» 1326 г. Петра из Дуйсбурга (Дусбурга), обозначен также на польской карте Ваповского 1526 г. и в атласе Ортелиуса (Антверпен, 1595 г.). На нем расположено местечко с одноименным названием – Русс (совр. Русне, Литва), известное с XVII в.

Подтверждение выдвинутой гипотезы содержится в редакции 1579 г. Жития Антония Сийского, автором которой является царевич Иван Иванович – старший (не считая умершего во младенчестве Дмитрия) сын Ивана Грозного. В одном из вариантов пространного заглавия Жития указывается: «Преписано бысть сие во царство благоверного и христолюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича Всея Русии самодержца... колена Августова, от племени варяжского, родом русина, близъ восточныя страны, меж предел словенъскихъ, и варяжскихъ, и агарянскихъ, иже нарицается Русь по реке Русе».

Наименования «prusсы» и «Пруссия» сходны по звучанию с названиями «руssы», «Русь», а также топонимами, которые встречаются в районе Великого Новгорода: Руса (совр. Старая Русса), река Поруссъя, Прусово, Прусская улица и др.

К созданию легендарной версии о происхождении Рюрика из Пруссии («prusской Руси») мог быть причастен русский дипломат Дмитрий Герасимов (ок. 1465 – ок. 1535/1536), живший в Ливонии и Новгороде Великом, посещавший земли Тевтонского ордена и знавший местную топонимию.

A. B. Пигин (Петрозаводск)

ЛЕСТВИЦА ИОАННА СИНАЙСКОГО КАК ИСТОЧНИК ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА ОШЕВЕНСКОГО¹

Александр Ошевенский (17.03.1427–20.04.1479), в миру Алексий, – святой преподобный, основатель Никольского Александро-Ошевенского монастыря недалеко от Каргополя. Житие Александра Ошевенского (далее – ЖАО) было создано в 1567 г. постриженником этого монастыря иеромонахом Феодосием. Оно сохранилось в большом числе списков XVI–XIX в. (сегодня известно около 90 списков) и в нескольких редакциях, наиболее ранними из которых являются Пространная и Основная. Вопрос о соотношении этих редакций рассматривался Т. Б. Карабасовой, которая пришла к предварительному выводу о первичности Пространной редакции [Карабасова, с. 93–95].

Литературные источники ЖАО были установлены И. Яхонтовым [Яхонтов, с. 88–110]. Согласно его наблюдениям, ЖАО является компилятивным сочинением, составленным на основе житий

¹ Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета 2012–2014 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

Александра Свирского (из него сделаны наиболее пространные выписки), Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Антония Римлянина, Сергия Радонежского. Значение выводов, к которым пришел исследователь, несколько снижается тем, что он пользовался текстом не Пространной, а более краткой Основной редакции ЖАО (РНБ. Соловецкое собр. № 992/1101, XVII в.), умаляя литературную и историческую ценность памятника, прямым заимствованием из перечисленных житий считал не только дословные большие выписки, но и отдельные стилистические формулы, которые в действительности составляют общий фонд русской агиографии (топику).

Изучение Пространной редакции ЖАО (ГИМ. Собр. Барсова. № 783, XVI в.) позволило дополнить выводы И. Яхонтова. Кроме северорусских житий, к числу основных источников ЖАО следует отнести Лествицу Иоанна Синайского — одно из самых авторитетных у православных славян переводных византийских сочинений (VI—VII в.) (см.: [Попова]). Списки Лествицы имелись в библиотеке Александро-Ошевенского монастыря в XVI в.: по крайней мере, один из них, изготовленный монахом этого монастыря Ионой Мошенниковым, сохранился до наших дней (РНБ. Соловецкое собр. № 293/313, XVI в.).

В Пространной редакции ЖАО установлено пять цитат из Лествицы, в двух случаях с прямым указанием на этот источник. Первая цитата приводится в главе о детстве святого: «Яко же Иоанн Лествичник в своих писаниях рече: “Сердцу веселящуся, цветет лицо”» (Лествица, ст. 30, гл. 17). С помощью этой цитаты Феодосий передает состояние божественной радости, которую испытывает отрок Алексий после молитвы о даровании ему «разума о всем» и «некоего Божиего явления». Цитата восходит к Священному Писанию (Притч 15: 13), однако Феодосий заимствует ее из Лествицы. Еще одна краткая цитата, уже без ссылки на источник, содержится в рассказе о предчувствии св. Александром смерти: «Писано бо есть: “Въздыхание убо и скорбение вопиют ко Господу, а яже от страха слезы та молят Бога”» (Лествица, ст. 7, гл. 7).

Особый интерес представляют более пространные извлечения из Лествицы, которые вкладываются в уста игумена Кирилло-Белозерского монастыря, где принял постриг св. Александр. Еще до пострига, а также позднее, во время иноческого служения в этом монастыре, Александр несколько раз обращается к игумену с просьбой о духовном наставлении. Его беспокоит судьба родителей: до пострижения он боится опечалить их своим уходом из мира, а после принятия иночества просит игумена дать ему благословение навестить их. Игумен оба раза пытается укрепить Александра в мысли о необходимости для инока полного отказа от общения с родителями. Он приводит притчу из Евангелия от Луки о званных на пир (Лк 14: 16–24) — этот фрагмент перенесен Феодосием из Жития Александра Свирского. Однако тема аскетического отвержения мира значительно усиlena в ЖАО по сравнению с этим Житием благодаря включению выписок из Лествицы: «Добро есть опечалити родителя, а не Бога... Любовь Божия отрази любовь родителей...» и далее; «Многажды же и Сам Господь нашъ по плоти родителя оставил...» и далее (Лествица, ст. 3, гл. 12–16, 22).

Еще раз игумен Кирилло-Белозерского монастыря ссылается на Лествичника, пытаясь остановить Александра в его стремлении покинуть монастырь и безмолвствовать в пустыни в одиночестве: «Яко же Иоанн Лествичник в своих писаниях глаголет: “Единому горе, — рече, — яко аще впадет во уныние, или сон, или разлечение”...» и далее (Лествица, ст. 1, гл. 26).

Из дальнейшего повествования следует, что Александр как будто нарушает все эти заповеди: он покидает Кириллов монастырь, встречается со своими родителями и создает собственную обитель в непосредственной близости от их дома, на другом берегу реки. Но, живя рядом со своими родственниками, постоянно общаясь с ними и претерпевая от них обиды, Александр вместе с тем строго соблюдает монашеский обет, оставаясь «уединен на месте том». Этот странный на первый взгляд парадокс имплицитно, на символическом уровне текста разрешается благодаря аллюзиям еще к одному литературному источнику — Житию Алексия человека Божия. Но это уже тема отдельного исследования.

Литература

Карбасова Т. Б. О Пространной редакции Жития Александра Ошевенского // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 года. Новгород, 1997. С. 93–95.

Попова Т. Г. Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского. Северодвинск, 2010.

Яхонтов И. Жития св. северорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.

Д. Г. Полонский (Москва)

ПОЧЕМУ КИЕВСКИЙ МОНАХ ФЕОДОСИЙ ГРЕК ПЕРЕВЕЛ ПОСЛАНИЕ
РИМСКОГО ПАПЫ ЛЬВА ВЕЛИКОГО?

(К проблемам мотивации книжника и датировки восточнославянского памятника XII в.)

Вопрос о причинах, обусловивших появление славянского перевода послания римского папы Льва I Великого (ок. 390–461 г.) к константинопольскому архиепископу Флавиану о соединении божеского и человеческого естества во Христе, остается одним из наиболее дискуссионных в историографии, посвященной этому догматическому посланию, переведенному с греческого языка в Киеве в XII в. Факт осуществления перевода, выполненного киевским книжником Феодосием Греком, еще в 40-х годах XIX в. на основании изучения комментариев переводчика был обосновано связанным первым исследователем памятника О. М. Бодянским с поручением, данным Феодосию внуку великого князя Киевского Святослава Ярославича, Святошей Давидовичем (ок. 1080 — ум. после 1142/1143 г.), постригшимся в 1106/1107 г. в Киевском Печерском монастыре и известным по сказаниям Киево-Печерского патерика под именем Николы. О. М. Бодянский изучал перевод Феодосия Грека по единственному известному в то время списку (ныне — ГИМ. Увар. 509). На сегодняшний день нами выявлены и систематизированы сведения о 36 списках славянского перевода, осуществленного Феодосием Греком. Как удалось установить, в XV–XVII в. памятник систематически включался русскими книжниками в уставные четви сборники (триодные и минейные Торжественники, Минеи четви на июль, реже — в сборник Златоуст) и неоднократно переписывался в монастырях Москвы, Новгорода, Переяславля-Рязанского, Пскова, а также на русском Севере и, в частности, под 16 июля был включен во все три комплекта июльских кодексов Великих Миней Четвых (РНБ. Соф. 1323, ГИМ. Син. 996, ГИМ. Син. 182), а в 1600 г. вошел в июльский кодекс Годуновских Миней четвых (ГИМ. Чуд. 316). В составе триодных Торжественников «епистолия» папы Льва встречается ранее, чем в других сборниках (уже в первой четверти XV в.), в минейных Торжественниках — на рубеже XV–XVI в., и лишь затем в первой четверти XVI в. памятник вошел в Минеи четви.

Выявленные обстоятельства распространения в послемонгольское время славянского перевода послания папы Льва I и бытования содержащих его текст рукописей, однако, лишь отчасти приближают к ответу на вопрос о причинах, побудивших в XII в. князя-иока Николу Святошу вдохновить Феодосия на перевод. Исследователи объясняли интерес инициатора перевода к папскому посланию принципиально различным образом: так, А. И. Соболевский полагал, что этот интерес был вызван контактами Николы Святоши с Римом [Соболевский, с. 97]; К. К. Акентьев, напротив, считал, что появление перевода было обусловлено контекстом антилатинской полемики на Руси в XI–XII в. [Подскальски, с. 518]; А. В. Назаренко предложил объяснение, согласно которому славянский перевод послания папы Льва I был создан вследствие сложных отношений князя-иока «со средой сирийских монофизитов», представители которой посещали Киев [Назаренко, с. 643]. Однако ни один из 36 известных нам списков перевода не вошел в сборники антилатинской или противоретической полемики, но включался в уставные праздничные чтения, то есть понимался не как актуальный полемический текст, а как часть святоотеческого предания.

На наш взгляд, можно предложить иное объяснение причин внимания киевских книжников к посланию папы Льва I, исходя как из обстоятельств жизни Николы Святоши, так и из истории почитания римского понтифика на Руси. Из летописных свидетельств известно, что князь Святоша принял постриг 17 февраля. Вместе с тем под 18 февраля память папы Льва отмечена в десятках месяцесловов XI–XIV в. [Лосева, с. 272], древнейшей славянской служебной мине на февраль (ГИМ. Син. 164), а тропарь понтифику под этим днем помещен в древнейшем славянском Прологе конца XII — начала XIII в. (РНБ. Соф. 1324). Сопоставление указанных дат позволяет думать, что прославление папы Льва звучало на службе первого же дня, который князь Никола Святоша пережил в новом для него статусе иока. Вероятно, князя-иока заинтересовало богословское наследие римского понтифика, чье имя звучало в значимый для киевского постриженника день. Дополнительное указание на связь дня памяти папы Льва со временем осуществления перевода находим в комментарии Феодосия Грека, согласно которому перевод был начат в сыропустное воскресенье. Как показывают вычисления, ближайшим к последнему упоминанию Николы Святоши в летописях годом, когда сыропустное воскресенье выпадает на 18 февраля, оказывается 1151 г., и эта дата, по нашему предположению, может служить указанием на время создания памятника.

Литература

- Подсальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
Комментарии издателей.
- Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.
- Соболевский А. И. Отношение древней Руси к разделению церквей // Известия Императорской Академии наук. 1914. Сер. VI. Вып. 2. С. 95–102.

Игумен Тихон (Полянский) (Москва)

КАЛЕНДАРНО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ТЕКСТЕ «ЗЛАТОЙ ЦЕПИ» ИЗ СБОРНИКА РГБ. ЮДИНСК. 2

Отрывок из рукописи РГБ. Юдинск. 2 (Л. 289–297), озаглавленный «Сказание о том, за сколько лет каждый круг обновляется», принадлежит к числу календарно-математических памятников древнерусской литературы. Подборка включает в себя разные по времени происхождения материалы, и на основании самой поздней календарной выкладки, приведенной в тексте (см. Л. 290а), можно предположить, что окончательная компиляция возникла не ранее 1362 г.

Памятник в представленном отрывке разделяется на две тематические части: первая включает в себя «Сказание о поновлении кругов» (Л. 289б–290б), родственное «Учению о числах» Кирика Новгородца (разделы 1–5, 10–13) и текстам так называемых Семитысячников (термин Р. А. Симонова), с демонстрацией расчета дня Пасхи по таблице Пасхалии. Идейно к «преамбуле» указанной части примыкает «Слово о состоянии неба и земли, моря и всех вод» (Л. 295а–297б), в тексте отделенное вставкой палейных фрагментов. Примечательно, что сроки обновления стихий, указанные в отстоящих друг от друга частях композиции, отличаются численными характеристиками.

Вторая тематическая составляющая памятника характеризуется текстуальной близостью к «Толковой Палее» (Л. 290б – 295б). После нее вновь следует краткое «Слово о состоянии неба и земли, моря и всех вод» с численными характеристиками «поновления» стихий (Л. 295б–297б).

Типологически разноплановые части произведения объединены общей естественно-научной проблематикой — расчетом движения и соотношения обращения небесных светил, наблюдением астрономических явлений с вытекающим прогнозом погоды, учением о происхождении и устройстве Вселенной. В целом памятник отразил средневековые взгляды на проблемы мироздания с конкретными практическими рекомендациями по изучению природных явлений. В нем совмещаются вытекающие из библейского креационизма элементы линейной хронологии с примерами замкнуто-кругового восприятия времени и цикличности «поновления» природных стихий, в чем обнаруживается тенденция к восприятию античного наследия. В сфере натурфилософского толкования бытия структура мироздания анализируется как подчиненная числовым закономерностям. Наряду с маловыясненным вопросом об источниках космоциклических идей не менее важен недавно замеченный факт широкого распространения этих идей в древнерусской книжности. Н. К. Гаврюшин указал на целый пласт памятников, натурфилософская концепция которых родственна античным идеям о «поновлении» стихий, и это позволило ему сделать вывод о том, что эта концепция была достоянием широкого круга древнерусских грамотников. Даже в XVIII в. статьи о «поновлении» продолжали тщательно переписываться книжниками.

Что касается второй половины памятника, то она составлена из выборочных мест из Толковой Палеи, которые, в свою очередь, заимствованы из 6-й Беседы на Шестоднев Василия Великого, трудов Иоанна Дамаскина, Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского. Избранные палейные стихи «О знамениях» также включались в состав многочисленных рукописных сборников, не считая множества списков самой Толковой Палеи. Здесь воспроизводится учение Иоанна Дамаскина о поясах планет, характеризуются размеры светил и особенности их перемещения по небосводу с прикладными календарными расчетами.

Автор памятника подвергает осуждению мнение, что солнце и Луна могут обращаться «под землей». Критика отражает стремление дистанцироваться от геоцентрических позиций каппадокийского богословия, представителям которого присущее мнение о сферической форме тверди. Мнения геоцентристов строились на трактовках Аристотеля, считавшего, что сферическое небо вращается (см.: Аристотель. О небе. В. VIII 289 а 30). Так что можно предполагать, что автор сознательно удаляется от античных реминисценций, считая их «заблуждениями древних».

Смена сезонов сопоставляется с возрастами человеческого организма. В средневековой христианской литературе более распространенным являлось семичастное деление возрастов, но в данном случае путем обращения к природным аналогиям состояния расцвета и упадка человеческой жизни иллюстрируются наиболее ярко, просто и наглядно. Избранное составителем аллегорическое изображение возрастов подчинено идею изложить «энамения» человеческой жизни по циклам главного светила – Солнца. Он переходит к символическому сравнению циклов человеческой жизни с фазами Луны. Такое толкование было характерно для антиохийской традиции.

Изложенные в тексте памятника взгляды имели большое значение в отечественной средневековой книжности и перспективны для комплексного анализа космологических представлений Древней Руси.

B. Г. Пуцко (Калуга)

РАННЯЯ РУССКАЯ ЖИТИЙНАЯ ИКОНА: ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Появление и развитие житийной иконы на Руси представляет весьма примечательное событие в истории сакрального искусства, позже приведшее к выполнению многочисленных произведений со сложной иконографией. Причиной этого явилась популярность житийного цикла с его литературной основой, наглядно иллюстрирующего агиографические сюжеты. В плане построения композиционной схемы русские произведения следуют византийскому образцу, возникшему на основе творческого усвоения античного художественного наследия.

Принцип композиционного построения был выработан уже в таких произведениях пластического искусства, как хранящаяся в Музее Сакро Ватикана мраморная *Tabula Odysseaca* с ее крупным центральным изображением, обрамленным сценами из «Илиады» и «Одиссеи». В христианской художественной традиции появлению житийной иконы скорее всего предшествовали циклы сюжетов из жизни наиболее чтимых святых в церковных стенописях, а также в книжной миниатюре, иллюстрировавшей агиографические произведения. Судя по сохранившимся образцам, это могли быть чаще всего небольшие циклы, состоящие из двух или трех сцен.

Этапы сложения пространного житийного цикла в византийской иконописи наиболее обстоятельно прослеживаются уже в иконографии святителя Николая, начиная с XI в., со створок складня в монастыре св. Екатерины на Синае, с представленными на них различными сюжетами из жизни чудотворца. В том же древнем монастыре сохранилось несколько житийных икон, датируемых началом XIII в., судя по их размерам предназначенных для украшения церковного интерьера. На одной из них, размером 83,0 x 57,0 см, полуфигурное изображение святителя Николая окружено 16 житийными клеймами, расположенными не всегда в строгом соответствии с хронологией событий. Икона св. великомученика и целителя Пантелеимона, 102,0 x 72,0 см, тоже с центральным полуфигурным изображением, которое окружено житийным циклом, состоящим из 16 клейм, по четыре с каждой стороны. Икона св. великомученицы Екатерины Александрийской, 75,3 x 51,4 см, имеет в центре изображение святой, стоящей фронтально в рост, которое окружает цикл из 12 житийных клейм. Икона св. Георгия Победоносца, 127,0 x 80,6 см, тоже с центральным изображением фронтально в рост, представляющим Георгия-воина, тогда как в каждом из 20 клейм, иллюстрирующих житие и чудеса, изображен Георгий-мученик. Различие размеров не позволяет видеть в этих иконах определенную серию, возникшую в результате единого заказа. Но почти одновременное появление произведений недвусмысленно указывает на необходимость иметь изображения наиболее почитаемых в христианском мире святых вместе с подробным повествованием об их жизни, подвигах и чудесах в назидание молящимся.

Имея документальное подтверждение сформированной иконографической схемы житийной иконы к рубежу XII–XIII в. в Византии, логически можно предположить ее проникновение в этот период и на Русь. Проблематичным остается время появления иконы Николая Зарайского, по преданию принесенной в 1225 г. из Корсуни в Новгород, а затем в Рязанские земли.

Одна из самых ранних сохранившихся русских житийных икон, Ильи Пророка в пустыни, 141,0 x 111,0 см, из церкви Ильи Пророка в селе Выбуты близ Пскова, датируется второй половиной XIII в. Центральное изображение окружено семифигурным поясным Деисусом и 14 житийными клеймами, иллюстрирующими ветхозаветные тексты, содержащиеся в Третьей и Четвертой книгах Царств. Надо

заметить, что иконографические параллели этому житийному циклу находятся в росписи диаконника храма монастыря Морача в Черногории, завершённой в 1251–1252 г. В стиле иконы заметны архаические черты, не исключающие следование более раннему образцу. Расширение круга аналогий может изменить существующие представления о месте данного произведения в истории русской иконописи.

Явно к византийским оригиналам XIII в. восходит иконография датируемых первой четвертью XIV в. двух житийных икон святителя Николая, хранящихся в Санкт-Петербурге в Государственном Русском музее. На одной из них, размером 140,3 x 97,2 см, происходящей из Никольской церкви погоста Любони Боровичского района Новгородской области, центральное поясное изображение окружено 12 житийными клеймами (в их числе Служба святого Николы). На другой иконе, 107,5 x 75,2 см, из Никольской церкви села Озерево, в центре образ святителя Николы Зарайского (с полуфигурами Христа и Богоматери, а также представленными внизу целителями Космой и Дамианом), в окружении 16 житийных клейм. Нельзя исключать воздействие направления византийской иконописи, связанного с обслуживанием крестоносцев в период существования Латинской империи на Востоке (1204–1261 г.). Дальнейшее развитие иконографии житийных икон святителя Николая на Руси, прежде всего в Новгороде и Москве, свидетельствует о следовании различным оригиналам, нередко с радикальной адаптацией образца. Особый интерес представляет определяющее сюжетный состав житийных клейм воздействие литературного источника.

Зависимость русского иконописания от византийской художественной традиции генетического характера за общностью типологии не исключала новые явления. Наиболее отчетливо они выступают в процессе фольклоризации греческого образца, особенно последовательной. Примером может служить икона святого Георгия Победоносца с житием, 89,0 x 63,0 см, из собрания М. П. Погодина, в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Ее датировка первой половиной XIV в. не исключает следования оригиналу предшествующего столетия. Темный контур, очерчивающий все формы, сближает живопись с графической манерой книжной миниатюры. Центральное изображение окружает 14 житийных клейм, сравнительно раннего сюжетного состава.

Актуальным является и выяснение времени появления житийных икон русских святых. Судя по свидетельству «Слова о князех» («И святых сих мученик чудеса лежат пред очима нашими»), можно говорить о существовании такого произведения уже во второй половине XII в. Но эта гипотеза не находит подтверждения, хотя нельзя решительно отрицать существование икон Бориса и Глеба с житием более ранних, чем известная нам, 134,0 x 89,0 см, второй половины XIV в., из церкви Бориса и Глеба в Коломне, хранящаяся ныне в Государственной Третьяковской галерее в Москве. Изображение святых князей в рост в среднике обрамлено 16 клеймами, сюжетно связанными с литературным источником. Византийской остается лишь общая схема, но иконография максимально учитывает русские реалии.

Проблема усвоения византийского оригинала во всех приведенных случаях, хронологически ограниченных более чем столетним периодом, решается неодинаково: от воспроизведения до самой радикальной переработки, с учетом конкретной задачи и исходного материала, более «историзированного», чем древние агиографические предания.

E. B. Пчелов (Москва)

О ДВУГЛАВОМ ОРЛЕ НА РУСИ ДО ПЕЧАТИ 1497 г.

Как известно, первым памятником русской сфрагистики, несущим на себе геральдическое изображение двуглавого орла в качестве официального символа Русского государства, является печать Ивана III, самый ранний сохранившийся оттиск которой скрепляет грамоту от июля 1497 г. Создание матрицы этой печати датируется исследователями в пределах начала 90-х г. (В. А. Кучкин, М. Агоштон). Однако в историографии неоднократно упоминались изображения двуглавого орла на Руси до печати Ивана III или почти современные ей. Анализ этих упоминаний показывает различный характер сведений о двухглавом орле и его интерпретаций на Руси до 1497 г., которые можно разделить на несколько групп.

1. Недостоверные интерпретации: упоминания о двуглавых орлах, якобы изображенных на плаще князя Ярослава Мудрого на фреске киевского Софийского собора; о двуглавом орле, якобы изображенном

на керамических плитках храма XII в. в Василёве; о двуглавом орле на терракотовых изразцах из Минска, якобы начала XV в. Все они представляют собой плод фантазий или недоразумений.

2. Сомнительные данные: изображение якобы двуглавого орла на плаще князя Ярослава Владимировича на фреске церкви Спаса на Нередице (конец XII в.), не дающее однозначных оснований для точной идентификации орла. Сомнительным представляется и упоминание Галицко-Волынской летописи под 1259 г. о строительстве у Холма (резиденции князя Даниила Романовича) каменного столпа, «а на немь орель камень изваянь, высота же камени десяти лакотъ, с головами же и с подножьками 12 лакотъ». Существует мнение о двуглавости упомянутого орла, в последнее время детально обоснованное А. В. Майоровым, вписавшим это изображение в концепцию связей галицко-волынских князей того времени с Византийской империей. Находя примерные византийские аналоги (упоминание одноглавого орла со змеей на столпе в «Книге о статуях города Константинополя»), исследователь полагает, что слово «изваян» однозначно указывает на объемное скульптурное изображение орла, а слово «подножьки» интерпретирует как не понятое русским книжником изображение змеи. Между тем само описание столпа ясно говорит о высоте собственно столпа (10 локтей), его навершия (чему соответствует в тексте слово «с головами») и подножия («подножьки») — по 1 локтю каждое. Соглашаясь с возможностью вышеупомянутого понимания слова «изваян», следует все же признать, что внешний вид как столпа, так и каменного орла остается исходя из летописного текста крайне неопределенным. Единственным фактом, позволяющим считать этого орла двуглавым, является множественное число слова «голова», маркирующего высшую точку всего сооружения. Относится ли это слово к орлу, венчающему столп, или к нескольким орлам, если они увенчивали столп с разных сторон, буде он, например, четырехугольный, или даже вовсе не к орлу (орлам), если допустить иное толкование слова «изваян», точно сказать нельзя. Поэтому за отсутствием более ясного описания сооружения однозначно считать этого орла двуглавым не представляется возможным.

3. Достоверные данные — сохранившиеся изображения двуглавых орлов (птиц) на материальных носителях: сканное изображение двуглавой хищной птицы на серебряной подвеске из Большого Гнёздовского клада X в., по-видимому, относящееся к кругу скандинавской культуры (В. И. Кулаков); крайне неопределенное изображение двуглавой птицы на металлической булавке из Новгорода (вторая половина XII — первая половина XIII в.), возможно, вотивного характера (М. В. Седова); геральдизированное изображение двуглавого орла на умбоне южных «Златых врат» Рождественского собора в Суздале (1240-е годы?). Последнее изображение наиболее очевидно и по своей стилистике относится, по-видимому, к западноевропейской геральдической традиции того времени, что заставляет предполагать иностранный характер этой символики (или иностранное происхождение мастера). Примеры показывают отсутствие какой бы то ни было эмблематической традиции двуглавых орлов в домонгольской Руси.

Отдельный комплекс изображений представляют собой гербы Перемышльской земли и «герцога Красной Руси», известные с начала XV в. (Ян Длугош, Ульрих фон Рихенталь и др.). Изображения их различны (золотой коронованный двуглавый орел в лазоревом поле — Перемышльская земля; золотой двуглавый, но безногий орел в черном поле во второй части пересеченного щита у «герцога Червонной Руси»), что заставляет усомниться в правомерности их объединения в общую традицию. Возвведение же ее к «двуглавому» орлу Даниила Галицкого (вероятно, действительно имевшего византийское происхождение по матери), на чем настаивает А. В. Майоров, встречает необъясненные препятствия и хронологического (значительная времененная лакуна), и семантического (принадлежность орла именно Перемышльской земле) характера. На мой взгляд, гербы Перемышльской земли и «Червонной Руси» различны и, возможно, имеют разное происхождение (как и достоверность), первый же герб нужно рассматривать в контексте польской геральдики всего Галицко-Волынского региона, а своим происхождением он, вероятно, обязан польской геральдической традиции.

Известен ряд изображений двуглавых орлов, хронологически близких 1497 г., что позволяет отнести появление двуглавого орла в качестве символа к более раннему времени (но, очевидно, не ранее начала 80-х годов). Это двуглавые орлы на одном из типов денег Михаила Борисовича Тверского, на резных великолукских посохах конца XV — начала XVI в., на пушках того же времени в декоре Грановитой палаты Московского кремля. Благодаря детальным исследованиям Д. А. Петрова, в научный оборот было введено изображение коронованного двуглавого орла на каменном барельефе Боровицкой башни Московского Кремля, которое датируется исследователем 1490 г. Этот орел, близкий к византийскому типу по своей стилистике, вместе с двумя другими гербами на той же башне (всадник и противостоящие лев со змием под коронами) составляет единый эмблематический комплекс. Возможно, эти геральдические изображения являются эмблематическим наследием Ивана III по разным генеалогическим линиям: левый

от зрителя герб (всадник — Погоня?) — наследие великих князей Литовских, потомком которых Иван III был через Софью Витовтовну, правый (двуглавый орел) — византийское наследие Софии Палеолог, а изображение центрального герба (лев со змием) имеет приблизительную аналогию с изображением на одном из типов личных печатей Василия II и Ивана III (лев, терзающий змею). Во всяком случае, вероятно, что сам геральдический характер всего этого комплекса в целом имеет западноевропейское происхождение.

A. M. Ранчин (Москва)

ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ БОРИСА И ГЛЕБА: К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЦАХ

Вопрос о том, культ какого святого послужил основанием для канонизации Бориса и Глеба, стал в последнее время предметом научной дискуссии. Как напомнил С. А. Иванов, Русская церковь — дочерняя по отношению к Константинопольской патриархии — не могла не ориентироваться на образцы, существовавшие в византийской традиции. Борис и Глеб почитались и в самой Византии, а для рецепции их почитания тоже необходимы какие-то прецеденты. Принято считать, что тип святости, подвига Бориса и Глеба не имеет прецедентов-образцов в византийской традиции. Если это так, их канонизация оказывается уникальной и немотивированной, что кажется невероятным. Как предположил С. А. Иванов, непосредственным образом для канонизации святых братьев послужило почитание Никифора Фоки [Иванов, с. 353–363]. Но оно не было официально-церковным. Недавно С. Ю. Темчин, напомнивший об этом, обнаружил в Сказании о Борисе и Глебе выразительную параллель с переведенной в Болгарии греческой проповедью, которая посвящена памяти Вифлеемских младенцев. Это редкое слово «сыророждение» (в значении ‘предание преждевременной, ранней смерти’). Исследователь попытался доказать, что почитание Вифлеемских младенцев послужило образцом для канонизации Бориса и Глеба [Темчин, с. 216–230]. С. Ю. Темчин приводит тринадцать перекличек между Борисоглебскими памятниками и проповедями, посвященными жертвам Ирода: убийство, совершающееся правителем; устранение возможного конкурента; поднятие руки на несовершеннолетних как преступление; убийство соплеменником или близким родственником; убийство в разных местах; преступление, совершающееся по дьявольскому наущению; ночное предупреждение (ангел велит Иосифу и Марии бежать с младенцем Христом в Египет, а Предслава ночью извещает Ярослава о злодеянии Святополка); убийство как богоборческий грех; неизбежность наказания преступника; невинность жертв; вознаграждение непротивленчества Богом; святость как награда за страдание; и младенцы, и Борис и Глеб пострадали за Христа. Но, кроме одного, все эти мнимые соответствия не более чем «общие места» церковной книжности. Вроде бы единственное исключение — это предупреждение об опасности, однако между явлением ангела Иосифу и вестью Предславы Ярославу и запоздавшим предупреждением Глеба Ярославом просто нет ничего общего.

Отрицать влияние одной из проповедей, посвященных Вифлеемским младенцам, на житие святых братьев, по-видимому, невозможно. Но из этого нельзя делать вывод, что почитание Вифлеемских младенцев явилось образцом при формировании Борисоглебского культа: все остальные параллели между проповедями, посвященными невинным жертвам Ирода, и памятниками Борисоглебского цикла — поверхностные, а достигший взрослых лет Борис, «главный» святой в этой паре, никак не соотносится с новорожденными и годовалыми детьми, погубленными Иродом.

В действительности, одним из образцов для формирования почитания святых братьев был, скорее всего, праведный Авель, жертва родного брата Каина — первого убийцы на Земле. Отцы Церкви трактовали его как прообраз мучеников и самого Христа, Церковь вспоминает Авеля в неделю святых праотец, а также в неделю святых отец [Квилидзе, с. 123]. В иконографической традиции Авель — обычно безбородый юноша (ср. юный возраст Бориса и особенно Глеба и их ранние изображения, где Борис представлен безбородым [Смирнова]).

История убийства Авеля Каином послужила образцом и для Нестора — автора Чтения о Борисе и Глебе, и для составителя Сказания о Борисе и Глебе, а Святополк был заклеймен прозванием второго, нового Каина, причем эпитет «Окаянный» явно ассоциируется с именем первого братоубийцы. Цитатой из ветхозаветного рассказа об Авеле и Каине открываются фрагменты из Библии, читавшиеся на богослужении в дни памяти святых братьев [Успенский, с. 23, 119]. Как заметил Б. А. Успенский, «рассказ о Борисе и Глебе представляет, как разыгрывается на русской земле сценарий, парадигма которого задана Библией» — сказанием об убийстве Авеля [Успенский, с. 47; Панченко, с. 191]. Преступление

Святополка исключительно тяжко именно потому, что он зачинатель греха убийства, подаривший ему бытие в новой, христианской Руси, и обновитель древнего Каинова греха [Лотман, с. 107–110]. История убийства Бориса и Глеба Святополком была воспринята на Руси как своеобразное повторение, вариация Каинова греха, как событие, по значению равное библейскому. Только так можно объяснить включение в состав Паремийника — книги библейских богослужебных чтений — фрагментов, повествующих о Борисе и Глебе и об отмщении Ярослава Святополку¹.

Литература

- Иванов С. А. Несколько замечаний о византийском контексте Борисоглебского культа // Борисо-глебский сборник / Collectanea Borisoglebica / Ред. К. Цукерман. Paris, 2009. Вып. 1. С. 353–363.
- Квиливидзе Н. В. Авель // ПЭ. М., 2003. Т. 1. С. 123–125.
- Лотман Ю. М. «Звонячи в прадѣльную славу» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 107–110.
- Панченко А. А. Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012. («Новое литературное обозрение». Научное приложение. Вып. 113).
- Смирнова Э. С. Борис и Глеб. Иконография // ПЭ. М., 2003. Т. 6. URL: <http://www.pravenc.ru/text/153171.html>
- Темчин С. Ю. «Се несть убийство, но сыорезание»: Агиографический образ Вифлеемских младенцев как концептуальная основа Борисоглебского культа // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012. С. 216–230.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

¹ Это предположение принадлежит Б. А. Успенскому.

Б. Рахимзянов (Казань)

КТО УПРАВЛЯЛ РУССКИМИ ГОРОДАМИ «ПРИ ТАТАРАХ» В XV–XVI в.?

Вопрос о том, каким образом происходило управление русскими городами, временно или постоянно находившимися «под властью» татарских династов в Средние века¹, упирается в необеспеченнность аутентичными источниками. Те же источники, что все же есть в распоряжении исследователей, относятся преимущественно к XVII в. и в основном к городу Касимову, имевшему особый статус в системе городов и дворцовых волостей, жалуемых выезжей татарской эlite. Некоторые данные содержатся в русский актовый материал. Учитывая ограниченность источников, исследователям необходимо построить модель, которая хотя бы немного проясняла ситуацию. Для этого придется руководствоваться имеющимися текстами и обычной логикой. Тезисы предлагают вводные замечания и перечень вопросов, подлежащих обсуждению. В рамках устного выступления автор выдвинет свои гипотезы по данному вопросу; ознакомившиеся с литературой заинтересованные коллеги смогут предложить свои варианты ответов. Учитывая относительную разработанность «касимовского» случая², я ограничусь теми городами, которые находились «под властью» татар временно в период до взятия Казани.

Пожалование городов в военное, финансовое и административное управление, в XVII в. трансформировавшееся в пожалование доходами с городов, было наиболее престижной формой содержания Чингисидов и представителей бекских (княжеских) родов позднезолотоордынского общества, выезжавших в Московское государство. Данным вопросом занимались многие исследователи. Ограничусь указанием на работы, материалы которых помогают приблизиться к гипотетическому решению проблемы. Это упоминавшиеся работы Исхакова и Белякова, глубокая работа С. Н. Кистерева [Кистерев], монография П. П. Смирнова [Смирнов] и некоторые другие.

С. Б. Веселовский, А. А. Зимин и М. Н. Тихомиров подчеркивали промежуточность положения «татарских» городов между кормлением и вотчиной. А. А. Зимин отмечал: «Частая сменяемость держателей этих городков превращала подвластные татарским царевичам территории в весьма своеобразные административные единицы, имевшие черты уделов, владений служилых князей и обычных кормлений» [Зимин, с. 142]. Р. Г. Скрынников полагал, что пожизненный характер владений ханов и мирз придавал им некоторые сходства с поместьями. С. Н. Кистерев отмечает, что статус

¹ Касимов (Городец Мещерский), Звенигород, Новгород на Оке, Кашира, Юрьев Польский, Серпухов, Суздаль, «Андреев Городок Каменный», Хотунь, Романов и некоторые другие.

² Противоположные точки зрения см.: [Исхаков, с. 175–227; Беляков, с. 165–297, 372–414]. Исторический контекст см.: [Рахимзянов].

держаний Чингисидов значительно отличается от статуса обычных кормленщиков. При этом он признает сходство юридического положения их владений с поместьями исключительно внешним, проистекающим из того, что и то и другое обреталось благодаря великокняжескому пожалованию. Он не видит сколько-нибудь серьезных отличий прав служилых ханов и султанов от прав служилых князей Рюриковичей и Гедиминовичей, если не обращать внимания на вотчинный характер владений некоторых из числа последних. О. А. Шватченко признает владения ханов и мурз наследственными вотчинами-уделами.

Жалуемые выезжей татарской эlite города можно разделить на два типа. В Касимове и Романове татарская элита, кроме доходов с этих городов, в округе этих городов владела большим количеством земли, на которой поселяла своих людей и ведала их судом и управой, совершенно независимо от московской приказной администрации. Эти два «места» отличались от других татарских анклавов. В то время как другие «русско-татарские» города попеременно принадлежали то русским, то татарским владельцам, Мещерский Городок на протяжении 1445 г. — середины XVII в. всегда принадлежал только Джучидам. Романов принадлежал только клану Мангыт на протяжении своего существования как татарского анклава в 1564—1656 г.

Другие же города (как наиболее яркие примеры можно привести Каширу, Серпухов, Юрьев Польский, Звенигород) являлись татарскими владениями непродолжительное время. Татарская элита получала эти города, как выражаются летописи, «в вотчину и в кормление» (дипломатическая переписка содержит формулу «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами»), то есть ханы и султаны имели право собирать в свою пользу различные доходы и на эти доходы содержали себя, свой двор и своих людей. Предположительно русские вотчинники и помещики этих городов оставались на своих местах и были подведомственны в отношении суда и управы ханам и султанам, как служилые землевладельцы других уездов. Можно предположить, что татарские владения были основаны на сочетании различных элементов средневекового права: в одних случаях в них были элементы удельного строя (суд и управа), в других — элементы кормленной системы, а все основывалось на нормах вотчинного права.

Ниже излагаются пункты для дискуссии.

1. Военное управление русских городов «при татарах». Из источников известно, что татарские династии имели полную военную власть над пришедшими с ними татарами (но над всеми ли? или часть этих татар могла выступать с русскими полководцами автономно?). Однако могли ли татарские правители в военном отношении руководить русским населением данных городов? Составляли ли православные дворяне этих территорий собственную служилую корпорацию?

2. Финансовое управление. Кто и в каком объеме был финансово подвластен татарам? Имел ли татарский правитель право собирать подати с русского населения?

3. Административно-«правовое» управление. Объем «юридической» власти татарских династий — кого они могли судить на вверенной им территории? Ограничивалось ли право суда татарского династа только его двором? Имел ли татарский правитель право судить русское население? Или же с суда над православным населением представителям «золотого рода» в лучшем случае могли поступать судебные пошлины?

Итак, что именно и на каком праве составляло предмет пожалования в городах ханов, султанов и мурз? Предварительный вывод автора таков: материально-«правовое» положение татарской элиты в пожалованных городах менялось на протяжении всего указанного периода, причем менялось достаточно сильно, и во многом зависело от общего контекста татаро-русских отношений.

Литература

- Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998. <http://tataroved.ru/publication/etno/9/>.
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV—XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. <http://www.tatknigafund.ru/books/1897>.
- Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV—XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 65–88.
- Смирнов П. П. Города Московского государства в 1-й половине XVII в. Киев, 1917. Т. I. Вып. I.
- Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 году // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. С. 141–164.

T. B. Рождественская (Санкт-Петербург)

О НОВГОРОДСКОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (из материалов к Своду древнерусских надписей-граффити средневекового Новгорода)

Письменная культура средневекового Новгорода представлена источниками разного рода и жанра, в том числе эпиграфическими памятниками, среди которых надписи-граффити на церковных стенах составляют особую категорию. В последние десятилетия XX в. и в первое десятилетие XXI в. фонд этих источников значительно пополнился и продолжает пополняться в результате их целенаправленного выявления, изучения и публикации¹. В течение 2010–2012 г. автором проводилось обследование как ранее введенных в научный оборот новгородских граффити [Рождественская 1992], так и выявленных впервые древнерусских надписей в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (1119 г.), в церкви Николы на Липне (1292 г.), в церкви Спаса Преображения на Нередице (1198 г.). В работе рассматриваются несколько древнерусских надписей из этих трех храмов.

Основной корпус георгиевских граффити (более 30, не считая рисунков) датируется в пределах XII – рубежа XIII–XIV в. Надписи располагаются на стене и столбе лестничной башни, ведущей на хоры и в подкупольное пространство башни [Рождественская 2011, с. 256–266]. Самая ранняя надпись расположена на высоте 10 см от ступени № 9 от уровня современного пола и вырезана на каменной поверхности кладки столба еще до его покрытия обмазкой. Она непосредственно связана с процессом строительства собора и датируется 1119–1120 г., что согласуется с данными графики и палеографии.

В церкви Николы на Липне 43 граффити различной сохранности выявлены на юго-восточном, северо-восточном и северо-западном столбах храма. Особый интерес представляют два датированных граффити с именами новгородских иерархов: надпись о смерти в 1299 г. ктитора церкви архиепископа Климента, надпись о первом поставлении в 1326 г. на новгородскую кафедру архиепископа Моисея, а также надпись о смерти игумена Николо-Липенского монастыря Иова (?). Большинство сохранившихся граффити — поминальные надписи, которые расположены на столбах одна под другой и обведены рамкой [Рождественская 2009, с. 151–160; Рождественская 2013]. Их можно представить в виде своеобразного церковного общеновгородского помянника. По-видимому, эти записи выполняли роль «черновика» при составлении синодика Николо-Липенского монастыря. Самая ранняя дата надписей определяется концом XIII в. — датой постройки храма. Большинство надписей датируется в пределах XIV в., но некоторые и более поздним временем, однако не выходят за пределы XV в. По сравнению с граффити Георгиевского собора, среди которых есть надпись с тремя глаголическими буквами, автографы лиц, обозначивших себя некрестильными именами (Путила, Сновид, Сводка Микулинич), надпись летописного характера о князе Мстиславе, фрагмент кириллической азбуки в ее конечной части (что представляет особый интерес для истории состава кириллицы в ее вариантах), в церкви Николы на Липне названы преимущественно наследники монастыря, о чем может косвенно свидетельствовать набор их христианских имен (Василий, Евфимий, Иван, Никита, Степан, Феодор, Феофан, Яким). При указании на день смерти персонажа в никольских поминальных граффити, как правило, сообщается память того или иного святого, приходящаяся на этот день.

В церкви Спаса Преображения на Нередице заново обследовано около 50 граффити XIII–XVI в. на юго-восточном, юго-западном столбах, в дьяконнике, на южной и северной стенах храма. Нередицкие граффити разнообразны по тематике — от богослужебных цитат (фрагменты великопостной службы 6-го часа, инципиты ирмосов службы на Успение Богородицы) до хозяйственных записей, от фрагмента надписи об Адаме («Адам первый человек... восста от мертвыхъ...») до записи о женитьбе.

Таким образом, корпус граффити из трех храмов Новгорода демонстрирует многофункциональность средневековой письменной традиции в ее повседневном бытовании.

Литература

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи-граффити с именами новгородских иерархов в церкви Николы на Липне в Новгороде // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 151–160.

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

¹ В настоящее время коллективом авторов (И. Ю. Анкудинов, А. А. Гиппиус, А. А. Медынцева, С. М. Михеев, Т. В. Рождественская) ведется работа по подготовке Свода граффити XI–XVII в. средневекового Новгорода (проекты РГНФ № 10-01-00101а и № 13-01-00212а).

Рождественская Т. В. Из эпиграфики древнего Новгорода: три граффити из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Библейстика. Русистика. Славистика. Сб. научных статей к 70-летию А. А. Алексеева. СПб., 2011. С. 256–266.

Рождественская Т. В. Средневековые надписи-граффити из новгородской церкви Николы на Липне (из материалов по новгородской эпиграфике) // Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 160–171.

A. A. Романова (Санкт-Петербург)

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ СВЯТЫМ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ (конец XVI – начало XVIII в.)

Принятый в научной литературе термин «канонизация» святых, как хорошо известно, недостаточно четко обрисовывает это явление русской истории и духовной жизни. Изучение различных аспектов почитания святых является актуальным в настоящее время в связи с активной политикой в сфере канонизации, проводимой Русской православной церковью. Итоги исследований отражены в ряде публикаций последних десятилетий (см., например: [Андроник (Трубачев)]).

По существу, помимо установления празднования во всей русской церкви, Е. Е. Голубинский предложил выделить два типа местной канонизации: местной в самом узком значении этого слова — празднование в месте погребения, храме или монастыре, и местной в широком смысле слова — в пределах епархии [Голубинский, с. 41]. Кроме того, для обширной категории святых, свидетельств установления церковного почитания которых найдено не было, Е. Е. Голубинский счел возможным ввести термин «почитаемые усопшие» (а также «усопшие, на самом деле не почитаемые»). В современной церковной практике принято говорить о местночтимых и общедерковых святых [Ювеналий, с. 3], в отношении местночтимых святых принято достаточно громоздкое определение «канонизирован к местному почитанию (празднованию)».

Основанием для установления празднования могли стать заслуживающее доверия свидетельство чудотворений, а также нетленность мощей. Отсутствие однозначной схемы, по которой происходила канонизация святого, приводит к необходимости восстанавливать процесс канонизации или установления празднования по косвенным признакам. К таким признакам относят обычно существование Службы святому, иконописных изображений, посвящение храма.

Причтение к лицу святых в пределах определенной местности или в изменяющихся пределах епархий, несомненно, представляет большой простор для толкований, так как наличие Службы и иконы может означать как установление празднования, так и подготовку к прославлению святого. Со временем в отдельных случаях происходила подмена пения панихиды (то есть поминовения) усопшего подвижника молебном. Что касается посвящения храма, то в случае возникновения сомнений оно могло быть истолковано как посвящение тезоименитому святому.

Процесс установления празднования, даже в случае устойчивой традиции почитания праведника, мог занять десятилетия. Не всегда можно с уверенностью сказать о времени установления не местного (епархиального), а общерусского празднования. В ряде случаев предположение об установлении празднования в досинодальный период базируется преимущественно на источниках и свидетельствах XIX в.

Свидетельством почитания (но не установления празднования) может служить упоминание в рукописных святыцах, иконописном подлиннике, надписи на иконе или на гробе, перечнях святых. Можно предположить, что в ряде случаев отдельные памяти усопших, занесенные на поля рукописи для панихидного поминования, со временем при переписке перекочевали в основной текст месяцеслова. Что касается московской печатной традиции XVII в. (Трефологиона, Миней, Пролога, Святцев), то она была много более контролируемой и подверженной цензурным изменениям.

Очевидно, что «пики» канонизационных процессов зависели от отношения к процессу верхушки церкви: патриарха и, прежде всего, местного епископата. Однако единожды установленное празднование могло прекратиться по объективным (пожары, войны и прочие факторы, ведущие к утрате письменных свидетельств изустной памяти) или субъективным (пересмотр основания для канонизации) причинам и возобновиться позднее. Особенно отчетливо этот процесс заметен на материалах времени после принятия Духовного регламента 1721 г.

Создание «соборов» святых и издание региональных патериков в позднейшее время дало возможность подтвердить (а в ряде случаев и установить) празднование отдельным подвижникам, хотя эта практика и подвергается критике.

Литература

Андроник (Трубачев). Канонизация святых в русской православной церкви // ПЭ. М., 2000. С. 346–371.
Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
Ювеналий, митр. Крутицкий и Коломенский. Канонизация святых в Русской православной церкви // XII Междунар. Рождеств. образоват. чтения, 25 янв. 2004 г. [М.], 2004.

B. N. Рудаков (Москва)

«БЕСЕРМЕНЕ» ИЛИ «ТАТАРЫ»? РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ НА СОБЫТИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.

В русских источниках термин «бесермене» употреблялся, как правило, в нескольких значениях: с одной стороны, им обозначали мусульман вообще, с другой — под «бесерменами» имели в виду и определенные народы (исповедующих ислам хивинцев, бухарцев, камских болгар) [Тихомиров].

Впоследствии «бесерменами» стали называть и татар. После того как ислам стал государственной религией Орды (10-е годы XIV в.), такое наименование было вполне оправданным. Вероятно, уже к концу XIV в. в русской письменности слова «бесерменский» / «ордынский», «бесермене» / «татары» стали употреблять в качестве синонимов. Так, в докончании великого князя Дмитрия Ивановича Донского с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским (март 1389 г.) упоминались «ординская тягость и проторъ» (то есть ‘налог’, ‘подать’, ‘побор’), а также «долгъ бесерменьскыи и проторъ»¹. Очевидно, что в последнем случае речь шла именно о выплатах Орде, то есть татарам, а не хивинцам, бухарцам, камским болгарам или мусульманам вообще. В том же смысле слово «бесермене» использовалось и спустя столетие. Так, Вассиан Рыло, призываая в 1480 г. Ивана III встать на борьбу против «бесерменина Ахмата», советовал великому князю «крайко стояти за православное християнство, за свое отечество противу безбожному бесерменству», «оборонити свое отчество от бесерменьства»² (здесь и далее в цитатах курсив мой. — B. P.).

Однако в источниках получил отражение и обратный процесс — когда ретроспективно уже самих «бесермен» стали именовать «татарами». В этом смысле весьма показательной является Никоновская летопись (20–30-е годы XVI в., далее — Ник), которая часто иначе, чем предшествующие ей летописные своды, повествовала о целом ряде событий, касавшихся русско-ордынских отношений³. Обратим внимание на сообщения об антиордынских восстаниях, произошедших в Северо-Восточной Руси в 1262 г., а также о действиях в Курском княжестве татарского баскака Ахмата (в Ник — под 1284 и 1285 г.). В Ник эти рассказы, судя по всему, попали из летописи, близкой к той, что дошла в составе Симеоновской (далее — Сим) [Клосс, с. 25–29; Кучкин, с. 28].

Если верить Сим (а она в данном случае опиралась на текст Лаврентьевской летописи, далее — Лавр), восстание 1262 г. правильнее было бы назвать не антитатарским, а «антibесерменским», то есть антимусульманским. Лавр сообщала о том, что «избави Богъ от лютого томления бессерменьского люди ростовьская земли, вложи яростъ въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилия поганыхъ, изволиша вечь и выгнаша изъ городовъ, из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля». «Не терпяще насилия бесерменъ», — уточнила Сим. По ее версии, люди «на врагы своя въсташа, на бесермены, и прогнаша ихъ, а иныхъ избиша». Книжники объясняли, в чем состояли претензии к «бесерменам». «Окупахуть бо ти оканьши бессермене дани, и от того велику пагубу людемъ творяхуть» (вариант Сим: «откупляху бо дань татарьскую»). Гнев горожан был вызван не только самим фактом взимания дани, но и тем, что дань собирали мусульманские купцы-откупщики. Видимо, конфессиональный аспект был настолько важен, что в ходе восстания в Ярославле горожане даже убили своего соплеменника, некоего Изосиму, — за то, что тот «отвергся Христа и быс бессерменинъ, вступивъ в прелесть лж(ив)аго пророка Ма(х)меда»⁴.

¹ ДДГ. С. 31.

² ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 522. См. подробнее: [Рудаков, с. 164–173].

³ Значительная часть таких новаций была изучена американским историком Чарльзом Гальпериным, однако отдельные детали летописных рассказов все же остались вне его внимания, см.: [Гальперин, с. 149–170].

⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 476. Ср.: ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 72.

В рассказе о баскаке Ахмате в Лавр/Сим тот назван «некто бесерменинъ злочитръ и велми золъ». «Богъ бо казнить человека человекомъ, тако наведе Богъ сего бесурменина злого за неправду наию, мню бо и князи ради, зане живяху в которых межи собою», — отмечал летописец, сокрушаясь, что «сътворися радость дияволу и его поспешнику бесерменину Ахмату»⁵.

В Ник известия об антитатарском восстании и о баскаке Ахмате подверглись существенной редактуре: изменения касались, в первую очередь, «бесерменской» темы. Так, в рассказе Ник о восстании 1262 г. речь шла не об изгнании «бесермен», а об изгнании «татар» («того же лета съвѣть бысть на Татарове по всем градомъ Русскимъ»; «откупаху бо богатыя у Татаръ дани и корыстоваахуся сами»; «князи Русстии изгнаша Татаръ, а иных избиша, а ини отъ нихъ крешиася во имя Отца и Сына и Святаго Духа»)⁶. Тот же редакторский подход виден и в рассказе о баскаке Ахмате: для составителя Ник он уже не «бесерменин», а «некто князъ Татарский злочитръ, и корыстовенъ и лукавъ велми». В самом же рассказе «бесермены» вообще нигде не фигурировали: главными инициаторами бед, выпавших на долю Курской земли, так же как и в рассказе о событиях 1262 г., выступали «татары»⁷.

В чем причина такой правки? Интерес Ник к ордынской тематике был неслучаен: она создавалась в период, предшествующий «окончательному решению» Московской вопроса о Казанском ханстве [Клосс, с. 100]. И поэтому для московских летописцев прошлое русско-татарских отношений неизбежно вписывалось в актуальный geopolитический контекст. В этих условиях книжники решили внести дополнительную ясность в изложение исторических сюжетов, заменив содержавшийся в источниках Ник конфессионным «бесермене» на этноним «татары». Возможно, по мнению составителей Ник, использовавшийся ими предшественниками термин «бесермене» затруднял понимание того, кто именно был причиной ордынского «насилия» на Руси — некие, не вполне идентифицируемые «бесермене» или все-таки традиционно враждебные Москве татары? Неслучайно, известие Сим о смерти хана Берке (1266 г.) — «умре царь татарскии Беркаи, и бысть ослаба Руси отъ насилия бесерменъ» — в Ник стало выглядеть иначе: «умре царь ординский Беркаи, и бысть ослаба Руси отъ насилия татарскаго»⁸.

Литература

- Гальперин Ч. Дж. Переписывая историю: Никоновская летопись о взаимоотношениях Руси и Орды // Rossica Antiqua. 2010. № 2. С. 149–170.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 5–57.
- Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009.
- Тихомиров М. Н. «Бесермены в русских источниках» // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 84–90.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482. Ср.: ПСРЛ. Т. 18. С. 80.

⁶ См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 143.

⁷ Там же. С. 162–165.

⁸ См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 72. Ср.: ПСРЛ. Т. 10. С. 145.

Ю. В. Селезнев (Воронеж)

ПОЕЗДКИ В ОРДУ РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ ЛОЯЛЬНОСТИ ПОДДАННЫХ И ЛЕГИТИМНОСТИ ХАНА¹

В период становления в XIII в. Орды как государства служебные обязанности, земельная собственность и права управления на подвластных хану территориях подтверждалась юридическим документом — ярлыком. При этом выдача такого документа сопровождалась наделением подданного строго определенным набором престижных вещей, принятие которых, с одной стороны, определяло лояльность удельного правителя к носителю верховной власти, с другой же стороны, подтверждало легитимность правящего хана.

К примеру, свидетельство персидского автора Ибн Биби позволяет нам выделить ряд обязательных вещественных атрибутов принадлежности к элите Орды. По его данным, Батый, отправляя в обратный

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-12004в.

путь послов сельджукского султана Гияс-ад-Дина, «...пожаловал для султана колчан, футляр для него, меч, кафтан, шапку, украшенную драгоценными камнями, и ярлык». Некоторые элементы вещевой атрибутики упоминаются при описании принятия на службу ильханом Газаном двух эмиров: здесь также отмечены кафтаны, головные уборы, пояс с золотыми накладками.

Показательно, что головные уборы и пояса являлись важным элементом при процедуре обновление инвеституры в ходе возведения на престол нового хана. Так, Рашид-ад-Дин неоднократно подчеркивает, что признание элитой власти вновь избранного правителя сопровождалось снятием головного убора и поясов. Кроме того, в летописи арабского автора Ибн Дукмана упомянуто, что послы хана Узбека к египетскому султану преподнесли ему подарок ордынского правителя, который состоял «из 3 соколов и 6 невольников, из кольчуги, булатного шлема и меча». Мы видим что уважение и знатность особо отмечались вещевой атрибутикой в виде предметов вооружения — кольчуги, шлема, меча.

Таким образом, свидетельства источников донесли до нас перечень вещевых атрибутов, призванных демонстрировать в первую очередь легитимность верховного правителя Орды. Ведь рассмотренный престижный вещевой набор жаловался подданному исключительно в связи с наличием у хана права распоряжаться политическими и экономическими преференциями. Вне всякого сомнения, принятие данных атрибутов демонстрировало лояльность подданного по отношению к правителью.

Однако в еще большей степени преданность прибывшего ко двору хана просителя выражалась в тех вещах, которые он преподносил в подарок хану. К сожалению, набора вещей, которые необходимо было преподнести зависимым лицам хану, источники не приводят. В какой-то степени данный пробел восполняют сведения из арабской «Биографии султана Эльмелик-Эльмансура Калавуна». Описывая посольство египетского султана к хану Менгу-Тимуру (1266–1280 г.), автор скрупулезно перечисляет все отправленные подношения, состоящие из «дорогих тканей, роскошных одежд, ценных редкостей, луков, лат и шлемов». Тем не менее, на наш взгляд, существует уникальная возможность выяснить набор престижных вещей, которые должны были свидетельствовать не только о лояльности подданного, но и о его претензиях на определенное место в иерархической системе, сложившейся в Орде. Имеется в виду пласт информации о поездках в ставки ханов русских князей, которые отвозили ко двору сарайского правителя большое количество подарков. Будучи поданными хана, они были четко вписаны в социально-политическую систему ордынского государства, имели там соответствующее место, аналогичное нойонам и эмирят Джучиева Улуса. Соответственно и их поведение в ставке хана подчинялось строгому ритуалу, восстановление которого может не только пролить свет на особенности пребывания русских князей при дворе хана, но и выявить детали функционирования всей элитарной системы Орды в XIII в. Одной из таких деталей является набор и система дарений поданными вещественных атрибутов власти. Известно, например, что в августе 1412 г. великий князь Василий I поехал в Орду «со множеством богатства».

Основой реконструкции вещевого набора подарков хану может послужить описание содержания поминок русских князей, отправлявшихся к крымским ханам в XVI в. К примеру, в послании крымского хана Менгли-Гирея великому князю Василию III от октября 1508 г. – января 1509 г. набор предметов для поминок аналогичен категориям египетских подношений XIII в.: кречеты, шкурки соболя и лисиц, «рыбий зуб», серебряная чара, панцирь.

Таким образом, приведенные разновременные описания ханских даров дают нам определенные представления о характере подарков (ткани, одежда, вооружение) и о круге лиц, которых должны были навестить в обязательном порядке посещавшие ставку хана послы или подданные. Это ближайшие родственники хана — братья, сыновья — те, кто может занять престол после хана; его жены, эмиры, возглавляющие крылья государства — левое и правое, другие знатные лица, влияющие на решения ордынского правителя. Охотничьи птицы в качестве подарка подчеркивали суверенитет правителя и его легитимность. Набор и количество даримых предметов различались не только в зависимости от статуса получавшего дар, но и в зависимости от представлений о своем статусе (нынешнем и потенциальному) дарителя. Именно в преподнесении даров содержалось подтверждение лояльности подчиненного — его согласие или несогласие с нынешним положением явно или неявно проявлялось в соответствии или несоответствии подарков статусу как принимающего дар, так и дарителя.

В ответ поданный также получал набор вещественных атрибутов, сопровождающих пожалование. Кроме документального подтверждения политического признания служебного положения — ярлыка, мы наблюдаем явные признаки выделения из числа прочих, признаки знатности и элитности, выраженные в **предметах вооружения** — колчан, меч; **одежды** — кафтан, халат; шапка, украшенная драгоценностями; ремень/пояс.

B. B. Силина (Москва)

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Новгородские берестяные грамоты (далее — НБГ) — уникальный культурно-исторический источник, для которого характерны абсолютная подлинность текстов, спонтанность речи, единство места и времени. Некоторые из писем на бересте, являющиеся предметом данного исследования, сообщают либо новые исторические сведения или факты языка, либо подробности известных исторических сюжетов.

Информационная структура грамот, представляющих собой более или менее законченный связанный текст, устанавливается путем детализированного дискурсивного анализа. Тип дискурса НБГ определяется как pragmatикой активного воздействия на адресата, так и личностными свойствами авторов. Общими особенностями дискурса являются чрезвычайная лаконичность текстов, почти полное отсутствие качественных и оценочных характеристик, широкое использование эллипсисов, а также нарушение проективности, то есть принципа логического описания последовательности событий при развитии описываемой ситуации.

Поскольку для эпистолярного дискурса характерна ориентация на конкретного адресата, хорошо знакомого с экстралингвистической ситуацией, извлечение максимального количества информации современному исследователю доступно лишь при обращении к сведениям, почерпнутым из исторических источников (летописей, грамот и т. д.), а также к данным исторических словарей. Это позволяет извлечь даже из хорошо исследованных грамот новую информацию. Так, при сопоставлении грамоты № 724 (сер. XII в.) с текстами летописей того же периода выясняется, что фраза: «заславъ захарья въ вере урокль не дадите саве ни одного песца хотя на нихъ емати самъ»¹ весьма информативна. Она сообщает прежде всего о том, что посадник Захария, запретив княжью мужу Савве сбор дани, остался верным новгородцам в их конфликте с князем (Новгородская первая летопись. Л. 34—35, 1167 г.). Кроме того, намерение посадника лично собрать дань в виде шкурок песца (считая каждую единицу) означает особую ценность такого вида пушнины для правителей Новгорода, очевидно, имевших прерогативу сбора такой дани и ее использования. Ср. летописный рассказ о дарах киевского князя Ростислава (отца новгородского князя) черниговскому князю мехами соболей, горностаев и песцов (Ипатьевская летопись. Л. 108 об., 1160 г.). Характерно, что песцовый мех не упоминается в исторических источниках XI—XIV в. как объект торговли².

Особый интерес вызывают НБГ, свидетельствующие о том, как проходило в Новгороде распространение и утверждение христианства. Сведения о существовании двоеверия на новгородских землях (по крайней мере, в XI—XII в.) немногочисленны и обрывочны, но тем более достойны внимания. Показательна грамота № 955 (втор. пол. XII в.), которая представляет собой письмо одной матери семейства к другой с предложением отдать дочь замуж за ее сына. Оно содержит своего рода образный призыв, состоящий из ненормативной лексики, который в комментариях к публикации текста трактуется как цитата из «свадебного празднества с его общим эротическим (“срамным”) колоритом» [Зализняк, Янин]. Можно предположить, что в Новгороде XII в. этот текст звучал как текст обрядового гимна свадебной церемонии, происходившей по языческому образцу.

О языческих свадьбах, допускавшихся церковью для простого народа, сообщает текст Новгородской кормчей 1285—1291 г. (с дополнением по списку XIV в.) (Л. 517а), где приводится церковное правило митрополита Иоанна II, относящееся к 1080—1089 г.: «не бывають на простыхъ люде(х) блг(о)свление венчания. но бояре токмо и князи венчаются. простым же людемъ (и меньшице поимають жены своя с плясанием и гуденьем и плесканьем) разоумъ даешь всякъ и ре(ч)мъ. иже простии закони простыцемъ и невежамъ си творять совкупление». Можно думать, что для новгородцев XII в. цитируемый в грамоте текст содержит сакральный, а не эротический смысл, который возобладал лишь после преодоления двоеверия. Этому этапу соответствует текст грамоты № 705 (перв. пол. XIII в.). В нем упоминается свадебный ритуал контаминированного характера, который совершался в церкви перед иконами, но еще содержал языческую клятву-роту. В обращении к мужу больной сестры Домажир просит, если «ее бог поимет», прислать к нему сына с ее завещанием. В случае отказа «я тя предамо святое богородице ко нее же еси заходиле роте». НБГ свидетельствуют и о том, как христианство укоренялось в душах новгородцев

¹ Тексты грамот в упрощенной графике цитируются по изд.: Зализняк А. А. Древнерусский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

² Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2012. Т. IX. С. 397.

и мысли о Боге становились конкретной составляющей их сознания. Бог являлся для них не только вершителем судеб и строгим судьей (ср. грамоту № 752, XI/XII в.), но и свидетелем и поручителем в повседневных делах. Об этом говорит формула «Бог послух (был)». Ср. грамоту № 675 (40–60-е годы XII в.) о торговой сделке: «брать Милято Кыеве Бгъ мъжи нама послоухо быль», грамоту № 520 (XIV/XV в.) — завещание Моисея: «а пожня на глущици. а другая за городищем а то даниловымъ детемъ... а на то бо (Бог) послухъ».

Ценные исторические сведения различного характера содержатся и в ряде других НБГ. Так, грамота № 272 рассказывает о подробностях похода на крепость Копорье в 70-х годах XIV в. Грамоты № 370, 474 и многие другие повествуют об отношениях между феодалом и смердами. С точки зрения лингвиста, НБГ являются бесценным источником для изучения древнерусской разговорной речи. Примечательно наличие большого количества слов, встречающихся лишь один раз (ср. цветообозначения *рудавый*, *голубый*, субстантивное числительное *осмь*, глаголы *высягнути*, *пережати*, *съдаяти*, *сънаяти* и многие другие). Вместе с тем в НБГ представлены примеры как архаичных явлений в грамматике и лексике, так и ряда инноваций.

Литература

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкоznания. 2006. № 3. С. 3–13.

Р. А. Симонов (Москва)

ГРЕЧЕСКИЙ ФУТ НА ФРЕСКЕ АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ В НОВГОРОДЕ?

В 1971 г. бригада реставраторов под руководством Г. С. Батхеля расчистила фрески 1125 г., изображавшие четырех святых, находящихся «на западных гранях обоих предалтарных столбов» храма Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. Подлинную (первоначальную) атрибутивную надпись содержит только фреска св. Кира: АΓΙΟ[СЬ] ΚΙΟΡЬΟ. Над изображениями четырех святых располагалась парная композиция Благовещения.

Сейчас считается, что этими святыми были четыре Святых целителя: Иоанн, Кир, Флор и Лавр. В 2009 г. известный искусствовед В. Д. Сарабьянов, популярно характеризуя росписи Рождественского собора, кратко описал местоположение изображений четырех Святых целителей в храме и воспроизвел одно из них — Флора. Рядом с правой его рукой находится некая палочка непонятного назначения. Внимательное рассмотрение этого предмета по четкому фотоснимку А. И. Комеча, воспроизведенного также в работе Э. А. Гордиенко, вскрывает дополнительное обстоятельство, отраженное на изучаемой фреске. Палочка, изображенная у правой руки св. Флора, косыми «рисками» ограничена с обеих сторон и поделена на три неравные части. Части мерной палочки находятся в следующем отношении между собой: две наибольшие части практически равны по длине; третья часть находится между ними (в середине мерной палочки), и по длине она равна половине каждой из наибольших (крайних) частей. Следовательно, наименьшая часть (средняя) равна $1/5$ длины мерной палочки, наибольшие (крайние) имеют по $2/5$ длины, в итоге: $1/5 + 2/5 + 2/5 = 1$. Правая рука св. Флора, расположенная непосредственно под мерной палочкой, совершает некое движение, сближающее большой палец с остальными пальцами или наоборот удаляющее его от них. Это напоминает измерительную операцию, совершающую кистью руки и известное у славян с периода Средневековья под названием «пядыты», *piditi* в значении ‘мерить пядью’. Измерение пядью напоминает движение, при котором человек большим пальцем упирался в начало измеряемого предмета и до предела отодвигал указательный палец (или мизинец) от большого, затем к концу указательного пальца (или мизинца) приставлял большой. И такие движения он продолжал/проделывал до конца измеряемого предмета, считая пяди; полученное число записывал или запоминал. На обсуждаемой фреске изображенная над правой рукой Флора (с предположительным жестом пядыты) мерная палочка, визуально примерно равная пяди, возможно, и есть мера пядь. А свиток в левой руке Флора в таком случае мог предназначаться для фиксирования данных измерения пядью или мог быть планом постройки/изделия, для которых производились измерения пядью.

Древнерусских пядей несколько, наиболее известные: «малая» (18–19 см), «великая» (22–23 см) и «пядь с кувырком» двух размерностей — 27 см и 31 см. «Малая пядь» равнялась расстоянию между большим и указательным пальцами, «великая пядь» — между большим пальцем и мизинцем, «пядь с

кувырком» в 27 см равнялась величине «малой пяди», сложенной с длиной двух суставов указательного пальца, «пядь с кувырком» в 31 см — величине «малой пяди», сложенной с длиной всего указательного пальца. Б. А. Рыбаков, по-видимому, допускал, что «пядь с кувырком» в 31 см является своего рода «порождением» греческого фута в 30,8 см («мера в 31 см близка к греческому футу в 30,8 см» [Рыбаков, с. 71]). Именно об этом писал историк архитекторы К. Н. Афанасьев: «В русской практике один греческий фут оказался приравненным такой странной мере, как «пядь с кувырком» (когда к малой пяди — расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами руки, равному 19 см, — прибавляется еще длина всего указательного пальца). Мера эта явно привнесена в русскую систему мер, на что и указывает совершенно справедливо Б. А. Рыбаков» [Афанасьев, с. 158].

Изучая новгородскую фреску св. Флора, без особого труда можно понять, что мерная палочка на ней структурирована рисками так, что если она равна греческому футу 30,8 см, то ее $1/5$ часть = 6,16 см, $2/5 = 12,32$ см, $3/5 = 18,48$ см (соответствует средней длине «малой пяди» в 18–19 см), $4/5 = 24,64$ см. Взяв в руки мерную палочку, древнерусский человек мог ею отмерить «малую пядь» (суммируя одну из крайних частей со средней частью), при этом «в запасе» останется еще один «кувырок» (12,32 см) в виде второй крайней части. Если из мерной палочки вычесть половину длины ее средней части (3,08 см), то останется величина (27,72 см), сопоставимая с вариантом «пяди с кувырком» в 27 см. Можно было пустить в ход всю мерную палочку для получения «пяди с кувырком» в 31 см — своеобразного эталона греческого фута в 30,8 см, привнесенного в древнерусскую народную метрологию.

Древнерусский художник, очевидно, понимал геометрическое значение заложенных в мерной палочке соотношений ее частей. По-видимому, мерная палочка (в облике шаблона греческого фута) — это своего рода модель математического (геометрического) прибора, предназначенного для привнесения в древнерусскую метрологию (через адаптацию) знания о греческом футе. Для сравнения: обычная линейка, всем известный измерительный прибор, в своей конструкции опирается на исключительно простые геометрические соотношения длин отрезков (1:1), идущих последовательно и равномерно по всей протяженности линейки. В новгородской мерной палочке (как шаблоне греческого фута) представлено более сложное соотношение отрезков (1:2). И они расположены не в линейной последовательности, а как бы в колеблющейся упорядоченности, однако удобной для практического использования шаблона при составлении на его основе отрезков, длины которых выражают полный набор пятеричных дробей — $1/5$, $2/5$, $3/5$, $4/5$: $1/5$ — длина среднего отрезка шаблона; $2/5$ — длина любой из крайних частей шаблона; $3/5$ — длина суммы среднего и любого из крайних отрезков шаблона; $4/5$ — длина суммы обеих крайних частей шаблона.

Древнерусская народная метрология характеризовалась для мер длины кратностью 2, пятеричность шаблона греческого фута, предположительно представленного на новгородской фреске св. Флора, очевидно, находилась вне этой традиции. В то же время, исследователи подчеркивали, что деление на 5 (и др. доли) «сопряжено с неудобством», а древнерусское последовательное раздвоение мер «много проще и удобнее». Значит, несмотря на неудобство (или не испытывая его при наличии математической подготовки), монахи Антониева монастыря в 1125 г. могли геометрически делить отрезок на 5 равных частей (внутренняя «малая» часть шаблона) и даже на $5/2 = 2,5$ равных части (крайние «большие» части шаблона — «кувырки»). Это говорит о достаточно продвинутых для Средневековья математических знаниях монахов Антониева монастыря, что позволяет геометрический шаблон на фреске св. Флора (1125 г.) и «Учение им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца (1136 г.) рассматривать взаимосвязанными научными явлениями. Если раньше гипотетически считалось, что Кирик свои недюжинные знания по математике мог получить в Антониевом монастыре, то теперь сомнений в этом становится еще меньше.

Литература

Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI–XV веков (Из истории народных знаний) // Советская этнография. 1949. № 1.

Афанасьев К. Н. Замечания к статье Б. А. Рыбакова «Русские системы мер длины XI–XV веков (из истории народных знаний)» // Сообщения Института истории искусств. М., 1956. Вып. 7. Архитектура.

A. B. Сиренов (Санкт-Петербург)

МЕДОВАРЦЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)¹

Медоварцевским летописцем обычно называют подборку летописных известий, которая читается в сборнике ГИМ. Син. 939. Н. В. Синицына установила, что один из почерков этой рукописи, которым в том числе написаны летописные статьи, принадлежит известному книжному писцу Михаилу Яковлевичу Медоварцеву. По оценке исследовательницы, Син. 939 является его последним произведением. Работавший в московском монастыре Николы Старого в Китай-городе, Медоварцев был близок к князю-иноку Вассиану Патрикееву и в 1531 г. был осужден вместе с ним на церковном соборе по обвинению в ереси. Летописная подборка сборника Син. 939 доведена до 1532 г., датировка по филиграням не противоречит отнесению рукописи к первой половине 30-х годов XVI в. Еще один почерк Н. В. Синицыной отождествлен с рукой давнего, с 1505 г., сотрудника и помощника Медоварцева, что свидетельствует о написании рукописи в том же Никольском монастыре, где Медоварцев трудился до осуждения. Такую ситуацию исследователи объясняли двояко: либо Медоварцева выслали из Москвы не сразу после осуждения, либо вскоре после высылки ему разрешили вернуться. Немаловажно и то обстоятельство, что более поздних известий о деятельности Михаила Медоварцева нет, поэтому исследователи резонно предполагают, что он умер вскоре после осуждения.

По своему содержанию Летописец Михаила Медоварцева близок к Воскресенской летописи. С. А. Левина писала, что источники или подготовительные материалы к составлению Воскресенской летописи отразились в двух рукописях – Син. 939 и Син. 940. По предположению Б. М. Клосса, в этих сборниках представлены источники Воскресенской летописи. На наш взгляд, летописная подборка Син. 940 целиком зависит от Воскресенской летописи, в ней присутствуют выписки даже из вводных статей летописи. Кроме того, Син. 940 датируется серединой XVI в., когда Воскресенская летопись уже определенно существовала, поскольку известны ее списки этого времени. Другое дело – Син. 939, составленный в начале 30-х годов XVI в. Воскресенская же летопись доводит изложение событий до 1541 г. Таким образом, получается, что к моменту написания Син. 939 Воскресенской летописи (по крайней мере, в том виде, в котором мы ее знаем) еще не существовало. Отсюда возникает вопрос: какие источники или материалы для составления Воскресенской летописи использованы при создании Медоварцевского летописца?

Воскресенская летопись представляет собой один из крупнейших памятников русского летописания XVI в., источники которого в общих чертах известны. Основным источником древнейшей части летописи, по определению А. А. Шахматова, является список Царского Софийской I летописи. Б. М. Клосс выявил комплекс редакторской правки списка Царского, которая была учтена при составлении Воскресенской летописи. А. А. Шахматов отмечал, что другим основным источником Воскресенской летописи стал текст Великокняжеского летописного свода конца XV в., откуда в Воскресенскую летопись попали обширные фрагменты текста. Какое же место в этой текстологической ситуации занимает Медоварцевский летописец?

Говоря о Медоварцевском летописце, исследователи имеют в виду летописную подборку в Син. 939. Однако сходный текст читается в еще одной медоварцевской рукописи – БАН. Арханг. Д.193, которая датируется примерно тем же временем, что и Син. 939. Нельзя сказать, что эта рукопись малоизвестна. Напротив, с момента введения ее в научный оборот М. В. Кукушкиной ей посвящено несколько статей. Одно из летописных известий, а вернее комментарий Медоварцева к летописной статье о деятельности новгородского архиепископа Ионы, получило широкую известность (в комментарии сообщается, что будущего новгородского архиепископа с раннего детства воспитывала в своем доме бабка Михаила Медоварцева). И все же летописные подборки в рукописях Син. 939 и Арханг. Д.193 никто не сопоставлял. Проделав это, мы пришли к следующим заключениям. Обе подборки чрезвычайно близки как между собой, так и с Воскресенской летописью. В них отразились источники Воскресенской

¹ Исследование проведено на средства гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД–5576.2013.6.

летописи, причем в том же расположении, которое мы встречаем в тексте Воскресенской летописи. Получается, что Медоварцевский летописец имеет своим источником Воскресенскую летопись, которая, следовательно, уже существовала в начале 30-х годов XVI в. Напомним, что еще А. А. Шахматов, анализируя предисловия к Воскресенской летописи, высказал предположение о существовании первой редакции летописи, составленной в 1533 г. Материалы медоварцевских рукописей подтверждают это предположение. Отметим также, что Медоварцевским летописцем следует называть не летописную подборку в Син. 939 или Арханг. Д.193, а их протограф, основу которого составили выписки из первоначальной редакции Воскресенской летописи.

Я. Г. Солодкин (Нижневартовск)

ПОВЕСТЬ О ПОБЕДАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЗВАНИЯ

Без малого четыре десятилетия тому назад обширный круг публицистических сочинений, отражающих перипетии Смутного времени, пополнился найденной Г. П. Ениным Повестью о победах Московского государства (далее – ППМГ). С точки зрения первооткрывателя памятника, «оптимистическое заглавие» этого произведения, не имеющее аналогий в остальных произведениях о «межъусобной брани» в России начала XVII в., объясняется тем, что для анонимного автора многолетнее «смятение» закончилось общим успехом, нарушенный тогда феодальный порядок удалось восстановить [Енин, с. 165]. Такое объяснение вряд ли соответствует названию вышедшего из-под пера смоленского в прошлом дворянина сочинения, где, в частности, сказано: «...колики напасти подъяша за умножение грех наших от междоусобных брань от поганых ляхов и от Литвы, и от русских воров, и како от толикух бед избавил ны всемилостивый Господь Бог наш...». К тому же анонимный «слогатель» вовсе не изображает предшествующее лихолетье чередой побед, рассказывая о крупных неудачах, постигших правительственные войска на Пчельне, Ходынке, под Болховом, Троице-Сергиевом монастырем, Белой, Клушиным, Боровском, Можайском, а затем в попытках вернуть утраченный Смоленск. Кроме того, в интересующем нас сочинении с горечью повествуется о кончине прославленного князя М. В. Скопина-Шуйского и низложении царя Василия.

Недавно А. М. Молочников рассудил, что название «о победах Московского государства» это произведение получило при переписке в XVIII в., тогда как его создатель (возможно, А. Л. Вараксин) по аналогии с летописной повестью «о бедах и скорбех и напастех...» собирался поведать читателям о бедах, пережитых Россией в начале предыдущего столетия, а вовсе «не имел намерения похвалиться “победами” смоленских дворян», да и в концовке «мемуарного сказания» говорится про «от бед освобождение, и от многия напасти и рати междоусобных брань, и от много разорения избавления... бед» [Молочников, с. 326, 329].

Думая, что автор ППМГ в отличие от других публицистов первой трети XVII в. не признавал время Смуты трагической порой русской истории, и Г. П. Енин, и А. М. Молочников исходил из основного значения слова «победа». Однако победой иногда называли бой, сражение, подчас же – разорение, беду, несчастье¹. О битве на Восме в Новом летописце старшей редакции сказано: «начаша воры московскихъ людей осиливати», и те «видя надъ собою победу отъ враговъ, все возопиша единогласно, что померети всемъ до единого». В «Описании новыя земли Сибирского государства» как победа татар определяется разгром ермаковцами и пленение мурзы Канделея – ближнего советника Кучума². «Победа» означает ‘поражение, неудача’ и в некоторых других источниках [Раздорский, с. 148, 152, 154; Флоря, с. 640]. Тот же смысл имело и слово «побеждение» («побежение»)³. В Летописной книге о Смутном времени «победницами» считаются победители, а «победоносцами» – несчастные. В этой «пространной истории», редактировавшейся И. М. Катыревым-Ростовским и С. И. Шаховским, победами названы поражение

¹ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: Труд И. И. Срезневского. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 991, 992; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 120.

² Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 371; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 75. Ср.: С. 58. См. также: Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 123.

³ ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 494; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 68, 137.

русских под Тверью, падение долго оборонявшегося ими Смоленска, «московское разорение». Вместе с тем в «книжице летописной» читаем об одержанной Скопиным-Шуйским победе — взятии Твери, и еще одной победе «московского воинства» — освобождении «царствующего града»⁴.

Начало XVII в. запомнилось русским книжникам как годы «злого пленения», великого разорения и кровопролития «без числа». К кругу этих книжников следует отнести и «списателя» ППМГ, посвященной страшным бедствиям родной страны при царе Василии и в «безгосударное» время.

Литература

- Енин Г. П. Повесть о победах Московского государства // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 167–170.
- Молочников А. М. Родословие Вараксиных и «Повесть о победах Московского государства» // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода: к 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Мат-лы Международ. науч. конф. / Под ред. В. Н. Козлякова. Ярославль, 2012. С. 326–330.
- Раздорский А. И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 141–154.
- Флоря Б. Н. Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII века // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время. Сб. ст. памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 631–643.

⁴ ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 384, 396, 398, 400, 410, 420. См. также: Сборник Муханова. 2-е изд., доп. СПб., 1866. С. 310.

A. H. Старицын (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА К ЦЕРКОВНЫМ НОВОВВЕДЕНИЯМ В XVII в.

В научной литературе господствует укоренившееся в XIX в. мнение о привнесении извне и распространении в крестьянской среде «раскола», то есть протестных настроений по отношению к проведенной церковной реформе. Общепринятым считается, что «заражение расколом» прежде лояльных к церковным новинам территорий происходило в результате деятельности проповедников, распространявших староверческие идеи. Но если взглянуть на ситуацию без конфессионального пристрастия корифеев старообрядческой проблематики (митр. Макарий (Булгаков), А. П. Щапов, Н. И. Субботин, П. С. Смирнов и др.), то нетрудно заметить, что сначала надо было распространить и внедрить новинки, а уже потом защищать их от неизвестно откуда взявшись проповедников старины. Иными словами, нужно четко понимать, что является причиной и что следствием, а для этого необходимо изменить вектор исследования.

Представляется, что протестные выступления против церковной реформы происходили по мере ее распространения и все более настойчивого внедрения в регионах. Это был продолжительный процесс, который нельзя было завершить в один или два года. Поэтому протесты возникали с разной периодичностью и в различных формах в зависимости от активности местных властей и от постепенного установления жесткого контроля над соблюдением нового церковного порядка. Когда реформаторы повсеместно одержали победу и реформированная церковная организация стала господствовать во всех уголках Российского государства, тогда окончательно сформировалась староверческая доктрина. Только применительно к этому времени можно говорить о роли проповедников в распространении староверческих взглядов. На ранней стадии исследуемого явления следует рассматривать, как происходило проникновение реформированного обряда в крестьянскую массу и как крестьянство реагировало на новую церковно-государственную политику.

Грамота, посланная в Каргополь в июле 1667 г. от имени новгородского митрополита, позволяет проанализировать ситуацию на местах, а именно в приходе церкви Козьмы и Дамиана Печниковской волости Каргопольского уезда. Конфликт в приходе возник между прихожанами и священником из-за предписания, полученного от поповского старосты, чтобы богослужение совершилось по новоисправленным служебникам. В поступках фигурантов дела проявилось принципиально различное

отношение к традиции церковного богослужения, с одной стороны, независимого, самодостаточного крестьянского мира, с другой — находящегося в подчиненном положении перед вышестоящим церковным начальством священника. Суть конфликта в том, как стороны смотрят на проблему. Для крестьян незыблемость веками устоявшихся церковных обрядов очевидна и священна, и они готовы отстаивать свою позицию. Для священника, который выступает в роли наемника, мнение мира, нанявшего его, имеет большое значение, но перевешивает боязнь потерять священнический сан, что целиком зависит от священноначалия. Церковный староста от лица прихода отказал священнику от церкви. Но священник возвратился с новой грамотой от поповского старосты, в которой приказывалось вернуть его на прежнее место. Крестьяне повиновались, но мнение свое по поводу нововведений не изменили. Крестьянский мир не решился пойти на открытое сопротивление церковным властям. Протестные настроения выразились в пассивной форме — в отказе посещать богослужения, совершившиеся по-новому, в недопущении в свои дома священника, служащего по-новому. Однако крестьяне проявили способность критически оценить распоряжения священноначалия и выразить свое отношение к неправильным, на их взгляд, решениям.

Недовольство прихожан — это первое, с чем сталкивались реформаторы на начальной стадии реформы. В дальнейшем, по мере ужесточения репрессий и введения тотального контроля над инакомыслием, выражать протест через приход стало невозможно. Возникли новые формы протеста, связанные с решительным разрывом с реформированной церковной организацией, такие как уход в тайные поселения и готовность умереть в огне за свои убеждения. Что касается Печниковской волости, то устойчивые староверческие традиции и негативное отношение к господствующей церкви сохранились в этой местности вплоть до начала XXI в.

П. С. Стефанович (Москва)

ДАНЬ «МИРА ДЕЛЯ» — ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

В части «начального летописания», касающейся образования государства руси, есть эпизод, вызывающий большие трудности в интерпретации, — установление власти Рюриковичей в Киеве. В частности, там говорится, что Игорь (по Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1Лм)) или Олег (по «Повести временных лет») установил дань с определенных народов, а «от Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира деля». В специальной работе я попытался реконструировать первоначальный текст этого рассказа и привел аргументы в пользу того, чтобы считать версию Н1Лм более древней, а эти ежегодные 300 гривен рассматривать как платеж с Новгорода в Киев [Стефанович, с. 5–35]. Но непонятным остается пояснение об этом платеже как «мира деля». О каком «мире» идет речь?

Проведенный анализ летописного известия заставляет отвергнуть обычную трактовку, что деньги собирались с Новгорода для «замирения» варягов (наемников, агрессоров), — платеж шел в пользу именно киевских князей Руси, а не каких-то варягов. Выражение «мира деля» сопоставлялось также с названием налога в древней Чехии, который выплачивался свободными земледельцами в королевскую казну ежегодно с определенного количества обрабатываемой земли — tributum pacis («дань мира»). Вероятно, это название связано с архаическим представлением о «княжеском (королевском) мире»: обеспечивая общественное согласие, правитель взимал за это плату [Třeštík]. Однако это сопоставление (которое я сначала поддержал) неудачно. Суть древнечешского tributum pacis и побора с Новгорода разная: в первом случае это налог с земледельцев, во втором — выплаты из одного политического центра в другой.

Более уместной выглядит другая аналогия новгородской «дани мира деля». Ее можно обнаружить в финансовом соглашении между шведским конунгом и Готландом, о котором повествует так называемая «Сага о гутах». «Сага о гутах» (или «Гутасага») была записана в середине XIII в. как введение к сборнику права Готланда, и ее содержание сводится к рассказу об истории гутов с момента заселения ими острова до христианизации в XI в. Важная часть рассказа посвящена истории вхождения Готланда в состав Шведского государства, в том числе довольно подробно описываются условия присоединения, которые понимаются как действующие на момент рассказа. «Гутасага» относит соглашение со шведским конунгом к языческим временам, и его заключение приписывается некоему мудрецу или колдуну Авайру Соломеной Ноге (выступающему явно в роли «культурного героя»). Этот Авайр, согласно рассказу, «заключил нерушимый договор с конунгом свеев. Шестьдесят марок серебра ежегодно — это дань [scat] гутов, причем конунг Швеции должен получать сорок марок серебра из шестидесяти и ярл (второе лицо после конунга. — П. С.) — двадцать марок серебра. Этот договор он заключил по совету страны, (данному ему) до того, как он уехал из дома. Так гуты добровольно подчинились конунгу свеев, чтобы

они могли свободно посещать все места в Швеции без пошлины и всех (других) платежей. Также и свеи имеют право посещать Готланд без запрета на ввоз зерна или других запретов. Конунг свеев должен был защищать гутов и оказывать им помощь, если они нуждались в этом и требовали этого. Конунг и равным образом ярл должны посыпать посланцев на тинг всех гутов и велеть (им) там взимать свою дань. Посланцы должны объявлять гутам мир [frif], чтобы (они могли) плыть через море во все места, которые принадлежат конунгу Уппсалы (то есть конунгу Швеции. — П. С.), и равным образом (мир) тем (подданным конунга. — П. С.), которые держат путь сюда (на Готланд)»¹.

По мнению современных историков, несмотря на очевидные легендарные черты рассказа, основные условия этого договора между конунгом свеев и Готландом выглядят вполне правдоподобно для эпохи XI — первой половины XIII в. [Чернер, с. 30–31, 37–39]. Платеж в 60 марок в пользу конунга и ярла назван в оригинале *scat*, то есть просто «деньги». Как ни оценивать происхождение этого платежа и ни называть его (данью, как в русском переводе, пошлиной или как-то иначе), понятно, что речь шла об отношениях, построенных на более или менее взаимовыгодной основе: за деньги жители острова могли рассчитывать на «защиту и помощь», но главное — на «мир», то есть свободу передвижения по всем местам, где признается власть конунга, и беспошлинную торговлю.

Если сравнивать этот платеж с побором с Новгорода, то сразу обнаруживаются совпадения. Во-первых, готландцы сами собирали *scat*, и сумма — фиксированная. То же самое и с новгородским платежом. Во-вторых, близки размеры суммы: 1 скандинавская марка равнялась примерно 4 древнерусским гривнам, если переводить их на серебро (исходя из определения гривны как «двадцатки дирхемов»); 60 марок = 240 гривен, ср. 300 гривен с Новгорода. В-третьих, и в «Гутасаге», и в летописи важным условием выплаты является сохранение «мира». Сопоставление с «миром» шведов и готландцев позволяет допустить, что за выражением «мира дела» стояло соглашение о свободном передвижении и, главное, беспошлинной торговле. Достаточно вспомнить о «пути из Варяг в Греции» и указать на современные работы, подчеркивающие важность транзитной торговли в эпоху образования Древнерусского государства.

Эти совпадения, каждое из которых может быть признано случайным, все вместе указывают на структурно-типологическую аналогию. Речь идет о соглашении между торгово-экономическим центром, который заинтересован в свободной торговле и политической стабильности, и военно-политическим центром, который заинтересован в доходах и контроле. Такого рода соглашения были не только между Швецией и Готландом, но и между норвежскими конунгами и островами, заселенными выходцами из Норвегии. Какие-то подобные договорные отношения историки предполагают между Хедебю (Хайтабу) и датскими и германскими правителями, Волином и польскими князьями. Новгород и поднепровская Русь вписываются в этот ряд.

Литература

- Степанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 5–35.
Чернер С. Происхождение и развитие государственной системы на острове Готланд в средние века / Пер. С. Л. Никольского // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1999 год. М., 2001. С. 26–43.
Třeštík D. Počátky přemyslovské státnosti mezi křest'anstvím a pohanstvím // Stát, státnost a rituály přemyslovského věku. Problémy, názory, otázky. Sborník příspěvků z konference konané dne 18. října 2005 v Brně, ed. Martin Wihoda, Demeter Malat'ák. Brno, 2006. С. 25–46.

¹ Сага о гутах / Перев. и примеч. С. Д. Ковалевского // Средние века. М., 1975. Вып. 38. С. 309.

С. В. Стрельников (Санкт-Петербург)

К ИЗУЧЕНИЮ ВКЛАДНЫХ КНИГ ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Монастырские вкладные книги содержат весьма ценные сведения по истории монастырской культуры, землевладению, генеалогии, строительству и т. д. В них заносились записи о вкладах при пострижении, на помин души, за здравие и т. п. За последнее десятилетие изучение вкладных книг заметно продвинулось, что связано с введением в научный оборот и публикацией новых источников данного вида документации. Значительная часть таких исследований проводилась либо на материале синодиков, либо — приходо-расходных книг. В одной из работ, посвященных изучению записей о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, ее автор З. В. Дмитриева поставила вопрос о дублетности информации о вкладах в монастырской документации. При этом З. В. Дмитриева привела две противоположные точки зрения по этой проблеме: Т. В. Сазоновой и мою. Т. В. Сазонова

при составлении перечня вкладов в Кирилло-Новоезерский монастырь с середины XVI по середину XVII в. пришла к выводу, что записи о вкладах не дублировались, то есть записывались в одну из монастырских книг. В своей работе, посвященной проблеме предназначения вкладных грамот и вкладных книг, я сопоставил записи во вкладной и приходной книгах Тихвинского Успенского монастыря за 1653/1654 г. и установил их почти полное текстуальное совпадение, указав на происхождение вкладной книги от приходо-расходной документации Тихвинского монастыря. Мое отдельное наблюдение над монастырской документацией упомянутого монастыря З. В. Дмитриева интерпретировала как указание на дублирование записей в приходной и вкладной книгах без изменения «суммы внесенных денег», хотя в моей статье ничего не говорилось о том, что денежные суммы в этих книгах не могли меняться. Сама З. В. Дмитриева в целом поддержала точку зрения Т. В. Сазоновой, подкрепив ее примерами из поминальной практики Кирилло-Белозерского монастыря и сформулировав выводы.

Сопоставление вкладной книги Тихвинского Успенского монастыря 1653–1664 г. с приходной книгой 1653–1654 г. того же монастыря позволяет прийти к следующим выводам. Из 17 вкладов, зафиксированных во вкладной книге с июня 1653 по июнь 1654 г., 14 вкладов отражены в приходной книге монастыря. То есть 82,35% вкладов из вкладной книги за указанный период отражены в приходной книге. Следовательно, вывод З. В. Дмитриевой о том, что значительная часть сведений о вкладах не дублировалась, по отношению к Тихвинскому монастырю не подтверждается.

Можно согласиться с другим выводом З. В. Дмитриевой о том, что «не всегда совпадали даты учета и суммы вклада». Замечу, что информация приходных книг более точна. Задачей же вкладных книг было выявление из общей массы и упорядочение денежных и имущественных поступлений наиболее значимых для монастыря вкладов.

Вопрос о том, являлись ли приходные книги первичным источником при составлении вкладной книги Тихвинского монастыря, требует специального рассмотрения. Отсутствие в приходной книге записей о 3 вкладах, присутствующих во вкладной книге, указывает на то, что приходная книга 1653–1654 г. не была первичным источником при составлении упомянутой вкладной книги. Какие источники тогда являлись первичными при составлении вкладной книги? Вкладная книга 1653–1664 г. и приходная книга 1653–1654 г. имеют тетрадную форму. В самой вкладной книге в записях за апрель 1660 г. встречаются пояснения «дача его в столповые книги писана» и «дача его в приходную книгу писана». Упоминаемые здесь «столповые книги» и есть те самые первичные документы при составлении вкладных книг. Пример такой «столповой книги» с записями вкладов встретился среди столбцов Тихвинского монастыря. На обеих сторонах состава содержатся написанные разными почерками записи вкладов за 15–25 февраля 1662 г. Из 19 вкладов «столповой книги» (даю это наименование условно, так как состав не имеет самоназвания) 8 вкладов на сумму 12 и более рублей отражены во вкладной книге 1653–1664 г. за период 10–25 февраля 1662 г. Остальные 11 вкладов «столповой книги» содержат меньшие суммы и во вкладной книге 1653–1664 г., фиксировавшей выдачу вкладных грамот, не представлены. Несмотря на то что вклады в «столповой книге» записаны под 15–25 февраля, а во вкладной книге даты сдвинуты в интервале 10–25 февраля, можно сделать вывод о том, что перед нами черновик вкладной книги за указанный период. Кроме того, все 19 вкладов «столповой книги» отражены в приходо-расходной книге 1660–1664 г. Если в «столповой книге» используются клаузулы «дал вкладу», «дал... вкладом», «дал», то в приходо-расходной и вкладной книгах клаузулы «взято в монастырскую казну» и «дал в монастырскую казну» указывают на текстологическое сходство приходо-расходной и вкладной книг. При этом 2 вклада вкладчика Тимофея Вавилова (Вавилина), отраженные в «столповой книге», в приходо-расходной книге объединены и суммированы, что указывает на вторичность записей в приходо-расходной книге. Записи вкладов в приходо-расходной книге за указанный период расположены компактно и в той же последовательности, что и записи в «столповой книге». Интересно, что в приходо-расходной книге перед блоком записей, полностью представленных в «столповой книге», и после него имеются и другие записи о вкладах за февраль 1662 г., но не отраженные в «столповой книге». Следовательно, составитель приходо-расходной книги использовал отдельные листы (составы столбцов), в том числе и наш лист («столцовую книгу»), с записями вкладов. Сам текст вкладных записей из «столповой книги» при перенесении сперва в приходо-расходную книгу, а из нее во вкладную книгу подвергся некоторому редактированию, связанному с определенным формуларом записей вкладной книги и ее функциональным назначением — регистрацией выданных вкладных грамот.

Итак, изучение монастырской документации Тихвинского Успенского монастыря позволяет сделать вывод о том, что записи во вкладной и приходной книгах могли дублироваться, однако оба источника, имевшие тетрадную форму, составлялись на основе столбовых записей, являвшихся первичными источниками при составлении как вкладных книг, так и приходо-расходных.

Л. Б. Сукина (*Переславль-Залесский*)

ПЕРЕСЛАВСКИЙ НИКИТСКИЙ МОНАСТЫРЬ В XV–XVI в.: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ОБИТЕЛИ

В последние годы в профессиональной историографии и массовом историческом сознании неуклонно растет интерес к истории русских монастырей. Исследуются социокультурные аспекты монашеской жизни прошлого, реконструируется состав монастырских библиотек и изучается история их бытования. Вполне объяснимо, что внимание специалистов в первую очередь обращено на самые большие и прославленные обители, связанные с жизнью и деятельностью известных подвижников православия. Из этих монастырей, как правило, происходят и ценные памятники искусства и письменности. Но большинство монастырей — это небольшие провинциальные обители, подробности истории которых долгое время казались несущественными для науки. Однако многие из них пережили свой расцвет в XV–XVI в., в период активизации монастырского строительства в формирующемся Русском государстве, и изучение этого отрезка их прошлого могло бы принести существенную пользу для понимания специфики религиозной жизни того времени, нюансов взаимоотношений церковных институций и светской власти. История таких монастырей представлена, в основном, характерными для дореволюционной провинциальной историографии так называемыми историко-статистическими описаниями, историческая часть которых составлена из разрозненных фактов, оказавшихся в распоряжении авторов. Современные методы, применяемые в историко-культурных исследованиях, позволяют осуществить более полную и научно обоснованную реконструкцию отдельных, наиболее значимых периодов монастырской истории. В рамках настоящей работы в качестве модели такой реконструкции выбран Никитский монастырь Переславля-Залесского.

Переславский Никитский монастырь принадлежал к числу небогатых, но известных обителей. Основанный еще в XII в., он имел своего почитаемого святого — Никиту Столпника Переславского. В XV–XVI в. монастырь находился на пути великокняжеского, а затем и царского богомолья. Его расцвет в это время был обеспечен вниманием светской и церковной властей и их усилиями, направленными на общерусскую канонизацию Никиты Переславского и огосударствление его культа.

Особое отношение к обители со стороны московских властителей складывается, вероятно, еще во времена Дмитрия Донского и его наследника Василия I. Лучшие десятилетия в жизни монастыря были связаны с посещениями его Василием III, а затем Иваном Грозным. С точки зрения последнего, благополучие семьи и, в первую очередь, наследника Ивана Ивановича обеспечивалось небесным покровительством Никиты Переславского, что требовало обратного живейшего участия царя в жизни монастыря и его щедрой материальной поддержки.

Сохранилось немало источников, связанных с историей Никитского монастыря этого времени. Разнообразие их типов и видов позволяет реализовать комплексный подход в ее реконструкции.

Письменные источники. Некоторые события истории Никитского монастыря зафиксированы летописными памятниками. Они воспроизводятся в разных редакциях Жития Никиты Переславского (где дополняются различными деталями и подробностями) и Степенной книге. До нас дошли также монастырские синодики (в том числе «Синодик опальных Ивана Грозного») и вкладная книга, которые позволяют установить состав монастырских вкладчиков, а иногда размер и причину вкладов.

Памятники архитектуры. В монастыре сохранилась часть каменных стен с башнями середины XVI в., построенными на средства и по распоряжению Ивана Грозного. Особый интерес представляет Никитский собор 1554–1564 г., сохранивший в своей композиции и первую каменную церковь, возведенную Василием III в 20-е годы XVI в. Эти постройки позволяют верифицировать, а иногда и уточнить информацию письменных источников о строительстве в монастыре каменных сооружений в первой половине — середине XVI в. на средства московских государей. Специального исследования требует редкий памятник эпиграфики — каменная плита в стене Никитского собора с храмозданной надписью.

Памятники иконописи. Сохранившиеся иконы Никиты Переславского XVI в. дополняют и корректируют сведения письменных источников об истории его общерусской канонизации и придании его культа государственного значения в конце XV – XVI столетии.

Памятники лицевого шитья. Дошедшие до нашего времени памятники лицевого шитья из Никитского монастыря являются вкладами в него царской семьи. Они вкупе с письменными источниками и архитектурой дают достаточно ясное представление о масштабах благотворительности Ивана Грозного и его семьи в пользу Никитского монастыря.

Анализ перечисленных выше источников и сопоставление его результатов будут способствовать созданию достоверной картины истории обители в наиболее значимый период ее существования. В процессе исследования формируются и апробируются методы реконструкции монастырской истории, которые в дальнейшем могут быть применены и при изучении прошлого других старинных русских монастырей.

A. E. Тарасов (Москва)

ЧИН ПОСТАВЛЕНИЯ ЕПИСКОПОВ 1423 г.
ИЗ СБОРНИКА ДЬЯКА ЛАРИОНА ЕРМОЛАЕВА XVII в.¹

В последнее время в историографии наблюдается повышенное внимание к церковно-правовым вопросам избрания и рукоположения архиереев средневековой Руси. Важным источником для исследователей является Чин поставления епископов, видимо, появившийся на русской почве в первой трети XV столетия, за которым закрепилось название «Чин 1423 г.» [Живов, с. 365–386; Богданов 2010, с. 56–59; Богданов 2011, с. 21–23; Корогодина, с. 113–117; Белякова, с. 118–119]. Недавно его новый список был обнаружен М. В. Корогодиной в собрании БАН [Корогодина, с. 114].

Мне бы хотелось обратить внимание на еще один список Чина 1423 г. Он отложился в составе рукописного сборника церковно-исторического и канонического содержания из Синодального собрания Рукописного отдела Государственного исторического музея — ГИМ. Син. 703. Часть статей этого сборника была опубликована А. Я. Шпаковым еще в 1912 г. (Чин 1423 г. не вошел в публикацию) [Шпаков, с. 93–192], в 1972 г. сборник был описан, хотя и с пропусками отдельных статей, Т. Н. Протасьевой [Протасьева, с. 94–95].

По бумаге Син. 703 может быть датирован второй половиной 70-х — началом 80-х годов XVII в. Владельческая запись гласит: «Сия книга дьяка Лариона Ермолаева». Владелец сборника, вероятно, Ларион (Илларион, Федор) Васильевич Ермолаев, между 1659–1675 г., по данным С. Б. Веселовского, служивший дьяком на Двине, в Смоленске, Симбирске, приказе Большой казны и Рейтарском приказе [Веселовский, с. 174]. В 1660 и 1665 г. он разбирал дело крестьян Андреянова стана Двинского уезда об уравнительном переделе земель [Устюгов, с. 40–49]. В 1661 г. должен был оказывать содействие дьяку Василию Шпилькину, направлявшемуся с целью поиска серебряной руды на Северный Урал через Двинские пределы². После 1675 г. какое-то время Ларион Ермолаев служил в Казани.

Помимо Чина 1423 г., в состав сборника входят: Чин избрания митрополита Иоасафа (1539 г.), включая исповедание новопоставленного и повольную грамоту архиепископа Макария Новгородского; несколько отреченных грамот архиереев Великого Новгорода: Феофила (1482/1483 г.), Геннадия (1504 г.), Леонида (1547 г.), а также формулярный извод, в основу которого положена отреченная владыки Сергия (1484 г.); «Поучение митрополита Фотия Московского и всея Русии» (нач.: «Священницы, детей своих духовных наказуйте страху Божию, да ходили бы к церкви и молили бы Бога за государя и за православное християнство...»); Поучение «того же» митрополита Фотия (нач.: «Благословение детем моим, князем, бояром и детем боярским, и гостем и всем людем градским и сельским. Чтобы есте удавленины не ели...»); Сказание «О обретении мощей чудотворца Никиты, епископа Новгородского, из немецкого града Ругодива»; несколько текстов, связанных с установлением патриаршества на Руси («О пришествии на Москву патриарха Иоакима Антиохийского из Казани», «О пришествии на Москву из Царяграда святейшего Иеремея патриарха вселенского», «О поставлении первого патриарха на Москве Иова»). Изначально сборник начинался Чином «О поставлении благочестивых царей и великих князей на царство» (Л. 1–28), однако в 1858 г. этот текст был изъят и утрачен, его место заняла копия. В настоящее время данная копия хранится в ГИМ отдельно от сборника под шифром Син. 703а-4°. Особо следует обратить внимание на пропущенную Т. Н. Протасьевой при описании сборника исповедную грамоту епископа Владимира и Берестейского Даниила (1451 г.; Л. 52 об. – 55).

Вероятно, Чин поставления епископов из сборника Син. 703 является в настоящее время самым поздним известным списком Чина 1423 г. Его включение в сборник, относящийся к последней четверти XVII в., примечательно: формулы Чина (например, обещание архиерея «не хотети ми приимати иного митрополита, разве кого поставят из Цариграда, как то изначала есмы прияли» и др.) были явным каноническим и историческим анахронизмом, восходящим ко времени до начала автокефалии Русской церкви и разделения митрополии «всея Руси» в середине XV в. Важным элементом для изучения бытования Чина 1423 г. на Руси является также точно датированная в списке Син. 703 начальная часть формуляра избирательного списка («свитка») кандидатов в архиереи: «По избрании же // епископ с теми написует три же, их же изберут, священноинок имена и пишут на том свитце ситце: “В лета 7047-го, индикта в 12, месяца февраля во 2 день, или иного лета и месяца и дни...”» (Л. 33–33 об.). Отмечу, что

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-31-01255 а2.

² Документы по истории горного дела XV–XVII вв. // Сб. РИО. М., 2003. Т. 6 (154). С. 66.

2 февраля 1539 (7047) г. с кафедры был сведен митрополит Даниил. В то же время список Чина 1423 г. из Син. 703 скорее следует относить к одной из его ранних редакций, возникших, согласно исследованию А. И. Плигузова, не позднее 1455/1456 г.³

Состав сборника Син. 703, очевидно, сразу или вскоре после своего создания попавшего в библиотеку дьяка Лариона Ермолова, может служить своеобразным показателем интересов светских управленцев Московского государства в канун Нового времени. Наличие в нем значительного числа материалов, связанных с историей Новгородской архиерейской кафедры, позволяет предположить, что сборник (или его протограф) был составлен в пределах Новгородской земли. Немаловажно и то, что дьяк Ларион Ермолова часть своей службы провел в Двинском уезде, который до образования Холмогорской епархии (1682 г.) входил в состав именно Новгородской митрополии.

Литература

- Белякова Е. В. Замечания к полемике о Чине поставления епископов // ДРВМ. 2011. № 2 (44). С. 118–119.
- Богданов С. В. Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга // ДРВМ. 2010. № 4 (42). С. 56–69.
- Богданов С. В. Избрание епископов на Руси в конце XIV – начале XV в.: каноны и практика (к постановке проблемы) // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 21–23.
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Живов В. М. Архиерейское обещание: Эволюция текста в России XV–XVIII вв. и проблемы церковной истории // Православное учение о церковных таинствах (V Межд. Богословская конф. Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 ноября 2007 г.). Т. II. Евхаристия: Богословие. Священство. М., 2009. С. 365–386.
- Корогодина М. В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // ДРВМ. 2011. № 2 (44). С. 113–117.
- Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2.
- Устюгов В. Н. К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII в. // ИА. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 40–49.
- Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской униони до учреждения патриаршества. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества. Одесса, 1912. Приложения. Ч. 2.

³ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1988. Ч. 4. С. 920–927.

И. Тирет (Кент, Огайо)

ОТ ПУСТЫННИКА ДО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО МОНАХА: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА СВЯТОГО НИЛА СТОЛОБЕНСКОГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В изучении религиозной культуры Древней Руси, к сожалению, до сих пор не уделялось достаточного внимания связям между условиями, которые привели к установлению и распространению культа святого в определенной местности, и эволюцией его агиографического изображения. Литературоведы, занимающиеся подобного рода текстами, как правило, сосредотачивают свое внимание на различных редакциях жития святого с привлечением «дополнительных» текстов (таких, как чудеса и литургические источники), в то время как историки больше уделяют внимание вопросам исторической достоверности агиографических текстов, различиям между местным и общерусским почитанием и другим проблемам истории канонизации святых. До сих пор еще не хватает комплексного всеохватывающего подхода к изучению древнерусских святых, который выявил бы политические, экономические, географические и личные аспекты, объясняющие постепенное развитие культа святого и соответствующие изменения его образа в разных редакциях жития. Целью настоящей работы является попытка совместить все вышеназванные аспекты и показать, как происходило изменение культа Нила Столобенского, начавшегося с почитания святого на местном уровне в Селигерском районе в конце XVI в. и трансформировавшегося в общерусский культ в середине XVII в.; обратить внимание на те существенные отличия, которые видны при сравнении агиографических и литургических сочинений этого периода, в частности первой редакции Жития Нила, написанной после 1598 г., самой ранней Службы святому, датирующейся 20-ми годами XVII в., и второй редакции Жития Нила, относящейся ко второй четверти XVII в.

Почитание Нила Столобенского началось неподалеку от озера Селигер в конце XVI в., приблизительно сорок лет спустя после преставления святого на Столбном острове. В честь Нила, который вел жизнь пустынника на этом острове, монах Герман из близлежащего Николо-Рожковского монастыря построил собор и монастырь на месте, где находилась гробница святого. Герман, который стал первым игуменом Ниловой пустыни, с помощью мирян старался обеспечить выживание маленькой и бедной обители. Именно он способствовал утверждению и распространению образа святого Нила как боговдохновенного человека, ходатая за обращающихся к нему с верой. Игумен написал записки о жизни Нила и в 1598 г. попросил монаха-агиографа в Герасимово-Болдинском монастыре в Дорогобуже, Филофея Пирогова, создать на их основе первое Житие Нила. В 20-х г. XVII в. преемник игумена Германа, Нектарий, сын оstashковского крестьянина Павла Теляшина, занимался строительной деятельностью в Ниловой пустыни, которая включила в себя постройку новой церкви, посвященной Покровской Богоматери. Грамоты Ниловой пустыни этого времени показывают, что Нектарию удалось привлечь богатых вкладчиков Осташковского района и заручиться покровительством самого царя Михаила Федоровича и его дяди, Бориса Михайловича Лыкова. Доверие иноков Ниловой пустыни к святому Нилу, с покровительством которого они связывали экономическое благополучие монастыря, очевидно из текста Службы св. Нилу, составленной после создания Покровской церкви. В 40-х годах при Нектарии началось восстановление экономической стабильности Ниловой пустыни, потерявшей в 1636–1640 г. нескольких своих покровителей, когда Нектарий служил архиепископом Тобольским и всея Сибири. Для роста популярности Столобенской пустыни возвратившийся на свою родину Нектарий потребовал от иноков соблюдения правил, которые изложил в своем наставлении, посланном им из Сибири к Ниловской братии в 1638 г. Эти правила включали в себе обязанности ведения скромного и целомудренного образа жизни, воздержания от хмельных напитков и творения молитв с умилиением.

Сравнение первой редакции Жития Нила Столобенского со Службой святому и со второй редакцией его Жития показывает, что изображение святого менялось в соответствии с задачами, которые стояли перед иноками Ниловой пустыни, стремившимися к более широкому распространению культа своего святого ходатая. Описание Нила в Пироговском житии отражает старания основателей культа святого убедить будущих покровителей Ниловой пустыни в святости Столобенского заступника перед Богом. Для этой цели Пирогов возвеличил суровый аскетизм святого и его героическую борьбу с силами дьявола. Написанная спустя приблизительно два десятилетия после создания первой редакции Жития Служба святому Нилу отразила процесс развития пустыни при игумене Нектарии и намерение игумена увеличить популярность культа святого Нила. Ее отличительная особенность — появление в ней новой агиографической темы — желание святого служить людям, посещающим его в уединении. Стремление Ниловских монахов расширить число своих попечителей после возвращения Нектария из Тобольска в конечном итоге стало причиной установления монастырских правил в пустыни, которые требовали, чтобы монахи молились за своих попечителей и строго сохраняли приверженность общежительным нормам, где особое значение придавалось послушанию, целомудрию, кротости и выполнению физической работы. В этом контексте вторая редакция Жития Нила представляет святого как идеального монаха, следовавшего этим нормам.

Пример Нила Столобенского показывает, что сопоставление документальных и агиографических сведений может привести к новым существенным открытиям в исследовании культа святых в Древней Руси.

H. B. Трофимова (Москва)

БИТВА У МСТИСЛАВЛЯ В ЛЕТОПИСЯХ XV–XVI в.

В 1387 г. смоленский князь Святослав Иванович совершил поход к Мстиславлю, ранее принадлежавшему Смоленскому княжеству, но затем завоеванному литовцами. Поход оказался неудачным, Святослав погиб, а на смоленский престол «посадили» его сына литовские князья.

Эти события получили разное отражение в летописных сводах. Повествование о них имеет три основных вида. Во-первых, это погодные записи, самая краткая из которых помещена в Новгородской I летописи младшего извода под 6894 г.: «Того же лѣта убиша Литва князя Святослава Смоленского». Более подробная запись, фиксирующая факт неудачного похода, сохранена Летописью Авраамки под тем же годом, но она не содержит указаний на время сражения, а из его результатов упоминает только о судьбе князей.

Второй вид — краткая летописная повесть, передающая основные события похода, которую с небольшими разночтениями сохранили Рогожский летописец, Симеоновская, Львовская и Ермолинская летописи, а также «Летописец от 72-х языков» и Тверской сборник.

В Рогожской и Симеоновской летописях перечислены князья, принявшие участие в походе, назван глава вражеского войска Скиргайло Ольгердович. Битва описана исключительно формулами. Летописец достаточно подробно говорит о ее последствиях: гибели князей, пленении Глеба и посажении литовскими князьями на смоленский стол Юрия. Этот вариант представляет собой типичную информативную воинскую повесть.

Некоторые дополнения содержат Львовская, Ермолинская летописи и «Летописец от 72-х языков». Здесь упоминается о том, что город Мстиславль был занят Литвой у смоленских князей, таким образом, поход мотивируется стремлением вернуть город в состав Смоленского княжества. Появляется сообщение о том, что русское войско «многа зла учини идучи земли Литовской». Указаны даты событий и место битвы. В этих летописях уточняются отдельные исторические и географические сведения, но само повествование не становится более детальным.

Тверской сборник не упоминает о том, что Мстиславль был захвачен литовцами у смолян. Летописец рассказывает о расправе с жителями смоленских воинов по пути к городу и дает прямую оценку их действиям эпитетами: «эвърообразне мучаху безчеловѣчено». Вносятся уточняющие детали в рассказ о подъезде литовского войска. В то же время совсем не говорится о ходе битвы, менее подробно повествуется о судьбе смоленских князей. Возможно, такая пролитовская правка текста объясняется тем, что после 1375 г. сведения в своде имеют тверское происхождение, а Тверь в эпоху описываемых событий часто вступала в тесные отношения с Литвой.

Третья группа летописей (Новгородская IV, Софийская I, Вологодско-Пермская, Московский летописный свод, Воскресенская, Никоновская, Западнорусские) содержит варианты пространной повести. В первых трех из названных летописей различия невелики, во всех есть уточнения временного порядка и целый ряд живописных деталей, передающих ход событий. Так, появление литовского войска рисуется глазами смолян, передаются их чувства и действия; подробнее рассказано о гибели Святослава.

В переработке Московского летописного свода и Воскресенской летописи повесть лишается ряда деталей, становясь менее экспрессивной. Эта особенность характерна для московских великоцарских сводов.

В Никоновской летописи предельно распространен рассказ о казнях, учиненных смоленскими воинами в Литовской земле. Введен ряд деталей, увеличивающих эмоциональность повествования, для описания победителей использован ряд гиперболических формул, традиционно свойственных рассказам о победах русских князей.

Западнорусские летописи (в части, называемой «Летописец великих князей литовских») представляют особую повесть, различающуюся по спискам отдельными деталями и языковыми особенностями. Рассказу о походе к Мстиславлю предшествует сообщение о попытке Святослава, по договору с Андреем Полоцким, взять Оршу и жестокой расправе с жителями. Данное здесь описание мучений, причиненных смоленскими воинами мирным жителям, сходно с тем, что приводят некоторые среднерусские летописи в повести о походе к Мстиславлю. Большее внимание уделено литовским князьям, обвиняющим Святослава в преступлении крестного целования и пролитии крови христианской и выражаяющим надежду на Божью помощь. Речь их начинается библейскими цитатами (Мф 7: 2, Мк 4: 24, Лк 6: 38, Гал 6: 7). Цитатами же в рассказе о встрече войск автор подчеркивает мысль о том, что Святослав был наказан за крестопреступление (Пс 7: 17, 16). В конце повести сказано о том, что Скиргайло посадил Юрия на княжение смоленском, поскольку он был мужем дочери старшей сестры Скиргайло. «Летописец великих князей литовских» передает события с позиции врагов Святослава, так как написан он был в эпоху, когда Смоленск вошел в состав Литвы и поход Святослава, видимо, рассматривался как усобица, в ходе которой гибли христиане.

В тексте рассматриваемой повести отразились точки зрения летописцев разных княжеств и разных эпох и общие стилевые особенности отдельных летописных сводов.

A. A. Турилов (Москва)

ЗНАЧЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЛЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Болгарские и сербские списки XIII–XV в. древнерусских сочинений и переводов домонгольского периода рассматриваются в историко-филологической литературе обычно (за редчайшим исключением) лишь в контексте русско-южнославянских культурных связей XII–XIII в. — «первого восточнославянского влияния». Применительно же к древнерусской книжности (и культуре в целом) их значение, по существу, игнорируется, и такое отношение вполне объяснимо. Ситуация в данном случае явно несопоставима с ролью восточнославянских списков болгарских сочинений и переводов для реконструкции книжного корпуса Первого царства (не говоря уже о литературе Великой Моравии или Чехии). В большинстве своем южнославянские списки древнерусских текстов явно вторичны по отношению к восточнославянским (хотя в целом ряде случаев старше их, порою значительно), что хорошо видно хотя бы на примерах Пчелы, Пандектов Никона Черногорца, древнейшего (последняя четверть XIV в.) списка Повести об Акире Премудром (Черногория, монастырь Савина, № 29), Сказания о перенесении мощей Николая Чудотворца в сборнике ГИМ. Хлуд. 241 (ок. 1451 г.). Однако ограниченность наших знаний о книжности домонгольской Руси не позволяет исключать даже малейшей возможности хоть в чем-то их пополнить, а кроме того, за последнее двадцатилетие был сделан ряд значительных находок, позволяющих по-новому посмотреть на проблему¹.

По степени важности для истории древнерусской книжности (и культуры в целом) восточнославянские домонгольские тексты, сохранившиеся в южнославянских рукописях XIII–XV в. (более поздние списки составляют отдельную тему, во многом связанную со «вторым восточнославянским влиянием» XVI–XVII в.), можно подразделить на следующие группы (деление в достаточной степени условно):

1) Памятники, неизвестные в древнерусских списках. Сюда относятся особая («константиновская» или «дружинная») редакция апокрифического Чуда Феодора Тирона (Стратилата) со вставкой, представляющей нечто вроде дружинно-боярского «credo» (списки — Белград, НБС. Рс 711; София, НБКМ. № 535), Чин исповеди с лексическими русизмами в вопроснике, содержащийся в двух пергаменных Требниках первой половины XIV в. — болгарском Зайковском (София, НБКМ. № 960) и сербском Дечанском (Деч. 67), краткие жития княгини Ольги и Феодосия Печерского в южнославянских списках Пролога.

2) Редакции текстов, первичные по отношению к дошедшим в древнерусских списках. Сюда относятся прежде всего Служба Борису и Глебу, сохранившаяся в целом ряде сербских списков XIII–XIV в. (ГИМ. Хлуд. 152 и 160, «Оливерова Минея» — Деч. 32) хотя и в сокращенном виде, но без позднейших вставок, и анонимное новгородское «Слово от Апостола» о засухе 1162 г. (так называемое Слово или Поучение Моисея) в отрывке пергаменного сербского сборника середины — второй половины XIV в. (БАН. 24.4.20; основная часть — РНБ. Ф.п.1.121), где сохранился пассаж с яркими лексическими регионализмами («намы»).

3) Уточнение хронологии памятников и моментов истории их текста. Здесь наиболее показательны примеры памятников второй половины XI в. — Ответов митрополита Иоанна II на вопросы монаха Иакова и недавно открытого древнейшего русского «вопрошания» киевских игуменов Феодосия Печерского и Германа Берестовского к митрополиту Георгию («Неведомые словеса»). Извлечения из обоих текстов (из второго — весьма обширные) на южнославянской почве дошли в Берлинском сборнике начала XIV в. (сербский список с болгарского оригинала) и в близкородственном ему Довольском конца XVI в. (РНБ. Гильф. 42), в составе епитимийно-канонической компиляции «Заповеди св. отец» (второе из «вопрошаний» использовано также в компиляции «Аще епископ», дошедшей в болгарском списке третьей четверти XIV в., так называемом Порфириевом номоканоне — РНБ. Q.II.90). С одной стороны, наличие южнославянских списков надежно датирует создание «Заповедей» (неизвестных в русской традиции до XV в.) временем не позднее конца XII в. С другой — устанавливается также верхний хронологический предел превращения обоих исходных памятников из авторских вопросоответных текстов в подборку анонимных правил.

Редкая стабильность текста «Предисловия покаянию» («Поучения к иереям с упоминанием изгойства») в двух ветвях традиции — русских списках (не ранее конца XIV в.) и в болгарском пергаменном Мазуринском сборнике первой половины — середины XIV в. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1700) — свидетельствует, что памятник вполне оформился к последней четверти — концу XII в. Присутствие в

¹ Подробнее об этом см.: [Турилов, с. 239–304].

сербском сборнике последней четверти XIV в. Деч. 103 отрывка «Повести о царе казарине», известной в русских списках не ранее середины XV столетия, свидетельствует о ее создании не позднее конца XII в.

4) Детали, имеющие значение для истории текстов (и макротекстов — сборников устойчивого содержания). Хрестоматийный пример является атрибуция Послания брату-столпнику в целой группе сербских списков XIV — раннего XV в. «Илариону митрополиту Киевскому». Заслуживает внимания устойчивая характеристика Бориса и Глеба как «царей Русских» в южнославянских списках Пролога, неизвестная в восточнославянских; равным образом нуждается в осмыслиения ошибка ряда списков прологного Жития князя Феодора-Мстислава, где его отцом назван Владимир Святой, а не Владимир Мономах. Требует изучения состав ненотированного Кондакаря с русскими песнопениями в сербском сборнике первой трети XIV в. ГИМ. Хлуд. 189. Наличие явно прологовых повестей и поучений (не совпадающих по набору) в сербском Сборнике попа Драголя второй половины XIII в. и в Берлинском начала XIV в. позволяет говорить о том, что их выборки из учительной части Пролога делались не позднее конца XII в., то есть почти буквально с момента ее создания.

Литература

Турилов А. А. Межславянские связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.

А. С. Усачев (Москва)

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ ЭПОХИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ¹

Сравнивая тексты Степенной книги (рубеж 50–60-х г. XVI в.) и Лицевого свода (70-е — начало 80-х г. XVI в.), нельзя не заметить, что второй во многом проигрывает первой. Это, в частности, проявилось в привлечении к созданию Лицевого свода более узкого круга источников, в меньшей степени переработки их фрагментов, в «невычитке» явных «ляпов», в отходе от некоторых композиционных и иных новаций, присущих ряду предшествующих ему исторических сочинений (см.: [Сиренов, с. 164–166]). И это при том, что, как уже отмечалось в литературе (О. И. Подобедовой, Н. Н. Покровским, Б. М. Клоссом, Л. М. Костюхиной), происхождение обоих памятников было так или иначе связано с кремлевскими книгописными центрами; эти произведения, вероятно, создавались для одного лица. В чем же дело: что произошло за одно-два десятилетия, отделявшие Степенную книгу от Лицевого свода?

Поиски ответа на этот вопрос побуждают нас обратиться к эпохе, в которую создавалась Степенная книга, — к эпохе митрополита Макария.

Общеизвестно, что Макарий, уже в свою бытность новгородским архиереем (1526–1542 г.), активно привлекал к реализации своих литературных замыслов самых разных книжников — как лиц духовного звания, так и мирян. Это его стремление особенно ярко проявилось в период занятия им всероссийской кафедры (1542–1563 г.). По поручению Макария начиная с 20-х годов XVI в. сначала в Новгороде, а затем в Москве и, вероятно, иных городах работал целый ряд книжников, имена которых далеко не всегда известны. С их деятельностью было связано появление литературных (агиографических и иных) произведений, монументальных сводов древнерусской оригинальной и переводной письменности (Великие Минеи Четыни), произведений исторической литературы (Степенная книга и, возможно, Летописец начала царства), начало русского книгопечатания.

Несмотря на то что к реализации своих литературных замыслов Макарий привлекал немосковских писателей (например, псковского агиографа Василия-Варлаама), очевидно, что определенным кругом помощников митрополит располагал и в столице. Вероятно, либо при митрополичьей кафедре, либо при близком к ней Чудовом монастыре по «благословению» Макария работала «команда» книжников². На рубеже 50–60-х годов XVI в. ее деятельность направлял благовещенский протопоп Андрей (позднее — митрополит Афанасий). Под его руководством в эти годы была составлена Степенная книга и, не

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект № МД-209.2012.6).

² О деятельности писцов макарьевской эпохи см., например: [Костюхина, с. 22–32].

исключено, какие-то иные памятники. Вполне возможно, что некоторые из этих лиц принимали участие в создании и редактировании Лицевого свода³.

Если верхний рубеж деятельности Макария вопросов не вызывает — первосвятитель скончался 31 декабря 1563 г., то хронология деятельности окружавших его книжников требует специального рассмотрения.

В попытке, по крайней мере, отчасти прояснить этот вопрос обратим внимание на общеизвестный факт: Макарий принадлежал к той группе деятелей Русской церкви, проявлявших немалый интерес к книжности, которая пришла к управлению ею в 20-е годы XVI в. (в историографии их — в большинстве своем выходцев из Иосифо-Волоколамского и тесно связанного с ним Пафнутьево-Боровского монастырей — нередко именуют «иосифлянами») (см. подробнее: [Зимин, с. 282–308]). Есть основания полагать, что по демографическим причинам большинство этих и иных лиц, проявлявших интерес к книжному делу, а также окружавших их помощников, имена которых неизвестны, в 50–60-е годы XVI в. сошло со сцены (либо умерло, либо отошло от дел): митрополиты Даниил (ум. 1547 г.), Макарий (ум. 1563 г.), Афанасий (сошел с кафедры в 1566 г., ум. между 1568–1575 г.), волоколамский инок Досифей (Топорков) (ум. после 1547 г.), В. М. Тучков (ум. 1548 г.), крутицкий епископ Савва Черный (ум. 1554 г.), Максим Грек (ум. 1555 г.), волоколамский и новоспасский настоятель (позже крутицкий епископ) Нифонт (Кормилицын) (ум. 1558 г.), новгородский архиепископ Феодосий (покинул кафедру в 1550 г., ум. 1563 г.), ростовский архиепископ Никандр (ум. 1566 г.), тверской епископ Акакий (ум. 1567 г.), сузальский, а позднее полоцкий владыка Афанасий (Палецкий) (покинул кафедру в 1568 г.), благовещенский священник Сильвестр (удалился в Кириллов в начале 60-х годов XVI в., ум. не позднее 1577 г.). Точно неизвестны даты смерти некоторых других крупных писателей этой поры — Ермолая-Еразма, Василия-Варлаама и Григория. Историки литературы (Р. П. Дмитриева, В. А. Колобанов, В. И. Охотникова) традиционно относят их деятельность к 40–60-м годам XVI в. (то есть ко времени Макария).

Неудивительно, что лица, олицетворявшие собой эпоху митрополита Макария в истории русской культуры, начав действовать, по-видимому, в 20-е годы XVI в., спустя три-четыре десятилетия умерли или в связи со старостью и болезнями отошли от дел. Деятельность их наследников — книжников времени правления Федора Ивановича и Бориса Годунова (казанского митрополита (позже патриарха) Гермогена, патриарха Иова, вологодского архиепископа Ионы (Думина)) — в полной мере развернется лишь ближе к концу XVI столетия. Вероятно, с этим обстоятельством, по крайней мере, отчасти и может быть связано снижение активности русских писателей в последние полтора десятилетия правления Ивана IV.

В свете вышесказанного очевидно, что большинство писателей макарьевской поры не дожило до составления и редактирования Лицевого свода. Скорее всего, к этому времени «команда» книжников, создававших Степенную книгу и, вероятно, иные памятники, понесла невосполнимые утраты: Андрей-Афанасий и часть его помощников либо умерли, либо отошли от дел. Те, кто остался, судя по всему, в полной мере не смогли их заменить.

Литература

- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977.
- Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. М., 1999.
- Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 431–444.
- Усачев А. С. Митрополит Афанасий и памятники русского летописания середины — третьей четверти XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 253–274.

³ О «штате» помощников Андрея-Афанасия см.: [Усачев 2009, с. 431–444; Усачев 2012, с. 260–264].

E. B. Федорова (Москва)

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРВОГО ПЕРЕВОДА ТОЛКОВОГО ЕВАНГЕЛИЯ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО

Первичный перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (далее – ТЕФБ) выделяют в особую редакцию – так называемый толковый текст, в своей основе имеющий позднюю разновидность древнего текста со следами преславского влияния [Евангелие от Иоанна, с. 12]. Предметом рассмотрения стали списки РГБ. ТСЛ. 108; РГБ. ТСЛ. 109; РГБ. Пискар. 68; РГАДА. МГАМИД (181). 331; РНБ. Кир.-Бел. 16/141; РНБ. Пог. 171; РНБ. Пог. 175; РНБ. Пог. 173; РГБ. ТСЛ. 111.

В результате сопоставления текста ТЕ от Марка и ТЕ от Луки по девяти рукописям памятника с греческим оригиналом было выявлено, что вариантные чтения списков дают возможность выделить две основные редакции перевода: собственно первичный перевод (ТЕ-1а) и его позднейшая редакция (ТЕ-1б) (РГБ. ТСЛ. 108; РНБ. Кир.-Бел. 16/141; РНБ. Пог. 171; РГБ. ТСЛ. 111), представляющая собой текст, подвергшийся правке по афонской редакции. Кроме того, в более поздних списках появляется смешанная редакция (РГБ. Пискар. 68), представляющая собой контаминацию ТЕ-1а и ТЕ-1б: в списке могут присутствовать особенности обеих редакций ТЕ-1 как в виде некоторых единичных вкраплений, так и в виде чередования фрагментов текста двух редакций. Списки первой редакции более последовательны в принципах передачи греческого оригинала в толкованиях и, по всей видимости, лучше сохраняют чтения архетипа. В ТЕ-1б стабильным текстом, напротив, является именно евангельский текст: это более позднее сознательное редактирование перевода, в результате которой текст первичного перевода (ТЕ-1а) был сближен с текстами афонской редакции, при этом, однако, толкования практически не подверглись изменениям.

Таким образом, для восстановления чтений архетипа перевода первостепенное значение имеют списки ТЕ-1а и, в частности, текст толкований.

I. Прежде всего, стоит отметить стремление к достижению одинакового количества слов в греческом и славянском текстах ТЕ, что находит выражение, например, в употреблении лексем πλοδότειν вместо традиционного πλοδό τροφίνт и ποσλέδοвати вместо въслѣдъ нтн, – в отличие от древних текстов, в которых нередки случаи отступления от пословного принципа [Верещагин, с. 58].

II. Тенденция к буквалистичности перевода проявляется и в калькировании порядка слов, в частности служебных. Так, вместо традиционного нтьсть в соответствии с ouvk esti в ТЕ появляется точное соответствие нн есть.

III. Значения греческого субстантивированного инфинитива находят разное выражение в переводах славянских книжников в зависимости от определенных принципов, которые они использовали. Так, древние переводы демонстрируют принцип свободной передачи, а в поздних текстах будет преобладать калькирование греческого оригинала. Обзор инфинитивных конструкций в ТЕ показывает, что основными способами перевода здесь являются инфинитив и отглагольное существительное с предлогом. Считается, что второй способ был мало распространен уже в древности, а в правленых редакциях XIV в. он практически не встречается [Афанасьева, с. 105]. Тем большее значение для изучения переводческой техники имеют выявленные случаи номинализации инфинитивных конструкций в первом переводе ТЕ.

Иногда вариативность при передаче определенной конструкции связана с учетом особенностей контекста. При всем разнообразии способов перевода субстантивированного инфинитива практически не встречается полного калькирования инфинитива с предлогом и артиклем, налицо только тенденция к передаче в определенных случаях греческого инфинитива славянским инфинитивом. Перевод ТЕ обладает чертами правленых редакций в использовании грецизованных конструкций (в частности, в употреблении калькированной модели вънегда / ёгда + inf. в соответствии с греческим evn tw/| + inf., которая является основным вариантом перевода в чудовской редакции [Пентковская, с. 218]). Однако ТЕ предшествует по времени появлению правленым редакциям, что представляет особый интерес.

На основании рассмотренных синтаксических особенностей можно сказать, что переводческая манера ТЕ характеризовалась тенденцией к унификации средств выражения, что нашло свое отражение в предпочтении буквальных греческо-славянских соответствий, затронувших большую часть греческих инфинитивных конструкций.

Литература

Афанасьева Т. И. Славянская литература Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004.

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.

Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб., 1998.

Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.

Д. З. Фельдман (Москва)

ЗНАЧЕНИЕ СМОЛЕНСКИХ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ 1670-х г. В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО КУПЧЕСТВА В РОССИИ

Во второй половине XVII в., при царе Алексее Михайловиче, наблюдается процесс некоторой активизации торговли России с другими странами, в том числе посредством еврейского купечества. Причем это происходило несмотря на то, что после заключения Андрушовского мира с Польшей в 1667 г. иноземцев в Московии стали подвергать новым стеснениям. Но хотя экономические интересы царского двора требовали разрешать отдельным иностранцам, в том числе евреям Польши и Литвы, приезжать по коммерческим делам, в целом доступ их в пределы государства тогда был значительно затруднен. Для польско-литовских евреев, осуществлявших торговлю с Россией, пограничным пунктом был определен Смоленск. Указ царя Федора Алексеевича от 12 сентября 1676 г.¹ и вслед за ним Торговый устав от 11 сентября 1677 г.² вполне четко определяли: «Которые евреяны впредь приедут с товары утайкою к Москве и учнут являться и товары свои записывать в Московской большой таможне, и тех евреян из Приказа Большаго приходу присылатъ в Посольской приказ, и товаров их в таможне не записывать, для того что, по указу великаго государя, евреян с товары и без товаров из Смоленска пропускатъ не велено». В торговом договоре, заключенном с Польшей в 1678 г., было предусмотрено, что евреи, в отличие от прочих польско-литовских торговцев, не могут приезжать в Москву: вправление Федора Алексеевича политика по отношению к еврейским купцам ужесточается.

В материалах различных фондов РГАДА встречаются единичные факты посещения Московии евреями из Польско-Литовского государства. В то же время в составе таможенных книг по Смоленску за 1673–1696 г. имеются многочисленные систематизированные сведения о торговле в этот период евреев Великого княжества Литовского с Московским государством. Смоленские таможенные книги содержат подробную информацию о денежных сборах со смоленских мещан и «со всяких чинов с приезжих торговых людей», об уплаченных на Смоленской таможне пошлинах с товаров иноземцев, а также о других различных сборах. Благодаря тому, что в данных источниках зафиксированы имена торговцев и их сословное положение, перечислены названия, количество и стоимость товаров, записные книги таможенного денежного сбора являются ценным источником для изучения торговых отношений между двумя государствами в конце XVII в. В этих рукописных книгах упомянуты торговцы из таких населенных пунктов, как Болхов, Велиж, Великий Новгород, Великий Устюг, Веряя, Витебск, Вологда, Вязьма, Горки, Дорогобуж, Дубровна, Духовщина, Калуга, Клин, Копысь, Луга, Минск, Могилев, Москва, Мстиславль, Несвиж, Осташков, Полоцк, Псков, Поречье, Рославль, Ржев, Серпейск, Слуцк, Смоленск, Смольяны, Старая Русса, Старый Быхов, Торжок, Торопец, Шклов и др. Торгующие представлены сословиями посадских людей, мещан, приказчиков, шляхтичей, стрельцов, крепостных, монастырских и патриарших крестьян, бурмистров и др. Среди мещан встречается немало евреев.

Для того чтобы представить масштабно деятельность еврейских «торговых людей», мы обобщили информацию из трех смоленских таможенных книг за 1673–1696 г.³ Материалы, касающиеся «евреян», охватывают период с 1673 по 1679 г., приходящийся на правление царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. В это время смоленскими стольниками и воеводами были князь М. И. Лыков, а затем князь Ю. С. Урусов.

В изученных нами таможенных книгах записаны следующие евреи: Данило Аврамов, Еким Аврамов, Захарей Аврамов, Захарей Вистицкой, Илья Ефремов, Михайло Моисеев, Яков Назарьев, Яков Салимонов, Аврам Яковлев и Гавриел Якубов (Егубов) (все – Могилев); Хайн (Хаип) Давыдов, Маэр Ершев и Исаи́й Осипов (все – Горки); Ошер Израилев и Моисей Яковлев (оба – Шклов); Яков Захарев и Якуб (Яков) Марков (оба – Старый Быхов); Юда Аврамов (Слуцк); Яков Ильин (Несвиж);

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. II. № 662.

² РГАДА. Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 1. Д. 1737. Л. 1. См.: [Шутуров, с. 65–66].

³ РГАДА. Ф. 145. Смоленский приказ. Оп. 1. Д. 12. Ч. I–II; Д. 15.

Моисей Моеров (Смольяны); Михайло Уреща (Полоцк); Самуйло Фомин (Мстиславль); Лейба Ермолин (город не указан). Как видим, все перечисленные торговцы прибыли в Россию из Белоруссии, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского. Нетрудно заметить, что наиболее активными купцами были могилевские евреи, что неудивительно, поскольку еврейская община белорусского Могилева была одной из самых многочисленных.

В приведенном здесь списке мы встречаем школовца М. Яковлева, который находился по торговым делам в Московии в 1674, 1675, 1676 и 1679 г. Запись в одной из таможенных книг зафиксировала его очередной приезд с разнообразными товарами в марте 1678 г. Целый ряд еврейских купцов привозил свои товары на продажу в Россию не один раз, и это отражено в смоленских таможенных книгах. Так, могилевский еврей А. Яковлев приезжал сюда дважды — в 1678 и 1679 г.; еврей из Горок И. Осипов также дважды отметился на Смоленской таможне — в 1676 и 1678 г. Своеобразным «рекордсменом» по этой части стал еще один могилевский еврей М. Моисеев, который четыре раза — на протяжении 1678 и 1679 г. — посещал Москвию, причем только в 1679 г. трижды.

Из ввозимой евреями в Россию продукции можно отметить различные виды импортных тканей (сукно, полотно, гарус, тафта, сайка, шелк, саржа, пестрядь), скатерти, шкуры соболя, бобра и выдры, сковороды, гвозди, косы, бумагу, воск, соль, перец, французскую водку, вино, анис, сельдь. В то же время из всей продукции явно преобладали ткани.

Подавляющее большинство евреев ввозили товары в Россию, однако некоторые из них (З. Вистицкой, Е. Аврамов и Д. Аврамов) «явили на возу товару московской покупки», то есть заплатили пошлины за вывозимую продукцию. Как следует из записных книг, белорусские евреи вывозили из Московского государства в Литву различные меха (белки, соболя, лисы, горностая), полотно, тафту, китайку и другие ткани, сусальное золото, медные котлы для вина и пр.

Разновидностью таможенных книг являются записные книги пошлинных денег за проданных лошадей и с шерсти. В одной из таких книг за август 1674 г. зафиксирована сделка между посадским человеком Устюжны-Железопольской Савином Болтуновым и могилевским евреем Г. Егубовым, который продал устюжанину мерина; в другой говорится о том, что в сентябре 1676 г. иноземец из Смольян М. Моеров продал двух лошадей стряпчemu смоленского владыки Силе Иванову⁴. Таким образом, торговля лошадьми также входила в сферу коммерческих интересов литовско-белорусских евреев. Кстати, оба упомянутых еврейских торговца уплачивали пошлины на Смоленской таможне и за товары, доставленные в Россию на возах.

В целом сведения таможенных книг по Смоленску 70-х годов XVII в., демонстрируя исследователю целостную картину торговли евреев из Белоруссии (Великого княжества Литовского) в Московском государстве в этот период, показывают, что весомая доля торговли между двумя государствами принадлежала еврейским предпринимателям.

Литература

Шугуров М. Ф. История евреев в России // Русский архив. 1894. Кн. I. Вып. 1. С. 55—93.

⁴ Там же. Д. 12. Ч. II. Л. 270 об. — 271, 418 об.; Д. 15. Л. 157.

Г. Ю. Филипповский (Ярославль)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «БЕОВУЛЬФ»: АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

Монографическому сопоставлению эти два средневековых текста не подвергались. Отдельные параллели, отмеченные А. Н. Робинсоном, включались им в этюды по фольклорной типологии средневекового мирового эпоса.

В тексте и «Беовульфа», и «Слова о полку Игореве» достаточно мощный пласт архаико-языческих образов и мотивов в целом перекрывается, даже «вытесняется» христианско-мировоззренческим контекстом, мотивами торжества Света над Тьмой (Ин.: 8, 12). Важное место в поэмах занимают образ-символ солнца и его кореллят — мотив «золота» как антитезы тьмы (образ Грэндаля, чудовища ночи и бездны, в «Беовульфе»); тема «золота» сопровождает в обеих поэмах образы оружия героев, снаряжения, княжеских палат: «терем златоверхий» Святослава в «Слове»; «дворец златоверхий» Хеорот Хродгара в «Беовульфе».

Еще ученые XIX – начала XX в. А. Хойслер, В. Кер, А. Н. Веселовский, затем В. М. Жирмунский, А. Я. Гуревич считали «Слово» и «Беовульф» памятниками средневекового книжного эпоса, а их авторов – средневековыми книжниками (в случае «Беовульфа» – клириком, К. Кирнан датировал поэму не седой древностью, а 1000 г.). Последнее, впрочем, не исключает, как и повсеместно в книжном эпосе Средневековья, взаимодействия с арсеналом фольклорно-эпических образов и мотивов, в том числе с мифологической архаикой. Эти образы и представления фольклорно-эпической архаики включены средневековыми авторами поэм в систему контрастных оппозиций при доминанте христианской Победы, определяющей сюжетно-фабульную художественно-повествовательную структуру текстов обеих эпопей.

Образные параллели в обеих поэмах касаются и эпитета «седовласый»: «старый Хродгар сидел седовласый» («Беовульф»); «се ли створисте моей сребреней седине» (Святослав в «Слове»), впрочем, как и «седобородый Карл» в «Песне о Роланде», – аналог и старшинства, и мудрости.

В ключевых эпизодах двух поэм появляются принципиальные по значимости образы женщин-княгинь как «держательниц» жизни и победы героя (Ярославна и ее «плач» в «Слове», Вальхтеев – «золотоносца» на пиру в «Беовульфе»). И еще одна параллель. На пиру же в «Беовульфе» звучит речь-слово песносказателя о древней героике данов; образ Бояна с его песнями о старых князьях Руси – важнейший прием авторской поэтики «Слова».

В жанровом отношении оба текста не просто поэмы: «Беовульф» – героико-родовая, подчас героико-мифологическая эпопея скандинавов (данов и шведов); «Слово» – не только рассказ о походе князя Игоря Святославича в степь, сколько поэтическая эпопея о драматических судьбах Русской Земли, и этот образ-концепт фактически является подлинным героем произведения.

A. И. Филюшкин (Санкт-Петербург)

ПРОИГРАЛА ЛИ РОССИЯ ЛИВОНСКУЮ ВОЙНУ?¹

Ливонская война относится к незнаменитым войнам России, применительно к которым с уст с легкостью слетают слова: «неудача», «поражение», «проигрыш». Она считается неудачной попыткой выйти к Балтийскому морю, почти на 150 лет предвосхитившей деяния Петра Великого. Для некоторых историков Ливонская война является ярким примером бездарной и безответственной политической авантюры, порожденной тираническим режимом Ивана Грозного и приведшей Россию к военному и политическому краху.

Все эти оценки основываются обычно на истории последних трех лет войны (1579–1582 г.), так называемой Московской войны европейских источников, или «Баториевой войны». В эти годы Псковская земля подверглась оккупации войсками Речи Посполитой, были потеряны все завоевания в Ливонии. Итог, несомненно, проигрышный. Но если мы посмотрим на предыдущую историю войн в Прибалтике, на которые распадается Ливонская война 1558–1583 г., то картина оказывается иной. Война 1556–1561 г. за раздел Ливонии завершилась гибелю Ливонского ордена. Его земли поделили соседние государства, в том числе значительная часть территории досталась России. К числу проигравших сторон ее отнести никак нельзя. Русско-литовскую войну 1561–1570 г. Москва тоже выиграла, при этом получив крупные приобретения – Полоцк с окрестностями.

«Баториеву» (для европейцев – Московскую) войну и Русско-шведскую войну (1578–1583 г.) Россия проиграла. Однако при этом она фактически вернулась на позиции, которые занимала до вступления в Ливонскую войну 1556–1561 г. Россия в середине XVI в. завоевала часть Ливонии и Полоцк – и в конце XVI в. потеряла часть Ливонии и Полоцк. Почти все русские земли, захваченные в ходе наступления в 1579–1581 г., Баторий вернул обратно по перемирному договору. А несколько русских прибалтийских крепостей, утраченных в ходе войны со шведами в 1578–1583 г., были возвращены в ходе Русско-шведской войны 1589–1595 г. Таким образом, строго говоря, в территориальном отношении общий итог балтийских войн второй половины XVI в. для России был вовсе не проигрышем. Она не приобрела, но и не потеряла ничего существенного.

Столь же сомнителен тезис, что «Ливонская война является ярким примером бездарной и безответственной политической авантюры». Только негативные характеристики действий русского командования в годы войны будут неправильными. Собственно, оно на всем протяжении войны проиграло только одно крупное полевое сражение (битву при Уле в 1564 г.). Был потерян ряд крепостей (Полоцк в 1579 г., Великие Луки в 1580 г., псковские пригороды в 1581 г.). Зато было выиграно полевое сражение

¹ Исследование подготовлено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 11-01-00462/а.

при Эрмесе (1560 г.), поставившее точку в истории северных крестоносцев. Количество же крепостей, взятых русскими в годы Ливонской войны, исчисляется десятками. Победоносными были Полоцкий поход 1563 г. и Ливонский поход 1577 г. Оборона Пскова в 1581 г. покрыла его защитников неувядаемой славой. Можно по-разному оценивать действия Ивана Грозного в конце войны, но, так или иначе, удалось не допустить военной катастрофы. Баторий не смог взять Пскова. Русская армия не была разбита.

Русская дипломатия во второй половине XVI в. имела на своем счету как успешные акции, так и крупные просчеты и неудачи. К первым надлежит отнести недопущение создания антирусско-крымского союза, союзнические отношения с Данией в 50–60-х годах, признание Данией законности русских аннексий в Прибалтике в 1562 г., использование Ватикана и Священной Римской империи в своих политических интересах в 80-е годы.

Дипломатическое оформление конца Ливонской войны, переговоры в Киверовой горе с участием папского легата Антонио Поссевино можно отнести к числу блестящих побед русской посольской службы. Россия сумела «снискать» папу и императора даже не обещаниями, а туманными намеками на эти обещания. В результате «христианский мир» помог Москве заключить на вполне приемлемых условиях мир с Речью Посполитой. Посольство Дм. Елецкого сумело разыграть великолепную политическую комбинацию, устроить целый дипломатический спектакль, в результате которого договор был подписан на основе одного из предварительных вариантов, утвержденных Иваном Грозным. Россия теряла свои захваты в Прибалтике, но возвращала почти все собственно русские территории, потерянные в 1580–1582 г. Вся Псковская земля была возвращена без единого выстрела. Если не придерживаться милитаристической позиции, что итогом войны обязательно должен был стать захват Прибалтики, — освобождение территории Псковщины можно оценить как несомненный успех.

Представляется, что в контексте всего сказанного необходимо пересмотреть оценки Ливонской войны как однозначного поражения России. Безусловно, общие итоги войны нельзя назвать победными, но и популярные в историографии ее оценки как военной и политической катастрофы надлежит признать предвзятыми.

Б. Н. Флоря (Москва)

ХАЗАРСКАЯ ВЕРСИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УКРАИНСКИХ КАЗАКОВ В «ЛЕТОПИСИ» ГРИГОРИЯ ГРАБЯНКИ

Утверждение, что казаки — потомки хазар, не является изобретением Грабянки. О том, что казаки — потомки хазар, принявшие православие еще под властью своих правителей — каганов, говорилось уже в «Конституции» Филиппа Орлика 1710 г. Однако именно «Летопись» Грабянки — историческое произведение, созданное на Левобережной Украине в 20–30-х годах XVIII в., — содержит сведения, которые объясняют, зачем эта версия понадобилась украинской социальной и политической элите того времени.

Хазары в «Летописи» Грабянки — это особый славянский народ, живущий в степях между Доном и Волгой. Хазары описываются Грабянкой как сообщество воинов, живущее в суровых условиях, которое презирает материальные ценности и прославлено военными подвигами. Перед хазарами трепещут все соседи. Они упорно защищают свою свободу. Святослав нанес им поражение, но не смог их покорить. На этом этапе исторического развития судьбы предков казаков, как их изобразил Грабянка, никак не пересекались с судьбами жителей Южной Руси.

Какая-то связь возникла, лишь когда казаки, утратившие первоначальное название, и жители будущей Украины оказались под властью польских королей. В их положении было, однако, важное различие. Население Украины подчинилось «работному ярму» поляков и вынуждено было терпеть и социальный гнет, и религиозные преследования. В отличие от него казаки защищали свою свободу и заставили польскую власть признать право сообщества воинов на самоуправление и обладание своей территорией. Когда поляки нарушили эти права, казаки подняли восстание и освободили от польской власти и себя, и население Украины.

Из этого следовало, что население Украины обязано своим освобождением древнему содружеству воинов. Оно должно было испытывать благодарность к своим освободителям, подчиняться их руководству и уважать их особый статус, который они завоевали уже в древние времена.

A. A. Фролов (Москва)

ФЕНОМЕН «ЧЕРНОКУНСТВА»
НОВГОРОДСКО-ЛИТОВСКИХ СОГЛАШЕНИЙ XV в.¹

Новгородско-литовскими соглашениями 1431, 1441—1442 г. и проектом договора 1471 г. регламентируется взимание «черной куны» (далее — ЧК) с ряда земель на новгородско-литовском пограничье в пользу литовской стороны². По способу уплаты ЧК волости делятся на две группы: 1. ЧК идет с волости целиком (Молвятичи, Куньско, Березовчи, Стерж, Морева, Жабна); 2. Указана норма выплат с одного чернокунца: 2 куницы и 2 белы (Лопастичи, Буичи, Любоково, Заклинье, Ржево).

Историография рассматривает ЧК как вид дани, взимавшийся на Руси с X в. и превратившийся к XV в. в денежный платеж, шедший с необояренных земель или недавно обояренных (А. М. Гневушев; Аграрная история Северо-Запада России; В. Н. Рябцевич; В. Л. Янин), хотя специальной аргументации в пользу такой трактовки ЧК не приводится. В источниках XII—XIII в. куны называются «черными», когда необходимо подчеркнуть, что речь идет о пушнине, а не о деньгах — просто «кунах» (С. Н. Темушев). Уместна трактовка «кун» и «бел» как шкурок и в случае с новгородско-литовскими соглашениями XV в.: в волостях группы 1 ЧК измеряется числами, кратными 40 (Морева — 40 куниц и 80 бел, Жабна — 20 куниц и 40 бел (в проекте 1471 г. 20 куниц и 80 бел), петровщина в Любокове и Заклинье — 40 бел). Это свидетельствует об исчислении подати в «сорочках», широко применявшимся на Руси для счета куньего и беличьего меха.

В новгородской берестяной грамоте № 2 (страт. дата 40—80-е годы XIV в.) куницы и белки (белы) — основная форма платежей с ряда лиц и селений. Присутствие в том же перечне белой росомахи убеждает, что речь идет не о деньгах. Упоминание «дара» позволяет трактовать эти платежи как разновидность дани. При этом большинство «чернокунцев» грамоты выплачивает по 2 куницы, что соответствует и норме новгородско-литовских соглашений.

На некоторых новгородских приграничных землях ЧК в XV в. уже не взималась мехом, превратившись в денежный сбор. В Молвтицах он составлял 2 рубля, в Кунско — 1 рубль. С Березовца кроме 30 куниц шло 1,5 рубля. В «старом доходе» с Моревы, по Писцовой книге Деревской пятини письма 1495—1496 г. (далее — ПКДП), пушнина тоже уже заменена деньгами. То, что ЧК составляла здесь сумму (16,5 рубля), по стоимости в несколько раз превышавшую размер выплат в Литву мехом, означает, что в период действия новгородско-литовских соглашений литовская сторона получала лишь часть ЧК, остальное доставалось, вероятно, Новгороду.

Для волостей группы 2 допустимая численность чернокунцев определяется возможностями ресурсной базы. Они обусловлены образом жизни лесной куницы, который ограничивает возможную плотность популяции. В Буйцах, по самым оптимистичным подсчетам, свои обязанности могли исполнять не более 15—16 чернокунцев, в Лопастицах — не более 20. Расчет численности чернокунцев в Любокове и Заклинье, основанный на предположении о том, что ЧК вдвое больше петровщины (по аналогии с Молвтицами и Кунско), позволяет считать, что там их было не более 13. Таким образом, в пользу Литвы повинности несла лишь небольшая часть населения волостей группы 2.

Поскольку ЧК поступала в Литву, уместно сопоставление феномена с практиками налогообложения ВКЛ. Здесь известна категория сельского населения, для которого главной службой являлся платеж куничниками. Они назывались «куничниками», их земли «куничными» (М. К. Любавский). Норма платежей различалась в разных регионах, но колебалась в основном между 1 и 3 куницами, что сопоставимо с нормой новгородско-литовских соглашений.

Постановление соглашений «А тивуну ездити по переварам в пятинатчати человек, а по чернокунчам такоже в пятинатчати человек» регламентирует численность свиты тиуна в волостях групп 1 и 2 соответственно. В ПКДП волости группы 1 сохранили специфические формы организации сельского населения, которые предварительно могут быть с переварами соотнесены: Морева — по десяткам, Жабна — по концам, в Березовце в итогах по волости упоминаются перевары. Деление на десятки — форма организации княжеских (а также монастырских) людей, в частности в рамках так называемой служебной организации (В. А. Кучкин).

Изначальное бытование ЧК как сбора пушнины, связь с княжеским хозяйством и аналогии со «службами» куничников ВКЛ, деление территорий на «десятки», раздел между Новгородом и Литвой ЧК, собираемой с целой волости, характерные типы промыслового хозяйства (бортничество в Мореве

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-00098а.

² ГВНП. № 63, 70, 77.

и Велиле, рыбная ловля в Березовце) позволяют видеть в феномене чернокунства остатки «служебной организации». «Служебная организация» исследована на материалах Польши, Чехии, а также и Северо-Восточной Руси, где она предшествовала широкому распространению вотчинного землевладения с середины XIV в. (Б. Н. Флоря, С. З. Чернов).

В ближайшей перспективе исследование феномена чернокунства потребует ответа на вопрос, каким образом он вписывался в административную систему волостей, записанных в «старом письме» писцовых книг за архиепископом и монастырями-магистратами, чье землевладение в домосковский период имело во многом не вотчинный, а государственно-корпоративный характер. Возможно, с ликвидацией чернокунства и переводом тем самым чернокунцев в разряд обычного тяглого населения связан резкий рост числа дворов и людей, зафиксированный ПКДП между «старым» и «новым» письмом в некоторых волостях (Жабна, Березовец, Стерж, Лопастицы).

Р. П. Храпачевский (Москва)

ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Русские письменные источники по теме крайне скучны. Сведения о черных клубках в первой половине XIII в. получаются на основе комплексного анализа не только их, но и восточных нарративов, а также новейших археологических и нумизматических изысканий.

С конца XII в. у черных клубков есть тенденция к миру с половцами. Так, в Ипатьевской летописи употреблено слово «билинча» (отбитие черноклобуцкого полона 1193 г.). У Махмуда Кашигари — термин, указывающий на четкие юридические процедуры сторон. По С. А. Плетневой, начало XIII в. — период резкого сокращения половецких набегов. Грамота киевского князя Владимира Ольгердовича (1381 г.) князю Юрию Половцу говорит об осаждении его предков среди «своих поганых». По счету поколений это первая половина XIII в.

Монеты сельджуков XIII в. обильно представлены на Киевщине (по Е. Гончарову и К. Хромову) — цепь от Крыма к Поросью, Левобережью и Курску (массово) и до Поволжья (единичные монеты). Большинство найдено у с. Шарки (Торческ). Ибн Биби и Ибн ал-Асир говорят о значимости Крыма для торговли с Булгаром. Булгарские купцы не могли везти товар в Судак, и посредниками были русские и черные клубки — монеты в местах проживания черных клубков объясняются их участием в транзите.

Монголы в 1222 г. нарушили торговлю. В биографии Исмаила («Юань ши») приводится маршрут: от Грузии через Ширван к аланам и половцам, через русских, канглов, Булгар и до восточных кипчаков. Аналогично, но чуть иначе дан маршрут в биографиях Субэдэя¹ — вместо канглов кангары, то есть печенеги. Это подтверждается де Бридиа и Карпини: «Теркемены» у де Бридиа — это «Турки» у Карпини. У Махмуда Кашигари: «Туркман — это Огузы», то есть «Торки» летописей, главная составляющая черных клубков помимо печенегов. Таким образом, сведения «Юань ши» и францисканцев взаимоподтверждаются — под удар монголов попали и черные клубки.

Монголы в 1222 г. разбили кипчаков и получили данные для оценки Руси и черных клубков. Ибн ал-Асир пишет, что после Калки монголы преследовали русских и половцев в глубь Руси, а спасавшиеся «русские» двигались к Судаку по вышеназванному торговому маршруту. Таким образом, кроме Новгорода Святополческого были разгромлены и земли черных клубков. В «Сокровенном сказании» также говорится о подходе монголов к Киеву.

В событиях 1240 г. вновь появляются черные клубки. Если русские летописи молчат про них, то иные источники дают некоторую информацию. Рашид ад-Дин сообщает: «Бату с братьями... направились походом в страну русских и народа черных шапок и в 9 дней взяли большой город русских... Манкеркан». Последовательность — сначала взятие земли «черных шапок», а потом Киева — подтверждается и Карпини. В основе сообщения Рашид ад-Дина лежит тюркский источник, так как «Манкерман» — это огузское название².

О черных клубках говорится и в биографии Субэдэя под 1241 г.: Субэдэй захватил «Торск» и «полностью взял тех русских, что относились к его населению»³. Эти «русские», видимо, были черными клубками, так как монголы никогда не забирали с собой **всех** из оседлых народов в отличие от захваченных

¹ Юань ши. История династии Юань. Пекин, 1997. С. 2969, 2976.

² Махмуд Кашигари. Диван лугат ат-турк. Алматы, 2005. Стб. 5407.

³ Юань ши. История династии Юань. С. 2978.

кочевников. Новые археологические данные указывают на сохранение части черных клубков в XIII—XIV в. На основе новых раскопок «можна пояснити зафіковані процеси асиміляції кочовиків в Поросі та присутисть елементів матеріальної культури чорноклобуцького населення серед старожитностей XIII—XIV ст. на Нижньому Дніпрі» [Квітницький, с. 92]. В. О. Довженок предположил, что часть населения смогла отсидеться в укромных местах и потом заселить Киевщину. Топонимика это подтверждает — в центре «Перепетова поля» не осталось тюркских названий населенных пунктов, но по его углам, где были леса, а также севернее, где до монголов не жили черные клубки, есть характерные названия — Великополовецкое и Малополовецкое, Кадак, Кагарлык, В. и М. Солтановки, Карапыши, Бакалы, Кончаки. Важно и то, что, хотя отчиной князя Юрия Половца был г. Сквира, его реальные владения в XIV в. были много севернее — у сел Великополовецкое и Малополовецкое.

На начало XIII в. приходится сокращение вражды половцев и черных клубков, развиваются их отношения при участии в транзитной торговле сельджуков с Булгарам через половцев и черных клубков, достигшей максимума в 20—30-е годы. Вторжение монголов 1222—1223 г. нарушило ее, объединив против них не только половцев и русских, но и черных клубков. Последние пострадали от набега монголов на Русь после победы на Калке. Хотя торговля восстановилась, приход армии Бату ее уничтожил. Анализ восточных источников указывает на активную роль черных клубков в сопротивлении монголам — до сих пор участие «своих поганых» в борьбе с монголами учитывалось недостаточно. Судьба черных клубков после 1240 г. проясняется через комплексный анализ данных восточного нарратива, нумизматики, археологии, топонимики и лингвистики — значительная часть черных клубков смогла укрыться от увода их монголами. Прячась по окраинам, они не смогли вернуться к кочевому хозяйству и быстро ассимилировались с местным русским населением.

Литература

Квітницький М. В. Етнічні процеси на правобережжі Київської землі в XI—XIII ст. // Слов'янські обрії: міждисциплінарний збірник. К., 2006. С. 87—94.

B. B. Xухарев (Тверь)

ПЕЧАТИ-МАТРИЦЫ ИЗ КОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

Печати-матрицы, имеющие изображения и надписи (в негативе), вырезанные на металле, кости или камне, предназначались для оттискивания в воске, вошаной мастике или мягким металле особых заверений (печатей-оттисков), которые, скрепляя документ, свидетельствовали о его происхождении от лица, к которому относилась печать-матрица, и удостоверяли его подлинность. Печати, изготовленные из кости, были доступны по материалу для различных групп средневекового русского населения. Важно, что они хронологически маркируются в рамках XII—XVI в.

Подавляющее большинство прикладных печатей-матриц из кости обнаружено в процессе археологических исследований. Всего за период с 1899 по 2010 г. зафиксировано 39 экземпляров. Территориально их можно разделить на четыре группы: северорусскую, среднерусскую, западную и находки на территории Золотой Орды.

С северорусской группой связаны данные о находках не менее 15 печатей-матриц. Наибольшее их число происходит из **Новгорода Великого** и его округи (8 экз.). Среди них 3 — из слоя XIV—XV в. с Неревского раскопа. Это печать-матрица в виде невысокой призмы с изображением всадника с мечом; печать в виде невысокого цилиндра с надписью «**ОФАЛАСА ОНЧИФО**»; конусообразная печать с изображением птицы и круговой надписью «**ВАСИЛЬ МИКИТИЧ**». Из Нутного раскопа происходит «шахматная» печать с надписью: «**ОЛФЕРИСЕВА ПЕЧАТ**». Известно еще о трех костяных печатях-матрицах из Новгорода в виде «шахматной» фигурки. Это печать с надписью «**ТОВАРЬ БОЖИ...**» и крестиком в конце надписи; с изображением фантастического зверя с когтистыми лапами и поднятым хвостом; с изображением святых благоверных князей Бориса и Глеба. Из находок на Рюриковом Городище известна печать-матрица в виде «шахматной» фигурки с изображением птицы.

Псков: одна печать-матрица в виде «шахматной» фигурки с круговой надписью «**ТЕРЬГЕСЯ**».

Вологда: печать-матрица в виде плоского медальона с ушком. На одной из ее сторон изображен воин с мечом и щитом, вокруг надпись «**ПЕЧАТЬ ЗАЗИРКИНА**». На другой — изображение фантастического животного и надпись «**ПЕЧАТЬ РАТО...ИНА**».

Белоозеро: 4 находки. Две из них обнаружены при археологических раскопках. Первая — в виде конуса с изображением птицы на щите. Вторая тоже конусовидного типа с изображением на щите

дву зубца с отогнутыми в стороны остриями и точкой наверху. Еще две печати — случайные находки: одна — конусовидной формы с шарообразным утолщением в середине и с вырезанным на щитке двузубцем с отогнутыми краями и треугольником над ним; другая — в виде невысокого цилиндра с изображением розетки в квадратной рамке.

В среднерусской группе известно 17 печатей-матриц.

Суздаль и его округа: 2 находки. Одна — плоской, листовидной формы печать-матрица с ушком для привешивания. На ее лицевой стороне изображена птица с хохолком на голове и с пышным хвостом, вокруг надпись «ПЕЧАТЬ БОГДАНОВА». На ее обратной (не печатной) стороне вырезано изображение шестикрылого ангела. Другая — «шахматной» формы с остатками нечитаемой легенды — найдена при обследовании селища Кистыш-3 в Суздальском Ополье.

Тверь: 5 находок. Три «шахматной» формы из раскопок в Тверском кремле: одна с фигурой воина со щитом и мечом; другая с архангелом; на третьей — четвероногий зверь. Две другие печати-матрицы — из раскопок на Затьмацком посаде Твери. Одна из них в виде медальона с ушком для привешивания. На лицевой стороне печати — фигура воина с мечом и щитом, вокруг надпись «ПЕЧАТЬ ПОПА КУЗЬМЫ». Вторая — в виде низкой призмы с изображением фигуры человека в рост, который в одной руке держит длинный тонкий посох, а в другой — пальмовую ветвь (паломник?).

Москва: из археологических раскопок на территории Зарядья — печать-матрица в виде низкой призмы с ушком, с изображением воина с щитом и мечом и круговой надписью «ПЕЧАТЬ ИВАНА КАРОВИ».

Городище Серенск: 4 находки. Две из них были найдены при археологических исследованиях: печати-матрицы в виде «шахматной» фигурки с изображениями грифона вправо и зверя вправо. Известны сведения о находках здесь еще 2 печатей-матриц с изображением воина с копьем и щитом и с изображением птицы.

Ростов Великий: в кремле в слоях первой половины XIII в. найдена конусовидная печать-матрица с изображением ладони.

Старая Рязань: на Южном городище слоя городской усадьбы XIII в. найдена костяная «шахматная» печать с изображением святого воина с копьем и щитом.

Переславль-Рязанский: зафиксирована печать-матрица в виде низкой призмы с изображением воина с мечом и копьем.

Плёс: «шахматная» печать. На щитке изображение четвероногого животного влево.

Городище Дуна (Тульская обл.): печать-матрица в виде усеченного конуса с валиком ниже ушка с изображением архангела.

В западной группе известно о 4 печатях-матрицах.

Нижний замок в Витебске: печать-матрица с круглым щитком, в центре которого помещено изображение шестиконечного креста на фоне Голгофы (?), и надпись «ПЕЧАТЬ ПИРОГОВА».

Берестье (Беларусь): печать-матрица в виде конуса с изображением в виде буквы «Ж».

Смоленск: печать в виде низкого цилиндра с изображением Голгофского Креста и надписью «ИВАНАВА ПЕЧАТЬ».

Городище Мглин-2 (Брянская обл.): «шахматная» печать с изображением святого в рост с поднятыми руками и сферой (?) перед ним.

На территории **Золотой Орды** найдено 4 печати-матрицы, часть из которых связывают с русским населением. Две «шахматные» печати происходят из раскопок в Болгаре. На щитке одной из них — изображение птицы с расправленными крыльями, на щитке другой — четвероногий зверь вправо. В этой же группе печать-матрица из Увека, на которой читается русское имя владельца — Семен. Нахodka на городище Иднакар (Удмуртия) — конусовидная печать-матрица, на которой вырезано подражание (?) арабской надписи.

Таким образом, из 39 печатей-матриц «археологического» происхождения 20 имеют вид «шахматных» фигур, 9 — различных конусов, а 10 — низких призм с внутренним каналом для шнура или ушком для подвешивания. Последние отражают тенденцию будущего активного использования в позднем русском Средневековье печатей-матриц в форме плоских металлических медальонов. Почти треть печатей-матриц имеет надписи, а наиболее популярным сюжетом на них являются воин, четвероногий зверь или птица. Большинство печатей-матриц из кости происходит из находок в средневековых городских центрах. Большие возможности открываются при анализе стратиграфии находок, изучении сопутствующего материала, проведении искусствоведческих, палеографических и других экспертиз. Значимость феномена как полноценного исторического источника для Средневековой Руси очевидна. Они представляют собой явление средневековой жизни Руси, отражающее ранний этап становления

частновладельческих печатей в русской средневековой дипломатике, знакомят с именами их владельцев. Возможность установления связи печатей-матриц с оттисками на актовых печатях, сохраняющихся в архивах, в перспективе может способствовать исторической интерпретации усадеб, на которых были сделаны эти археологические находки.

Д. О. Цыпкин (Санкт-Петербург)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПИШУЩЕГО В ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНОГО ПИСЬМА: ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ЕДИНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ¹

В справочник «Писцы древнерусских рукописных книг» должны войти материалы рукописей, имеющих точные указания на писца и время создания документа. Основное внимание сосредоточено на разработке методологических основ исследования и описания индивидуального письма древнерусских рукописей. «Тестовым объектом» для решения задачи стали документы XVI в. Отбор материалов для методологической части исследования определялся необходимостью представить и учесть в нем структурную сложность системы письма древнерусских рукописей: *тип письма* (для XVI в.: полуустав, скоропись) в его *разновидностях* (например, лингвистический полуустав); *профессионально-функциональные формы письма* (обычное письмо и профессиональные: книжное, актовое); различные *стабильные графико-стилистические варианты индивидуальной системы письма* одного лица (манеры письма), определяемые типологией выполняемого текста (например, различные манеры для основного текста и для колофона рукописи) или функционально (различие манер в зависимости от установки на конкретные функции выполнения текста: «парадная» манера, «обиходное» письмо, черновое письмо, а также особая функционально-качественная форма «парадной» манеры — каллиграфия); *хронологически обусловленные изменения письма одного лица*, наблюдаемые в разновременных документах, выполненных одним писцом; *фазовые модификации письма одного лица в пределах документа* значительного объема (*циклическая динамика письма* внутри писцового «урока» и внутри документа в целом).

В отечественной науке в судебном почерковедении и в источниковедении накоплен большой методологический опыт идентификационных исследований письма. Однако важнейшей проблемой в этой области является отсутствие целостного универсального учения о почерке, могущего в равной степени обеспечивать изучение современных и исторических документов. Бесперспективно рассматривать судебное почерковедение в качестве единственного возможного (копируя его методологию в изучении исторических документов), так же как и игнорировать опыт современного судебного почерковедения при изучении письма рукописей других эпох. Речь должна идти о трех самостоятельных, но взаимосвязанных областях почерковедения: *общем почерковедении, судебном почерковедении и историческом почерковедении*. При этом формирование универсального учения о почерке и фундаментальной методологии его изучения отойдет в область общего почерковедения, теоретические основы которого хотя и развивались в рамках судебного почерковедения, но никак не могут быть им исчерпаны. Что касается судебного и исторического почерковедения, то потенциально это две самостоятельные равноценные дисциплины, ориентированные на свою проблематику. В случае судебного почерковедения — на исследование письма в решении судебных задач, а также на почерковедческое изучение современного письма в целом. В случае исторического почерковедения — на решение почерковедческих вопросов в исследовании письма исторических документов (прежде всего, «докурсивного» периода). Важнейшей проблемой исторического почерковедения в изучении древнерусских рукописей, как и представляемого исследования, является формирование на базе теории и методологии общего почерковедения системы общих и частных признаков почерка, предназначеннной для полноценного описания индивидуального письма и для его анализа с целью идентификации пишущего и диагностического исследования письма.

При разработке методологии комплексного описания индивидуального письма древнерусских рукописей (на материале русского полуустава XVI в.) мы исходили из того, что индивидуальное письмо может быть полноценно проанализировано, представлено и описано только в рамках нескольких систем

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00172, в его основе материалы двух текущих научных проектов: 1) создание электронного историко-почерковедческого справочника «Писцы древнерусских рукописных книг (по материалам фондов ОР РНБ)»; 2) комплексное кодикологическое и почерковедческое исследование Софийского комплекта Великих Миней Четырех.

анализа. Оно должно быть рассмотрено как объект: 1) *шрифтового анализа*, когда выявляется шрифтовая модель, лежащая в основе той или иной манеры письма, анализируются закономерности построения и стилистические особенности этого «шрифта» (по сути, индивидуальное письмо рассматривается как художественное явление); 2) *палеографического анализа*, когда выявляется хронологическая, территориальная и т. п. специфика письма, включая и признаки конкретной писцовой школы (можно сказать, что индивидуальное письмо рассматривается как отражение определенных социальных явлений и процессов); 3) *почерковедческого анализа*, когда письмо рассматривается как система общих и частных признаков почерка и выделяется комплекс индивидуализирующих признаков, выражавших уникальную специфику конкретного пишущего (индивидуальное письмо рассматривается как форма проявления конкретной уникальной личности), при этом «эталон», в отношении которого выделяются признаки, а также ряд групповых признаков почерка выявляются в результате двух названных выше форм анализа.

Важным направлением нашего исследования стало экспериментальное изучение древнерусского письма, проводимое с помощью профессиональных художников-каллиграфов. Задачей является адекватное «прочтение» движений пишущего по их отображениям в письме; построение реконструктивного каталога типовых движений полуустава и их выражения в штрихах; выявление «технологических» закономерностей письма; проверка соответствия разрабатываемых в ходе исследования методик задачам

M. С. Черкасова (Вологда)

КОМПЛЕКС ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ СЕВЕРНОРУССКИМ ЦЕРКВЯМ XV–XVII в. (Устюг – Тотьма)

После печально знаменитого московского пожара 3 мая 1626 г., истребившего значительную часть приказной документации, правительство предприняло меры к ее посильному восстановлению по спискам и копиям с мест. Сравнительно недавно исследователь из Вологды И. В. Пугач опубликовал около 1000 указных грамот 1613–1626 г. воеводам и приказным людям городов Устюжской четверти (Великий Устюг, Тотьма, Устюжна Железопольская, Соль Вычегодская, Пошехонье, Чаронда)¹. Ценность столь обширной совокупности актов не исчерпывается тем, что они являются многоплановыми источниками по системе управления на местах в период Смуты и ближайших к ней годов, функционированию институтов и структур сословного представительства в северорусских уездах. Некоторые из них выходят за хронологические рамки, указанные в заголовке издания, и весьма содержательны с точки зрения ретроспективной, поскольку представляют тексты конца XV–XVI в. Так, например, среди присланных в Устюжскую четверть списков по Тотьме оказался комплекс грамот трех церквей в волости Толшме на одноименной реке (правом притоке Сухоны) – Никольской, Иоанно-Предтеченской и Благовещенской – от эпохи Ивана III до «ревизии тарханов» в 20-е годы XVII в. Во второй четверти XVII в., когда грамоты копировались местными священниками, эти земли были включены в образованный тогда Тотемский уезд, а в XV – первой четверти XVII в. они считались в Устюжском уезде. Повышенное внимание великих князей и царей к этим скромным церквям объяснялось их пограничным расположением между Устюжской и Галицкой землями, со стороны которых случались нередкие набеги казанских татар на Устюг, Тотьму, Вологду.

С датировкой 19 марта 1528 г. и заголовком от имени великого князя Василия Ивановича был по сути воспроизведен текст жалованной льготной грамоты Ивана III игумену Никольской церкви Иеву с братией на дикий лес на Кочевском рубеже. Немного смущает именование настоятеля игуменом (с братией, а призванных ими жильцов на пустующие земли – монастырскими людьми), однако настоятельство в северорусских церквях именно игуменов иногда практиковалось. В XVI–XVII в. здесь монастыря также не было, да и вряд ли при Иване III или Василии III речь шла об организации именно маленькой обители, реальностью была бесприходная церковь (по причине слабой населенности данного места из-за его пограничного положения), у которой хозяйственная деятельность духовенства санкционировалась великим князем и облекалась по сути в привилегированную форму вотчинного землевладения². Допустимо также предположение об использовании при оформлении пожалования Иваном III игумену Иеву в качестве образца грамоты какому-нибудь монастырю.

В грамоте Ивана III фигурирует формула «*пожаловал, ослободил если ему (игумену с братией. – М. Ч.) у тое церкви служити и дворы ставити и пашия розпахивати... а дано в*

¹ Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / Отв. ред. И. В. Пугач. М., 2012.

² Там же. № 154.

вотчину»³. В одной из своих недавних статей В. Д. Назаров подробно проанализировал саму по себе редкую формулу *пожаловал-ослободил* в актах московских великих и удельных князей с начала XV в. и до 70-х годов XV в., причем как на сельские поселения, так и на городскую недвижимость. Для ее бытования характерны широкая территориальная распространенность (Белоозеро, Вологда, Кострома, Ростов, Переславль-Залесский) и отсутствие существенных различий в зависимости от государственно-политического статуса территории [Назаров]. Разбираемая нами грамота Ивана III интересна тем, что расширяет состав объектов подобных пожалований — «ослобождает», то есть дает право представителю сельского духовенства (а это принципиально иной сословный статус, нежели у лиц в разобранных

В. Д. Назаровым актах) служить в основанной им церкви и хозяйственно разрабатывать прилегающий к ней дикий лес. Некоторая уникальность данного случая видится нам в отсутствии земельного состава вотчины как таковой, что не мешало облечь само пожалование игумену Никольской церкви Иеву в полный набор административно-судебных и налоговых прав.

Наследственную закрепляемость произведенного в XV в. пожалования можно предположить на основе того, что 20 февраля 1540 г. грамота Василия III получила подтверждение великого князя Ивана (IV) Васильевича на имя «попа Ивана игумнова сына Иевлева». Грамоты 1528 и 1540 г. использовались при оформлении в октябре 1623 г. еще одной жалованной грамоты — царя Михаила Федоровича попу Никольской церкви Самсону. Нормы грамоты и вотчинный характер ее землевладения сохранились и в первой четверти XVII в., судя по подтверждению царя Михаила Федоровича с патриархом Филаретом на имя попа Самсона от 10 октября 1623 г. Одновременно ему была выдана жалованная грамота царя Михаила Федоровича, в которой конкретных владений церкви не отмечено, а в общей форме говорится: «которая за ними вотчина впредь к той церкви будет»⁴. Конкретный же состав церковной вотчины по-прежнему не был определен.

В отличие от грамот Никольской церкви, в жалованной льготной грамоте Ивана IV попу церкви Рождества Иоанна Предтечи Ивану Михиеву от 16 марта 1548 г. есть небольшая вотчинная часть — поименован ряд почников неписьменных и нетяглых, поставленных еще его дедом, а в дальнейшем разоренных казанскими людьми. В один из таких приходов сгорела и более ранняя жалованная грамота на данную церковь. Упоминание в акте 1548 г. наместников устюжских и тотемских свидетельствует о пограничном положении данной церкви, как и о попытке организовать в 40-е годы XVI в. Тотемский уезд. В перечне иммунитетных освобождений, наряду с данью, оброчными, ямскими и пищальными деньгами, фигурируют и «никакие царевы запросы», что косвенно указывает на приходы и грабежи в этих местах татар Казанского царства. В октябре 1623 г. эта грамота также получила подтверждение. Бесприходной была и Благовещенская церковь на усть-Толшмы, получившая в январе 1551 г. жалованную грамоту от Ивана IV. Подтверждена она была дважды — царем Федором Ивановичем в феврале 1595 г. и Михаилом Федоровичем в октябре 1623 г.⁵ Одновременно была выдана полного состава жалованная тарханно-несудимая и трехсрочная грамота попу Овдею. В ней интересно указание на церковную юрисдикцию над попом и причтом ростовского митрополита.

Литература

Назаров В. Д. Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожденные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования. Рязань, 2012. С. 50—58.

³ Там же. № 155.

⁴ Там же. № 159.

⁵ Там же. № 156. Имеется и старая ее публикация: Вологодские епархиальные ведомости. 1888. Прибавления к № 8. С. 150—155.

A. B. Чернецов (Москва)

«САМОЗВАН НЕ ИЦУЩИМ ТЯ, СВЯТИТЕЛЮ, ОБРЕТЕСЯ...»
(СТЕФАН ПЕРМСКИЙ: МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СУДЬБЫ
НАСЛЕДИЯ)

Стефан Пермский (ум. 1396 г.) был первым в истории Древней Руси проповедником, обратившимся к иноязычному населению на его языке, создателем письменности на древнепермском (коми) языке,

переводчиком Священного писания и богослужебных книг. В течение 150 лет после Стефана подобной деятельностью русские проповедники не занимались. В XVI в. Феодорит перевел Евангелие на язык лопарей (саамов). Этот перевод не сохранился.

Рукописи с переводами Стефана до нас не дошли. Известны две сравнительно пространные надписи на иконах (одна из них утрачена) и гlosсы в древнерусских рукописях. В них неоднократно воспроизводился также древнепермский алфавит. «Пермская» азбука могла использоваться в роли тайнописи для передачи русскоязычных текстов. Сохранились фрагменты литургических текстов, переписанные кириллицей, вероятно, переводы Стефана.

Письменные источники, освещающие деятельность Стефана, небогаты информацией. Составитель его жития Елифаний Премудрый, лично знавший миссионера, не дает характеристики его проповеднической деятельности. Пространное житие Стефана заполнено риторикой в духе литературной школы «плетения словес». Дополнительная информация имеется в Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской) летописи, опубликованной в послевоенное время. Канонизация Стефана как местночтимого святого произошла значительно позже его кончины. Деятельность Стефана и созданная им епархия вызывали негативную реакцию новгородских владык, в юрисдикцию которых входила Пермская земля. В 1473 г. (после падения независимости Новгорода) по повелению великопермского епископа Филофея Пахомий Серб написал службу с акафистом св. Стефану. Этим годом и следует датировать его местную канонизацию. Пахомий не посещал Пермские земли, служба написана в Москве. В ее состав включено краткое житие, все сведения, очевидно, заимствованы у Елифания.

Неблагоприятными оказались судьбы могилы миссионера и связанных с ним реликвий. Он умер в Москве, вдали от своей паствы. Стефан был погребен в кремлевском соборе Спаса на Бору, разрушенном в 30-е г. XX в. Икона, по преданию написанная Стефаном, на которой сохранилась древнепермская надпись, и рукопись, содержащая переводы литургических текстов, были заново открыты в середине XVIII в.

Так называемый посох Стефана Пермского, украшенный сценами из уникальной версии его жития и многочисленными надписями, был создан, скорее всего, в Усть-Вымском «владычном городке» (ныне с. Усть-Вымь), резиденции епископов Великопермских. Позднее центр епархии был перенесен в русский город Вологду. Тогда посох мог быть перенесен в Москву и храниться как реликвия при гробе святителя. В дальнейшем он оказался в важном центре белорусской культуры — Благовещенском монастыре в Супрасле (на территории Польши). Перемещение связано, скорее всего, с польско-шведской интервенцией и личностью гетмана Я. К. Ходкевича (1560—1621). В 1849 г. заметили, что реликвия хранится не там, где она могла быть предметом поклонения, и ее перенесли в Спасо-Преображенский собор Перми (города нового, расположенного далеко от мест, где протекала деятельность Стефана). Посох, имеющиеся на нем изображения и надписи упоминаются в брошюре архимандрита Макария [А. М.] и в «Пермской летописи» В. Шишонко (1881). Однако он надолго оставался вне сферы интересов специалистов. Фотографии изображений на посохе были впервые опубликованы французским археологом бароном Ж. де Баэм [Baye], который в 1895 г. совершил масштабную археологическую поездку по России. Автор данной работы не смог бы найти этот посох, если бы не публикация де Баэя [Чернецов].

Стефан Пермский опередил свое время, что и определило неудачный исход его дела. Оно было не понято большинством его современников (и русских, и новокрещенных «permян»). Все же сказать, что оно не получило отклика и оценки, нельзя. Епифаний пишет о превосходстве подвига Стефана над деятельностью 70 (72) переводчиков Ветхого Завета на греческий язык (их было много, а Стефан работал в одиночку). Он превосходит и создателей греческого алфавита — их было много, они действовали в разное время и все были язычниками. Аргументы позаимствованы Епифанием у болгарского автора X в. черноризца Храбра (причем слово «словенский» последовательно заменяется на «русский»). Епифаний решился даже утверждать превосходство пермской письменности над славянской: «Кириллу философу сподобляше многажды брат его Мефодий, или грамоту складывать, или азбуку составливать, или книги переводити. Стефану никтоже обретеся помощник, разве токмо един Господь Бог».

Литература

А. М. (архимандрит Макарий). Сказание о жизни и трудах св. Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856.

Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 215—240.

Baye, baron de. La crosse de S. Etienne de Perm (XV siècle) // Revue de l'art Chrétien. Bruges, 1898.

Н. П. Чеснокова (Москва)

РУССКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ НА СИНАЕ (XVI–XVIII в.)¹

Изучение связей России и Синайя, начатое отечественными учеными в XIX в., успешно продолжается современными историками, хотя русское художественное присутствие на Синае до недавнего времени не являлось предметом специального исследования. В последние годы, благодаря работам участников проекта РГНФ «Русские иконы и произведения церковной утвари на Синае», изучение икон и предметов прикладного искусства в синайских монастырях, главным образом в обители св. Екатерины, существенно обогатило наши знания по теме. Кроме того, мы располагаем целым комплексом источников, которые позволяют восстановить историю создания и отправки на Синай художественных произведений, выполненных мастерами России, Украины и греками, проживавшими на южно-русских землях. Их можно разделить на несколько групп. К первой относятся официальные документы, прежде всего из РГАДА, где находится информация о пребывании синайских старцев в Москве, размерах и видах материальной помощи, которую оказывали им цари, в том числе иконами и церковной утварью.

Вторую группу источников представляют свидетельства современников, путешественников и учёных. Наибольший интерес вызывают сведения, синхронные художественным произведениям, например данные о памятниках XVI в. в сочинениях авторов того же времени. Так, Паисий Агиапостолит, бывший в 90-х годах XVI в. митрополитом Родоса, подолгу жил в Синайском монастыре и отлично знал его. В своем описании обители, датируемом самым началом XVII в., он отметил, что в соборе находятся иконы, в древности привезенные иноками из России, «посеребренные и позолоченные чистым золотом». Целый ряд русских икон XVI в. был отправлен на Христианский Восток Арсением Елассонским, который сопровождал в Москву константинопольского патриарха Иеремию II, остался в России и стал архиепископом Сузdalским. Одна из них, датируемая греческим учёным Ф. Димитракопулусом XV–XVI в., была послана на Синай в 1594 г. В середине XVIII в. александрийский патриарх Герасим составил описание Синайя. Ему принадлежит важное указание, хотя и не подтверждённое пока другими данными, на причастность царевны Екатерины Алексеевны к изготовлению раки для мощей св. Екатерины в 1689 г.

Судя по сохранившимся источникам, первым из русских паломников на Синай стал в XV в. ион Варсонофий. Благодаря свидетельствам купцов Василия Позднякова и Трифона Коробейникова (XVI в.), Василия Гагары (XVII в.) до нас дошли описания Синайского монастыря раннего Нового времени. В 1708 г. обитель посетил иеромонах черниговского монастыря Бориса и Глеба Ипполит Вишенский, а через двадцать лет на Синай пришел известный путешественник Василий Григорович-Барский, который в своих записках во многом повторил описание Синайского патриарха Герасима. Дальнейшее изучение истории Синай связано с именами отечественных церковных деятелей и учёных XIX–XX в., таких как о. Антонин (Капустин), о. Порфирий (Успенский), А. С. Норов, Н. П. Кондаков, А. А. Дмитриевский, В. Н. Бенешевич и др.

С последней трети XVII в., сохраняя право приезжать в Россию за милостыней по жалованной грамоте, синайские отцы получили возможность самостоятельно собирать добровольные пожертвования в Москве, Санкт-Петербурге и на Украине. Этот факт нашел отражение в одном из важнейших источников по истории русско-синайских отношений — «Синайском помяннике», который по сей день хранится в обители. В 1989 г. вышло в свет его факсимильное издание, содержащее прежде неизвестные сведения о пожертвованиях русских людей монастырю св. Екатерины. С XVIII в. значительными центрами связей России и Синай становятся Нежин и Киев. Многие памятники XVIII–XIX в., находящиеся в монастыре, происходят именно из этих городов.

Третью группу источников составляет собственно синайская эпиграфика: надписи на иконах, изделиях из золота и серебра, памятных досках и т. д. Сложность в освоении этой информации связана с плохой сохранностью записей, угасающими чернилами, физическими утратами текста. Вместе с тем новые данные расширяют поле исследования, обогащают наши знания о светских и духовных лицах, участвовавших в многовековых контактах России и Синайской архиепископии.

И все-таки наиболее информативными остаются архивные документы. Они свидетельствуют, в частности, об одном из самых значительных даров русского правительства Синайю — серебряной раке для мощей св. Екатерины, пожалованной царями Иоанном и Петром, а также царевной Софьей в 1689 г. Несмотря на то что рака уже привлекала к себе внимание учёных (последняя публикация по теме: [Игошев]), архивные материалы позволяют еще раз обратиться к истории создания этого замечательного памятника.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-21-14000.

Литература

Игошев В. В. Серебряная рака для мощей святой Екатерины из Синайского монастыря работы московских мастеров 1687–1688 г. // Вестник ПСТГУ. Серия V. 2010. Вып. 1 (1). С. 30–44.

П. В. Чеченков (*Нижний Новгород*)

**О ДАТЕ РАЗОРЕНИЯ МАКАРЬЕВСКОГО ЖЕЛОВОДСКОГО МОНАСТЫРЯ
ХАНОМ УЛУГ-МУХАММЕДОМ¹**

Основание Макарьевского Желтоводского монастыря в литературе обычно относят к 1435 г., ссылаясь на некие «предания». При этом указывается, что в 1439 г. он был выужжен татарами отрядом хана Улуг-Мухаммеда. Источники, освещающие этот ранний период существования монастыря, почти отсутствуют. Ученые оперируют лишь сведениями Жития Макария Желтоводского — основателя обители.

Н. В. Соколова, исследовавшая памятники «макарьевского цикла», отметила, что они «создавались на протяжении более чем полутора веков, причем даже самое раннее из них возникло спустя столетие после преставления прп. Макария Желтоводского и Унженского... Значительный временной разрыв между событиями и их описанием создает определенные трудности для исследователя и требует тщательного анализа источников и максимально осторожного отношения к их свидетельствам. Тем более некорректно использование наряду с ними информации, почерпнутой в “преданиях”, что было обычным делом для историков-краеведов XIX столетия, но некритически воспринятое перекочевало затем в работы, претендующие на научность» [Соколова, с. 82]. По мнению исследовательницы, изученные ею произведения прямо или косвенно восходят к древнейшей редакции Жития Макария. Последнее было составлено не в нижегородских пределах, а имеет унженское или солигалическое происхождение [Соколова, с. 78, 82]. Поэтому неудивительно, что нижегородский этап деятельности Макария освещен скромно.

Дата основания монастыря в источниках не обнаружена. Более того, единственная дата, имеющаяся в краткой и первоначальной пространной редакциях Жития, — это дата разорения монастыря на Желтых водах (1439 г.). По мнению Н. В. Соколовой, к ней все же стоит относиться «с большим доверием». Событие описано следующим образом: «Бе во дни тыя и лета 6947 бысть брань велия благочестивому самодержцу великому князю Василию Василиевичу обоя вкупе глаголя быти с нечестивым Махметом и злообразным безглавным сыном его Мотяком, много тогда сыновом руским зла сотвори. И бе в тыя дни окаяннии варвари приходиша на Нижний Новград и на все пределы его ратию. И внезапу же нападоша варвари на обитель святого Макария, иже бысть на Желтых водах». На наш взгляд, стоит обратить внимание на хронологию действий хана Улуг-Мухаммеда. Вытесненный в 1437 г. соперниками с основной территории Золотой Орды, он стремился со своим войском обосноваться на окраинных русских землях [Сафаргалиев, с. 243]. Первоначально татары заняли город Белев в низовьях Оки и разбили посланные против них московские рати. 3 июля 1439 г. (в год разорения монастыря, по данным Жития) хан пришел к Москве и десять дней разорял ее окрестности, после чего удалился. Следующие сведения об Улуг-Мухамеде относятся только к концу 1444 г., когда он захватил Нижний Новгород. Город стал его ставкой на 7–8 месяцев. В начале следующего года хан совершил вылазку к Мурому, его отряды действовали у Гороховца и на реке Лух. В том же году 7 июля состоялось знаменитое «Сузdalское побоище», в котором войско великого князя Московского Василия II было разбито под Суздалским Спасо-Евфимьевым монастырем посланными Улуг-Мухаммедом татарами во главе с его сыном Махмудом (Махмутеком, Мамутяком), а сам князь попал в плен. 25 августа 1445 г. орда Улуг-Мухаммеда перебралась в Курмыш на Суре, откуда был отпущен обложенный большими данями Василий II².

Разбирая вопрос о разорении интересующего нас монастыря, исследователи исходят из того, что набег на Москву в 1439 г. был совершен из Казани. При этом они основываются на довольно распространенной точке зрения, согласно которой после боя под Белевом хан откочевал в Среднее Поволжье и захватил Казань. Однако в ее основе лежат лишь общие умозаключения. Нет никаких источников, фиксирующих местопребывание Махметовой орды между 1438 и 1444 г. Если же какие-то доводы, основанные на источниках, и приводятся, то это опять же житийное сообщение о разорении монастыря. Отсутствие надежных данных породило многообразие взглядов на эту проблему. Так, Л. В. Черепнин считал, что набеги производились из Белева, а В. В. Вельяминов-Зернов полагал, что хан сделал своей ставкой Нижний Новгород сразу после 1438 г. (несостоятельность последней точки зрения была недавно показана А. Г. Бахтиным).

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-00216.

² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 170–172; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 454; ПСРЛ. Т. XXV. С. 260, 262–263, 395 и др.

Между тем житийное описание больше соответствует событиям 1445, а не 1439 г. Именно в середине 40-х годов XV в. «приходиша на Нижний Новград и на все пределы его ратию» «Махмет» с «Мотяком» и тогда же у них «брانь велия» была с Василием II. Относительно 1439 г. никаких сведений о появлении татар у Нижнего Новгорода нет, а мы вправе ожидать их налиchie, так как Житие преподносит эти события как весьма масштабные. И никакого столкновения с князем Василием Васильевичем в том году не было, ибо последний бежал за Волгу, узнав о приближении татар к своей столице. Кроме того, Мамутяк не упоминается при описании похода на Москву.

Вероятно, под пером составителя Жития «спрессовались» вместе два факта, связанные с деятельностью Улуг-Мухаммеда, — набег на Москву и разорение нижегородской округи. Логично предположить, что Макарьевский Желтоводский монастырь был разорен в 1445 г. во время движения хана из Нижнего Новгорода в Курмыш.

Литература

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Соколова Н. В. Отражение в книжной традиции миссионерской деятельности прп. Макария Желтоводского и Унженского // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. Т. II.

И. К. Чугаева (Чернигов)

ЛЕТОПИСНЫЙ МАТЕРИАЛ ЧЕРНИГОВСКОГО СОДЕРЖАНИЯ XII В. В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Наличию черниговского материала в виде кратких сообщений и фрагментов в Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.) уделялось гораздо меньше внимания, нежели южнорусским фрагментам черниговского содержания и происхождения в Ипатьевской (далее — Ипат.). А. Н. Насонов обратил внимание на то, что известия Ипат., относящиеся к древнему черниговскому летописному источнику, отсутствуют в Лавр. [Насонов, с. 106]. Т. Л. Вилкул, сравнив чтения Лавр. и Ипат. за XII в., отнесла общий текст к их протографу. Этот протограф был дополнен информацией из других источников — так появился текст Ипат. Исследовательница заметила, что в Лавр. несколько сообщений пространнее, чем в Ипат., и они являются первичными [Вилкул, с. 25, 75–76]. Это касается и южнорусских статей черниговского содержания.

Часть черниговских сообщений — как Ипат., так и Лавр. — не происходят из их общего протографа, в других случаях одно из летописей может более полно сохранить текст общего источника. В данной работе предпринят поиск чернигово-северского летописного материала за XII в. в составе Лавр. в сравнении с Ипат. — после окончания ПВЛ и до конца XII в. (то есть до окончания Киевской летописи).

К черниговским сообщениям Лавр., содержащим уникальные черниговские подробности, отсутствующие в Ипат., можно отнести следующие:

1. О смерти князя Давида Святославича и черниговского епископа Феоктиста в 1123 г., где в Лавр. и Троицкой летописи (далее — Тр.) указана точная дата смерти Феоктиста (6 августа), уточнено, что князь Давид Святославич Черниговский (в Ипат. — только место смерти князя — Чернигов)¹. Вероятно, протограф Лавр. лучше отобразил свой источник, который содержал черниговское по происхождению сообщение.

2. О захвате Чернигова Всеволодом Ольговичем в 1127 г., где в Лавр. и Тр. указано имя половецкого хана — союзника Всеволода — хан Таш (Ствш — в Московском летописном своде конца XV в. (далее — МЛС)²; сообщается, что посадники Изяслава Мстиславича находились в Курске (в Ипат. этот фрагмент опущен, хотя упоминаются посадники Ярополка, которые сидели на Локне (на Семи — в Тр.). Т. Л. Вилкул обратила внимание на пропуск в Ипат. информации о посадниках Ярополка, который реконструируется по Лавр.³ [Вилкул, с. 32]. В ней сохранилось больше деталей, чем в Ипат., которые были взяты из южнорусского источника черниговского происхождения, что еще раз указывает на лучшую передачу Лавр. текста их протографа.

3. О смерти митрополита Константина в Чернигове в 1159 г.⁴, где отразился черниговский летописный источник, которому предшествовал текст агиографического происхождения. А. П. Толочко

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286–287; Приселков М. Д. Троицкая летопись М.; Л., 1950. С. 208.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 30.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296–297; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 290–291; Троицкая летопись. С. 209–210.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.

считает, что часть Ипат., в которой должен был быть текст о смерти митрополита Константина, была утрачена [Толочко, с. 44].

Чтения этих летописных сообщений, по нашему мнению, являются первичными по отношению к Ипат. и происходят из какого-то летописного черниговского источника.

К сокращенным летописным сообщениям черниговского содержания Лавр., включающим, тем не менее, дополнительные сведения, относятся следующие:

1. *О постриге в монахи Игоря Ольговича в 1146 г.*, где только в Лавр., Тр. и Владимирском летописце (далее – Вл.) указан день этого события – 5 января⁵. Однако в Ипат. это известие очень пространное, насыщенное как эмоциональными, так и фактическими деталями (Игорь попросил Изяслава о постриге в монахи из-за болезни; выздоровел же Игорь только на 8-й день после пострига) из черниговского источника, сочувствующего Игорю [Бестужев-Рюмин, с. 80–86; Грушевский, с. 12–18].

2. *О смерти Юрия Долгорукого и его погребении в церкви Спаса в Киеве в 1157 г.* В Лавр., Тр. и Вл. уточнено лишь, что церковь Спаса находилась «на Берестовъм»⁶. Ипат. содержит много и фактических, и эмоциональных деталей: что через 5 дней после визита к Петрилу (возможно, какому-то черниговскому боярину) Юрий Владимирович умер, а Изяслав Давидович «прослезился», когда узнал о смерти Юрия от киевлян, просивших его сесть на княжение в Киеве⁷. Связь Святослава Ольговича и князя Юрия была очевидной для летописца Святослава, а Петрило мог происходить из окружения черниговского князя.

3. *О походе Изяслава Давидовича на Святослава Ольговича (на Чернигов)* в 1159 г.⁸ В Ипат. это летописное сообщение пространное, со множеством черниговских деталей, однако разбито на две части и содержит нестыковки. В МЛС перед этим упомянут неудачный поход Изяслава на Олега Святославича (на Путинвль), после чего он возвратился в Вырь⁹. В Ипат. есть подобное сообщение, однако действующее лицо другое – Юрий Ярославич из Турова, известие путаное и явно сокращено, что, возможно, указывает на первичность этого текста в Лавр. и МЛС.

Таким образом, мы вынуждены предположить черниговское происхождение вышеупомянутых летописных материалов Лавр. В дальнейшем же следует подробно остановиться на путях проникновения черниговского летописного материала XII в. в северо-восточную летописную традицию.

Литература

- Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.
Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. 2005. XIII. Р. 21–80.
Грушевський М. С. Історія української літератури: В 6-ти т., 9-ти кн. К.; Львів, 1923. Т. 3.
Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969.
Толочко О. П. Смерть митрополита Константина (До розуміння давньоруської моделі святості) // Medaevalia Ucrainika. К., 1993. Т. 2. С. 30–46.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 337; ПСРЛ. Т. 30. С. 63; Троицкая летопись. С. 221–222.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348; ПСРЛ. Т. 30. С. 68; Троицкая летопись. С. 241.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349–350; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 505–506, 508.

⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 67.

А. А. Шайкин (Орел)

ПАРА «ДУША» И «ТЕЛО» В РАННИХ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ: К УТОЧНЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПОНЯТИЯ «ДУША»

Авторы XI–XII в. исходили из того, что человек имеет неоднородную природу, он многосоставен и эти составы могут находиться в непростых взаимоотношениях. В летописной статье 1071 г. обсуждалась гипотеза о разном генезисе души и тела и о разных инстанциях, ответственных за их возникновение. Волхвы полагали, что тело было изготовлено дьяволом, Бог лишь вдохнул в него душу: «створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу во нь вложи». В суждении волхва весь человек отождествлен с телом, а душа оказывается чем-то внешним, добавленным. По смерти происходит разделение двух элементов, возвращающихся каждый в свое лоно: «в землю идетъ тѣло, а душа к Богу»¹.

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 181 (далее – ПВЛ, страницы указаны в тексте в скобках). Но душа может отойти и дьяволу: князь Глеб убил волхва, тот «погыбе тѣломъ, и душою предавъся дьяволу» (ПВЛ. С. 121).

В летописном изложении Священного Писания (так называемой «Речи философа») о сотворении человека говорится обобщенно-лаконично: «Въ 6-й же день створи Богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человека» (ПВЛ. С. 62). Двусоставность человека здесь не фиксируется. Но в речевой практике XI–XII в. двусоставность присутствует в различных коннотациях.

С наибольшей резкостью двусоставность ощущается в случаях противопоставления души и тела. Кроме приведенного выше еретического суждения волхва, полярность этих элементов резко обозначена в Изборнике²: «елико бо пакость тѣлу твориши, души благодѣть зиждеши» (Избор. 76. С. 253–254); «оутробоу на пость, сердце на крѣпость» (Избор. 76. С. 225). Ту же мысль — душевная чистота требует «пакости» для тела — в смягченном виде находим и в летописи: «душа чисты, несквернны, тѣлеси худу» (ПВЛ. С. 154). Противопоставление души и тела связано с тем, что «любия свое тѣло паче душа, Божию благодать не получить» (Избор. 76. С. 462). Но в том же Изборнике находим и толкование их соотношения как вполне гармонического и необходимо связного: «ороужье бо наше есть тело, а душа храбръ» (Избор. С. 635). В приведенной сентенции отчетливо обозначена и раздельность, и взаимодействие этих составных элементов человека: воину-душе необходимо тело-оружие. Ясно, что душа-воин ответственна за тело, недолжное управление телом делает душу грешной [Батюшков, с. 15, 19–21, 26–32, 59 и др.]. Сохраняя раздельность, душа и тело могут восприниматься как гармоничный симбиоз: «радовашся душою и тѣломъ» (ПВЛ. С. 44, 85); «радость творя имъ и тѣлесную и душевную!» (Илар. С. 56)³; «красень лицемъ и душою» (ПВЛ. С. 58⁴). Даже «видение» имеет двусоставную природу: в храме надо зреть «тѣлесными очима и доушевыми» (Избор. 76. С. 265–266).

Был, впрочем, один случай, когда тело и душа соединились в нечто неразложимое, и тогда в летописи появилось замечательное выражение «плоть содушная», ею обладал родившийся от женщины Бог: «Хотѣньем же Отца и Духа, свою спаси тварь, отческихъ ядръ, ихъ же не отступи, съшедъ и въ дѣвичьеское ложе пречистое, аки Божье сѣмя, вшедъ, плоть съдушну, словесну же и умну...». Вновь возникшее единство было новаторским: «не прежде бывши» (ПВЛ. С. 78). Спасая, освобождая душу, Богочеловек разрушает ад: «яко человѣкъ въ гробѣ положенъ бысть, и ако Богъ ада раздруши и душѣ свободи»⁵ (Илар. С. 36).

В некоторых случаях «душа» могла становиться равнозначной понятию «человек» и в применении к обычным людям: «И бяще си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ» (ПВЛ. С. 81). Но если в этом и иных примерах (см.: ПВЛ. С. 91, 132 и др.) акцент делается на духовной составляющей человека, то в следующем летописном выражении встречаем почти бытовое замещение одного другим: «Ияковъ же снide въ Еюпетъ... с родомъ своимъ, числомъ 60 и 5 душъ» (ПВЛ. С. 65).

Таким образом, в ранних древнерусских текстах семантическое поле «душа» включает в себя широкий спектр значений — от элемента, привнесенного в человека, до полного замещения понятия «человек» (душа — эквивалент человека)⁶.

Литература

Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: Опыт историко-сравнительного исследования. СПб., 1891.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011.

² Изборник 1076 года. 2-е изд. // Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. I (далее — Избор. 76, страницы указаны в тексте в скобках).

³ БЛДР. СПб., 1997. С. 26–61 (далее — Илар., страницы указаны в тексте в скобках).

⁴ Сходные формулы см. там же: С. 93, 154–155 и др.

⁵ Разумеется, выражение восходит к новозаветным текстам: Мф 27: 60; Мк 15: 46; Лк 23: 53; Ин 19: 40–42; Петр 3: 19–20.

⁶ И это отнюдь не общезыковая универсалия: Анна Вежбицкая отмечает, что «у русского слова душа нет точного эквивалента в английском языке» [Вежбицкая, с. 416].

C. M. Шамин (Москва)

СМЕХ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ (XI – СЕРЕДИНА XV в.)¹

В 1984 г. А. М. Панченко отметил: «В последнее время много писалось о том, что в русском православии действовал запрет на смех и веселье» [Панченко, с. 63]. На идеи непримиримых отношений православной

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 11-04-00268а.

доктрины и носителей смеховой культуры построена его концепция «реабилитации смеха» при Петре Великом. За прошедшие десятилетия взгляды исследователей не претерпели существенных изменений. Подобные идеи высказаны в диссертационном исследовании культуролога А. В. Пешковой [Пешкова, с. 34]. А. С. Демин, анализируя летописный рассказ о смерти Олега Вещего, рассматривал смех князя как один из важнейших признаков того, что летописец отрицательно относился к его фигуре. В доказательство своей гипотезы исследователь привел ряд летописных контекстов, где насмешка была атрибутом отрицательных персонажей или оказывалась направлена на положительные явления [Демин, с. 208]. Оппозицией смеху, по мнению ученого, являются слезы: плачущий герой, как правило, положительный [Демин, с. 102–107]. Использованный А. С. Деминым метод контекстуального анализа при исследовании вопроса отношения к смеху в древнерусской книжности видится очень перспективным. Однако небольшое число приведенных примеров не могло дать объективную картину. Автором данного текста предпринята попытка контекстуального анализа лексемы «смех» и ее производных на массовом материале. Источником для исследования стали памятники, опубликованные в первых шести томах «Библиотеки литературы Древней Руси». Тексты, подобранные сотрудниками Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, безусловно, представляют собой репрезентативную и корректную выборку литературных памятников рассматриваемого периода. При разделении выявленных текстов на «позитивные» и «негативные» учитывались следующие данные: 1) характеристика смеющихся (высмеивающихся) персонажей, а также предметов, явлений, ситуаций; 2) упоминание смеха в перечне позитивных или негативных явлений; 3) прямая характеристика смеха в тексте; 4) использование лексемы «смех» или ее производных в описании положительных или отрицательных событий или явлений.

Оказалось, что однозначно разделить все выявленные контексты на позитивные и негативные невозможно. Часть контекстов, вероятно, изначально была нейтральной, а часть требует дополнительного изучения. Тем не менее уже на данном этапе можно отметить, что в книжных памятниках, доступных древнерусскому читателю, смех далеко не всегда выступал как негативное явление. Соотношение позитивных и негативных контекстов составляет не менее чем 1:3 или 1:4.

Перейдем к конкретной характеристике положительных контекстов. Самую обширную группу составляют тексты, где смеется положительный персонаж. На страницах рукописей мы встречаем случаи, когда смеялся сам Господь. В своем «Поучении» Владимир Мономах выражает уверенность, что в свой час Христос посмеется над грешниками: «Назирает гръшний праведного, и поскречеть на нь зубы своими; Господь же посмеется ему и прозрить, яко придетъ день его». В апокрифическом «Сказании Афродитиана» Христос со смехом встретил пришедших поклониться ему волхвов: «Отроча же смияшися и плескаше хвалениемъ противу словесемъ нашимъ». В Повести временных лет в рассказе об убийстве Бориса и Глеба цитируются слова царя Соломона: «Азъ вашей погибели посмѣюся, порадую же ся, внегда грядеть на вы пагуба». В Киево-Печерском патерике святой Агапит смеется невежеству лекаря, а святой Моисей насмехается над попытками женщины прельстить его. Святой Андрей неоднократно смеялся над бесами и невеждами (Житие Андрея Юродивого). В Повести временных лет в 1071 г., когда в Киев пришел обольщенный бесом волхв и стал проповедовать людям, что на пятый год Днепр потечет вспять, невежды слушали его, благоверные же смеялись над ним. Во всех этих случаях смех выражает оценку поступков отрицательных персонажей с позиций нравственного превосходства персонажа положительного.

Однако смех может быть выражением счастья и радости. Так, в «Послании о земном рае» новгородского архиепископа Василия Калики к епископу Тверскому Федору рассказывается о том, как один из новгородских мореходов, увидев рай, бросился «въсплеснувъ руками, и засмѣяся».

Наконец, в переводе сочинения Немесия, епископа Эмесского, представленном в «Изборнике» 1073 г., в главе «О своитънѣмъ» мы встречаемся с развернутым доказательством того, что смех — естественное, неотделимое качество человека, отличающее его от животных.

Таким образом, контекстуальный анализ лексемы «смех» и ее производных позволяет прийти к заключению, что, хотя в древнерусской литературе негативное отношение к смеху фиксируется чаще, чем позитивное, существующее в историографии мнение о запрете в русском православии на смех и веселье не подтверждается: упоминания о смехе в положительном контексте в древнерусской книжности не уникальны.

Литература

- Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М., 2009.
Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
Пешкова А. В. Русская смеховая культура: Истоки и становление (XI–XVIII вв.). Дисс. ... канд. культурологии. М., 2004.

A. V. Шеков (Тула)

К ИСТОРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ РУСЬЮ И ЛИТВОЙ ПО РЕКЕ БЕРЕЗИНЕ

Наиболее раннее известие о том, что река Березина отделяла Литву от русских земель, приведено в известных «Анналах» Яна Длугоша. На этот факт обратил внимание Е. Охманьский в исследовании о восточной этнической границе Литвы [Ochmański, s. 71–73]. По Березине — крупному правому притоку р. Днепр, известному в истории, прежде всего, в связи с отступлением из Москвы армии Наполеона в 1812 г., — проводил западную границу Белоруссии О. В. Турчинович, автор первой истории Белоруссии, изданной в 1857 г. О расположении Белой Руси к востоку от этой реки к XVIII в., правда, без ссылок на источники писал В. П. Грицкевич в книге 1986 г. издания [Улащик, с. 96; Грицкевич, с. 9]. Один из многих польских и белорусских исследователей, посвятивших свои работы выяснению границ между Литвой и Русью как двумя основными регионами Великого княжества Литовского и Русского, М. Ф. Спиридонов пришел к выводу о проведении для XVI в. «в наиболее общем виде» условной границы между этими историко-географическими регионами приблизительно «по 28 меридиану от Гринвича» [Спиридонов]. Эта граница соответствует расположению рассматриваемой Березины, протекающей с северо-запада на юго-восток главным образом между 28-м и 30-м меридианами.

К. В. Базилевич и М. М. Кром, комментируя летописное известие о заговоре литовско-русских князей в 1481 г. из московского свода 1518 г., когда мятежники «восхотеша... по Березину реку отсести на великого кн(я)зи Литовской земли», полагали, что речь здесь шла о Березине — правом притоке р. Неман [Базилевич, с. 137; Кром, с. 87, 88]. Однако в 2006 и 2007 г. были опубликованы статьи В. А. Воронина и А. В. Шекова, где авторы независимо друг от друга приведят многие упоминания в нарративных и актовых источниках польского, западнорусского и московского происхождения XV—XVIII в. Березины — крупного правого притока р. Днепр — в качестве рубежа между Русью и Литвой как историко-географическими регионами [Варонін; Шеков]. Наиболее раннюю косвенную характеристику этой Березины в указанном качестве можно увидеть в известиях Белорусской I летописи о военных действиях в 1432 и 1433 г. между великими князьями Сигизмундом и Свидригайло, разделившими между собой «Литовскую землю» и «великое княжение Русское»¹.

В. А. Воронинубедительнопоказал, что известия относительно поздних памятников западнорусского летописания — Густынской летописи и Хроники Литовской и Жмойтской — о Березине как западной исторической границе Руси восходят к аналогичным известиям из польских хроник М. Стрыйковского, М. Кромера, Б. Ваповского. Однако и актовые источники — материалы русско-литовских переговоров конца 1655 г. — фиксируют днепровскую Березину в качестве восточной границы распространения католических и униатских приходов, системы шляхтского судопроизводства в проекте включения ВКЛ в состав Московского государства [Зaborовский, с. 85, 86, 89, 90, 93].

По нашему мнению, свидетельства источников о границе по Березине связаны с существованием территориального комплекса «волостей русских», упоминаемого в «Уставе на волоки» 1557 г. Эти «господарские» волости составляли домен великого князя Литовского [Любавский, с. 12–14]. Центры крайних северо-западных волостей «русских» — Бобруйск, Свислочь, Борисов — находились на берегах Березины. В актах 1499, 1500, 1511 г. большинство этих волостей упоминается как «волости поднепрские». В основном, эти волости указаны отдельно в жалованной грамоте 1387 г. короля Владислава своему брату князю Скиргайло. Особенность этих территорий состояла в том, что они были организованы в волости, а не поветы, с определенными обязанностями и правами их населения. Волости, очевидно, сложились еще в составе древнерусских княжеств, но затем были аннексированы Литвой. Отсюда их название — «русские» [Любавский, с. 342–343; Доўнар-Запольскі, с. 133–136, 138].

Сама Березина до административно-территориальной реформы 1565–1566 г. никакой границей не была. Представление о границе «по Березине» в XV — середине XVI в., скорее всего, было связано с расположением территорий крайних северо-западных «русских» волостей по левому и правому берегам этой реки. После реформы 1565–1566 г., когда юго-западная граница Витебского воеводства буквально прошла по Березине, возможно, граница между историческими Литвой и Русью стала отождествляться с рекой.

Литература

- Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 2001.
Варонін В. Рака Бярэзіна як мяжа паміж «Руссю» і «Літвой» // Беларускі гістарычны агляд. Снежань, 2006. Т. 13. Сш. 2 (25). С. 177–197.

¹ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 34, 57, 76, 77, 106, 107.

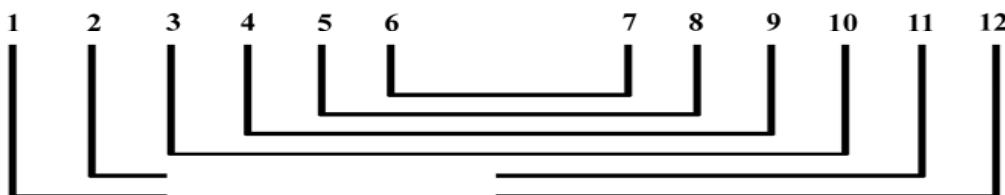

- Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана. Минск, 1986.
- Доўнэр-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009.
- Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.).
М., 1994.
- Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 2010.
- Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.
- Спиридонов М. Ф. «Литва» и «Русь» в Беларуси XVI в. // Наш радавод. Мат-лы міжнар. навук. канф. Гродна, 1996. Кн. 7. С. 206–211.
- Улащик Н. Н. Очерки по археографии и историковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.
- Шеков А. В. О восточной границе отчина Ягеллонов в представлении московских дипломатов начала XVI в. // Ягеллоны: дынастыя, эпоха, спадчына: мат-лы міжнар. навук.-практ. канф. 8–10 верас. 2006 г. Мінск, 2007.
- Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981.

M. A. Шибаев (Санкт-Петербург)

О МЕТОДИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОДИКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
О БУМАЖНЫХ РУКОПИСЯХ В ГРАФИЧЕСКОМ ВИДЕ
(от сборников Ефросина до Макарьевских Миней Четырех)¹

В ходе работы по описанию сборников Ефросина для интернет-ресурса РНБ мы столкнулись с проблемой наиболее репрезентативного описания кодикологических особенностей рукописей. В большинстве случаев кодикологическое описание рукописей, переписанных на бумаге, выполняется в виде потетрадных схем, с указанием номеров листов. Такая схема позволяет в графическом виде дать информацию о количестве листов в тетради, следах удаления или реставрации листов, наличии под克莱ек, фальцев и т. д. Иногда в этой же схеме одновременно может предоставляться информация о водяных знаках на тех или иных листах. В качестве примера приведем схему 1-й тетради одного из ефросиновских сборников (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 6/1083):

Недостаток такой схемы проявляется в отсутствии данных о почерках кодекса, что становится актуальным, если мы сталкиваемся с конволютом или рукописью, переписанной несколькими писцами. Еще одним существенным минусом такого представления кодикологической информации является некоторая громоздкость, а также сложности при определении динамики использования бумаги во всем кодексе. Поэтому, не отказываясь в целом от использования таких схем, мы пришли к выводу о необходимости в качестве дополнительного источника приводить табличные данные. Это позволяет максимально информативно представить всю возможную информацию: количество листов в каждой тетради, кириллические номера тетрадей (в скобках), филиграни бумаги, манеры письма. При этом таблица должна быть достаточно компактной, чтобы можно было оценить взглядом «движение» бумаги в кодексе. Для этих целей была разработана специальная таблица, учитывающая и соотношение филиграней и почерков (манер письма). Номера филиграней приводятся арабскими цифрами, номера манер письма – латинскими. В месте пересечения номера филиграни и соответствующей тетради ставится знак «+». После окончательного заполнения таблицы можно легко отследить динамику использования бумаги с тем или иным водяным знаком сразу по нескольким кодексам, в случае наличия тождественных знаков. Приведем условный пример такой таблицы:

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00172.

	даты	1450-е годы	1470-е годы	1450-е годы	1450-е годы	1460-е годы	1460-е годы
№ филиграи	манеры	I	II	II	I	II	IV
	тетради	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
		1	2	3	4	5	6
	листы	1–8	9–16	17–24	25–32	33–40	41–48
	1	+					
2			+	+			
3				+	+		+
4						+	+

Данная методика применяется и при исследовании Великих Миней Четырех (Софийского комплекта), работа над которыми началась в 2013 г. Схема описания была несколько изменена. Представленная таблица также учитывает соотношение почерков (манер письма) и филиграней. При этом специфика Миней требует полистного, а не потетрадного структурирования таблицы. Такая система описания позволит в дальнейшем проводить анализ всего комплекта Миней и с большой вероятностью пролить свет на вопрос о работе новгородского скриптория при святителе Макарии. Приведем условный пример такой таблицы:

			№ филиграи						
№ тетради		№ листа	1	2	3	4	5	6	Манеры
1	(1)	1	+						I
		2	+						I
		3		+					III
		4			+				I
		5				+			IV
		6					+		III

H. V. Штыков (Санкт-Петербург)

ПОЛИТИКА МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО: НОВГОРОДСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривая проблемы объединения русских земель в единое государство в XIII–XV в., историки многократно обращали внимание на причины усиления Москвы и победы московских князей в долгом соперничестве с князьями Твери. Со временем В. О. Ключевского в исторической науке учитывались географический фактор, осторожная и дальновидная политика князей, позиция Орды, поддержка церкви. Кроме того, исход московско-тverского противостояния могло решить привлечение на свою сторону влиятельного союзника. Одним из таких союзников был Новгород, который играл существенную роль в политической расстановке сил на Руси (В. Л. Янин). С середины XIII в. великие князья Владимирские были и правителями Новгорода. Союз с Новгородом давал князьям возможность использовать значительные новгородские материальные и людские ресурсы в своих целях. В свою очередь, новгородцы добивались уступок со стороны великих князей. Особенный интерес представляет политика Михаила Ярославича Тверского в отношении Новгорода. Общая протяженная граница Новгородской земли с Тверским княжением, длительные политические, экономические и культурные связи между двумя

городскими центрами, родственные отношения тверских князей с новгородским боярством определяли важность контактов Великого Новгорода и Твери в наиболее острый и драматичный момент московско-тверского противостояния.

К теме политики тверских князей в отношении Новгорода в последние десятилетия обращались В. Л. Янин, В. А. Кучкин, Э. Клюг, Н. С. Борисов, П. Д. Малыгин, А. Н. Хохлов, С. В. Богданов. Среди актуальных проблем истории новгородско-тверских контактов необходимо отметить исследование аппарата управления Михаила Ярославича в Новгороде и новгородских пригородах, выявление состава «тверской партии» среди боярства Новгорода, изучение статуса и деятельности служилых князей в Новгородской земле.

Комплексное изучение различных источников — летописей, актов, родословий, данных сфрагистики и нумизматики — дает возможность более детально осветить новгородско-тверские отношения конца XIII — начала XIV в.

В первые годы княжения Михаила Ярославича серьезное влияние на политику Твери оказывала его мать — великая княгиня Ксения Юрьевна, дочь новгородского боярина Юрия Михайловича, — и тверские бояре. Активная политическая деятельность Михаила Ярославича послужила импульсом к конфликту в конце 80-х годов XIII в. с великим князем Дмитрием Александровичем, ростовцами и Новгородом. Участие Твери в коалициях князей Северо-Восточной Руси привело к пересмотру отношений Михаила Ярославича с Новгородом. Уже первый договор Михаила Тверского с новгородцами, заключенный в 1296 г., показывает стремление тверского князя усилить свое влияние в Новгородской земле.

После смерти великого князя Андрея Александровича новгородско-тверские отношения выходят на иной, более высокий уровень. Михаил Ярославич Тверской стал великим князем Владимирским, заняв и новгородский княжеский стол. Обстоятельства восхождения Михаила Ярославича в Новгороде свидетельствуют как о существовании в городе сильной группы, поддерживавшей тверского князя, так и о большом влиянии его противников, состоявших из представителей известных боярских кланов. Особенное недовольство новгородцев вызвали наместники, утвержденные еще при великом князе Андрее Александровиче и затем перешедшие на службу к Михаилу Ярославичу Тверскому. Однако конфликтные ситуации были разрешены сторонами путем взаимных уступок. Стремление нового великого князя закрепиться в Новгородской земле видно и из его градостроительной деятельности в Новгороде.

Все же меры, предпринятые Михаилом Ярославичем Тверским для поднятия своей популярности, не дали положительного эффекта. В Новгороде стремились избавиться от власти тверского князя. Причиной недовольства новгородцев были и злоупотребления великокняжеских наместников, и все увеличивающиеся налоги для уплаты ордынского выноса, и внутренние социальные конфликты.

Непрочность позиций Михаила Тверского в Новгороде продемонстрировали события 1314 г., когда новгородцы заключили союз с Юрием Даниловичем Московским. Сражение под Торжком в феврале 1316 г., где сошлись новгородские и тверские полки, закончилось разгромом новгородцев. Однако вплоть до 1318 г. Михаил Ярославич не мог рассчитывать на помощь новгородцев в борьбе с московскими князьями. Попытки поставить в Новгороде новых посадников, лояльных Твери, не приносили плодов.

Политика Михаила Ярославича Тверского привела к разрыву Твери с Новгородом. Москва в своей борьбе с Тверью нашла верного союзника в лице новгородцев. Определенную роль в этом сыграла и позиция значительной части новгородского боярства, стремившейся ослабить великокняжескую власть в целом. Война на два фронта подорвала могущество Твери и привела Михаила Ярославича к гибели.

Л. Л. Щавинская (Москва)

НА ПОРУБЕЖЬЕ ДВУХ ЭПОХ: МОГИЛЕВСКИЙ ИГУМЕН ВАРНАВА – НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР ПОЗДНЕГО БЕЛОРУССКОГО БАРОККО

К началу XVIII в. положение православного населения Речи Посполитой, уменьшившегося до нескольких сот тысяч человек, стало особенно драматичным. По мнению современных польских католических историков, уже тогда «в Речи Посполитой появилась перспектива полного исчезновения Православной Церкви». Оплотом ее оставалась лишь Могилевщина и город Могилев, значительная часть которого всячески сопротивлялась жесткой экспансии римо- и греко-католиков. Именно они, в частности, всеми силами противились постановлению новых епископов на единственную для огромной Речи Посполитой православную кафедру в Могилеве. В условиях постоянных гонений, международных и внутренних политических интриг, усложняемых весьма губительными для некатоликов постановлениями Варшавского сейма 1732 г., состоялось избрание нового могилевского православного епископа Иосифа

Волчанского. Подробностей его недолгого правления и тогдашней жизни православных Могилевщины практически не сохранилось, и потому каждое такое свидетельство особенно дорого. Таковыми являются и несколько поэтических и прозаических текстов могилевского игумена Варнавы Гилевского, как-то не замеченных исследователями. Тексты эти, написанные на польском и церковнославянском книжных языках того времени, с одной стороны, представляют нам самого Варнаву — ученого монаха — писателя в духе позднего белорусского барокко, с другой — вводят в малоизученный многоязычный литературный мир рубежа двух временных эпох на пограничье белорусских, русских и украинских земель, с третьей — раскрывают те самые подробности тогдашней жизни православных Могилева. Тексты Варнавы Гилевского представляют собой единый комплекс, причем два из них являются как бы параллельными на польском языке с латинскими вставками и церковнославянском. Это барочные стихи на герб рода Волчанских. В качестве подобной же непрямой параллели можно рассматривать и обширное мотто на польском и церковнославянском языках по всему этому комплексу, имеющему два весьма длинных названия почти в тридцать строк текста: «*Lampa...*» (Sanct-Peterburg, 1737) и «*Свѣтилиникъ...*» (Могилев, 1738).

И польские, и церковнославянские гербовые вирши Варнавы скорее заурядны, но представляют несомненный интерес именно как редкостные образцы стихотворных жанров самого позднего белорусского барокко. Основная же часть этого обширного комплекса текстов, сочиненных «*Іеромонахомъ Варнавой Гилевскимъ Ігуменомъ Стониколаевскаго Монастыра Могилевскаго... и Ко внимательномъ всѣхъ зреїю въ Церкви Бг҃оявленской Крестоноснаго Братства, Бг҃оспасаемаго Града Могилева Бѣлорусскаго, на свѣцнице проповѣдническія Амвоны поставлены въ Лѣто ѿзвѣшаго истиннаго Свѣтла мира... Мца феврѣарія», определенных им как «привитствіе», может рассматриваться не только как весьма характерный, выдержаный в барочном стиле панегирик, но и как ценнейший исторический источник. Игумен Варнава сообщает ряд неизвестных фактов из истории Могилева, «*Бѣлозваннымъ ибо непорочнымъ нѣвѣсты, Бѣлорусскія Цркви*» и о «*бѣлоруской пастве*». Весьма знаменательно обращение Варнавы «*W
бѣлорускал Цркви!*», которую он именует наравне с «*Малороссийскими Цркви*». Он одновременно упоминает на помощь в «*вхраненіи бѣлорусскаго словеснаго стада*» «*ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АВГУСТА ТРЕТИАГО*» и «*БАГЧЕСТИВѢШЕЙ СЛАМОДЕРЖИЦЫ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ АННЫ ІАКОНОВНЫ*», а также «*СВАТЪИШАГО ПРИВІТЕЛСТВОЮЩАГО ВСЕРОССІЙСКАГО СУНОДА*».*

Приветствуя новоизбранного епископа «*нашей Бѣлоросской Цркви*», игумен Варнава подчеркивает, что владыка прибыл «*въ Мѣрѣ Бѣлорускихъ градовъ въ БГ҃СПАСЕМЪЙ МОГИЛЕВЪ*», встречаемый здесь «*стекшимся ѿ предѣловъ Литовскіхъ и Бѣлорусскіхъ*» православным народом. Желая увековечить сказанное Варнавой Гилевским в Богоявленской церкви Крестоносного братства в феврале 1738 г. по случаю прибытия в Могилев епископа Иосифа Волчанского, Братство напечатало эти слова в своей собственной типографии 9 марта 1738 г. Печатником же был «*Тарасъ Корзунъ съ товариши*».

M. K. Юрасов (Москва)

БАН БЕЛУШ – ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПРОТОТИПОВ БЫЛЕННОГО ГЕРОЯ ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Попытки найти прототипов персонажей древнерусских былин — дело неблагодарное и крайне редко позволяющее исследователю привести достаточно убедительную аргументацию. Тем не менее такие попытки предпринимаются, несмотря на их уязвимость для критики. Хотя рассматриваемый мной цикл былин о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче признается памятником, возникшим уже в эпоху Московской Руси (XVI–XVII в.), в нем явно отражены события более раннего — домонгольского — времени. Исследователи, искавшие в этом эпическом произведении следы реальных исторических событий, давно выдвигали предположение о том, что прототип Дюка Степановича был венгром по национальности, и стремились отождествить его с одним из представителей правившей в Средние века в Венгрии династии Арпадов. Действительно, несмотря на упоминание Индии в качестве одного из названий родины Дюка, что является явным проявлением фантазии сказителя послемонгольской эпохи, целый ряд деталей в описании места действия и высказываниях Дюка Степановича наталкивает на мысль о том, что он происходил и/или пришел на Русь из Венгрии. Это прежде всего упоминание Галича и Волыни в качестве мест, откуда Дюк отправился в Киев, но при этом принятие его русскими людьми за иностранца; высказывание былинного героя о плохом качестве русского вина, которое (учитывая соседство юго-западной Руси с владениями Арпадов и высокий уровень развития венгерского виноделия)

с наибольшей вероятностью мог сделать именно житель Венгрии, а также утверждение Дюка о том, что его царство видно с горы на границе.

Наиболее обширную аргументацию в пользу венгерской версии происхождения Дюка Степановича привел Б. А. Рыбаков. Конечно, не все его аргументы равнозначны, есть и явные натяжки, но отождествление Чурилы Пленковича с черниговским (1127–1139 г.), а затем киевским (1139–1146 г.) князем Всеволодом Ольговичем представляется заслуживающим серьезного внимания. Исходя из этого, Б. А. Рыбаков называет прототипом Дюка младшего брата венгерского короля Гезы II (1141–1162 г.) Иштвана, имя которого в хрониках и официальных документах писалось как Stephanus и который (до занятия венгерского трона в 1163 г. под именем Иштвана IV) носил титул dux. Согласно Б. А. Рыбакову, названный принц был отправлен старшим братом во главе королевского войска на Русь против Всеволода Ольговича. Геза II действительно вмешался в 1144 г. в конфликт Всеволода Ольговича с галицким князем Владимировичем на стороне последнего, и, так же как в былине, до битвы между Всеволодом и венграми дело не дошло. По свидетельству Ипатьевской летописи, венгерское войско оказалось Владимиру «нѣ на коую же ползоу». Исходя из этого можно предположить, что после замирения враждующих сторон венгры не сразу отправились на родину, а провели несколько дней в юго-западной Руси, где их предводитель мог активно общаться с Всеволодом Ольговичем.

Если отождествление Чурилы с Всеволодом имеет, в том числе, и ряд серьезных аргументов, то мнение об участии в рассматриваемом конфликте принца Иштвана представляется совершенно необоснованным. Дело в том, что самому Гезе II в 1144 г. было не более 14 лет, следующему за ним брату Ласло – 13 лет, а Иштвану – третьему из сыновей Белы II – только 11 лет. Трудно представить себе, чтобы умудренный опытом и достигший власти формального лидера русских земель Всеволод Ольгович снизошел до состязания с 11-летним принцем, который не был в то время даже наследником венгерского престола. Кроме того, Лаврентьевская летопись называет в качестве предводителя венгерского войска, пришедшего на помощь Владимиру Володаревичу, «Бана, королева оуя», то есть тогдашнего фактического правителя Венгрии бана Белуша (Белоша) – дядю юного короля по матери. Учитывая то, что летописцы всегда отмечали, когда король лично возглавлял пришедшее на Русь венгерское войско, они, скорее всего, и в этот раз указали бы на то, что «Бан» пришел с «королевичем».

Белуш (ум. ок. 1163 г.) происходил из династии сербских великих жупанов, подавляющее большинство которых принимало имя Стефан при крещении. Кстати, в ранних летописях (особенно в Лаврентьевской) приводится первопричина того, что враждующие стороны так и не вступили в сражение – сначала между ними была река Сирет, а затем другая, более мелкая река, названная в Ипатьевской летописи Белкой. Это вполне могло отразиться в былинном сюжете о соревновании между Чурилой и Дюком в том, кто перепрыгнет Почай-реку. Что же касается вообще сюжетной линии о состязаниях героев в рассматриваемой былине, подчеркивания спортивности Дюкова коня, на которое обратил внимание еще Орест Миллер, и т. п., то вполне возможно, что в 1144 г. под Галичем венгры так же показали русским воинам свое высочайшее мастерство владения различными кавалерийскими приемами, как они это продемонстрировали киевлянам в 1150 г.